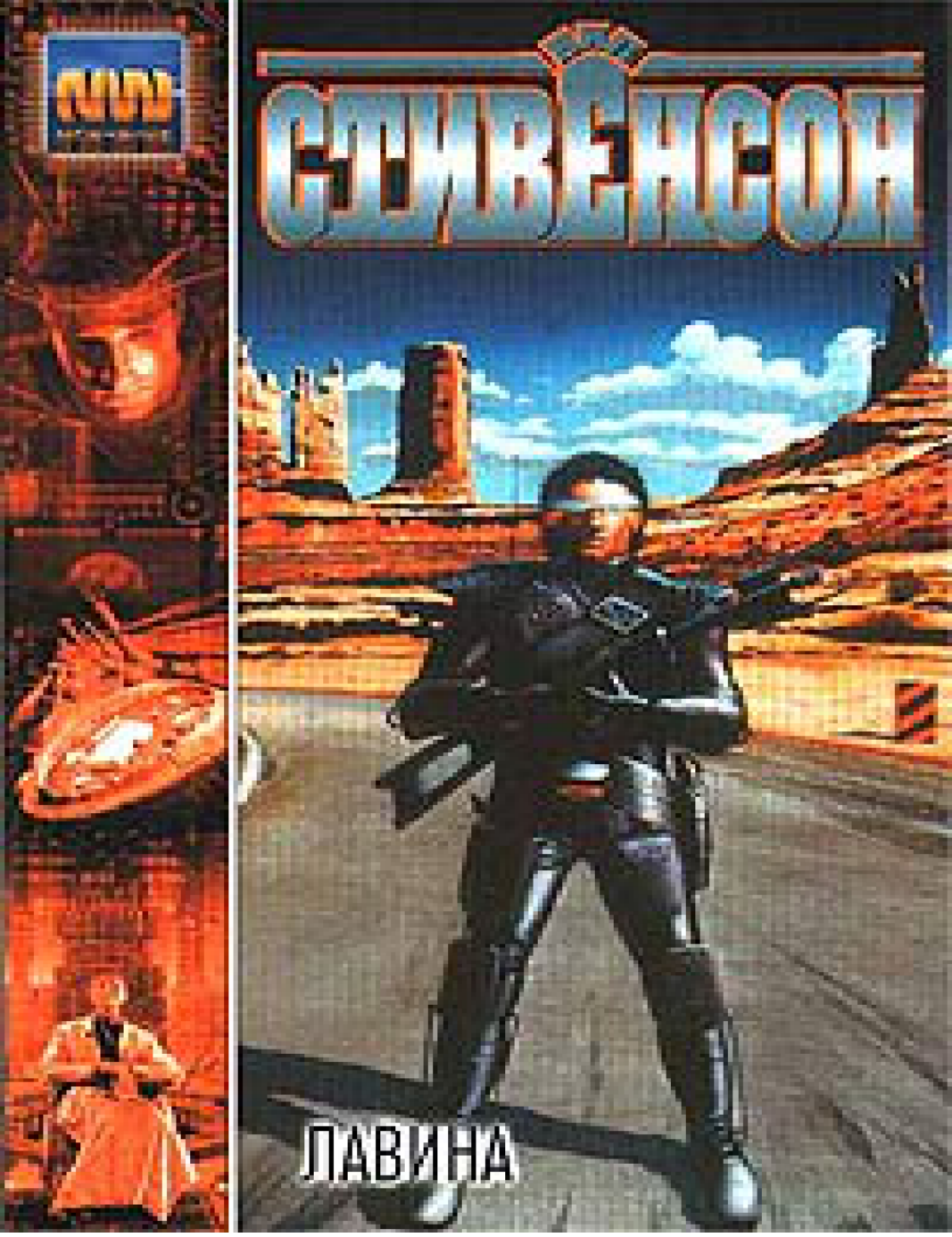

СТИВЕНСОН
ЛАВИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нил Стивенсон. Автор, которого сам Уильям Гибсон называл не иначе как «самым крутым фантастом Америки». Постмодернист, антиутопист и киберпанк «в одном флаконе». Попросту — ТАЛАНТ!

Перед вами — «Лавина».

Жутковатая и отчаянная история двух миров — «внешнего», расколотого на сотни мелких государств, и «виртуального» — объединенного в компьютерную Метавселенную.

ТАМ — лучше. Но необходимо соблюдать жесткие «правила игры»…

ЗДЕСЬ — проще. Вот только убить могут вполне по-настоящему…

Но ни ЗДЕСЬ, ни ТАМ не прекращается война за «Лавину» — наркотик счастья в мире «внешнем» и старейший из вирусов, какой угрожал когда-нибудь миру «виртуальному»!

- Нил Стивенсон
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

- 69
- 70
- 71

- notes
  - 1

Нил Стивенсон
Лавина

1

Доставщик принадлежит к элитному ордену, к избранным среди людей. Боевого духа у него выше крыши. Сейчас ему предстоит третья миссия за эту ночь. Черная, как активированный уголь, форма словно высасывает свет из воздуха. Пуля отскочит от арахноволокон этого скафандра, точно птица-крапивник от садовой двери, но испарина проносится как вихрь через лес, только что политый напалмом. Надо всеми суставами и костями — синтезированный бронегель: на ощупь как зернистый студень, защищает, как стопка телефонных справочников.

При приеме на работу ему выдали пушку. Доставщик никогда не марается о наличность, но всегда найдется простак, охочий до его машины или груза. Пушка крохотная, обтекаемая, весит мало — просто «от Кутюр» от оружия; стреляет она крохотными стрелами, вылетающими со скоростью в пять раз большей, чем у самолета-шпиона модели «SR-71», а когда закончишь стрелять, ее надо воткнуть в зажигалку в машине, поскольку работает она на аккумуляторах.

Доставщик никогда не выхватывал ее в гневе или в страхе. Он достал ее лишь однажды в «Нагорье Хилы». Двое жлобов в этом понтовом ЖЭКе решили, будто могут получить заказ, за него не заплатив. Думали напугать Доставщика бейсбольной битой. Доставщик выхватил свою пушку, навел лазер на самоуверенного Луисвильского Отбивающего и выстрелил. Отдача была огромной — оружие словно взорвалось у него в руке. Средняя треть бейсбольной биты превратилась в столп горящих опилок, и их разнесло во все стороны, будто сверхновая вспыхнула. В руках у жлоба осталась рукоять биты, из которой валил молочно-белый дым, а сам он остался дурак дураком. Ничего не получил от Доставщика, кроме проблем на свою задницу.

С тех пор Доставщик пушку держит в бардачке, а полагается вместо нее на пару самурайских мечей; впрочем, он всегда предпочитал их любому другому оружию. Жлобы из «Нагорья Хилы» огнестрельного оружия не испугались, поэтому Доставщик вынужден был пустить его в ход. Мечи сами за себя говорят.

Энергии в аккумуляторах его машины хватит даже на то, чтобы забросить фунт бекона в Пояс Астероидов. Не в пример семейным малолитражкам и навороченным седанам, машина Доставщика эту энергию сбрасывает через начищенные зияющие сфинктеры. Когда Доставщик дает по газам, весь мир ходуном ходит. Вы скажете: а как же шипы сцепления на покрышках? Ага, у вашей тачки они крошечные и с асфальтом стыкуются в четырех

местах размером с язык. У Доставщика — не шипы, а липучки шириной в ляжку толстухи. Доставщик с дорогой контачит, разгоняется, что твой дурной день, останавливается на песете.

Почему Доставщик так снаряжен? Потому что люди на него полагаются? Он — образец для подражания. Это же Америка. Люди, черт побери, делают то, что пожелают, у вас с этим проблемы? У них есть на это право. А еще у них есть пушки, которые никто, мать их, не остановит. В результате у этой страны самая хреновая экономика в мире. Если уж на то пошло, мы говорим об экономическом балансе: как только мы перевели всю нашу промышленность в другие страны, как только все устаканилось и машины собирают в Боливии, а микроволновки — в Таджикистане, после чего продают их сюда нам, как только гигантские гонконгские корабли и дирижабли, способные за пятицентовик перевезти Северную Дакоту в Новую Зеландию, превратили наше превосходство в природных ресурсах в ничто, как только Рука Божия, собрав все исторические несправедливости, размазала их по глобусу толстым слоем того, что пакистанский фасовщик марихуаны считает благосостоянием, — хотите что скажу? Теперь есть всего четыре штуки, которые мы делаем лучше всех остальных:

музыка,

мюзиклы,

микрокод (софт)

и скоростная доставка пиццы.

Доставщик раньше писал программное обеспечение. И до сих пор иногда пишет. Но даже будь жизнь привольным детсадом, которым заправляют добросердечные доктора педагогических наук, в личной карточке Доставщика стояло бы: «Хиро — очень талантливый мальчик и ко всему подходит творчески, но ему нужно больше трудиться, развивая навыки сотрудничества».

Поэтому теперь у него есть работа, которая не требует ни ума, ни творческого подхода, но для нее не нужно никакого сотрудничества. Принцип только один: Доставщик всегда на посту, свою пиццу вы получите через тридцать минут, в противном случае можете пристрелить Доставщика, забрать его машину и подать групповой иск. Доставщик исполняет эту работу уже полгода — долговременная синекура по его меркам, — и он ни разу не доставил пиццу медленнее, чем за двадцать одну минуту.

Ясное дело, раньше о времени спорили. Сколько было потеряно корпоративных водитель/лет! Раскрасневшиеся и вспотевшие от собственной лжи, вонявшие «олд спайсом» и профессиональным стрессом Домовладельцы стояли на залитых

светом порогах, размахивая «сейко» и тыча пальцами в часы над кухонной раковиной: мать вашу, вы что, время определить не можете?

Теперь это дело прошлое. Доставка пиццы — важная отрасль экономики. И у этой отрасли — свои менеджеры. Этому четыре года учат в Университете «Пицца Коза Ностра». Не умеющие и двух слов по-английски связать студенты приезжают сюда учиться из Абхазии, Руанды, Гуанахуато и Южного Джерси, а после защиты диплома знают о пицце больше, чем бедуин о песке. В Университете изучили проблему. Составили графики частотности диспутов на пороге. Снабдили тогдашних Доставщиков диктофонами, чтобы записать и проанализировать тактику дебатов, полигон частот в гневных голосах, отличительные грамматические конструкции, употребляемые белыми представителями «среднего класса» в Жилищных Элитных Коммунах типа А, когда это население вопреки всякой логике вдруг решает, что сейчас самое время дать праведный отпор всему, что есть в их жизни затхлого и мертвящего: они готовы лгать, обманывая самих себя относительно времени своих звонков, и получать пиццу бесплатно; да что там — они заслуживают бесплатной пиццы наряду с правом жить свободно и заниматься чем им заблагорассудится, это ведь, черт побери, их неотъемлемое право! Из Университета посылали к таким людям психологов, дарили им телевизоры, лишь бы они согласились на анонимные интервью, подключали их к детекторам лжи, изучали волны мозга, показывая триллеры с порнозвездами и полночными автокатастрофами, а Сэмми Дейвис-младший приглашал их в сладко пахнущие комнаты с розовато-лиловыми стенами, где задавал вопросы об этике, настолько мудреные, что даже иезуит не смог бы ответить на них, не впав в простительный грех.

Аналитики университета «Пицца Коза Ностра» пришли к выводу, что виновата во всем человеческая природа, а ее — увы! — не изменить, поэтому прибегли к дешевому и быстрому техническому решению: снабдили упаковки программным управлением, для простоты «умнокоробки». Теперь у коробки с пиццей есть гофрированный для жесткости пластмассовый панцирь с маленьким окошком на боку, в котором отщелкивают секунды, истекшие со времени рокового телефонного звонка. В панцире микрочипы и еще много всего. Пиццы небольшой стопкой покоятся в гнездах за головой Доставщика. Каждая пицца скользит в свое гнездо, как микроплата в компьютер, и со щелчком встает на место, когда процессор «умнокоробки» подсоединяется через интерфейс к бортовому компьютеру машины Доставщика. Адрес звонившего уже вычислен по

телефонному звонку и зашит во встроенный RAM «умнокоробки». Оттуда он передается в бортовой компьютер, который, рассчитав маршрут, проецирует его на дисплей быстрого реагирования: разноцветная светящаяся карта выводится на лобовое стекло, поэтому Доставщику даже не нужно опускать взгляд.

Если истекает получасовой срок, весть о катастрофе несется в штаб-квартиру «Пиццы Коза Ностра», а оттуда передается самому Дядюшке Энцо — сицилийскому Полковнику Сэндерсу, Энди Гриффиту из Бенсонхерста, опасной бритве из ночных кошмаров Доставщика, капо и номинальному главе «Коза Ностра, Инк.», который уже через пять минут звонит клиенту с нижайшими извинениями. На следующий же день личный реактивный вертолет Дядюшки Энцо приземляется на заднем дворе клиента, и Дядюшка Энцо извиняется снова, дарит клиенту бесплатный тур в Италию — лишь бы он согласился представлять «Коза Ностра» и покончить со своим прежним мирным существованием. В конечном итоге у него остается ощущение, будто он в долгу перед мафией.

Доставщик не знает наверняка, какая судьба ждет в таких случаях водителя, но слухи доходили. Большинство заказов пиццы приходится на вечерние часы, которые Дядюшка Энцо считает своим свободным временем. А как бы вы себя чувствовали, если бы вам пришлось прервать семейный обед, чтобы позвонить буйному придурку в ЖЭКе и пресмыкаться из-за запоздавшей пиццы? Дядюшка Энцо не для того пятьдесят лет жизни угробил на службе своей семье и своей стране, чтобы в том возрасте, когда положено играть в гольф и купать внучек, мокрым выскакивать из ванной и целовать ноги какому-то шестнадцатилетнему панку, чья пепперони прибыла на тридцать первой минуте. О боже! От самой этой мысли у Доставщика перехватывает дыхание.

Но будь все иначе, он не стал бы работать на «Пиццу Коза Ностра». И знаете почему? Потому что есть своя прелесть в том, чтобы поставить жизнь на карту. Ты словно пилот-камикадзе. Твой разум чист. Остальные — складские клерки, переворачиватели бургеров, программисты, целый словарь бессмысленных профессий, из которых состоит Жизнь в Америке, — все эти остальные просто полагаются на старую добрую конкуренцию. Переворачивай бургеры, вычищай глюки из подпрограммы быстрее, чем переворачивает или вычищает твой одноклассник на другой стороне улицы, потому что мы конкурируем с этими парнями, а клиенты такое замечают.

Что, черт побери, за тараканьи бега! В «Пицце Коза Ностра» конкуренции нет. Конкуренция несовместима с этикой мафии. Ты

работаешь лучше не потому, что конкурируешь с таким же заведением на той стороне улицы. Ты работаешь лучше потому, что на карту поставлено все. Твое имя, твоя честь, твоя семья, твоя жизнь. У переворачивателей бургеров, возможно, дольше продолжительность жизни — но что это за жизнь, скажите на милость? Вот почему никто, даже японцы, не способны доставлять пиццу быстрее, чем «Коза Ностра». Доставщик гордится тем, что носит именно эту форму, гордится, что сидит за рулем именно этой машины, гордится тем, что поднимается на сотни крылечек в бесчисленных ЖЭКах, — грозный рыцарь, черный ниндзя, с пиццей на плече, а красные огоньки отбрасывают в ночь гордые цифры: 12:32, или 15:15, или — не часто — 20:43.

Доставщик приписан к «Пицца Коза Ностра» номер 3569 в Долине. Южная Калифорния никак не решит, спешить ей или просто удавиться на месте. Слишком много машин, слишком мало дорог. «Чистые Полосы, Инк.» все время прокладывает новые. Для этого приходится сносить сотни жилых кварталов, но ведь эти застройки семидесятых и восьмидесятых как раз для того и существуют, чтобы пройтись по ним бульдозерами, так? У них же нет ни тротуаров, ни школ, вообще ничего. Нет собственной полиции, нет иммиграционного контроля: нежелательные элементы могут войти без обыска или даже допроса с пристрастием. Приличные люди живут в ЖЭКе. В городе-государстве с собственной конституцией, границами, законами, копами, всем на свете.

Некогда Доставщик служил капралом в Службе Госбезопасности «Мерривейлских Ферм». Его выгнали за то, что он подступился с мечом к опознанному преступнику: проткнул ткань рубашки, провел плоским клинком по шее, пригвоздив к рифленой обшивке на стене дома, в который как раз собирался вломиться преступник. Он-то думал, что это безупречное задержание. Но его все равно выгнали, потому что преступник оказался сыном вице-канцлера «Мерривейлских Ферм». Конечно, у местных умников нашелся предлог: дескать, тридцатишестидюймового самурайского меча в их «Приложении к Протоколу об оружии» нет. Сказали, он нарушил КЗП, «Кодекс задержания подозреваемого». Твердили, будто преступник получил психологическую травму: теперь он, мол, боится ножей для масла и джем ему приходится размазывать чайной ложкой. Сказали, что им предъявили иск.

Доставщику пришлось влезть в долги, чтобы с ними расплатиться. Взять в долг у мафии, если уж на то пошло. Поэтому теперь он в их базе данных — рисунок сетчатки, ДНК, голосограммы, отпечатки пальцев, отпечатки ступней, отпечатки

ладоней, отпечатки запястий, отпечатки всех частей его тела, черт их побери, на которых имеются морщинки (ну, почти всех), его чуть ли не целиком облили чернилами, провезли по бумаге и, оцифровав, загнали в компьютер. Но это же их деньги, а мафия со своими деньгами осмотрительна. Когда он подал заявление о приеме на место Доставщика, его взяли с радостью, потому что уже знали. Когда он получал заем, ему пришлось иметь дело с самим ассистентом вице-капо по Долине, который позднее дал ему рекомендации для устройства на работу. Его словно приняли в семью. В страшную, испорченную, коррумпированную и жестокую семью.

Франшиза «Пицца Коза Ностра» номер 3569 расположена на Виста-роуд сразу за торговым центром «Кингс-парк». Раньше Виста-роуд принадлежала штату Калифорния, а теперь называется «Чистые Полосы, Инк., Марш. СПТ-5». Главным ее конкурентом раньше была федеральная трасса, которая теперь называется «Кати Пути, Инк., Марш. Кал-12». Чуть дальше в глубь Долины эти конкурирующие трассы пересекаются. Когда-то там пылали жаркие споры, и перекресток был закрыт из-за спорадических перестрелок снайперов. Наконец перекресток купил крупный подрядчик и превратил его в крытый гипермаркет. Сейчас дороги вливаются в систему паркингов — не стоянку, не многоэтажный гараж, но систему — и там теряют свою индивидуальность. Чтобы миновать перекресток, надо пробраться через лабиринт дорожек, переплетающихся в разных направлениях, как тропа Хо Ши Мина. У «СПТ-5» путь прямее, а у «Кал-12» лучше покрытие. Это типично: «Чистые Полосы» специализируются на шоссе, которые доставят вас по назначению, то есть на водителях типа А, а «Кати Пути» — на получение удовольствия от дороги, на водителях типа В.

Доставщик — водитель типа А с вирусом собачьего бешенства. Он несется домой на базу, в «Пиццу Коза Ностра» номер 3569, выжимая сто двадцать километров по левому ряду СПТ-5. Его машина — почти невидимая черная бализа, темное пятно, в котором отражается туннель франшизных логотипов, светящееся логло. Пониже капота перемигиваются оранжевые огни: дыши его машина воздухом, там находилась бы решетка радиатора. Эти оранжевые сполохи — точно пожар. Проникая через задние стекла других машин, они отражаются от зеркалец, проецируют в глаза водителям огненную маску, извлекая из подсознания людей детские кошмары: страх быть заживо задавленным взрывающимися цистернами с газом. Так Доставщик на своей черно-огненной колеснице пепперони расчищает себе дорогу.

Логло над головой, двумя инверсионными следами маркирующее СПТ-5, складывается из несметного множества неоновых ячеек, творений асов Манхэттена, которые на разработке одного-единственного логотипа зашибают больше, чем любой Доставщик за целую жизнь. Но вопреки всем своим попыткам выделиться логотипы сливаются в единое пятно — особенно на скорости в сто двадцать километров в час. Тем не менее «Пиццу Коза Ностра» номер 3569 увидеть нетрудно, и все из-за щита, высокого и широкого даже для нынешней гигантомании. Сама приземистая франшиза кажется всего лишь фундаментом для огромных, величественных колонн из железоволокна, возносящих рекламный щит в небесную твердь торговых марок. Трейдмарк, детка.

Классический щит, освященный традицией, примелькавшийся и вездесущий, — это вам не мыльный пузырь рекламной кампании-однодневки. Простой и исполненный достоинства. На нем красуется Дядюшка Энцо в элегантном итальянском костюме. Блестит и гнется, точно сухожилия, узкая полоска. Сияет квадрат кармана. Прическа безупречна, зачесанные назад волосы держатся на сверхгеле, который никогда не вычесывается, каждая прядь ровненько подстрижена кузеном Дядюшки Энцо, Маэстро-Парикмахером, который держит вторую по величине сеть таких заведений по всему миру. Дядюшка Энцо, конечно, не улыбается, но глаза у него весело поблескивают; он не позирует, будто модель, но стоит так, как стоял бы ваш дядя, и говорит:

Мафия

У вас есть друг в Семье!

Оплачено фондом «Наше Дело»

Щит служит Доставщику путеводной звездой. Пока он виден целиком, гони по левому ряду, а когда его нижний край закроют псевдоготические витражные арки местной франшизы «Жемчужных врат преподобного Уэйна», пора переходить в правый, где тащатся слабоумные «чайники» и малолитражки, непредсказуемые, нерешительные, заглядывающие в проезд к каждой франшизе, будто не знают, что их там ждет: конфетка или угроза.

Он подрезает малолитражку, семейный миниван, закладывает крутой вираж у соседней «Купи и Кати» и въезжает в «Пиццу Коза Ностра» номер 3569. Шины жалобно визжат, но держат на патентованном, с усиленным сцеплением покрытии «Чистые Полосы, Инк.». В туннеле франшизы пусто, ни одного другого Доставщика. Это хорошо. Это означает высокий товарооборот, стремительное действие и — двигай задом. Со скрежетом тормозов он останавливается, а в боку машины уже поднимается электромеханический люк, открывая пустые гнезда для пиццы. Сворачиваясь, как крыло пчелы, отодвигается дверца. Гнезда ждут. Ждут пиццу.

Ждут и ждут. Доставщик нажимает на клаксон. Такой исход не предусмотрен.

Скользит и открывается окно. Такое тоже недопустимо. Достаточно только открыть папку о трех кольцах из Университета «Пицца Коза Ностра», найти в предметном указателе перекрестные ссылки на слова «окно», «туннель» и «отправитель» и увидеть все операции по работе этого окна: оно никогда не должно быть открыто. Разве что случилась беда.

Нажать кнопку «отключение звука» на стерео. Гнетущая тишина. Барабанные перепонки Доставщика расслабляются. Из окна воет противопожарная сигнализация. Мотор работает вхолостую, пиццамобиль ждет. Люк слишком долго стоит открытым, поллютанты атмосферы скапливаются на электрических контактах в недрах гнезд, Доставщику придется зачищать их раньше времени. Все идет совсем не так, как определено в папке о трех кольцах, где расписан весь ритм пицца-вселенной.

Внутри прыгает, как мячик, круглый абхазец, мечется взад-вперед с открытой папкой о трех кольцах в руках, заложив запасной камерой нужную страницу. Бегает он с видом человека, который носит в ложке яйцо. И кричит по-абхазски. Все, кто заправляет во франшизах «Коза Ностра» в этой части Долины, — иммигранты из Абхазии.

На серьезный пожар не похоже. Доставщик однажды присутствовал при настоящем пожаре в «Мерривейлских Фермах», тогда ничего, кроме дыма, не было видно. Только один дым и был, а в его вырывающихся неизвестно откуда клубах просверкивали сполохи оранжевого света. Здесь же и огня нет, и дыма ровно столько, чтобы включилась пожарная сигнализация. А Доставщик из-за этой ерунды теряет время.

Доставщик снова давит на клаксон. Менеджер-абхазец подскакивает к окну. Для переговоров с водителями ему положено пользоваться интеркомом, он мог бы сказать что

угодно, и это прозвучало бы прямо в кабине у Доставщика, так нет, ему надо говорить лицом к лицу, будто Доставщик какой-то там извозчик. Абхазец раскраснелся, по лицу у него катится пот, пока он пытается, закатывая глаза, вспомнить английские фразы.

— Пожарчик, — говорит он. — Совсем маленький.

Доставщик молчит. Поскольку знает, что все записывается на видеопленку. Данные, как водится, будут пересланы в Университет «Пицца Коза Ностра», где их подвергнут анализу в научной лаборатории пицца-менеджмента. Их покажут студентам университета пиццы, возможно, тем самым, что придут на смену этому абхазцу, когда его уволят, как хрестоматийный пример того, как можно испоганить себе жизнь.

— Новый сотрудник… свой обед в микроволновую… там фольга… бух! — бормочет менеджер.

Абхазия входила в Советский, мать его, Союз. Свежеиспеченный иммигрант из Абхазии, пытающийся управиться с микроволновкой, — все равно что глубоководный ленточный червь, совершающий операцию на мозге. Откуда только такие берутся? Разве нет больше американцев, которые могли бы испечь пиццу, черт побери?

— Просто дайте мне пиццу, — говорит Доставщик.

Упоминание пиццы разом возвращает менеджера в нынешнее столетие. Он берет себя в руки. Захлопывает окно, в корне заглушая неумолчное нытье противопожарной сигнализации.

Выныривает с пиццей японская автоматическая робот-стрела и запихивает ее в самое верхнее гнездо. Люк закрывается, чтобы защитить пиццу.

А когда Доставщик, набирая скорость, выезжает из туннеля, проверяет адрес, мерцающий перед ним на лобовом стекле, и решает, повернуть ему налево или направо, его ждет самое страшное. Бортовой компьютер отключает музыку в стереонаушниках. Свет в кабине сменяется на красный. Красный!!! Гудит сирена. На лобовом стекле вспыхивают цифры, повторяющие данные на коробке с пиццей: 20:00.

Доставщику только что дали двадцатиминутную пиццу. Он сверяется с адресом. До места — двенадцать миль.

2

Испустив непроизвольный вопль ярости, Доставщик давит на газ. Гнев приказывает ему вернуться и убить менеджера, достать из багажника мечи, проскользнуть, точно ниндзя, в маленькое окошко, выследить его в сальном хаосе франшизных микроволновок и познакомить с венчающим, с хрусткой корочкой, катаклизмом. Но то же самое он думает, когда кто-нибудь подрезает его на трассе. Впрочем, свои фантазии он пока не воплотил. Пока.

Он справится. Это выполнимо. Оранжевые сигнальные огни он выкручивает на максимум, а мигалку на крыше выставляет на автомат. Вырубив зловещую сирену, он запускает на стерео таксискан, который выискивает на всех частотах упоминания происшествий на трассе. Ни черта не понять. Можно купить кассеты, зубрить за баранкой и выучить, наконец, таксилингву. Иначе не получишь работу таксиста. Говорят, в основе таксилингвы — английский, но в ней и одно слово из сотни не узнаешь. И все-таки смысл уловить можно. Если впереди на трассе проблемы, таксисты будут тараторить о них на этом своем наречии, что хоть как-то его предупредит, позволит ему выбрать другой маршрут и не…

он крепче сжимает руль
застрять в пробке
глаза у него расширяются
он чувствует как давление
вгоняет их
ему в череп
или застрять позади жилого трейлера
мочевой пузырь у него переполнен
и доставить пиццу
о боже боже боже
с опозданием.

22:06 мигает на лобовом стекле. Он не видит ничего, не думает ни о чем, кроме 30:01.

Таксисты гудят, как встревоженные мухи. Таксилингва на слух — медоточивый лепет с вкраплениями резких иностранных звуков, точно масло приправили битым стеклом. Он то и дело слышит слово «седок». Они всегда тарабанят о своих треклятых седоках. Подумаешь! Что случится, если доставишь своего седока *с опозданием*

мало получишь чаевых?

Подумаешь.

Движение у перекрестка СПТ-5 и Оуха-роуд, как обычно, еле ползет. Единственный способ избежать пробки — обогнуть перекресток, срезать через «Конюшни Виндзорских Высот». Все КВВ построены по одному плану. Создавая новый ЖЭК, корпорация «КВВ Градоустройство» срывает под корень горные гряды и изменяет русла могучих рек, грозящих нарушить план их улиц, эргономически спроектированных для увеличения безопасности уличного движения. Можно въехать в любые «Конюшни Виндзорских Высот» от Фэрбанкса и Ярославля до Шенгенской свободной экономической зоны, и ни за что не потеряешься.

Но стоит вам по нескольку раз доставить пиццу в каждый дом КВВ, узнаешь все местные тайны. Доставщик — как раз такой человек. Он знает, что в стандартных КВВ есть один, и только один двор, который мешает проехать ЖЭК насквозь, въехав с одного КПП и выехав из другого. Если вы брезгуете ездить по траве, колесить вам по КВВ минут десять. Но если у вас достанет храбрости оставить следы на газоне этого единственного двора, сможете пролететь прямиком через центр.

Доставщику такой двор известен. Он пару раз доставлял туда пиццу. Он его осмотрел, разведал, запомнил расположение сарайчика и столика для пикников, сумеет найти их и в темноте. Он-то знает, что если когда-нибудь попадет в переплет (двадцатиминутная пицца, затор на перекрестке СПТ-5 и Оуха-роуд), то можно въехать в «Конюшни Виндзорских Высот» (электронная виза от «Коза Ностры» автоматически поднимет ворота), с визгом шин пронестись по бульвару Наследие, заложить вираж в переулок Соломенного моста (не обращая внимания на указатель «ТУПИК», ограничитель скорости и знак «ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА» — такие указатели щедро развешены по всем КВВ), разнести «лежачих полицейских» мощными шинами с радиальным кордом, пронестись по подъездной дорожке дома 18 по Соломенной площади, резко взять влево, огибая сарай на заднем дворе, вылететь в задний двор дома 84 по Кленовому переулку, увернуться от стола для пикников (немалый подвиг), съехать на подъездную дорожку, оттуда на сам Кленовый, который выведет его на проспект Красного леса, а тот упирается в КПП. Возможно, на выезде его будет ждать полиция, но их ТПШ, приспособления для Тяжелого Повреждения Шин, смотрят только в одну сторону: они могут не впускать машины, но не удерживать их в КВВ.

Пиццамобиль развивает такую скорость, что если коп откусывает от пончика, когда Доставщик въезжает на бульвар Наследие, то, вероятно, даже не успеет проглотить его до того,

как Доставщик с визгом шин вылетит на Оуха.

Чпок. На лобовом стекле появляются новые красные огни: «Нарушен периметр безопасности транспортного средства».

Нет! Такого не может быть!

Кто-то сел ему на хвост. Несется у самого левого крыла. Некто на скейтборде катит по трассе сразу за ним, а он как раз рассчитывает вектор съезда на бульвар Наследие.

Сосредоточившись на дороге, Доставщик допустил, чтобы его запунили. Загарпунили, для ясности. Большой, круглый с резиновыми прокладками электромагнит на сверхпрочном тросе только что с глухим звуком ударился о заднее крыло пиццамобиля, да там и остался. А владелец этой треклятой штуковины прохлаждается: оседлал Доставщика, стоит себе на скейтборде, будто катит на водных лыжах за катером.

В зеркальце заднего вида — пятна оранжевого с синим. Паразит — не просто развлекающийся панк. Это бизнесмен, и занят он делом, деньги гребет. Оранжевый с синим комбинезон с выпирающими повсюду прокладками из бронегеля — униформа курьера. Курьера РадиКС, «Радикальной Курьерской Службы». Они — вроде посыльных на велосипедах, только в сто раз докучливее, поскольку не крутят педали сами, нет, они налипают на машины и их задерживают.

Все вполне логично. В спешке Доставщик сигналил фарами, сверкал мигалкой, визжал шинами, в общем, несся быстрее всех остальных. И естественно, курьер решил сесть ему на хвост.

Не стоит выходить из себя. Если он срежет путь через КВВ, у него все равно в запасе уйма времени. Он обгоняет машину в среднем ряду, потом резко подрезает ее и встает в ее ряд. Курьеру придется отцепить магнит, иначе его ударит о крыло более медленной тачки.

В десяти футах позади курьера уже нет. Он прямо за спиной у Доставщика, заглядывает в заднее стекло. Предвосхищая маневр водителя, курьер втянул на мощном барабане в рукояти трос и теперь буквально сидит на пиццамобиле: переднее колесо скейта просто зашло под задний бампер.

Оранжево-синяя рука шлепает что-то на боковое стекло. Доставщику только что налепили стикер длиной в фут, а на нем надпись большими оранжевыми буквами (напечатанная зеркально, так чтобы он мог прочесть из кабины):

ИЗБИТЫЙ ТРЮК

Он едва не пропускает поворот на «Конюшни Виндзорских Высот», и, чтобы свернуть в ЖЭК, ему приходится резко надавить на тормоз, выйти из потока и проскочить через обочину. Пограничный пост хорошо освещен, таможенники готовы обыскать любых въезжающих, к примеру, произвести досмотр полостей тела, если гости с виду низшего сорта. Но ворота распахиваются как по волшебству, ведь система безопасности видит, что это машина «Пиццы Коза Ностра», просто выполняем доставку, сэр. И когда он проскакивает КПП, курьер — этот клещ у него в заднице — только делает ручкой пограничной полиции! Ну и тип! Точно каждый день сюда приезжает!

Вероятно, он и вправду приезжает сюда каждый день. Привозит сверхважные бумаги для сверхважных боссов КВВ, развозит всякие конверты по ФОКНаГам, Франшизно-организованным Квазинациональным государствам, без задержки проскакивая все КПП. Вот что делают курьеры. До сих пор паразитам все с рук сходило.

Скорость у него слишком мала, он ведь потерял почти все ускорение. Где же курьер? Ага, выпустил немного троса, снова катит позади. Ну, погоди, тебя ждет большой сюрприз. Сумеешь удержаться на своей чертовой доске, если тебя на ста километрах в час протащить по расплющенным останкам трехколесного велосипеда? Сейчас выясним.

Курьер же — Доставщик не может не наблюдать за ним в зеркальце заднего вида — откидывается, будто серфер на водных лыжах, переступает с ноги на ногу на доске, теперь он едет вровень с пиццамобилем по бульвару Наследие, и — чпок! — налепляет еще один стикер — на сей раз на лобовое стекло!

ЛОВКИЙ ХОД, УМНИК

Доставщик наслышан о таких стикерах. Много часов уйдет на то, чтобы их соскоблить. Придется везти машину в спецсервис, платить триллионы долларов. Теперь на повестке у Доставщика два пункта: во что бы то ни стало стряхнуть эту уличную мразь и доставить треклятую пиццу за

24:23

за следующие пять минут и тридцать семь секунд.

Вот оно! Надо больше внимания уделять дороге. Без предупреждения он сворачивает на боковую улочку, надеясь, что инерция занесет курьера в указательный столб на углу. Не сработало. Эти умники следят за передними шинами, поэтому видят, куда ты поворачиваешь, врасплох их не застать. Впереди тот самый переулок, Переулок Последней Соломинки! Такой длинный! Намного длиннее, чем он думал, — что, впрочем, естественно, когда спешишь. Он видит отблеск лобового стекла, машина припаркована боком к дороге, их тут, похоже, ставят по кругу. А вот и дом. Хлипкая двухэтажка из голубого винила с притулившимся к ней одноэтажным гаражом. Доставщик концентрируется на подъездной дорожке — она теперь центр его вселенной, — выбрасывает из головы курьера, стараясь не думать о том, что делает сейчас Дядюшка Энцо: лежит в ванне, наверное, или сидит на унитазе, или, может, забавляется с какой-нибудь старлеткой, или учит сицилийской песенке одну из двадцати шести внучек.

Подъездная дорожка поднимается под углом, отчего передняя подвеска почти врезается в ходовую пиццамобиля, но ведь подвески для того и существуют. Доставщик лавирует между машинами — похоже, тут сегодня прием, ведь у хозяев, кажется, «лексуса» нет, — проламывает живую изгородь, ищет взглядом сарай, тот самый сарай, в который ему ни за что нельзя врезаться,

его тут нет, его снесли

следующая проблема — стол для пикников в соседнем дворе

держись, вот черт, тут забор! Когда они поставили тут забор?

Нет времени давать по тормозам. Надо разогнаться, снести забор ко всем чертям, не теряя скорости. Это же просто-напросто четырехфутовая деревянная загородка.

Забор валится без труда, пиццамобиль теряет процентов десять скорости. Но самое странное — на вид этот забор старый, может, он свернул не туда? — думает он, обрушиваясь, как ядро из катапульты, в пустой бассейн.

Будь бассейн полон воды, все было бы не так худо, пиццамобиль, возможно, удалось бы спасти, и ему не пришлось бы возмещать «Коза Ностре» стоимость новой машины. Но нет, он таранит заднюю стенку бассейна — по звуку скорее взрыв, чем автокатастрофа. Вздувается воздушная подушка, потом опускается снова, будто занавес, открывающий ему параметры его будущей новой жизни: он застрял в разбитом пиццамобиле посреди бассейна за заднем дворе КВВ, приближаются сирены полиции госбезопасности ЖЭКа, а над головой у него, точно

топор гильотины, пицца с цифрами 25:17.

— Какой адрес? — спрашивает голос.

Женский.

Он поднимает глаза и через перекошенную раму лобового стекла, обрамленную фрактальным узором осколков, видит курьера. Этот курьер — вовсе не мужчина, а молодая женщина. Подросток, мать ее за ногу. Она целехонька, ей-то ничего не сделалось. Просто съехала по стенке бассейна и теперь катается по дну от одного края к другому, почти до обода поднимаясь по одной стенке, поворачиваясь и направляясь к другой. В правой руке она держит пун, электромагнит втянут почти до самой рукояти, и устройство теперь похоже на межгалактическое лучевое ружье с широким углом поражения. На груди у нее посверкивает орденский иконостас, сотни планок и ленточек, как у генерала, только вот каждая планка вовсе не орденская, а бар-код. Бар-код с идентификационным номером, который пропускает ее в различные франшизы, ФОКНаГи или на трассы.

— Эй! — окликает она. — По какому адресу пицца?

Он вот-вот умрет, а она насмехается.

— «Белые Колонны», Оглеторп-сёркл, дом 5, — говорит он.

— Сделаю. Открывай люк.

Сердце у Доставщика расширяется вдвое против нормального. На глаза наворачиваются слезы. Возможно, он останется жив. Он нажимает на кнопку, и люк открывается.

Проскакивая в очередной раз по дну бассейна, курьер выхватывает пиццу из гнезда. Доставщик морщится, представляя себе, как сминается о заднюю стенку коробки стылая верхушка из сыра с чесноком. Потом курьер прижимает к себе коробку локтем. Это уж слишком, Доставщик вынужден отвернуться.

Но она ее доставит. Дядюшка Энцо не должен извиняться за поломанные и остывшие пиццы, только за опоздавшие.

— Эй, — окликает он, — возьми.

Доставщик просовывает в разбитое окно затянутую в черное руку. В тусклом свете заднего двора белеет квадратик: визитная карточка. В следующий свой проход курьер выхватывает ее и читает. На карточке значится:

> **HIRO PROTAGONIST**[1]
> Last of the freelance hackers
> Greatest sword fighter in the world
> Stringer, Central Intelligence Corporation
> Specializing in software related intel
> (music, movies & microcode)

На обороте — ряды цифр, указывающие, как с ним можно

связаться. Номер телефона. Универсальный код голосового телефонного локатора. Почтовый ящик. Его адрес в полудюжине электронных коммуникационных сетей. И адрес в Метавселенной.

— Дурацкое имя, — говорит курьер, заталкивая визитку в один из сотни карманов, которыми усеян ее комбинезон.

— Зато его не забудешь, — отвечает Хиро.

— Если ты хакер…

— То почему я развожу пиццу?

— Вот именно.

— Потому что я независимый хакер. Послушай, как бы тебя ни звали, я у тебя в долгу.

— Зови И. В., — говорит она и пару раз отталкивается ногой от пола бассейна, набирая скорость. Из бассейна она вылетает, как ядро из пушки, вот уже и вовсе исчезла. Огромное множество шипов в «умноколесах» ее скейтборда вылезает и втягивается, подстраиваясь под неровности почвы, вот почему по дерну она скользит, точно кусок масла по раскаленному тефлону.

Хиро, который уже тридцать секунд как перестал быть Доставщиком, выбирается из машины, забирает из багажника мечи и, закрепив их на себе, готовится к головокружительному бегству по территории КВВ. Граница с «Дубовыми Поместьями» всего в нескольких минутах, план местности он (вроде бы) помнит, а также знает, как поведут себя эти жэковские копы, потому что сам когда-то был одним из них. У него неплохой шанс выбраться отсюда. Но, похоже, его ждет любопытная пробежка.

На втором этаже дома, где бассейн, зажигается свет, и из спальни на него смотрят дети, такие теплые и заспанные в своих пижамках с «Крахмальной Лил» и «Воином-ниндзя с Плота», которые могут быть или огнеупорными, или неканцерогенными, но не теми и другими разом. Из задней двери, натягивая куртку, выходит папа. Симпатичная семья, живущая в уютном и светлом доме, совсем как семья, членом которой он был полминуты назад.

3

Хиро Протагонист и Виталий Чернобыль, на двоих занимающие просторный жилой блок 20 на 30 «Мегакладовки» в Ингвуде, штат Калифорния, бьют баклуши у себя дома. Полом «комнаты» служит бетонная плита, стены из рифленой стали отделяют ее от соседних блоков, и собственная закатывающаяся вверх стальная дверь — признак занимаемого положения и роскоши — выходит на северо-восток, пропуская пару-тройку красных лучей в такие, как сейчас, часы, когда над Международным аэропортом Лос-Анджелеса, в просторечье ЛАКС, садится солнце. Время от времени на диск солнца наезжает 777-й или сверхзвуковой транспортник «Сухой/Кавасаки», хвостом закрывая закат или просто искажая красный свет выхлопами реактивных турбин, завихряя параллельные лучи на стене в крапчатый рисунок.

Это еще не самое плохое место для жизни. В самой «Мегакладовке» есть куда хуже. Только у таких больших блоков, как этот, есть собственная дверь. В большинство заходят через общий погрузочный док, ведущий в лабиринт широких коридоров из рифленой стали и грузовых подъемников. Это — трущобы, блоки 5 на 10 и 10 на 10, где индейцы яноама варят пригоршни листьев коки и бобы на костерках из лотерейных билетов.

Поговаривают, что в старые времена, когда «Мегакладовку» еще использовали по назначению (а именно как дешевый склад, куда калифорнийцы стаскивали излишки материальных благ), ушлые дельцы снимали по поддельным документам блоки 10 на 10 и, заставив их железными бочками с токсичными химическими отходами, исчезали без следа, оставляя корпорации «Мегакладовка» разбираться с этой дрянью по собственному усмотрению. Если верить слухам, корпорация просто повесила на такие блоки замки и списала их. Теперь, как утверждают иммигранты, в некоторых блоках завелись химические привидения. Такие страшные истории обычно рассказывают детям, чтобы те не взламывали блоки с висячими замками на дверях.

Никто не пытался взломать блок Хиро и Виталия, потому что красть у них нечего и оба они в данный момент своей жизни не настолько важные персоны, чтобы их убивать, похищать или допрашивать. Хиро владеет парой отличных японских мечей, но их он всегда носит при себе, и вообще затея украсть фантастически опасное оружие таит в себе множество опасностей для будущего преступника. Самое главное: когда пытаешься

вырвать у кого-то меч, тот, в чьих руках рукоять, всегда побеждает. Еще у Хиро отличный компьютер, который он всегда берет с собой, куда бы ни направлялся. Виталий может похвастаться полпачкой «Лаки страйк», электрогитарой и похмельем.

В настоящее время Виталий Чернобыль неподвижно распростерт на футоне, а Хиро Протагонист сидит по-турецки у низенького столика в японском стиле — такой стол получается, если на два блока из шлакобетона поставить грузовую палетту.

На закате красные лучи солнца вытесняют свечение множества неоновых логотипов, исходящее от франшизного гетто, которое составляет естественную среду обитания данной «Мегакладовки». Этот свет, известный как логло, раскрашивает самые темные утолки блока в пошловатые перенасыщенные цвета.

У Хиро кожа цвета капуччино и колючие обкромсанные дредки. Волос у него несколько меньше, чем было раньше, но это молодой человек, ни в коей мере не лысый и даже не лысеющий, а незначительное отступление волос ото лба только подчеркивает высокие скулы. На носу у него сидят хромированные гоглы, полуочки-полушлем, закрывающие верхнюю часть лица и заходящие далеко на виски; в дужки этих очков вмонтированы крохотные наушники, которые вставлены сейчас в уши Хиро.

В наушники же встроена блокировка шума. Лучше всего она работает при постоянном звуке. Когда неподалеку разгоняются перед стартом реактивные самолеты, блокировка редуцирует их вой до низкого гудения. Но когда Виталий Чернобыль лабает экспериментальное соло на гитаре, ушам Хиро все равно больно.

Гоглы отбрасывают на лицо Хиро неоновый свет, в котором можно разглядеть искаженную картинку: вид на уходящий в бесконечную черноту, ослепительно освещенный бульвар. Этот бульвар на самом деле не существует; это сгенерированное компьютером изображение воображаемого места.

Мираж не скрывает раскосых глаз Хиро. Их он унаследовал от матери, кореянки из Японии. В остальном он больше похож на отца, афроамериканца из Техаса, военного по призванию, служившего еще в те дни, когда армия не распалась на ряд конкурирующих организаций вроде «Системы Обороны генерала Джима» и «Национальной Безопасности адмирала Боба».

На грузовой палетте — четыре предмета: бутылка дорогого пива из «Пьюге Саунд», которое Хиро, по правде сказать, не по карману; длинный меч, известный в Японии как катана, короткий меч, известный как вакизаси — отец Хиро привез их из Японии перед тем, как Вторая мировая война стала ядерной, — и

компьютер.

Компьютер похож на черную приплюснутую пирамиду со срезанной верхушкой. Шнура питания у него нет, зато от порта в задней части тянется через палетту и дальше по полу спиралька прозрачной пластиковой трубочки, которая исчезает в наспех установленном гнезде в стене над головой спящего Виталия Чернобыля. В середине трубки — волосок оптоволокна. По этому волоску между компьютером Хиро и внешним миром курсируют взад-вперед огромные объемы информации. Для того чтобы перенести тот же объем на бумаге, потребовалось бы, чтобы раз в несколько минут в их жилой блок нырял грузовой 747-й, набитый телефонными книгами и энциклопедиями.

По правде сказать, компьютер Хиро тоже не по карману, но он жить без него не может. Это его профессиональный инструмент. Во всемирной общине хакеров Хиро — талантливый бродяга. Еще пять лет назад такой стиль жизни казался ему романтичным. Но в унылом свете зрелого возраста, каковой в двадцать один или двадцать два все равно что воскресное утро в сравнении с субботним вечером, он ясно видит итог: ни работы, ни гроша за душой. Пару недель назад оборвалась его карьера развозчика пиццы — единственная бессмысленная тупиковая работа, которая ему по-настоящему нравилась. С тех пор он перешел на запасной вариант, окончательно став стрингером ЦРК, Центральной Разведывательной Корпорации со штаб-квартирой в Лэнгли, Виргиния.

Бизнес сравнительно прост. Хиро добывает информацию. Это могут быть слухи, видеозапись, аудиозапись, фрагмент жесткого диска, ксерокопия документа и так далее. Это может быть даже анекдот о последней нашумевшей катастрофе.

Добытое он сгружает в базу данных ЦРК, в Библиотеку — в прошлом Библиотеку Конгресса, но никто больше так ее не называет. Большинству людей сегодня не совсем ясно, что, собственно, означает слово «конгресс». Значение самого слова «библиотека» уже становится туманным. Раньше это было место, где хранились книги, в основном старые. Потом туда же стали складывать видеопленки, отчеты и журналы. Потом всю информацию конвертировали в машинный формат, иными словами, в нули и единицы. И по мере того, как росло число СМИ, материал становился все более сиюминутным, а средства поиска в Библиотеке все более усложнялись, пока не стерлась грань между Библиотекой Конгресса и ЦРУ. По счастливой случайности это произошло как раз тогда, когда развалилось правительство. Поэтому они слились и создали корпорацию с солидным пакетом акций.

Миллионы прочих стрингеров ЦРК одновременно сгружают миллионы других фрагментов. Клиенты ЦРК, в основном крупные корпорации и суверенные государства, перерывают Библиотеку в поисках полезной информации, и если сумеют найти применение для чего-то, что сгрузил Хиро, ему платят.

Год назад он целиком сгрузил предварительный вариант киносценария, который украл из мусорной корзины литагента в Бербэнксе. Просмотреть его пожелали полдюжины студий. С полученных денег Хиро бездельничал и кормился полгода.

С тех пор времена настали голодные. Он на собственной шкуре убедился, что девяносто девять процентов информации в Библиотеке вообще не используется.

Например. После того, как некая курьер, подставив ему, так сказать, подножку, обрекла Хиро на существование в духе Виталия Чернобыля, он убил пару недель напряженного труда на изучение нового музыкального феномена: восхождение украинских ядерных фазз-грандж групп в Л.А., а потом сгрузил в Библиотеку свой исчерпывающий доклад, присовокупив к нему видео и аудиозаписи. Ни одна студия звукозаписи, агент или рок-критик не потрудился их открыть.

Из гладкого плато наверху компа-пирамиды выступает «рыбий глаз», стеклянная полусфера объектива с пурпурным оптическим покрытием. Когда Хиро включает машину, линза, поднявшись, встает на место, так что ее основание сливается с поверхностью компьютера. По этому полушарию течет, закругляясь в перспективу, окрестное логло.

Хиро это кажется эротичным. Отчасти потому, что уже пару недель у него не было женщины. Но дело не только в этом. Отец Хиро, чье подразделение многие годы стояло в Японии, был одержим камерами. Он привозил их изо всех командировок на Дальний Восток, а когда доставал, чтобы показать сыну, появление на свет объективов и линз из-под множества наслоений черной кожи и нейлона, ремешков и молний напоминало изысканный стриптиз. И когда наконец оголялись эти воплощения чистой геометрии, такие мощные и одновременно такие хрупкие, Хиро мысленным взором неизменно видел, как поднимается подол юбки, расходится кружевное белье, внешние губы, внутренние губы… Тогда он чувствовал себя нагим, слабым и храбрым.

Линза «рыбий глаз» способна видеть ту половину вселенной, которая находится над компьютером, включая большую часть самого Хиро. Поэтому она, как правило, может уследить за движениями Хиро и засечь, в какую сторону он смотрит.

В недрах компьютера — три лазера: красный, зеленый и

синий. Все дают яркий свет, но недостаточно мощный, чтобы прожечь глазное яблоко, вскипятить мозг, поджарить передние доли, короче, устроить тебе лазерную лоботомию. Как все учили в начальной школе, комбинируя эти три цвета в различной интенсивности, можно получить все оттенки, какие способен уловить человеческий глаз.

Узенький луч любого цвета через «рыбий глаз» посылается из внутренностей компьютера в практически любом направлении. Отражаясь от электронных зеркал внутри компьютера, этот луч ходит взад-вперед по гоглам Хиро, почти так же, как луч электронов в кинескопе. Получающееся в результате изображение повисает перед глазами Хиро, накладываясь на Реальность.

Генерируя несколько отличные друг от друга изображения для каждого глаза, компьютер делает общую картинку трехмерной. Изменяя ее семьдесят два раза в секунду, он заставляет ее двигаться. Если нарисовать двигающееся трехмерное изображение с разрешением 2К пикселей на дюйм, его можно сделать настолько резким, насколько способен воспринять глаз, а если гнать через маленькие наушники цифровой стереозвук, движущееся трехмерное изображение обретает реалистичный саундтрек.

Поэтому Хиро — вовсе не в жилом блоке «Мегакладовки». Он — в генерируемой компьютером вселенной, которую компьютер ему рисует и гонит через наушники. На сленге это воображаемое место называется «Метавселенная». Хиро много времени проводит в этом мире. Куда до него «Мегакладовке».

Хиро приближается к Стриту. Это — Бродвей, Прадо и Елисейские поля Метавселенной. Зеркальное отражение этого ярко освещенного бульвара в миниатюре проецируется на линзы его гоглов. Пусть в Реальности Стрит не существует, в данный момент по нему разгуливают миллионы людей.

Параметры Стрита фиксированы протоколом, выработаны сверхниндзя-вождями от компьютерной графики из Ассоциации глобального мультимедийного протокола. Грандиозное кольцо Стрита охватывает по экватору черную сферу с радиусом чуть больше тысячи километров. Получается, что длина Стрита равна 65 536 километров, иными словами, намного больше окружности планеты Земля.

Число 65 536 крайне неудобно для всех, кроме хакера, которому оно роднее и ближе, чем дата рождения собственной мамочки: так уж вышло, что это 2 на 2 в шестнадцатой степени, и даже экспонента 16 — это всего лишь два в четвертой степени, а 4 — два во второй. Наряду с 256, 32 768 и 2 147 483 648, 65 536 — один из краеугольных камней мироздания хакера, в

котором 2 — единственно важное число, ведь столько цифр способен распознать компьютер. Одна из них — 0, другая — 1. Хакер моментально распознает любое число, которое можно получить, самозабвенно умножая два на два и временами вычитая единицу.

Как и любая область в Реальности, Стрит подлежит застройке. Подрядчикам разрешается прокладывать собственные улочки, отходящие от основного бульвара. Они могут возводить здания, разбивать парки, вешать вывески, а также создавать то, чего в Реальности не существует, к примеру, световые шоу в небесах, особые кварталы, где не действуют правила трехмерного пространственно-временного континуума, и зоны боев без правил, куда люди приходят выслеживать и убивать друг друга.

Все — как в Реальности, но следует помнить, что на самом деле Стрит не существует, это просто протокол компьютерной графики, записанный где-то на бумаге, и стоящие тут здания физически никто не строил. Они — программы, доступ публики к которым открыт по мировой оптоволоконной сети. Когда Хиро, войдя в Метавселенную, смотрит на Стрит и видит уходящие в черноту и исчезающие за горизонтом ряды небоскребов и неоновых вывесок, он смотрит на графические отображения — пользовательские интерфейсы — несметного числа различных программ, принадлежащих крупным корпорациям. Чтобы поместить на Стрит свою собственность, корпорации нужно получить добро АГМП, добыть разрешение на районирование, подмазать инспекторов и т. д. и т. п. Все деньги, выложенные корпорациями на постройку своих зданий на Стриту, уходят в трастовый фонд, которым заправляет АГМП, а та из этих средств оплачивает апгрейд и обслуживание генерирующих Стрит компьютеров.

Хиро принадлежит дом в квартале, лежащем чуть в стороне от самой деловой части Стрита, так называемого Центра. По местным меркам это очень старый квартал. Лет десять назад, когда еще только писался протокол Стрита, Хиро с приятелями, купив в складчину одну из первых лицензий на застройку, создали квартал хакеров. В то время это был просто лоскут света посреди бескрайней черноты. Тогда сам Стрит представлял собой лишь цепочку фонарей по окружности черного шара в пустоте.

С тех пор квартал хакеров изменился мало — в отличие от Стрита. Рано вложив деньги, друзья Хиро намного опередили основную застройку. Кое-кто на этом даже разбогател.

Вот почему в Метавселенной у Хиро классный дом, тогда как в Реальности ему приходится делить на двоих жилой блок 20 на 30. Прозорливость в риелторском бизнесе не обязательно

распространяется на все вселенные.

Небо и земля тут черные, как компьютерный экран, на котором пока ничего не нарисовано. В Метавселенной — вечная ночь, а Стрит всегда сияет ослепительными огнями, точно Лас-Вегас, освободившийся от ограничений, налагаемых законами физики и финансов. Но в районе Хиро все — отличные программисты, поэтому здесь все построено со вкусом. Дома похожи на настоящие дома. Есть парочка копий шедевров Фрэнка Ллойда Райта и несколько изысканных викторианских особняков.

Ступив на Стрит, неизменно испытываешь шок: все тут кажется в милю вышиной. Это — Центр, самый застроенный освоенный участок. Если пройти пару сотен километров в том или ином направлении, полоса застройки станет постепенно сужаться, пока не сойдет на нет, и останется только тонкая цепочка фонарей, отбрасывающих круги белого света на черный бархат псевдоземли. Но Центр — это десяток Манхэттенов, нагроможденных один на другой и расшитых цветным неоном.

В реальном мире — на планете Земля, в Реальности — живет не то шесть, не то десять миллиардов человек. В любой данный момент большинство из них обжигает кирпичи из ила или чистит в полевых условиях свои АК-47. Возможно, у миллиарда из этих шести или десяти хватит денег на компьютер — у этой категории денег больше, чем у всех остальных вместе взятых. Из этого миллиарда потенциальных владельцев компьютеров не больше четверти дают себе труд действительно его завести, а из этой четверти только четверть владеет машинами настолько мощными, чтобы поддерживать протокол Стрита. Получается, что в любой данный момент на Стриту могут находиться около шестидесяти миллионов человек. Прибавьте еще приблизительно шестьдесят миллионов, которые на самом деле позволить себе этого не могут, но все равно сюда являются — входят с публичных терминалов или компьютеров, принадлежащих школе или работодателю. Иными словами, в любой данный момент по Стриту разгуливает население Нью-Йорка, умноженное на два.

Вот почему тут такая суета. Поместите на Стрит здание или хотя бы вывеску, и ее до конца своих дней будут видеть сто миллионов самых богатых, самых стильных и самых влиятельных людей на свете.

В ширину Стрит около ста метров, а по самой его середине проходит монорельс. Монорельс — бесплатная общественная утилита, позволяющая пользователям легко и быстро перемещаться по Стриту. Множество зевак просто катается по ней взад-вперед, осматривая достопримечательности. Когда десять лет назад Хиро впервые попал в это место, монорельс еще не

написали. Чтобы попадать из одного места в другое, ему и его друзьям пришлось написать проги машин и мотоциклов. Они выводили свои симуляции на Стрит и гоняли на них в черной пустыне электронной ночи.

4

И. В. не раз имела удовольствие лицезреть, как какой-нибудь зеленый «клинт», рискнувший совершить несанкционированный ночной вояж, ныряет головой вперед в пустой бассейн ЖЭКа. Вот только обрушивались «клинты» всегда на скейте, но чтобы в машине… Ночной город полон чудес, надо только дать себе труд их увидеть.

Снова на доске. А та катится под гору на колесах с программным управлением марки «Умноколеса РадиКС Марк IV», — умноколесах для посвященных. Она сапгрейдила свою доску на означенные волшебные звездочки после того, как прочла в журнале «Трэшер» следующее объявление:

РАСКАТАННЫЙ ФАРШ

Вот что вы увидите в зеркале, если катите на паршивой доске с тупыми фиксированными колесами и интерфейсом: глушители, запаски, экскременты, сбитых животных, карданный вал, шпалу и даже потерявшего сознание пешехода.

Если вы считаете, что это маловероятно, значит, вы слишком долго катались по заброшенным пакгаузам. Все эти и многие другие препятствия были недавно замечены на отрезке «Скоростной магистрали Нью-Джерси» длиной всего в милю. Любой серфер, который пытался ворчать, что «умноколеса» — это, дескать, извращение базовой модели, давно уже выблевал себе мозги.

Не слушайте так называемых пуристов, которые утверждают, будто через любое препятствие можно перепрыгнуть. Профессиональные курьеры знают: если вы запунили быстроходный транспорт ради бизнеса и развлечений, время на реакцию у вас сокращается до десятых долей секунды — даже меньше, если вы выпустили трос.

Но «Умноколеса РадиКС Марк IV» — гораздо дешевле, чем полная пластика лица, и гораздо круче. «Умноколеса» задействуют сонар, лазерную дальнометрию и радар на миллиметровой волне, чтобы определять глушители и прочий мусор еще до того, как их заметите вы.

Не экономьте на себе — апгрейдите сегодня.

Золотые слова. И. В. колеса купила. Каждое колесо состоит из втулки со множеством крепких шипов. Каждый шип выдвигается на пять секций. На конце шипа — крепящаяся на шарнире квадратная опора с резиновой ступней. Когда колесо вращается, опоры встают на землю одна за другой, почти сливаясь в единую шину. Если прокатываешься по кочке, шипы втягиваются, чтобы пройти над ней. Если пролетаешь над выбоиной, умные шипы пломбируют ее асфальтовые глубины. И потому любой удар амортизируется и никакие сотрясения и вибрации не передаются ни на доску, ни на высокие кроссовки, в которых по ней переступают. Объявление правду сказало: без «умноколес» нельзя быть профессиональным серфером автодорог.

Своевременная доставка пиццы — сущий пустяк. Без усилий соскользнув по влажному от росы газону на подъездную дорожку, И. В. разгоняется на бетоне и скатывается по склону на улицу. Движением ягодиц переориентировав доску, она катит теперь по Хоумдейл-мьюс в поисках жертвы. Мимо с визгом проносится, грозно моргая мигалкой, черная машина — охотится на злополучного Хиро Протагониста. «Рыцарское забрало», особые гоглы ночного видения со множеством всяких примочек, стратегически темнеет, приглушая пагубный резкий свет; зрачки И. В. — ведь опасности нет никакой — остаются расширенными, выискивают малейшее движение. Двор с бассейном расположен на самой высшей точке этого ЖЭКа, улицы тянутся по склонам, только вот угол этих склонов слишком мал.

В полуквартале на боковой улочке, трогаясь с места, скрежещет четырьмя жалкими цилиндрами малолитражка. Сейчас этот миниванчик — по диагонали от ее координат на настоящий момент. Вспыхивают на мгновение белым задние фары, когда водитель делает ход конем, переключая передачу. Нацелившись на бордюр, И. В. запрыгивает на него почти на скорости бега: шипы «умноколес» все видят заранее и втягиваются, как нужно, поэтому она без рывка переезжает с асфальта на газон. По траве «ступни» оставляют шестиугольные следы. Случайная собачья какашка, от неусваиваемого пищевого красителя красная, как сырое мясо, теперь украшена рельефным логотипом «РадиКС», зеркальное отражение которого набито на «ступню» каждого шипа.

На противоположной стороне улицы малолитражка трогается от обочины. Скребут о бордюр подкрылки. Здесь ведь ЖЭК, тут изо дня в день надо сдирать о бетон свою тачку, притирая ее к бордюру, иначе рискуешь пасть жертвой социального остракизма

или вспышки массовой истерии, если припаркуешься на пару дюймов дальше («Все в порядке, мам, я могу дойти отсюда до тротуара»), — ах, машина посреди улицы, угроза дорожному движению, смертельная опасность для не уверенных в себе юных велосипедистов! И. В. нажимает на кнопку «пуск» на блоке, служащем одновременно рукоятью и затягивающим барабаном, и выпускает таким образом с метр троса. Потом раскручивает этот трос с магнитом на конце так, что он со свистом рассекает воздух, будто кривой длинный нож боло. Вот она сейчас разтак эту вшивую тачку! Головка гарпуна размером с салатницу кружит по орбите у нее над головой. Необходимости в этом нет, но звук клевый.

Для того чтобы запунить малолитражку, нужно побольше сноровки, чем способен вообразить себе пешак, в ней ведь нет ни стали, ни еще каких железосодержащих материалов, «Магнапуну» почти не к чему прилепиться. Теперь уже придумали сверхпроводниковые пуны, которые липнут к алюминиевым поверхностям, индуцируя вихревой ток в кузов машины и превращая ее — против воли владельца — в электромагнит, но у И. В. такого нет. Они — отличительный знак закоренелых серферов по ЖЭКам, а она, невзирая на сегодняшнее приключение, к ним не относится. Ее пун цепляется только за сталь, железо или (едва-едва) никель. Единственная сталь в малолитражке этой марки — в шасси.

И. В. надвигается исподтишка. Орбитальная плоскость ее пуна теперь повернута на девяносто градусов и образует диск, почти стоящий на земле, который ободом едва не взбивает поблескивающий асфальт. Когда она резко нажимает кнопку «пуск», головка вылетает с высоты чуть больше сантиметра над землей, через улицу несется уже под небольшим углом вверх и — алле оп! — прилепляется к днищу малолитражки. Надежно схватилось. Настолько, насколько вообще можно надежно схватить эту туманность из воздуха, обивки, краски и маркетинга, называемую «семейный миниван».

Реакция водителя мгновенна и, по меркам ЖЭКов, остроумна. Водитель желает избавиться от И. В. Мама-ван срывается с места, точно накачанный гормонами бык, которого только что уколола в зад шипастая пика пикадора. И за рулем не мама. Это юный Джорд-Жеребчик, который, как и всякий тинейджер в ЖЭКе, с тех пор, как ему стукнуло четырнадцать, каждый день на обеденной перемене колол себе конский тестостерон в школьной раздевалке. Так он и превратился в глупого и абсолютно предсказуемого качка.

Ведет он беспорядочно: искусственно накачанные мускулы

плохо его слушаются. От литого, под кожу бордового рулевого колеса пахнет мамочкиным лосьоном для рук; это доводит его до исступления. Малолитражка то прыгает вперед, то замедляет ход, поскольку он качает педаль газа, будто насос: ведь если просто вдавить ее в пол, то кажется, что нет никакого эффекта. Вот если бы тачка была как его мускулы: сил девать некуда. А так она его только сковывает. Ладно, идем на компромисс: он нажимает на кнопку «МОЩНЫЙ РЕЖИМ». Выскакивает и гаснет другая кнопка, та, на которой значится «ЭКОНОМИЧНЫЙ РЕЖИМ», напоминая ему — этакое наглядное пособие, — что эти два понятия исключают друг друга. Включается понижение передачи, и крохотный моторчик урчит и кажется более мощным. Жеребчик все давит и давит на газ, и на прямой по Коттедж-Хейтс-роуд миниван разгоняется до ста километров в час.

А в самом конце Коттедж-Хейтс-роуд, где она под прямым углом упирается в проспект Красного леса, Жеребчик издалека замечает пожарный гидрант. В КВВ пожарные гидранты многочисленны (в целях безопасности) и эргономического дизайна (в целях увеличения стоимости участков) — никаких тебе приземистых чугунных колонок с клеймом какого-нибудь Богом забытого литейного цеха времен промышленной революции, мохнатых от сотен слоев шелушащейся муниципальной краски. Здесь гидранты медные, и во вторник утром их полируют роботы. Эти благообразные трубы поднимаются прямо из совершенного, химически выращенного дерна на газонах ЖЭКов, а наверху расходятся на три стороны, предлагая потенциальным пожарным меню из трех ниппелей для шлангов. Эти гидранты и ниппели к ним начертили на экранах компьютеров те же эстеты, которые спроектировали динамо-викторианские дома, и изящные почтовые ящики, и громадные мраморные столбы с названиями улиц, точно надгробия высящиеся на всех перекрестках. Да, да, спроектированные на компьютере, но с оглядкой на очарование позабытого прошлого. Пожарные гидранты, которыми люди с тонким вкусом могли бы гордиться и рады были бы видеть на своих газонах. Гидранты, которые не вызывают у риелторов желания стереть их с рекламных фотографий домов.

Этот проклятый курьер сейчас получит по заслугам, сдохнет, завязавшись узлом на таком гидранте. Тестостероновый Чудо-Жеребчик об этом позаботится. Такой маневр он видел по телевизору, — а тот никогда не лжет! — этот трюк он сотни раз, практикуясь, проделывал в воображении. Набрав максимальную скорость на Коттедж-Хейтс-роуд, он рывком поставит тачку на ручник и одновременно вывернет руль. Зад минивана развернет.

Сверхпрочный трос, как хлыст, дернет этого надоедливого гада вперед. Он полетит в гидрант. Джорд-Жеребчик выйдет победителем и с триумфом покатит по Красному лесу в большой мир взрослых на крутых тачках, и ничто не помешает ему вернуть давно уже просроченную кассету «Воины Плота IV: Последняя битва».

И. В. всего этого не знает наверняка, только подозревает. Это не реальность, а ее реконструкция психологической ситуации в малолитражке. Гидрант она заметила за милю, увидела и то, что Жеребчик положил руку на ручник. Все так очевидно. Ей даже жаль Жеребчика и людей его сорта. Она выпускает трос и дает ему провиснуть. Жеребчик тем временем выворачивает колесо, дергает ручник. Миниван заносит юзом, он пролетает мимо гидранта и вовсе не дергает курьера так, как хотел Великий воин. И. В. придется ему помочь. Передние колеса все крутятся, тачку разворачивает задом, и вот тогда И. В. резко втягивает трос, преобразуя этот подарок в виде углового ускорения в линейную скорость, и в результате пулей проносится мимо минивана, двигаясь быстрее мили в минуту. И. В. держит курс на мраморное надгробие, надпись на котором гласит «ПРОСПЕКТ КРАСНОГО ЛЕСА». Наехав на него, да под таким жутким углом, что едва не касается рукой асфальта, она отталкивается от мрамора, резко при этом свернув, и шипы, чмокнув о надгробие, выталкивают ее на нужную улицу. Одновременно она отключает магнитное поле, удерживающее ее пун на шасси минивана. Упав, насадка волочится по земле следом, втягиваясь на тросе к рукояти. С фантастической скоростью И. В. несется прямо к выходу из ЖЭКа.

У нее за спиной раздается похожий на взрыв грохот, да такой, что вибрацией отдается в грудине — это миниван боком врезался в надгробие.

Проскользнув под воротами секьюрити, И. В. ныряет в поток машин, проскакивает между двумя резко уходящими с дороги, гудящими и визжащими «БМВ». Водители «БМВ» без колебаний предпринимают обходной маневр — подражая водителям «БМВ» в рекламных роликах; вот как они убеждают себя, что их не обобрали при сделке. И. В. скорчивается на доске, как эмбрион, чтобы проскользнуть под полуприцепом, нацеливается на бетонный блок разделительной полосы, будто решила покончить жизнь самоубийством, но такие литые блоки «умноколесам» не помеха. По низу таких блоков идет удобный уступ, словно специально спроектированный для серферов автодорог. Разогнавшись на нем, И. В. прыгает и, изменив угол, мягко приземляется на асфальт по ту сторону. Вот она, тачка, ей даже не нужно бросать пун, достаточно протянуть руку и положить

магнит прямо на крышку багажника.

Водитель со своей судьбой смирился: не дергается и ей не досаждает. Он довозит ее до самого входа в следующий ЖЭК, а именно до «Белых Колонн». Тут все в стиле Старого Юга, кругом традиции, явно один из ЖЭКов Апартеида. Над воротами большой вычурный указатель: «ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНЫХ РАС ПОДВЕРГНУТСЯ ОБРАБОТКЕ».

У И. В. есть виза в «Белые Колонны». У нее есть виза куда угодно. Виза прямо у нее на груди, в крохотной планке бар-кода. Лазер сканирует планку, когда она во весь опор подлетает ко входу, и иммиграционные ворота распахиваются. Это вычурная кованая штуковина, но у вечно спешащих жителей «Белых Колонн» нет времени бесцельно сидеть у входа в ЖЭК, глядя, как с августейшей медлительностью откатывается в сторону створка ворот, поэтому створка укреплена на электромагнитной «рельсовой пушке».

И вот уже И. В. скользит по шоссе, обрамленному рядами деревьев, одна микроплантация в духе «Унесенных ветром» сменяет другую, а ведь И. В. все еще идет на остаточной кинетической энергии, порожденной топливом в баке юного Джорд-Жеребчика.

Мир полон мощностей и лошадиных сил, малой толики которых хватит, чтобы ой как далеко добраться!

В окошке на коробке пиццы горит 29:32, и заказавший ее тип — мистер Коротышка и его соседи, кланы Розовые Сердца и Круглозадые — собрались на переднем газоне своей микроплантации, празднуя преждевременную победу. Словно только что купили выигрышный билет в лотерею. От их входной двери открывается отличный вид до самой Оаху-роуд, и они прекрасно видят, что там нет ничего, что хотя бы отдаленно напоминало пиццамобиль «Коза Ностры». Смотрите, кто едет! Чванливый интерес к курьеру с большой квадратной штукой под мышкой: может, портфолио, макет нового рекламного объявления для белого супрематиста от маркетинга с соседней плантации. Но…

Коротышки, Розовые Сердца и Круглозадые, все как один, пялятся на И. В. с отвисшей челюстью. У нее как раз хватает остаточной энергии, чтобы свернуть на их подъездную дорожку. Инерция закатывает ее на самый верх. Остановившись между «акурой» мистера Коротышки и малолитражкой миссис Коротышки, она спрыгивает с доски. Заметив отсутствие И. В., шипы выравниваются, цепляются за наклонную дорожку, не давая доске покатиться назад.

С небес на них обрушивается сноп ослепительного света.

«Рыцарское забрало» не дает ей ослепнуть, но клиенты преклоняют колени и втягивают головы в плечи, словно свет ложится на них тяжким грузом. Мужчины закрывают лбы волосатыми локтями, поворачивают из стороны в сторону огромные карикатурные торсы, бормоча друг другу комментарии, краткие теории относительно источника света, так сказать, всецело контролируют неведомый феномен. Женщины ахают и охают. Благодаря магическому действию «Рыцарского забрала» И. В. все еще видит цифры в окошке LED: 29:54. Именно они и светятся, когда она бросает пиццу на руки мистеру Коротышке.

Таинственный свет гаснет.

Остальные все еще слепы, но И. В. через «Рыцарское забрало» смотрит в ночь — на сей раз в инфракрасном свете — и видит источник сияния: на высоте тридцати футов завис над соседским домом черный вертолет «стелс» с двухлопастным пропеллером. У ребят есть стиль: на вертолете никаких прибамбасов или рисунков, это вам не бригада новостей. Впрочем, вон и журналюги: еще один вертолет, по старинке слышимый и весь в ярких оборочках самых новых логотипов, уже гулко ухает и жужжит над воздушным пространством «Белых Колонн», поливая плантации светом собственного прожектора и надеясь первым заполучить эту крутую сенсацию: пицца доставлена с опозданием, полнометражный фильм в одиннадцать; позднее: наш собственный корреспондент строит теории о том, где остановится Дядюшка Энцо, когда совершит свой принудительный вояж в нашу Стандартную Статистическую Область Метрополии. Но черный вертолет висит без огней; он был бы почти невидим, если бы не инфракрасный хвост, вырывающийся из двух реактивных турбин.

Это вертолет мафии, посланный сюда исключительно для того, чтобы заснять сенсацию на видеопленку и лишить мистера Коротышку аргументов в суде, реши он потащить свое дело в «Судопроизводство Судьи Боба» и потребовать бесплатной пиццы.

И еще одно. Сегодня ночью в воздухе полно всего: ветер из Фресно принес, наверное, несколько мегатонн почвы, и, появляясь, лазерный луч на удивление четок. От вертолета к груди И. В. протягивается ровная геометрическая линия, точно миллион ярких красных зерен нанизали на оптоволоконную нить. А потом линия раздвигается, превращаясь в узкий треугольник красного света, основание которого упирается в торс И. В.

На все уходит полсекунды. Они сканируют все бар-коды, закрепленные у нее на груди. Выясняют, кто она такая. Теперь мафия знает об И. В. все: где она живет, чем занимается, цвет ее глаз, состояние банковского счета, генеалогическое древо и

группу крови.

Покончив с этим, вертолет кренится, поворачивает и исчезает, точно хоккейная шайба в миске с тушью. Мистер Коротышка отпускает какую-то шуточку о том, как близка была победа, остальные услужливо смеются, но И. В. не слышит слов — все заглушает громовое уханье вертолета журналюг, а затем мир вокруг замирает, как на моментальном снимке, и кристаллизуется — это во двор мистера Коротышки упирается прожектор. В ночном воздухе полно мошки, теперь И. В. видит всех насекомых, кружащих таинственными боевыми порядками, готовящихся к путешествию на людях и в воздушных потоках. Ей на запястье садится комар, но она не собирается его прихлопывать.

Прожектор на мгновение задерживается. Квадрат коробки с логотипом «Коза Ностра» — безмолвное свидетельство произошедшего. На всякий случай ролик все же снимают.

И. В. становится скучно. Она встает на доску. Расправляясь, округляются колеса. Проведя доску компактным слаломом меж машин, она выезжает на улицу. Луч прожектора следует было за ней, наверное, просто нагоняя метраж. Видеопленка дешева. Никогда не знаешь, что может оказаться полезным, поэтому можно и заснять то, что видишь.

Люди этим на жизнь зарабатывают. Те, кто занят информационным бизнесом. Такие, как Хиро Протагонист. Они много знают или просто ходят и все кругом снимают на пленку. Потом складывают в Библиотеку. Когда кто-то хочет получить то, что знают они, или посмотреть их видеопленки, им платят деньги и сгружают из Библиотеки нужное или просто покупают не глядя. Забавная афера, но сама идея И. В. нравится. Обычно ЦРК не обращает внимания на курьеров. Судя по всему, у Хиро с ними договор. Может, ей удастся договориться с Хиро. Потому что И. В. знает уйму любопытных мелочей.

И одна из них: мафия теперь перед ней в долгу.

5

Подходя к Стриту, Хиро видит, как две молодые пары, вероятно, вышедшие с родительских компьютеров на двойное свидание в Метавселенной, выбираются из Порта Ноль, иными словами, из местного порта входа, он же — остановка монорельса.

Разумеется, перед ним не реальные люди. Все это часть анимированной интерактивной картинки, нарисованной его компьютером согласно спецификациям, сгруженным по оптоволоконному кабелю. Люди здесь — программы, называемые «аватары». Этими аудиовизуальными «телами» люди пользуются для общения в Метавселенной. Аватара Хиро тоже сейчас на Стрите, и если пары, сходящие сейчас с монорельса, посмотрят в его сторону, они его увидят, как видит их он. Они могут говорить: Хиро, сидящий в «Мегакладовке» возле ЛАКСа, и четверо тинейджеров, которые, вероятно, сидят сейчас на диване на окраине Чикаго, каждый с собственным лэптопом на коленях. Но такое едва ли случится: им не о чем разговаривать друг с другом здесь так же, как они не станут разговаривать друг с другом и в Реальности. Эти дети из приличных семей не захотят разговаривать с одиноким полукровкой в отличной, специально под него написанной аватаре с двумя мечами за спиной.

Ваша аватара может выглядеть как угодно, ее ограничивают только возможности вашего компьютера. Если вы безобразны, аватару можете сделать красивой. Если вы только что встали с постели, ваша аватара все равно стильно одета и макияж у нее наложен профессионально. В Метавселенной вы можете быть гориллой, драконом или гигантским говорящим пенисом. Погуляйте пять минут по Стриту, и вы все это увидите.

Аватара Хиро выглядит просто как Хиро, за одним исключением: что бы ни носил Хиро в Реальности, его аватара всегда облачена в черное кожаное кимоно. Большинство хакеров чурается слишком броских аватар, поскольку знают, что для реалистичного отображения человеческого лица требуется гораздо больше таланта и умения, чем для говорящего пениса. Точно так же те, кто действительно знает толк в одежде, смогут оценить мелкие детали, отличающие дешевый серый шерстяной костюм от дорогого, сшитого на заказ серого шерстяного костюма.

В Метавселенной нельзя материализоваться в любом месте по собственному выбору, спустившись по лучу с заоблачных высот, будто Капитан Кирк в «Стартреке». Это сбивало бы окружающих с

толку. Это разрушило бы метафору. Материализация из ниоткуда (или исчезновение назад в Реальность) считаются глубоко личными функциями организма аватары, отправлять которые лучше всего в уединении вашего собственного Дома. Большинство аватар сегодня прописаны со всеми анатомическими подробностями и в первый раз по написании появляются в чем мать родила, поэтому, прежде чем выйти на Стрит, следует придать себе пристойный вид, если, конечно, вы не эксгибиционист или вам наплевать.

Если вы жалкий пеон, не имеющий своего Дома, к примеру, человек, выходящий с общественного терминала, то материализуетесь в Порту. Вдоль Стрита существует 256 Экспресс-портов, равномерно расположенных с интервалом в 256 километров по окружности сферы. Эти интервалы разделены еще 256 раз на Локальные порты, расстояние между которыми ровно один километр (проницательные ученые, интересующиеся семиотикой хакеров, отметят навязчивое повторение числа 256, которое представляет собой 2 в восьмой степени, и даже 8 выглядит довольно пикантно, поскольку само по себе — сплошная двойка: два в квадрате, умноженное еще на два). Порты функционально аналогичны аэропортам: через них попадаешь в Метавселенную из какого-то иного места. Материализовавшись в Порту, можно пойти по Стриту, прыгнуть в вагон монорельса или еще что-нибудь.

Парочкам, сходящим с монорельса, заказные аватары не по карману, и сами себе такую написать они тоже не умеют. Поэтому аватары у них покупные. У одной из девиц, впрочем, довольно симпатичная. Среди модниц из конструктора она даже считалась бы стильной. Похоже, девчонка купила «Конструкторский набор аватар» и из различных блоков состряпала себе собственную модель, подогнав ее по своему вкусу. Возможно, она даже отчасти похожа на владелицу. И парень ее неплохо выглядит.

Вторая девчонка — «Брэнди». А ее парень — «Клинт». «Брэнди», названная в память о знаменитой порномодели, и «Клинт», наверное, в честь киноактера — популярные готовые модели. Собираясь на свидание в Метавселенную, белые школьницы из бедных семей неизменно бегут в отдел компьютерных игр ближайшего универмага и покупают себе копию «Брэнди». Пользователь может выбрать три размера груди: неправдоподобный, невозможный и абсурдный. Репертуар выражений лица у «Брэнди» ограничен: очаровательная и обидчивая, очаровательная и пылкая, очаровательная и мечтательная, дерзкая и любопытная, улыбающаяся и чуткая. Ресницы у нее в полдюйма длиной, но программа настолько

дешевая, что отображаются они единой полосой, точно скол эбонита. Когда «Брэнди» хлопает глазками, кажется, вот-вот подует ветер.

«Клинт» — мужской вариант «Брэнди». Грубовато-красивый, а диапазон выражений лица ограничен еще больше.

Хиро праздно спрашивает себя, как вообще оказались вместе две эти пары. Они явно из различных социальных слоев. Может быть, старшая пара и их брат с сестрой? Но вот они спустились с эскалатора и, исчезнув в толпе, влились в Стрит, где «Клинтов» и «Брэнди» хватит, чтобы образовать новую этническую группу.

На Стриту сегодня довольно оживленно. Большинство гуляющих — американцы и азиаты, ведь в Европе еще раннее утро. Из-за преобладания американцев толпа кажется безвкусной и несколько сюрреалистичной. Поскольку у азиатов сейчас середина дня, они расхаживают в темно-синих костюмах. У американцев же время вечеринок, и выглядят они… ну, на что способен их компьютер.

Как только Хиро переступает черту, отделяющую его квартал от Стрита, со всех сторон к нему, словно мухи на сбитого зверька, слетаются разноцветные фигуры. В квартал Хиро анимированной рекламе доступа нет. Но на Стриту дозволено все, что угодно.

Пролетающий мимо штурмовик вспыхивает вдруг ярким пламенем, теряет высоту и, увеличиваясь в размерах, несется прямо на Хиро — со скоростью в два раза большей скорости звука. Пропахав носом Стрит в пятидесяти футах перед Хиро, штурмовик разлетается на части и взрывается, превращаясь в соцветье обломков и проводов, и все это поглощает пламя, которое бежит по мостовой и наконец обволакивает Хиро. Теперь вокруг него сплошь огненные вихри — отличная симуляция и проработка первый сорт.

Потом шоу застывает и перед Хиро материализуется мужчина. Типичный хакер: высокий, худощавый, пытающийся придать себе веса, натянув объемистую шелковую ветровку с логотипом крупного парка аттракционов в Метавселенной. Хиро знает этого типа: бывало, они то и дело сталкивались на хакерских конах. Вот уже два года он пытается нанять Хиро.

— Хиро, никак не возьму в толк, чего ты упрямишься. Мы же деньги делаем — конгбаксы и йены, понимаешь? И система оплаты у нас гибкая, и с амфетамином проблем не будет. Мы сейчас делаем одну игрушку в духе «меча и магии», и парень с твоими дарованиями нам был бы очень кстати. Приезжай, поговорим, идет?

Хиро шагает прямо сквозь симуляцию, и та исчезает. Парки аттракционов в Метавселенной — просто фантастика, они

предлагают большой выбор интерактивных трехмерных фильмов. Но, в конце концов, это всего-навсего видеоигры. Хиро пока еще не настолько опустился, чтобы писать видеоигры для этой компании. Она принадлежит японцам, что не так уж и страшно. Но и управляют ею японцы, а это значит, все программисты обязаны носить белые рубашки, появляться на рабочем месте в восемь утра и сидеть в закутках, а еще ходить на совещания.

Когда Хиро учился писать код, а было это пятнадцать лет назад, хакер мог сам написать программу целиком. Сегодня такое уже невозможно. Программы производят на огромных фабриках, и программисты, кто в большей, кто в меньшей степени, превратились в рабочих у конвейера. Или, хуже того, стали менеджерами, у которых и руки до написания кода не доходят.

Перспектива стать конвейерным рабочим дает Хиро достаточный стимул пойти сегодня на поиски по-настоящему жареной инфы. Он пытается накрутить себя, вырваться из летаргии долгого безделья. Информация — дело, может, и выгодное, если только имеешь нужные знакомства. А уж у него-то связей хоть отбавляй. Нужно взяться за ум. Взяться за ум. Взяться за ум. Но так трудно относиться серьезно к чему бы то ни было.

Он должен мафии новую машину. Веская причина взяться за ум.

Перейдя Стрит под самым монорельсом, он направляется к большому приземистому черному зданию. По меркам Стрита, оно до крайности невыразительное, словно участок, который почему-то забыли освоить. Это приземистая черная пирамида с обрубленной верхушкой. Дверь здесь только одна; поскольку все в Метавселенной воображаемое, нет никаких предписаний, диктующих число запасных выходов. Тут нет ни охраны, ни вывесок, ничего, что помешало бы людям войти, и тем не менее у входа толкутся тысячи аватар, заглядывая внутрь в надежде хоть что-то увидеть. Эти люди не могут войти, потому что их не пригласили.

Над дверью в стену вплавлена черная полусфера диаметром в метр, единственное архитектурное украшение здания, а под ней прямо в веществе фасада вырезана надпись «ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ».

Ну и пусть это далеко не шедевр архитектуры. Когда Да5ид, Хиро и остальные хакеры создавали «Черное Солнце», у них не было денег на архитекторов или дизайнеров, поэтому они взяли простые геометрические фигуры. Аватарам, толкущимся у входа, похоже, все равно наплевать…

Будь эти аватары реальными людьми на реальной улице, Хиро ни за что бы не добраться до входа. Слишком плотная толпа. Но у компьютерной системы, заведующей Стритом, есть

дела поважнее, чем отслеживать каждого отдельного человека из бывающих тут миллионов, пытаясь помешать им столкнуться друг с другом. Компьютер даже не утруждает себя решением этой невероятно сложной задачи. На Стриту люди могут попросту проходить сквозь друг друга.

Поэтому когда Хиро прорезает толпу, он делает это в буквальном смысле слова. Когда в одном месте случается затор, система все упрощает, делая аватары прозрачными, поэтому видишь, куда идешь. Самому себе Хиро кажется плотным, а все остальные — призраками. Через толпу он идет как сквозь туман, ясно видя перед собой усеченную пирамиду «Черного Солнца».

Вот он переступает через границу земельной собственности и оказывается в дверном проеме. В это мгновение его аватара уплотняется и становится видимой для тех, кто топчется у входа. И все аватары разом заходятся криком. Они понятия не имеют, кто он такой, не знают, что перед ними, черт побери, полуголодный стрингер ЦРК, живущий в «Мегакладовке» возле аэропорта. Но во всем мире есть только пара тысяч людей, которые могут переступить черту и войти в «Черное Солнце».

Обернувшись, он смотрит на десять тысяч вопящих неудачников. Теперь, когда он один стоит в дверном проеме, когда он уже не тонет в водовороте аватар, он с кристальной ясностью видит всех стоящих в первом ряду. Все эти самые буйные и безумные, самые причудливые и вычурные аватары надеются, что Да5ид, владелец и главный хакер «Черного Солнца», пригласит их войти. Они мерцают и сливаются в стену истерии. Поразительно красивые женщины, вылизанные компьютером и отретушированные на семидесяти двух фреймах в секунду, точно ставшие вдруг трехмерными развороты «Плейбоя», — это актрисы, ждущие, чтобы их заметили. Безумные абстракции, торнадо свивающихся спиралями огней — хакеры, мечтающие, что Да5ид заметит их талант, позовет их к себе, даст им работу. Обильная россыпь черно-белых личностей — это те, кто входит в Метавселенную с дешевого общественного терминала и потому отображены подергивающимся черным и белым зерном. Многие из этих черно-белых — заурядные психопаты-фэны, одержимые фантазией заколоть избранную ими на роль жертвы актрису; в Реальности они и на ярд подойти к ней не могут, поэтому входят в Метавселенную, чтобы вдосталь повыслеживать жертву. Есть тут и рок-неудачники в одеждах из лазерного света, будто они только что сошли со сцены после концерта, и аватары японских бизнесменов, изысканно отображенные сложным оборудованием, но в своих костюмах до крайности сдержанные и скучные.

И есть тут один черно-белый, выделяющийся тем, что выше всех остальных. Протокол Стрита определяет, что аватара не может быть выше, чем ее владелец в Реальности. Как еще помешать гигантоманам создавать себе тела-небоскребы? Впрочем, если этот тип вышел с общественного терминала — а судя по качеству изображения, так оно, похоже, и есть, — он не смог бы растянуть аватару. Поэтому она, пусть и довольно скверно, отображает внешность каланчи. Говорить с черно-белым на Стриту — все равно что болтать с человеком, который, уткнувшись лицом в ксерокс, раз за разом нажимает на кнопку «пуск», а ты стоишь у лотка и по одному вынимаешь листы.

У него длинные волосы, разделенные на прямой пробор и открывающие татуировку на лбу. Учитывая скверное разрешение, разобрать ее нет никакой возможности, но она, по-видимому, состоит из слов. Еще у него жидкие висячие усы а-ля Фу Манчу.

Хиро вдруг понимает, что этот тип его заметил и теперь рассматривает с головы до ног, особое внимание уделяя мечам.

По лицу черно-белого расплывается улыбка. Удовлетворенная улыбка. Узнающая улыбка. Улыбка человека, которому известно что-то, чего не знает Хиро. Черно-белый стоит, сложив руки на груди, словно ему скучно, словно он чего-то ждет, а теперь его руки опускаются по швам, свободно висят от плеч — так расслабленно стоят иногда атлеты. Подойдя как можно ближе, он наклоняется вперед; он настолько высок, что за ним не видно ничего, кроме пустого черного неба, разорванного светящимися выхлопами анимированной рекламы.

— Эй, Хиро, — говорит черно-белый, — хочешь попробовать «Лавину»?

Случается, те, кто ошивается перед «Черным Солнцем», болтают самые странные вещи. Их попросту игнорируют. Но эта фраза привлекает внимание Хиро.

Первая странность: черно-белому известно имя Хиро. Впрочем, есть немало способов выудить такую информацию. Это, вероятно, еще ничего не значит.

Вторая странность: эта фраза слишком похожа на зазывание пушера. Перед баром в Реальности такое вполне естественно. Но здесь ведь Метавселенная. В Метавселенной наркотики не толкнешь, поскольку нельзя словить кайф на чем-то, только на него глядя.

Странность третья: название наркотика. Хиро никогда раньше о нем не слышал. Впрочем, в этом нет ничего необычного: каждый год изобретают тысячи новых наркотиков и каждый из них продают под сотней различных наименований.

Но «Лавина» — это уже компьютерный сленг и означает

«сноукрэш». Иными словами, крах системы, а также вирус, который, пробираясь в саму операционку, бьет на фрагменты ту ее часть, которая контролирует поток электронов на монитор. И тогда тот бешено мечется по экрану, превращая упорядоченную матрицу пикселей в бессмысленные завихрения статики. Хиро миллион раз такое видел. Крайне нетипичное название для наркотика.

Но больше всего Хиро цепляет уверенность черно-белого. Тот — словно островок спокойствия в этом море истерии. Будто говоришь с астероидом. Что было бы неплохо, если бы его слова имели хоть малую толику смысла. Хиро пытается прочесть подсказку по лицу типа, но чем внимательнее он присматривается, тем больше дрянная черно-белая аватара распадается на подергивающие пиксели. Словно прижимаешься носом к экрану сломанного телевизора. Даже зубы гудят.

— Прошу прощения, — говорит Хиро. — Что вы сказали?

— Хочешь попробовать «Лавину»?

У черно-белого резкий акцент, принадлежность которого Хиро не может определить. Аудио у него не лучше, чем видео: когда черно-белый открывает рот, Хиро слышит шум проезжающих у него за спиной машин. Наверное, вошел с какого-то терминала у трассы.

— Не понимаю, — говорит Хиро. — Что такое «Лавина»?

— Наркотик, кретин, — отвечает черно-белый. — А ты что подумал?

— Подождите-ка. Я такого не знаю. Вы что, правда, думаете, я дам вам здесь денег? И что мне потом делать, ждать, пока вы перешлете мне товар почтой?

— Я сказал попробовать, не купить, — говорит черно-белый. — Тебе не нужно за него платить. Первая доза бесплатно. И почты ждать не нужно. Попробовать можно прямо здесь.

Он достает из кармана гиперкарточку.

Выглядит она как визитка. Гиперкарточка — разновидность аватары. В Метавселенной ею пользуются для передачи некоторого объема информации. Это может быть гипертекст, аудио, видео, вообще любая информация, какую можно представить в цифровом формате.

Представьте себе личную карточку бейсболиста, на ней имеется фотография, пара строчек текста и какие-нибудь статистические данные. Личная гиперкарточка бейсболиста может вместить видеозаписи пары-тройки матчей, показанных на великолепном, совершенно плоском экране, исчерпывающую биографию, зачитанную самим игроком в цифровом стереозвуке, и полную статистическую базу данных со специальной прогой,

которая поможет вам отыскать нужные цифры.

Гиперкарточка может быть носителем практически неограниченного объема информации. На эту вот вполне могут уместиться все книги из Библиотеки Конгресса, или вся «Санта Барбара» целиком, или все записи Джими Хендрикса, или перепись населения планеты за 1950-й год.

Или — что более вероятно — обширная коллекция пакостных компьютерных вирусов. Если Хиро возьмет у черно-белого карточку, то данные с нее будут перенесены из его системы в компьютер Хиро. Разумеется, Хиро ни при каких обстоятельствах к ней не прикоснется, ведь только последний дурак возьмет у незнакомца на Таймс-сквер шприц, чтобы воткнуть его себе в шею.

И все равно в этом нет никакого смысла.

— Это гиперкарточка. Так ты вирус мне подсовываешь? А я-то решил, что ты наркотик толкаешь, — говорит окончательно сбитый с толку Хиро.

— Ну да, — отвечает черно-белый. — Попробуй.

— Он мозги вытрахивает? Или компьютер?

— И то и другое. Ни то ни другое. Какая разница?

До Хиро наконец доходит, что он только что потратил шестьдесят секунд своей жизни на бессмысленный разговор с параноидальным шизофреником. Повернувшись к нему спиной, он входит в «Черное Солнце».

6

На выезде из «Белых Колонн» стоит черная машина, притаилась, точно пантера, в начищенной стали отражается логотип Оуха-роуд. Это Передвижной Модуль Летучего Наряда «Метакопы Анлимитед». На дверце закреплен серебряный значок, хромированный полицейский значок размером с обеденную тарелку, на котором значится название этой частной миротворческой организации и слова:

НАБЕРИТЕ 1-800-КОПЫ

ПРИНИМАЮТСЯ КРЕДИТНЫЕ КАРТОЧКИ ВСЕХ КРУПНЫХ КОМПАНИЙ

«Метакопы Анлимитед» — официальные силы безопасности «Белых Колонн», а также «Конюшен Виндзорских Высот», «Высот у Медвежьей Тропы», «Коричной Рощи» и «Ферм Клеверной Долины». А еще они следят за выполнением правил дорожного движения на всех трассах и шоссе, принадлежащих «Кати Пути, Инк.». Их услугами пользуются также несколько разных ФОКНаГов: к примеру, «Кайманы-Плюс» и «Альпы». Но франшизные государства предпочитают держать собственные силы безопасности. Стоит ли говорить, что «Метазания» и «Новая ЮАР» сами следят у себя за порядком; туда граждане идут лишь для того, чтобы завербоваться в спецназ. Надо думать, своя служба безопасности есть и у «Новой Сицилии». «Наркоколумбии» служба безопасности не нужна, потому что люди попросту боятся проезжать мимо ее франшизы со скоростью меньше ста миль в час (И. В. всегда отхватывает классную скоростную тачку в районах, пестрящих наркоколумбийскими консульствами), а «Великий Гонконг мистера Ли», прародитель всех ФОКНаГов, решает проблему на типично гонконгский манер — с помощью роботов.

Главный конкурент «Метакопов», «Секьюрити Мировой Дозор», обслуживает все дороги, принадлежащие «Кати Пути», плюс держит контракты по всему миру с «Традиционалистами Дикси», «Плантацией Пикетта», «Радужными высотами» (побывайте в них — два расистских ЖЭКа и один для «людей в

черном»), «Заливные луга [название реки вставьте по своему усмотрению]», и «Станция Кирпичный завод». «Мировой Дозор» меньше, чем «Метакопы», контракты держит более элитные и, предположительно, имеет агентурную сеть — хотя если кому-то нужно именно это, они просто связываются с представителем Центральной Разведывательной Корпорации.

А еще существуют «Стражи Порядка» — но они недешево стоят и плохо относятся к контролю со стороны работодателя. Ходят слухи, что под формой они носят футболки с неофициальным гербом своей организации: кулак, сжимающий утяжеленную полицейскую дубинку с выгравированной на ней надписью «ТАК ПОДАЙ НА МЕНЯ В СУД».

И вот И. В. катит по пологому склону к тяжелым железным воротам «Белых Колонн», ожидая, что они распахнутся. И ждет, и ждет, и ждет — но ворота и не думают открываться. И лазерный лучик не бьет из будки охраны, чтобы выяснить, кто приехал. Система блокирована. Будь И. В. дурой, она подошла бы к метакопу и спросила почему. Метакоп сказал бы тогда: «Безопасность города-государства», и ничего больше.

Ох уж эти ЖЭКи! Ох уж эти города-государства! Такие маленькие, такие пугливые, что любой пустяк — скажем, если вы не подстригаете газон или слишком громко врубаете музыку — становится делом государственной безопасности.

И никакой возможности миновать забор — в «Белых Колоннах» он в восемь футов по всему периметру, выкованный роботами чугун. Подкатив к воротам, И. В. хватает решетку и пытается ею погреметь, но та слишком большая и тяжелая.

Метакопам не позволено прислоняться к своему мобилю — так они выглядели бы ленивыми и слабыми. Они могут почти прислоняться, могут делать вид, будто вовсю облокачиваются на свою тачку, но прислоняться им запрещено. А кроме того, полное поблескивающее великолепие Личного Переносного Снаряжения, висящего на Личной Модульной Сбруе, поцарапало бы лак мобиля.

— Подключи ворота к коммерции, приятель. Меня клиенты ждут, — заявляет И. В. метакопу.

В задней части Передвижного Модуля раздается чмокающий хлопок, однако недостаточно громкий, чтобы считаться выстрелом. Это мягкий «хлюп» тянучки, затягиваемой через язычок, свернутый в трубочку. Это приглушенное рыганье младенца. Что-то укалывает И. В. в руку, сжимающую прут решетки, и И. В. ощущает жар и холод одновременно. Она едва может шевельнуть рукой. Пахнет винилом.

С заднего сиденья Передвижного Модуля вылезает напарник

метакопа. Окно в задней двери Модуля было опущено, но внутри все такое черное и блестящее, что это становится ясно, только когда отодвигается дверь. Верхняя часть лиц метакопов скрыта глянцевыми черными шлемами и гоглами ночного видения, а нижняя расплывается в ухмылке. И вылезает второй метакоп с Проектором Химических Наручников Близкого Действия — с соплепушкой. Уловка копов сработала. И. В. не пришло в голову навести «Рыцарское забрало» на заднее сиденье, чтобы проверить, нет ли там соплеснайпера.

Расправившись на воздухе, химсопли достигают размера футбольного шара. Несколько десятков миль тончайших крепких волокон, перепутанных, как спагетти. Вместо соуса у этих спагетти какое-то липкое вещество, текучее только в тот момент, когда выстреливает соплепушка, а потом быстро отвердевающее.

Метакопам пришлось взять такие штуки на вооружение, потому что каждая франшиза настолько мала, что погоня в ней попросту невозможна. Преступник — почти всегда ни в чем не повинный трэшник — обычно в трех секундах езды на скейте от убежища соседнего ФОКНаГа. К тому же невероятный объем Личной Модульной Сбруи — просто канделябр какой-то, учитывая, сколько на него понавешено, — настолько замедляет движения метакопов, что прохожие просто складываются пополам от смеха всякий раз, когда они пытаются бежать. Поэтому вместо того, чтобы сбросить пару фунтов, метакопы просто навешивают на свою сбрую новые примочки, к примеру соплепушки.

Волокнистые сопли облепили ей кисть и руку, примотав их к прутьям решетки. Излишки соплей провисли и стекли вниз, но уже застывают, превращаясь в резину. Несколько отскочивших от решетки спагетти налипли ей на плечи, грудь и подбородок. И. В. отходит от решетки, клейкое вещество отделяется от волокон, растягиваясь на длинные, бесконечно тонкие нити, точно горячий сыр моцарелла. И эти нити тоже немедленно застывают, становятся жесткими и обламываются, завиваясь спиральками. Теперь, когда она сорвала сопли с лица, все не так гадко, но рука у нее по-прежнему совершенно обездвижена.

— Сим предупреждаем вас, что любое движение с вашей стороны без предварительного вербального разрешения с моей стороны может представлять для вас непосредственную физическую опасность, равно как вытекающую из нее психологическую опасность и, возможно, в зависимости от ваших религиозных верований, духовный риск, вытекающий из вашей реакции на означенную физическую опасность. Любое движение с вашей стороны будет истолковано как подразумевающееся и не имеющее обратного действия согласие на этот риск, — говорит

первый метакоп. На поясе у него висит небольшой динамик, из которого бормочет синхронный перевод на испанский и японский.

— Или, как мы говорили раньше, — добавляет второй метакоп, — ни с места, придурок!

Непереводимое слово резонирует из маленького громкоговорителя, произнесенное как «эль-дурко» и «и-ду-ю-ки».

— Мы полномочные представители «Метакопов Анлимитед». Согласно Разделу 24.5.2 Свода законов «Белых Колонн», мы уполномочены осуществлять действия полиции на данной территории.

— Например, цепляться к невинным трэшникам, — говорит И. В.

Метакоп выключает громкоговоритель.

— Заговорив по-английски, вы косвенно и безвозвратно соглашаетесь на то, что все наши дальнейшие переговоры будут вестись на английском языке, — сообщает он.

— Вы даже не въезжаете, что И. В. говорит, — говорит И. В.

— Вы были идентифицированы как Фокус Расследования Зарегистрированного Криминального События, предположительно имевшего место на территории иного государства, а именно в «Конюшнях Виндзорских Высот».

— Это другая страна, приятель. Здесь ведь «Белые Колонны»!

— Согласно положениям Свода законов «Конюшен Виндзорских Высот» мы уполномочены приводить в действие законы, положения, касающиеся национальной безопасности и общественного равновесия, также и на означенной территории. Договор между «Конюшнями Виндзорских Высот» и «Белыми Колоннами» уполномочивает нас временно взять вас под арест до тех пор, пока не будет решен вопрос о вашем статусе как Фокуса Расследования.

— Попалась, детка, — переводит второй метакоп.

— Поскольку ваше поведение было отмечено как неагрессивное и при вас нет видимого оружия, мы не уполномочены предпринимать героические меры для обеспечения вашего содействия, — говорит первый метакоп.

— Будешь паинькой — и мы будем паиньками, — говорит второй.

— Однако мы экипированы устройствами, включающими, но не ограничивающимися стрелковым оружием, которое, будучи задействовано, может представлять крайнюю и непосредственную опасность для вашего здоровья и благосостояния, — продолжает первый.

— Только дернись, и мы тебе башку прострелим, — поясняет

второй.

— Да отцепите мою руку, мать вашу, — устало говорит И. В. Все это она слышала уже миллион раз.

Как и в большинстве ЖЭКов, в «Белых Колоннах» нет ни тюрьмы, ни полицейского участка. Это так неприглядно, так снижает стоимость домов в анклаве! И подумайте о том, какие это наложит на нас обязательства. У метакопов по соседству есть франшиза, служащая им штаб-квартирой. А что до тюрьмы, уродливого здания для содержания какого-нибудь сбившегося с пути хабеас корпус, так его ни одна уважающая себя франшиза держать не станет.

И. В. везут в Передвижном Модуле. Руки ей сковали наручниками, и спасибо, что спереди. Одна рука все еще наполовину залеплена соплями и так сильно воняет винилом, что обоим метакопам пришлось опустить окна. Остальные спагетти тянутся футов на шесть по полу Модуля, свисая за дверь на мостовую. Метакопы не особенно спешат: катят себе по средней полосе, не считая ниже своего достоинства то тут, то там содрать штраф за превышение скорости — они же на своей территории. Завидев их, мотоциклисты сбрасывают скорость, испытывая разумный ужас от одной только мысли о том, что придется остановиться и полчаса выслушивать предупреждения, отводы, рекламу и запутанный бюрократический сленг. Иногда, полыхая оранжевыми огнями, мимо проносится по левому ряду доставка «Коза Ностры», и тогда копы делают вид, будто ничего не заметили.

— Ну и куда тебя везти? В «Кутузку» или в «Тюрягу»?

— В «Кутузку», пожалуйста, — говорит И. В.

— В «Тюрягу»! — Второй метакоп поворачивается к ней, с усмешкой пялясь через пуленепробиваемое стекло и наслаждаясь своей властью.

Когда они проезжают мимо «Купи и Кати», весь салон машины внезапно освещается. Поболтайся на стоянке «Купи и Кати», загоришь почище, чем на пляже. Потом придет «Мировой Дозор» и тебя арестует. От этого яркого света, призванного внушить чувство безопасности, на ветровом стекле Модуля на мгновение вспыхивают стикеры «Визы» и «Мастеркард».

— У И. В. карточка есть, — говорит И. В. — Сколько будет стоит соскочить?

— С чего это ты себя зовешь деревом? — Как большинство придурков, он неверно истолковал ее имя.

— Не ива. И. В., — говорит первый метакоп.

— Вот так И. В. и зовут, — говорит И. В.

— Но я же это и имел в виду. Ива.

— И. В., — говорит первый, с таким упором на «В», что на лобовое стекло летят брызги слюны. — Дай-ка угадаю… Иоланда Вашингтон?

— Нет.

— Ивонна Веллингтон?

— Нет.

— Тогда от чего это за сокращение?

— Ни от чего.

На самом деле это сокращение от «Искренне Ваша», но если они не в состоянии сами сообразить, то пошли они.

— Тебе это не по карману, — говорит первый метакоп. — Ты же тут пошла против КВВ.

— Мне и не нужно официально отмыться. Я могла бы просто сбежать.

— Это Модуль высшего разряда. Побеги в меню не предусмотрены.

— Знаешь что, — говорит второй, — ты заплатишь нам триллион баксов, а мы отвезем тебя в «Кутузку». Тогда с ними попытаешься сторговаться.

— Полтриллиона, — говорит И. В.

— Семьсот пятьдесят миллиардов, — говорит метакоп. — Последнее слово. Надо же, сидит тут в наручниках и торгуется.

Открыв молнию на бедре, И. В. достает чистой рукой из кармана комбинезона кредитную карточку, проводит ею по прорези в спинке переднего сиденья и снова убирает в карман.

С виду «Кутузка» новая. И. В. видела отели с номерами гораздо хуже, чем здесь камеры. Вывеска с логотипом: кактус сагуаро в залихватски насаженной на верхушку черной ковбойской шляпе — чистая и новенькая.

КУТУЗКА

Заключение и заточение по высшему разряду

Принимаем автобусами!

На стоянке — пара машин метакопов, а чуть дальше припаркован еще и огромный автобус «Стражей Порядка» с карцером, обитым для удобства задержанных поролоном. Это заставляет метакопов задуматься. Стражи Порядка для метакопов все равно что соединение «Дельта» для «Корпуса мира». Метакопы

против Стражей Порядка — все равно что «Корпус мира» против соединения «Дельта».

— Одну зарегистрировать, — говорит второй метакоп, когда они втроем уже стоят в приемной, где стены увешаны подсвеченными вывесками, с каждой из которых смотрит какой-нибудь десперадо Дикого Запада. Бессмысленно пялится со своего портрета Энни Окли, призванная служить И. В. образцом для подражания. Стойка регистрации — в деревенском стиле. Все служащие носят ковбойские шляпы, а вместо бэджей — пятиконечные звезды, на которых выгравированы их имена. В задней стене — дверь с решеткой из милых сердцу старомодных чугунных прутьев. Помещение за ней похоже на операционную. Длинная череда маленьких камер с изогнутыми стенами и полом, со стенами, плавно переходящими в потолок и пол, будто фабричные душевые кабинки — если уж на то пошло, камеры выполняют эту функцию тоже, потому что душ тут принимаешь посреди комнаты. Яркий свет сам выключается в одиннадцать вечера. Телевизор, в который нужно бросать мелочь. Непрослушиваемая телефонная линия. И. В. ждет не дождется.

Нацелив на И. В. сканер, ковбой за стойкой считывает ее баркод. На графическом экране возникает около сотни страниц личной жизни И. В.

— Ага, — говорит он. — Женщина.

Метакопы обмениваются взглядами, словно говоря: надо же, гений, такому никогда не стать метакопом.

— Извините, ребята, но у нас все битком. Для женщин сегодня мест нет.

— Да ладно тебе.

— Видели автобус на задней стояке? Заваруха во «Вздремни и Кати». Наркоколумбийцы толкнули подпорченную партию «Головокружения», там все как с цепи сорвались. Стражи Порядка послали полдюжины нарядов, нам привезли человек тридцать. Поэтому у нас все забито. Может, в «Тюряге» есть места.

И. В. такое совсем не по нутру.

Метакопы снова запихивают ее в машину, включают подавление шума на заднем сиденье, так что она не слышит ничего, кроме бурчанья в своем пустом желудке и влажного хруста, стоит ей шевельнуть облепленной соплями рукой. Она и впрямь надеялась на ужин в «Кутузке» — «чили у лагерного костра» или «бандитские бургеры».

На переднем сиденье переговариваются метакопы. Вот они выезжают на трассу. Впереди квадратный подсвеченный логотип, черным по белому — гигантский Код Универсального Продукта, а ниже — «КУПИ И КАТИ».

На тот же столб, чуть ниже «Купи и Кати», приварен другой указатель, поменьше, узкая полоска непатентованного шрифта: «ТЮРЯГА».

Ее везут в «Тюрягу». Сволочи. Скованными руками И. В. бьет по стеклу, оставляя на нем липкие отпечатки. Пусть эти гады попытаются смыть собственные сопли. Оба оборачиваются и смотрят прямо сквозь нее; знают, подонки, что виноваты, и потому делают вид, будто что-то слышали, но не могут взять в толк что.

Модуль въезжает в пятно радиоактивного синего света секьюрити вокруг «Купи и Кати». Второй метакоп выходит поговорить с мужиком за стойкой. Толстый белый мальчишка в бейсболке «Новой ЮАР» с флагом Конфедерации над козырьком покупает журнал о грузовиках-монстрах. Подслушав их, мальчишка выглядывает из окна в надежде увидеть настоящего преступника. Из задней комнаты выходит второй мужчина, той же этнической группы, что и первый, еще один смуглый с горящими глазами и тонкой шеей. У этого в руках — папка о трех кольцах с корпоративным логотипом «Купи и Кати». Чтобы отыскать менеджера франшизы, не нужно напрягать глаза, разбирая надпись на бэдже, достаточно углядеть того, у кого папка.

Переговорив с метакопом, менеджер кивает, потом достает из стола связку ключей.

Летящей походкой второй метакоп подходит к машине и резко распахивает заднюю дверь.

— Заткнись, — говорит он, — иначе я тебе рот соплями залеплю.

— Как хорошо, что тебе нравится «Тюряга», — отвечает И. В., — поскольку именно там ты и окажешься завтра вечером, сопливый стрелок.

— Неужели?

— Ага. За мошенничество с кредитными карточками.

— Я коп, ты трэшник. И как ты собираешься представлять свое дело «Судопроизводству Судьи Боба»?

— Я работаю на «РадиКС». Мы своих защищаем.

— Только не в этот раз. Сегодня ты увезла с места происшествия пиццу. Сбежала с места аварии. Тебе в «РадиКС» велели доставить пиццу?

И. В. воздерживается от ответного огня. Метакоп прав: «РадиКС» не давала ей задания доставить пиццу. Она это сделала из каприза.

Метакоп дергает ее за руку, и все тело И. В. дергается следом. Менеджер бросает на нее безразличный взгляд — только для того, чтобы удостовериться, что она действительно человек, а не

мешок с мукой, мотор или пень. А потом ведет их всех через зловонные зады «Купи и Кати», мрачные владения отвратительного мусора в переполненных баках. Он открывает заднюю дверь, скучную стальную дверь с царапинами по краям, будто ее пытались открыть звери с железными когтями.

И. В. ведут в подвал. Первый метакоп, который идет следом, без нужды ударяет ее доской о дверные проемы и грязные стойки для бутылок с минеральной водой.

— Лучше заберите у нее форму… тут столько примочек, — похотливо советует второй метакоп.

Менеджер смотрит на И. В., стараясь не давать грешному взгляду жадно скользить вверх-вниз по ее телу. Тысячи лет эти люди выживали лишь за счет бдительности: ждали, когда из-за горизонта появятся скачущие монголы, ждали, когда вышедшие после отсидки уголовники наведут на них обрезы через прилавок. В настоящий момент эту мучительную для менеджера бдительность можно почти потрогать руками. Он словно сгусток горячего нитроглицерина. Дополнительный намек на сексуальные домогательства и нарушение должностных обязанностей только ухудшает ситуацию. Менеджеру не до шуток.

И. В. пожимает плечами, стараясь измыслить что-нибудь сбивающее с толку и эксцентричное. На этой стадии ей положено протестовать, визжать и съеживаться, корчиться и скулить, падать в обморок или умолять. Они угрожают отобрать у нее одежду. Какой ужас. Но она не расстраивается, поскольку знает, чего они от нее ждут.

Курьеру нужно расчистить себе пространство на трассе. Предсказуемое, законопослушное поведение убаюкивает водителей. Мысленно они предписывают тебе самую незначительную клеточку, малолитражку в медленном ряду и предполагают, что, если ты от нее отцепишься, тебе с потоком движения не совладать.

И. В. терпеть не может ни малолитражки, ни клеточки. И. В. расчищает себе место, величественным зигзагом переходя с одной полосы на другую, создавая прецедент пугающей хаотичности. Заставляет встречных держаться настороже, заставляет их реагировать на нее, а не наоборот. А теперь эти типы желают затолкать ее в клеточку, вынудить следовать правилам.

Одним движением она расстегивает комбинезон до самого пупка. Под ним — ничего, кроме незагорелого тела.

Метакопы поднимают брови.

А вот менеджер буквально отскакивает назад, поднимая руки, чтобы они, создав видимый заслон, защитили бы его от дискредитирующих данных на входе.

— Нет, нет, нет! — бормочет он.

Пожав плечами, И. В. снова застегивает молнию.

Она не боится, у нее есть дентата.

Менеджер пристегивает ее наручниками к канализационной трубе. Второй метакоп снимает свои новые кибернизированные наручники и нацепляет их назад на сбрую. Первый метакоп прислоняет к стене ее доску, но так, чтобы она не могла до нее дотянуться. Пнув ногой ржавую банку из-под кофе, менеджер посылает ее И. В. в голень — иными словами, не желаете ли опорожниться?

— Ты откуда? — спрашивает И. В.

— Из Таджикистана. Джик. Следовало бы знать.

— Ну, наверное, у вас футбол банкой для говна — национальный вид спорта.

Менеджер не врубается. Метакопы механически смеются.

Подписываются бумаги. Все поднимаются наверх. Выходя из камеры, менеджер выключает свет; в Таджикистане все экономят электричество.

И. В. в «Тюряге».

7

Внутри «Черное Солнце» — огромное, размером с два футбольных поля, положенных рядом. Дизайн минималистский: в воздухе плавают черные столешницы (какой смысл пририсовывать к ним ножки?), подвешенные точно по координационной сетке. Как пиксели. Единственное исключение составляет середина зала, где сходятся четыре квадранта заведения (4 равно 2 во второй степени). Эту часть занимает круглый бар шестнадцати метров в диаметре. Все здесь — матово-черное, на таком фоне компьютеру проще рисовать: не надо беспокоиться о том, чтобы заполнять сложный фон. К тому же при такой монохромной гамме все внимание сосредоточивается на аватарах, чего их владельцам и надо.

Какой смысл расхаживать в стильной аватаре по Стриту, где народу столько, что все гуляющие сливаются и перетекают друг через друга? Но «Черное Солнце» — программа куда более высокого класса. В «Черном Солнце» столкновения аватар не допускаются. Число посетителей в каждый данный момент ограничено, и им не позволено проходить друг сквозь друга. Клиенты здесь тоже классом повыше — пенисов тут не встретишь. Напротив, аватары выглядят так, как их хозяева. И демоны тоже по большей части похожи на людей.

«Демон» — термин из старого жаргона операционной системы UNIX, где он означал утилитку нижнего уровня, программку, входящую в операционную систему. В «Черном Солнце» демон сродни аватаре, но отображает он не человека. Демон — робот, который живет в Метавселенной. Можно сказать, он — дух, обитающий в машине и, как правило, выполняющий определенную функцию. В «Черном Солнце» имеется целый ряд демонов, которые смешивают и подают посетителям воображаемые напитки и выполняют мелкие поручения.

Тут есть даже демоны-вышибалы, которые избавляются от нежелательных элементов — хватают их аватары и выбрасывают за дверь, применяя к ним базовые принципы физического бытия аватар. Да5ид даже несколько преувеличил законы физики в «Черном Солнце», сделав их более мультяшными, поэтому особенно надоедливых типов бьют по головам гигантские деревянные молотки или на них обрушиваются сейфы, и лишь затем за них берутся вышибалы. Такое случается с теми, кто мешает остальным, с любым, кто докучает знаменитостям или их подслушивает, с любым, кто кажется заразным. Иными словами, если ваш персональный компьютер заражен вирусами и пытается

распространить их посредством «Черного Солнца», вам лучше посматривать на потолок.

Хиро бормочет слово «Топтун». Это название одной программки, которую он когда-то написал, мощного подспорья для стрингера ЦРК. Проникнув в операционную систему «Черного Солнца», «Топтун» просеивает информацию, а потом выбрасывает перед глазами Хиро плоскую карту, на которой отображено, кто здесь присутствует и кто с кем разговаривает. Все это неавторизованные данные, иметь которые Хиро не полагается. Но Хиро не какой-то там дешевый актеришка, пришедший сюда ради светского трепа. Он — хакер. Если ему нужна информация, он выковыривает ее прямо из недр системы — так сказать «слухи от машины».

Согласно Топтуну, Да5ид уютно устроился на своем обычном месте, за столиком в Квадранте Хакеров возле стойки. В Квадранте Кинозвезд — обычная россыпь властителей дум и тех, кто еще только желает пробиться. Квадрант Рок-звезд гудит, как растревоженный улей: по сведениям Топтуна, сюда заглянул сегодня рэп-звезда из Японии Суси К. И множество типов от шоу-бизнеса в Японском Квадранте, который похож на все остальные, вот только в нем гораздо тише, столы висят ближе к полу и тут и там кланяются вежливо трепетные демоны-гейши. По большей части в этом Квадранте осели, вероятно, менеджеры, юристы и пиарщики из свиты Суси К.

Пересекая Квадрант Хакеров, Хиро направляется к столику Да5ида. Многих по дороге он узнает, но, как обычно, удивлен и несколько встревожен числом тех, чьи лица ему незнакомы — лица двадцатилетних мальчиков на взлете. Разработка софта, как профессиональный спорт, просто создана для того, чтобы заставлять тридцатилетних мужчин чувствовать себя дряхлыми старцами.

Да5ид погружен в разговор с черно-белой аватарой. Несмотря на отсутствие цвета и дерьмовое разрешение, Хиро узнает ее по тому, как она складывает во время разговора руки, по тому, как встряхивает волосами, когда слушает Да5ида. Аватара Хиро застывает как громом пораженная и беспомощно смотрит на нее с тем самым выражением, с каким Хиро глядел на эту женщину много лет назад. В Реальности он берет бутылку пива и, сделав глоток, дает жидкости покататься по языку — сгусток волн бьется в тесном пространстве.

Ее зовут Хуанита Маркес. Хиро познакомился с ней, когда они еще учились на первом курсе в Беркли. Они тогда еще оказались в одной лабораторной группе на физике. Когда он впервые увидел ее, у него сложилось впечатление, которое не

менялось потом годами: угрюмая и замкнутая, синий чулок, которая одевается так, словно идет на собеседование на место бухгалтера в похоронной конторе. При всем этом язык у нее был что огнемет и огонь она могла открыть в самый неожиданный момент: обычно это бывало всесжигающее возмездие за какой-то мелкий промах или нарушение этикета, которых даже не заметили остальные первокурсники.

И только много лет спустя, когда они оба оказались на работе в «Черном Солнце Системс, Инк», он увидел другую ее сторону. В то время оба они занимались аватарами. Он — телами, она — лицами. Фактически она одна и была отделом лиц, поскольку никому другому и в голову не приходило, что головы могут быть сколько-нибудь важны, их воспринимали просто как бюсты телесного цвета на плечах аватар. И она была на полпути к тому, чтобы доказать, как отчаянно они ошибались. Но на той стадии исключительно мужское сообщество компьютерщиков, составлявшее верхушку «Черного Солнца Системс», считало проблему лиц тривиальной и поверхностной. Разумеется, это был просто сексизм, причем особенно ядовитая его разновидность, поскольку порождалась она технарями, искренне считавшими себя слишком умными, чтобы быть сексистами.

Компьютерщики воспринимали Хуаниту такой, какой увидел ее в первый раз семнадцатилетний Хиро. Тогда это была инстинктивная реакция едва вышедшего из подросткового возраста мальчишки с военной базы, который сам по себе жил уже целых три недели. Голова у него была дельная, разбирался он только в двух вещах: в самурайских фильмах и «макинтоше», но эти две вещи он понимал слишком уж хорошо. В таком мировоззрении места Хуаните Маркес не находилось.

Есть определенная разновидность маленьких городков, которые растут точно чирей на заднице каждого мальчишки с военной базы по всему миру. Все детство Хиро пролетело в таких местах, словно фильм на ускоренной перемотке; Хиро рос, как тепличная орхидея-мутант, благоденствующая под светом охранных прожекторов тысяч «Купи и Кати». Отец Хиро завербовался в армию весной сорок четвертого, шестнадцати лет от роду, и год провел на Тихом океане, в основном в лагерях для военнопленных. Хиро родился, когда его отцу было уже за пятьдесят. К тому времени отец давно уже ушел в отставку, но не знал, что ему с собой делать за пределами военной базы, поэтому остался в военном городке до конца восьмидесятых, пока его наконец не вышвырнули. Перед тем как сбежать в Беркли, Хиро успел пожить в Райтстауне, Нью-Джерси, Такоме, Вашингтоне, Фейетевилле, штат Северная Каролина, Хайнесвилле, штат

Джорджия, Кайлине, штат Техас, Графенвеере, Германия, Сеуле, Корея, Огдене, штат Канзас, и Уотертауне, штат Нью-Йорк. Все военные городки были, по сути, одинаковы: с одними и теми же франшизными гетто, с теми же стрип-барами, и даже люди были те же самые — он то и дело сталкивался со школьными приятелями, с которыми когда-то учился, с другими детьми военных, которые служили в одно время на одной базе.

Хотя кожа у них была разного цвета, все они принадлежали к одной этнической группе: армия. Черные дети говорили не как черные дети. Азиатские мальчишки не рвали задницу, чтобы превзойти всех в учебе. Белые дети, в общем, без проблем дружили с черными или азиатами. Девчонки знали свое место. У всех у них были одинаковые мамы с одинаковыми солидными задами в брюках в облипочку и одинаковыми высветленными перманентами. Все эти мамы были милыми и привлекательными, всегда готовыми подбодрить и утешить, а в случае если они оказывались умными, они изо всех сил это скрывали.

Поэтому когда Хиро впервые увидел Хуаниту, все его представления о другой половине человечества полетели в тартарары. У нее были длинные блестящие черные волосы, которые никогда не знали химической обработки иной, нежели регулярное мытье шампунем. Она не синила веки. Одежду носила темную, сшитую на заказ. И она никому не давала спуска, даже профессорам, в этой черте Хиро тогда видел сварливость и агрессию.

Когда по прошествии нескольких лет он увидел ее снова — за истекшие годы он успел поработать в Японии среди настоящих взрослых, к тому же людей более высокого социального слоя, чем тот, к какому он привык, людей, которые носили настоящую одежду и делали в своей жизни что-то стоящее, — то с удивлением осознал, что перед ним элегантная и потрясающе стильная красавица. Поначалу он решил, что это она подверглась каким-то радикальным переменам со времени их учебы в колледже.

Но потом он поехал навестить отца в военном городке и там столкнулся с первой красавицей своего выпускного класса. И был шокирован, увидев перед собой грузную даму с морковным перманентом в кричащей одежде: она глотала желтые журналы, стоя в очереди в кассу в продовольственном магазине базы, поскольку у нее не было лишних денег, чтобы их купить, щелкала жвачкой и обзавелась двумя детьми, приструнить которых у нее не хватало сил или предусмотрительности.

Когда он увидел в продуктовом эту женщину, его наконец осенило запоздалое прозрение; нет, на него не снизошел яркий

свет с небес, скорее это был бурый тусклый отсвет полумертвого фонарика с вершины стремянки: Хуанита не так уж и изменилась за эти годы, просто выросла и стала сама собой. Это он изменился. Радикально.

Однажды он зашел в ее кабинет — исключительно по делу. До того времени они часто сталкивались в офисе, но оба делали вид, что никогда раньше не встречались. Но когда он пришел к ней в тот день, она попросила его закрыть за собой дверь и, погасив экран монитора, начала вертеть в руках карандаш, уставившись на него глазами цвета вчерашнего суси. На стене у нее за спиной висел любительский портрет маслом: из лепной антикварной рамы с него смотрела старая дама. Это было единственное украшение кабинета Хуаниты. Все остальные хакеры вешали себе на стены плакаты с видами стартующих ракет или постеры звездолета «Интерпрайз».

— Это моя покойная бабушка, да помилует Господь ее душу, — сказала Хуанита, заметив, что он смотрит на портрет. — Мой образец для подражания.

— Почему? Она была программистом?

Хуанита только поглядела на него поверх вращающегося карандаша, словно хотела спросить: неужели млекопитающее может быть таким медлительным и при этом не задыхаться? Но вместо того, чтобы обрушить на него громы и молнии, просто ответила:

— Нет.

А потом дала более пространный ответ:

— Однажды, когда мне было пятнадцать лет, у меня случилась задержка. Мы с моим парнем составляли графики, но я знала, что этот метод ненадежен. У меня всегда было хорошо с математикой, я твердо запомнила процент ошибок, он отпечатался у меня в подсознании. Или, может, в сознании, я всегда их путаю. Как бы то ни было, я пришла в ужас. Наш пес начал относиться ко мне по-другому: считается, собаки способны учуять беременную женщину. Или, точнее, беременную суку.

К тому времени на лице Хиро застыло настороженное, пораженное выражение, которое Хуанита потом сполна использовала в своей работе. Ведь, разговаривая с ним, она наблюдала за его мимикой, анализировала то, как лицевые мышцы на лбу тянут вверх брови и заставляют глаза изменять форму.

— Моя мать ни о чем не подозревала. Мой парень и того хуже — если уж на то пошло, я тут же его бросила, потому что случившееся заставило меня понять, насколько он инопланетный тип — как многие представители вашей породы.

Последнее, очевидно, относилось к мужчинам вообще.

— А потом к нам приехала погостить моя бабушка, — продолжала Хуанита, оглянувшись через плечо на портрет. — Я избегала ее до самого обеда. И тогда она минут за десять обо всем догадалась, просто понаблюдав за моим лицом за обеденным столом. Я и десяти слов не сказала: «Передайте тортильи», — и тому подобное. Не знаю, как мое лицо передало эту информацию или какая именно система нейронных связей в бабушкином мозгу позволила ей совершить этот невероятный подвиг. Сконденсировать факт из туманности нюансов.

«Сконденсировать факт из туманности нюансов». Хиро не смог забыть тона, которым она произнесла эти слова, чувства, охватившего его, когда он понял, как Хуанита в действительности умна.

А она продолжала:

— Я всего этого даже не оценила, пока не прошло лет, наверное, десять и я на последнем курсе пыталась написать пользовательский интерфейс, который бы быстро отображал огромное количество данных. Я тогда работала по рангу детоубийц. — Этим термином Хуанита называла все, относящееся к министерству обороны. — Я навыдумывала множество сложных технических примочек, к примеру, вживлять электроды прямо в мозг. А потом вспомнила бабушку, и меня осенило. О боже, человеческий мозг способен воспринять и переработать огромные объемы информации — если только она будет подана в подходящем формате. Если у нее будет подходящий интерфейс. Если дать ей подходящее лицо. Хочешь кофе?

Тут Хиро посетила ужасная мысль. Каким он был тогда в колледже? Каким же он был придурком! И какое же впечатление он, наверное, произвел тогда на Хуаниту?

Другой молодой человек мучился бы этим молча, но Хиро никогда не сдерживала необходимость слишком тщательно что-то обдумывать, поэтому он пригласил ее на обед и после пары коктейлей (она пила содовую) просто задал вопрос: «Как по-твоему, я придурок?»

Она рассмеялась. Он улыбнулся, считая, что нашел удачный ход для флирта.

Прежде чем он осознал, что этот вопрос был, по сути, краеугольным камнем их отношений, прошло несколько лет.

Считает ли Хуанита Хиро придурком? У него всегда находилась причина считать, что ответом на этот вопрос будет «да», но девять раз из десяти она настаивала на обратном. Из этого проистекали сногсшибательные ссоры и сногсшибательный секс, драматические расставания и страстные примирения, но в

конечном итоге такие бурные чувства оказались не по плечу обоим: их изматывала работа, и они понемногу отдалились друг от друга. Он был измучен попытками понять, что она думает о нем на самом деле, и растерян, осознав, что ее мнение так для него важно. А она, возможно, считала, что раз уж Хиро так глубоко убежден, что он ее не стоит, то, может быть, знает что-то, что ей неизвестно.

Хиро списал бы все это на классовые различия, вот только ее родители жили в Мексикали, в доме с земляным полом, а его отец зарабатывал больше, чем многие преподаватели колледжей. Но все равно идея классовых различий его не отпускала, потому что класс — это нечто большее, чем доход, это знание о том, где твое место в паутине социальных отношений. Хуанита и ее семья свое место знали — с такой полнотой и убежденностью, что они граничили с помешательством. Хиро этого о себе не знал. Его отец был главным сержантом армии США, а мать — кореянкой из семьи рабов на шахтах Японии, и Хиро не мог сказать, негр он или азиат или же просто сын полка, богат он или беден, образован или невежествен, талантлив или удачлив. У него не было даже местности, которую он мог бы называть домом, пока он не переехал в Калифорнию, что так же конкретно, как сказать, что живешь в Северном полушарии. Наверное, в конце концов их роман прикончило отсутствие у него жизненных ориентиров.

После разрыва Хиро перебрал длинную последовательность пустых девиц, на которых (в отличие от Хуаниты) производило впечатление то, что он работает на хай-тек фирму из Силиконовой долины. В последнее время ему приходилось искать женщин, произвести впечатление на которых еще проще.

Хуанита некоторое время хранила целибат, а потом начала встречаться с Да5идом и в конце концов вышла за него замуж. Он был из семьи русских евреев из Бруклина, которые вот уже семьдесят лет жили в том самом многоквартирном доме, в котором поселились по приезде из латвийской деревни, где жили до того пятьсот лет. Положив на колени Тору, Да5ид мог проследить свою родословную до самых Адама и Евы. Он был единственным ребенком в семье, всегда и во всем был в своем классе первым, а когда получил диплом в Стэнфорде, основал собственную компанию, проделав это так же буднично, как отец Хиро нанимал очередной грузовик, когда их семья опять снималась с места. Потом Да5ид разбогател и теперь заправляет «Черным Солнцем». Да5ид всегда и во всем был уверен.

Даже когда стопроцентно ошибался. Вот почему Хиро уволился из «Черного Солнца Системс, Инк.», невзирая на обещания золотых гор в будущем, вот почему Хуанита развелась с

ним через два года после того, как вышла за него замуж.

Хиро на свадьбе Хуаниты и Да5ида не присутствовал. Он прохлаждался в камере, куда его затолкали через несколько часов после репетиции в церкви. Полиция забрала его из Парка Золотых Ворот, где, снедаемый любовью и одетый только в набедренную повязку, он, то и дело прикладываясь к громадной бутылке «курвуазье», практиковал атаки кендо настоящим самурайским мечом, проплывая над травой на мускулистых ногах, чтобы разрубить надвое взлетающие бейсбольные мячи и летающие тарелки других отдыхающих. Поймать мяч с дальнего броска, ловко располовинить его, как грейпфрут, — немалый подвиг. Единственный изъян в том, что владельцы бейсбольного меча могут неверно истолковать ваши намерения и вызвать полицию.

Вышел он из тюрьмы, заплатив за все бейсбольные мячи и летающие тарелки, но с того эпизода уже не трудился спрашивать Хуаниту, считает ли она его придурком. Теперь ответ известен даже Хиро.

С тех пор дороги их окончательно разошлись. В первые годы проекта «Черное Солнце» единственной зарплатой, которую могли платить хакеры другим хакерам, это раздавать самим себе акции. Хиро обычно продавал свои, как только получал. Хуанита — нет. Теперь она богата, а он — нет. Проще всего сказать, что Хиро был недальновидным инвестором, а Хуанита — прозорливым, но факты несколько сложнее. Хуанита рисковала всем, вкладывала все деньги в акции «Черного Солнца»; сложилось так, что на этом она сделала большие деньги, но ведь могла и разориться. А у Хиро в некотором смысле не было выбора. Когда его отец заболел, армия и Союз ветеранов взяли на себя оплату большей части счетов от врачей, но все равно родителям Хиро пришлось пойти на большие расходы, и мать Хиро, которая едва говорила по-английски, была не в состоянии сама зарабатывать деньги. Когда отец умер, Хиро обратил все свои акции «Черного Солнца» в наличность, чтобы поселить маму в симпатичной общине в Корее. Ей там нравится. Каждый день она ездит играть в гольф. Хиро мог бы оставить все деньги в «Черном Солнце» и в одночасье разбогатеть на десять миллионов, когда год спустя программа вышла на рынок, но тогда его матери пришлось бы жить на улице. Поэтому когда мать навещает его в Метавселенной, такая загорелая и счастливая в окружении приятельниц по гольф-клубу, Хиро видит в этом свое личное богатство. Квартплату этим богатством не заплатишь, ну и ладно. Пусть сам он живет в дыре, всегда ведь есть Метавселенная, а в Метавселенной Хиро Протагонист — принц-воин.

8

Язык у него щиплет. Тут Хиро понимает, что в Реальности забыл проглотить свое пиво.

Есть своя ирония в том, что Хуанита пришла в «Черное Солнце» в низкотехнологичной черно-белой аватаре. Это ведь она нашла способ заставить аватары проявлять подобие человеческих эмоций. Этот факт Хиро никогда не забывал, поскольку большую часть работы она завершила еще, когда они были вместе, и всякий раз, когда в Метавселенной аватара выглядит удивленной, разгневанной или страстной, он видит эхо себя самого или Хуаниты — Адама и Евы Метавселенной. Такое трудно забыть.

Вскоре после того, как Хуанита и Да5ид развелись, «Черное Солнце» стартовало всерьез. Когда же хакеры закончили подсчитывать прибыли, сбывать сопутствующие программные пакеты и купаться в лести остальной общины хакеров, то осознали, что успех всему предприятию принесли вовсе не алгоритмы избежания столкновений, и не демоны-вышибалы, и не что-то иное. Успех ему принесли лица Хуаниты.

Достаточно спросить бизнесменов Японского Квадранта. Они приходят сюда поговорить начистоту с деловыми людьми со всего света и считают, что эти беседы ничем не хуже переговоров лицом к лицу. Слова они по большей части пропускают мимо ушей, в конце концов, многое ведь при переводе теряется. Они обращают внимание на выражения лиц и язык жестов тех, с кем разговаривают. Вот откуда они знают, что творится в мыслях собеседника, — конденсируют факт из туманности нюансов.

Хуанита отказалась анализировать этот феномен, утверждая, что это нечто невыразимое, нечто, чего нельзя просто объяснить словами. У этой радикальной католички, вооруженной четками, проблем с данным феноменом не возникло, а вот компьютерщикам не понравилось. Они говорили, дескать, это иррациональный мистицизм. Поэтому она ушла работать на какую-то японскую компанию. У японцев нет проблем с иррациональным мистицизмом, который приносит им прибыль.

Но Хуанита больше не ходит в «Черное Солнце». Отчасти она обижена на Да5ида и остальных хакеров, не оценивших ее труд. А еще она решила, что вся эта затея — фальшивка. Что, как бы она ни была хороша, Метавселенная все равно искажает общение людей, а в своих отношениях она таких искажений не хочет.

Да5ид замечает Хиро, но подмигивает, показывая, что сейчас не самое подходящее время. Обычно столь трудноуловимый жест теряется в системном шуме статики, но у Да5ида очень хороший

компьютер и Хуанита помогала ему в написании аватары, поэтому его послание доходит — точно выстрел в потолок.

Отвернувшись, Хиро медленно фланирует вдоль круглого бара. Большая часть шестидесяти четырех барных табуретов заняты типами от шоу-биза, разбившимися на кучки и занятыми тем, что они умеют лучше всего: сплетничают и интригуют.

— Поэтому я поехал к режиссеру на переговоры. У него есть этакий домик на пляже…

— Правда-правда?

— Не заводи меня.

— Я слышал. Деби была там на вечернике, когда он принадлежал Фрэнку и Митци.

— Ну да ладно, там есть одна сцена в самом начале, где главный герой просыпается в мусорном баке. Смысл в том, чтобы, ну сам знаешь, показать, в каком он безнадежном положении…

— Энергетика безумия…

— Вот именно.

— Замечательно.

— Мне тоже нравится. А вот он хочет заменить это сценой, в которой малый шастает по пустыне с базукой, взрывая старые машины на заброшенных свалках.

— Шутишь!

— Так вот, сидим мы в его чертовом патио на пляже, а он все «бах!» да «бах!», подражая своей треклятой базуке. Просто помешался на этой идее. Ты только подумай, этот мужик хочет загнать в фильм базуку. Ну, думаю, я его отговорил.

— Недурная сцена. Но ты прав. Базука — это совсем не то, что мусорный бак.

Хиро останавливается ровно настолько, чтобы все это записать, а потом идет дальше. «Топтун» — бормочет он себе под нос, вызывая магическую карту, и считывает имя сценариста. Позже он может покопаться в пресс-релизах шоу-биза, чтобы выяснить, над каким сценарием работает этот тип, и выудить имя режиссера, помешанного на базуках. Поскольку весь разговор попал к нему посредством компьютера, он только что записал беседу на аудио. Позднее он обработает запись, чтобы замаскировать голоса, а потом сгрузит в Библиотеку с перекрестной ссылкой на имя режиссера. Сотня начинающих сценаристов может, выйдя по ссылке на этот разговор, слушать его раз за разом, пока не заучит наизусть, и при этом они будут платить Хиро за такую привилегию. А несколько недель спустя офис режиссера затопит поток сценариев с базуками. БАХ!

Квадрант Рок-звезд настолько ярок, что слепит глаза. У аватар рок-звезд такие хайеры, о каких реальные рок-звезды

могут только мечтать. Хиро быстро оглядывается в поисках друзей, но сегодня здесь в основном паразиты и бывшие. Знакомые Хиро по большей части будущие.

На Квадрант Кинозвезд смотреть легче. Актеры любят сюда приходить, потому что в «Черном Солнце» всегда выглядят так же классно, как на экране. И в отличие от бара или клуба в Реальности, чтобы попасть сюда, им не нужно покидать свой особняк, апартаменты в отеле, лыжный курорт, кабину личного самолета или что там еще. Они могут охорашиваться и навещать друзей, не подвергая себя риску похитителей, папарацци, размахивающих сюжетами сценаристов, киллеров, бывших супругов, спекулянтов автографами, фэнов, психопатов, предложений руки и сердца или ведущих колонок сплетен.

Хиро сползает с барного табурета и возобновляет свой медленный обход, сканируя Японский Квадрант. Как обычно, тут полно типов в деловых костюмах. Кое-кто разговаривает с гринго от шоу-биза, зачастую именуемого попросту Индустрией. И значительная часть Квадранта в дальнем углу отделена временной ширмой.

Снова вызвать Топтуна. Прикинув, какие именно столики скрыты за ширмой, он начинает считывать имена. Единственное имя, которое он узнает сразу, принадлежит американцу: Л. Боб Райф, монополист кабельного телевидения. Громкое имя в Индустрии, хотя на людях он показывается редко. Райф, похоже, встречается с целой сворой больших японских боссов. Хиро приказывает своему компьютеру запомнить их имена с тем, чтобы позднее проверить их по базе данных ЦРК и выяснить, кто они такие. Сдается, большая и важная встреча.

— Тайный агент Хиро! Как дела?

Хиро поворачивается. Перед ним стоит Хуанита, резко выделяющаяся на общем фоне в своей черно-белой аватаре, но все равно красивая.

— Как жизнь? — спрашивает она.

— Хорошо. А ты как?

— Великолепно. Надеюсь, тебе не очень противно разговаривать с аватарой, похожей на факс?

— Хуанита, я с большей радостью смотрел бы на факс тебя, чем на других женщин во плоти.

— Спасибо, ну и мастак же ты льстить. Сколько мы не виделись! — восклицает она, словно в этом есть что-то необычное.

Что-то происходит.

— Надеюсь, ты-то не собираешься спутаться с «Лавиной»? — продолжает она. — Да5ид не захотел меня слушать.

— Я что, образец самоограничения? Я как раз тот самый, который его и попробует.

— Я слишком хорошо тебя знаю. Ты импульсивен. Но очень умен. У тебя рефлексы бойца на мечах.

— А при чем тут наркотики?

— А при том, что ты заранее видишь дурное и способен его отразить. Это инстинкт, а не нечто заученное. Как только ты повернулся и увидел меня, твое лицо словно бы сказало: «Вот черт, что тут происходит? Что задумала Хуанита?»

— Я думал, ты не разговариваешь с людьми в Метавселенной.

— Разговариваю, если мне надо спешно с кем-то связаться, — отвечает она. — И с тобой я всегда готова поговорить.

— Почему со мной?

— Сам знаешь. Из-за нас. Или забыл? Из-за нашего романа, ведь я в то время писала все это, мы с тобой — единственные люди, кто когда-либо сможет вести честный разговор в Метавселенной.

— Ты все тот же мистик и эксцентрик, каким была раньше. — Он улыбается, словно превращая это в очаровательное заверение.

— Ты даже представить себе не можешь, насколько я теперь стала мистической и эксцентричной.

— И какая ты теперь мистическая и эксцентричная?

Она смотрит на него с теплой улыбкой. Именно так, как смотрела, когда много лет назад он вошел в ее кабинет.

Тут ему приходит в голову спросить себя, почему в его присутствии она всегда настороже. В колледже он думал, что она боится его интеллекта, но уже многие годы знает, что это последнее, что ее беспокоит. В бытность свою в «Черном Солнце Системс» он считал, что это типичная женская осторожность, мол, Хуанита боится, что он пытается затащить ее в постель. Но и об этом теперь тоже не может быть и речи.

На этой стадии своих романов он исхитрился выдумать новую теорию: она осторожничает, потому что он ей нравится. Против ее же воли нравится. Он именно тот соблазнительный, но крайне неподходящий романтический вариант, которого должна научиться избегать всякая умная девушка.

Определенно это так. Все же есть свои преимущества в том, что становишься старше.

— У меня есть коллега, с которым я бы хотела тебя познакомить, — говорит она вместо ответа на его вопрос. — Джентльмен и ученый по имени Лагос. Потрясающе интересный тип.

— Он твой парень?

Тут она задумывается. Надо же, не спустила на него всех

собак!

— В противоположность моему поведению в «Черном Солнце» я не трахаюсь с каждым мужчиной, с которым работаю. И даже если бы это было так, Лагос исключается.

— Не твой тип?

— Совсем не мой.

— А кстати, кто твой тип?

— Старый, богатый, лишенный воображения блондин с устойчивой карьерой.

Это едва от него не ускользает. Потом он все же успевает словить:

— Ну, волосы я могу покрасить. И рано или поздно я состарюсь.

Хуанита в самом деле смеется. Таким смешком обычно снимают напряжение.

— Поверь мне, Хиро, в настоящий момент я последний человек на земле, с кем тебе захотелось бы связываться.

— Это часть твоего увлечения церковью? — спрашивает он. Излишки доходов Хуанита пустила на то, чтобы основать собственную ветвь католической церкви — она считает себя миссионером среди разумных атеистов всего мира.

— Почему тебе надо говорить так снисходительно? — упрекает она. — Именно с таким отношением я и борюсь. Религия — не для простаков.

— Извини. Знаешь, это нечестно — ты можешь считать малейшее выражение моего лица, а я смотрю на тебя через чертову метель.

— Это определенно имеет отношение к религии, — говорит она. — Но все слишком сложно, и тебе настолько не хватает базовых знаний, что я даже не знаю, с чего начать.

— Черт, но я же в старших классах каждую неделю ходил в церковь. Даже пел в церковном хоре.

— Знаю. В этом-то и проблема. Девяносто девять процентов всего, что происходит в большинстве христианских церквей, не имеет никакого отношения к религии. Все разумные люди рано или поздно это замечают и потому приходят к выводу, будто все сто процентов — ерунда. Вот почему в сознании людей атеизм связан с рациональным мышлением.

— Выходит, все, что я почерпнул в церкви, к твоему делу отношения не имеет?

Хуанита с минуту смотрит на него задумчиво, потом вынимает из кармана гиперкарточку.

— Вот, возьми, — говорит она.

Как только Хиро берет у нее гиперкарточку, та из

подергивающейся двумерной фикции превращается в реалистичный, сливочного цвета и с отличной текстурой, листок дорогой писчей бумаги. На глянцевой поверхности выведены черными чернилами два слова.

ВАВИЛОН

(Инфокалипсис)

9

Все вокруг на мгновение замирает и тускнеет. «Черное Солнце» утрачивает свою великолепную анимацию и начинает двигаться размытыми скачками. Ясно одно: его компьютер основательно подвисает; все его платы заняты обработкой огромных объемов информации, содержимого гиперкарточки, и у них не хватает мощности для того, чтобы одновременно перерисовывать картинку «Черного Солнца» во всей полноте его поразительного жизнеподобия.

— Срань господня! — охает Хиро, когда в «Черное Солнце» полностью возвращается анимация. — Что, черт возьми, было на этой карточке? У тебя там, наверное, половина Библиотеки.

— И Библиотекарь в придачу, — говорит Хуанита, — он поможет тебе с поиском. Там много видеозаписей Л. Боба Райфа, они и занимают большую часть мегабайтов.

— Ну ладно, тогда придется попытаться их посмотреть, — с сомнением бормочет он.

— Сделай это. В отличие от Да5ида у тебя хватит ума извлечь из этого пользу. А тем временем держись подальше от Ворона. И от «Лавины» тоже. Обещаешь?

— Кто такой Ворон? — спрашивает Хиро.

Но Хуанита уже на пути к двери. Стильные аватары, мимо которых она идет, все как одна поворачиваются поглядеть ей вслед; кинозвезды бросают на нее убийственные взгляды, а хакеры поджимают губы и пялятся с благоговением.

Обходя зал по кругу, Хиро возвращается в Квадрант Хакеров. Да5ид перетасовывает гиперкарточки у себя на столе — бизнес-статистика по «Черному Солнцу», кино- и видеоклипы, пакеты софта, наспех накарябанные номера телефонов.

— Всякий раз, когда ты входишь, в системе что-то отщелкивает. Словно удар мне под ложечку, — говорит Да5ид. — У меня всегда возникает нехорошее чувство, что «Черное Солнце» вот-вот рухнет.

— Это, наверное, Топтун, — отвечает Хиро. — У него есть такая подпрограммка, которая по-быстрому латает ловушки в кластерах.

— А, вот в чем дело. Пожалуйста, прошу тебя, выбрось ты его, — говорит Да5ид.

— Что, Топтуна?

— Ага. Было время, когда это было круто, но сейчас это все равно что запускать ядерный реактор каменным топором.

— Спасибо.

— Я тебе дам какие угодно хедеры, если решишь сапгрейдить его во что-нибудь менее опасное, — говорит Да5ид. — Пойми, я вовсе не хочу принижать твои способности. Просто говорю, что тебе нужно идти в ногу со временем.

— Чертовски трудно. Для независимого хакера в этом мире больше нет места. Нужно, чтобы за тобой стояла крупная корпорация.

— Это я понимаю. Равно как и то, что тебе невыносимо работать на крупную корпорацию. Вот почему я говорю тебе, что дам то, что тебе нужно. Пусть наши пути и разошлись, для меня ты всегда был и будешь частью «Черного Солнца».

Вот вам типичный Да5ид. Снова говорит от чистого сердца в обход головы. Не будь Да5ид хакером, Хиро давно бы отчаялся, что ему хоть чего-то удастся добиться.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — говорит Хиро. — У меня галлюцинации, или вы с Хуанитой снова встречаетесь?

Да5ид награждает его снисходительной улыбкой. Да5ид был очень добр к Хиро с самого разговора, который случился несколько лет назад. Это был разговор, начавшийся с дружеского трепа за пивом и устрицами, между двумя давними собратьями по оружию. Только когда три четверти уже было позади, до Хиро наконец дошло, что на самом деле его прямо сейчас увольняют. С того разговора Да5иду случалось подбрасывать время от времени Хиро полезные крохи инфы и слухов.

— Стараешься разузнать что-нибудь полезное? — со знающим видом спрашивает Да5ид. Как и большинство компьютерщиков, Да5ид — человек совершенно бесхитростный, но, бывает, мнит себя реинкарнацией самого Макиавелли.

— У меня для тебя новости, приятель, — говорит Хиро. — Большую часть того, что ты мне рассказывал, я в Библиотеку не сгружал.

— Почему? Черт, я тебе передавал самые пикантные слухи, какие только до меня доходили. Я думал, ты деньги на этом делаешь.

— Слишком гадко, — говорит Хиро. — Противно обращать в деньги разговоры с друзьями. С чего ты решил, что я на мели?

Кое о чем он не упоминает; а именно, что он всегда считал себя равным Да5иду и ему невыносима даже мысль о том, чтобы питаться подачками Да5ида, будто собака, свернувшаяся у него под столом.

— Я порадовался, увидев, что Хуанита сюда пришла, пусть даже черно-белая, — говорит Да5ид. — Для нее не пользоваться «Черным Солнцем»… все равно как если бы Александр Грэхем Белл отказался бы пользоваться телефоном.

— Зачем она сегодня приходила?

— Ее что-то беспокоит, — отвечает Да5ид. — Она хотела знать, не видел ли я кое-кого на Стриту.

— Кого-то конкретного?

— Она тревожится из-за одного здорового типа с длинными черными волосами, — говорит Да5ид. — Он толкает что-то под названием… ах, вот оно… «Лавина».

— А в Библиотеке она смотрела?

— Ага. Я, во всяком случае, так полагаю.

— Ты этого типа видел?

— Ну да. Его трудно не заметить, — говорит Да5ид. — Стоит прямо под нашей дверью. Это я от него получил.

Просканировав стол, Да5ид показывает Хиро гиперкарточку.

СНОУКРЭШ

Разорвите карточку пополам

И получите пробный кайф бесплатно

— Послушай, Да5ид, — говорит Хиро. — Поверить не могу, что ты взял гиперкарточку у какого-то черно-белого.

Да5ид смеется.

— Времена изменились, старик. В моей системе столько антивирусов, что ничто в нее не пролезет. Я от хакеров получаю столько завирусованного дерьма, через меня и «Черное Солнце» столько всего проходит, что мне иногда кажется, я тружусь в инфекционной больнице. Поэтому, что бы там ни было на этой гиперкарточке, мне бояться нечего.

— Ну, тогда, — говорит Хиро, — мне очень любопытно.

— Ага, и мне тоже, — смеется Да5ид.

— Наверное, много шуму из ничего.

— Скорее всего, анимареклама, — соглашается Да5ид. — Как, по-твоему, попробовать?

— Ага, — откликается Хиро. — Давай. Не каждый же день удается попробовать новый наркотик.

— Ну, если хочешь, можешь пробовать новые и каждый день, — возражает Да5ид, — но не каждый день встречаешь такой, который не способен причинить тебе вреда.

Он разрывает гиперкарточку пополам.

Проходит секунда, вторая. Ничего не происходит.

— Я жду, — говорит Да5ид.

На столе перед Да5идом материализуется аватара — сперва призрачная и прозрачная, но постепенно становящаяся плотной и трехмерной. Эффект, если уж на то пошло, банальный; Хиро и Да5ид уже хохочут.

Аватара — голенькая «Брэнди». Она даже не похожа на стандартную модель, сдается, это дешевая тайваньская копия. Совершенно очевидно, что это просто демон. В руках у нее две трубки размером приблизительно с рулон бумажных полотенец.

Да5ид откидывается на спинку стула, явно наслаждаясь сценой. Во всем происходящем есть что-то уморительно безвкусное.

Подавшись вперед, «Брэнди» манит Да5ида пальцем. С широкой ухмылкой Да5ид наклоняется прямо к ее лицу. А она приближает ярко-рубиновые губки к его уху и что-то бормочет — только вот Хиро не слышит что.

Когда она отстраняется, лицо Да5ида уже изменилось. На лице его застыло ошарашенное выражение. Возможно, Да5ид выглядит так в Реальности, возможно, «Лавина» каким-то образом попортила его аватару и та больше не отслеживает истинные выражения лица владельца. Но Да5ид смотрит прямо перед собой, и глаза его застыли в глазницах.

«Брэнди» же подносит свои трубки к обездвиженному лицу шеф-хакера «Черного Солнца», а потом разворачивает. Оказывается, в руках у нее был свиток. И она разворачивает его прямо перед глазами Да5ида, будто двухмерный экран. Парализованное лицо Да5ида приобретает синюшный оттенок, это на него падает льющийся из свитка свет.

Хиро обходит стол, чтобы тоже посмотреть. И успевает заглянуть внутрь прежде, чем «Брэнди» резко смыкает руки, убирая экран. Там была живая стена света, точно гибкий телевизор с плоским экраном, и он не показывал вообще ничего. Только статика. Белый шум. Снег.

А «Брэнди» исчезла. И следа ее не осталось. От нескольких столов в Квадранте Хакеров раздаются нестройные саркастические аплодисменты.

Да5ид уже в норме, на лице у него ухмылка, отчасти язвительная, отчасти смущенная.

— Что это было? — спрашивает Хиро. — Я только увидел снег под самый конец.

— А ничего больше и не было, — отвечает Да5ид. — Фиксированный набор черно-белых пикселей при довольно высоком разрешении. Просто мне дали посмотреть на пару сотен тысяч единиц и нулей.

— Иными словами, кто-то только что сгрузил тебе в оптический нерв сотню тысяч байтов информации? — переспрашивает Хиро.

— Скорее уж шума.

— Ну, вся информация выглядит как шум, пока код не взломаешь, — возражает Хиро.

— Зачем кому-то показывать мне информацию в двоичном коде? Я же не компьютер. Я битовые массивы читать не умею.

— Расслабься, Да5ид, я просто дурачусь, — примирительно говорит Хиро.

— Знаешь, что это было? Ты знаешь, что хакеры вечно пытаются показать мне образчики своих трудов?

— Ага.

— Какой-то хакер придумал такой трюк, чтобы показать мне свою прогу. И все работало хорошо до тех пор, пока «Брэнди» не развернула свиток — но код у него оказался глючный, и в неподходящий момент все рухнуло лавиной, поэтому вместо его анимации я увидел только снег.

— Тогда почему эта штука называется «Лавина»?

— Юмор висельника. Он знал, что программа глючит.

— Что прошептала тебе на ухо «Брэнди»?

— На каком-то языке, которого я не распознал, — говорит Да5ид. — Просто бессмысленная тарабарщина.

— У тебя после этого был такой ошарашенный вид.

— И вовсе не ошарашенный, — обижается Да5ид. — Просто все это было настолько странно, что, наверное, на пару секунд выбило меня из колеи.

Хиро смотрит на него с крайним сомнением. Заметив это, Да5ид встает.

— Хочешь посмотреть, что замышляют твои японские конкуренты?

— Что еще за конкуренты?

— Ты ведь раньше писал аватары для рок-звезд, так?

— И сейчас их пишу.

— А сегодня здесь Суси К.

— Ах да. Хайер размером с галактику.

— Лучи и отсюда видны, — говорит Да5ид, указывая на соседний Квадрант, — но я хочу посмотреть на все в целом.

Издали кажется, что где-то в середине Квадранта Рок-звезд встает солнце. Над головами толпящихся аватар Хиро видит веер оранжевых лучей, исходящих откуда-то из столпотворения. А веер не стоит на месте: поворачивается, покачивается из стороны в сторону, временами встряхивается, и вся вселенная как будто движется вместе с ним. На Стриту фейерверк прически Суси К.

подавлен предписаниями ширины и высоты. Но в пределах «Черного Солнца» Да5ид допускает свободу самовыражения, поэтому оранжевые лучи тянутся до самых границ собственности.

— Интересно, ему уже кто-нибудь сказал, что американцы не станут покупать рэп у японца? — бормочет Хиро себе под нос, когда они подходят поближе.

— Наверное, тебе стоит это сказать, — говорит Да5ид, — выставить счет за услуги. Он сейчас, знаешь ли, в Л.А.

— Вероятно, остановился в отеле, где полно подхалимов, которые талдычат ему, какой великой он будет рок-звездой. Ему следует побывать в гуще реальной биомассы.

Они вливаются в поток, петляющий по узкому каналу в плотной толпе.

— Биомассы? — переспрашивает Да5ид.

— Конгломерат живой материи. Это экологический термин. Если взять акр джунглей, или кубическую милю океана, или квартал Комптона и выбрать все, что на них живет, получишь биомассу.

Да5ид, у которого мозги, как всегда, повернуты на биты и байты, ничего не понимает, о чем и сообщает Хиро. Голос его звучит как-то странно, в аудиовыход закрадывается статика.

— Сленг шоу-биза, — говорит Хиро. — Индустрия питается человеческой биомассой Америки. Как кит, выбирающий из моря планктон.

Хиро протискивается между двумя японскими бизнесменами. Один одет в положенный синий костюм, а вот другой, похоже, неотрадиционалист, облачен в темное кимоно. И подобно Хиро имеет при себе два меча — длинную катану на левом бедре и короткий вакизаси, наискось заткнутый за пояс. Они с Хиро бегло оглядывают оружие друг друга. Потом Хиро отводит взгляд и делает вид, будто ничего не заметил, тогда как неотрадиционалист застывает как каменное изваяние, только опускает уголки рта. Хиро уже видел такое представление раньше. И знает, что ему вот-вот предстоит поединок.

Люди уходят с дороги: через толпу несется нечто огромное и неумолимое, расталкивая аватары в разные стороны. В «Черном Солнце» только одно существо обладает такой способностью расталкивать людей — демон-вышибала.

Когда они с Да5идом подходят ближе, Хиро видит весь летучий клин горилл в смокингах. Настоящих горилл. И все они как будто направляются к Хиро.

Он пытается отступить, но тут же на что-то натыкается. Похоже, «Топтун» наконец навлек на него беду; кажется, его сейчас вышибут из бара.

— Да5ид, — говорит Хиро. — Отзови их, старик. Я перестану запускать «Топтуна».

Все, кто стоит поблизости, смотрят за плечо Хиро, их лица освещены мешаниной многоцветных огней.

Хиро оглядывается посмотреть на Да5ида. Но Да5ида там больше нет.

На месте шеф-хакера — только подергивающееся облако дурной цифровой кармы. Оно настолько яркое, быстрое и бессмысленное, что на него больно смотреть. Рывками оно становится то цветным, то черно-белым, а будучи цветным, крутится по полу как разноцветное колесо, словно его секут мощные прожектора дискотеки. И оно не остается в пространстве прежнего тела. Из этого облака то и дело выскакивают сгустки пикселей, которые, пролетев через все «Черное Солнце», исчезают за стенами бара. Это уже не структурированное программное тело, а центробежное облако линий и завихрений, центр которого уже не держит и разбрасывает яркие куски телесной шрапнели по всему залу, мигая, вспыхивая и исчезая, вламываясь в аватары посетителей.

Гориллам все равно. Запустив волосатые пальцы в середину разлагающегося облака, они каким-то образом его зацепляют и проносят мимо Хиро к выходу. Когда облако проплывает мимо, Хиро видит в нем лицо Да5ида, но искаженное, будто смотрит на него сквозь гору битого стекла. Видение мимолетное. И вот аватара Да5ида уже исчезла, умелым ударом ноги выброшена во входную дверь, вот она уже летит над Стритом по длинной плоской дуге, которая уносит ее за горизонт. Подняв глаза, Хиро смотрит по пустому проходу на пустой стол Да5ида, окруженный потрясенными хакерами.

Да5ид Мейер, верховный повелитель хакеров, отец-основатель протокола Метавселенной, создатель и владелец известного на весь мир «Черного Солнца», только что пережил крах системы. Его выбросили из собственного бара собственные демоны.

10

Ну, может быть, не первое, а второе или третье, что осваивают в профессии курьера, это как распилить наручники. Что бы там ни утверждали миллионы франшиз «Тюряги», все-таки наручники — приспособление кратковременное. А давнишний статус скейтбордистов как угнетенного этнического меньшинства подразумевает, что все они в той или иной степени виртуозы побега.

Но сперва главное. В комбинезоне И. В. множество примочек, прежде всего сотни карманов: большие и плоские для посылок, длинные и узкие для снаряги, а еще карманы по рукавам, в бедрах и голенях по штанинам. Снаряга, распиханная по этим карманам, бывает обычно мелкой, мудреной и весит немного: ручки, маркеры, фонарики, перочинные ножи, отмычки, сканеры бар-кодов, сигнальные ракеты, «жидкий кастет», шокеры и световые палочки. На правом бедре у И. В. затолканный вверх ногами калькулятор, по совместительству работающий как таксометр и секундомер с остановом.

На другом бедре мобильник. В тот момент, когда менеджер запирает дверь наверху, телефон звонит. И. В. отцепляет его способной рукой. Это мама И. В.

— Привет, мам. Отлично, а ты? Да, я у Трейси. Ага, были в Метавселенной. Просто поваляли дурака в игровом салоне на Стриту. Да, развлеклись. Да, да, я взяла себе симпатичную аватару. Не-а, мама Трейси сказала, что попозже отвезет меня домой. Но мы хотим еще заехать в «Автогонки на бульваре Виктории», можно? Ага, спи спокойно, мам. Буду, буду. И я тебя люблю. Пока.

Нажав на кнопку «отбой», она обрывает болтовню с мамой и через полсекунды задает новый номер.

— Падаль.

Рев. Воздух ревет, с огромной скоростью обтекая микрофон мобильника Падали. А еще к этому реву примешивается такой же громкий свист многих десятков шин по покрытию мостовой, перкуссии выбоин; по звуку — это ветхий бульвар Вентура.

— Ло, И. В., — говорит Падаль. — Как оно?

— А твое?

— Лечу по Вентуре. Как ты?

— Торчу в «Тюряге».

— Ух ты! Кто тебя сцапал?

— Метакопы. Приклеили меня из соплепушки к воротам «Белых Колонн».

— Ну надо же! Когда сваливаешь?

— Скоро. Можешь мне подсобить?

— Ты о чем?

Ох уж эти мужчины!

— Сам знаешь, помочь. Ты мой парень. — Она старается говорить доступно и ясно. — Когда меня забирают, считается, что ты придешь и поможешь мне выбраться.

Разве не всем полагается такое знать? Неужели родители больше ничему детей не учат?

— Ну, э… а ты где?

— «Купи и Кати» номер 501762.

— Я на пути в Берни с суперультра.

Иными словами, в Сан-Бернардино. Иными словами, с суперультраважной доставкой. Иными словами, не судьба.

— О'кей, и на том спасибо.

— Извини.

— Кати с богом. — Этим традиционным саркастическим «до свиданья» И. В. заканчивает разговор.

— Дыши спокойно, — отвечает Падаль. Рев разом смолкает.

Вот гад. Уж он попресмыкается на следующем свидании. Но тем временем есть еще кое-кто, за кем должок. Единственная проблема в том, что он, возможно, псих. Но попытка не пытка.

— Алло, — отвечает он по мобильнику. Дышит он тяжело, и на заднем плане дуэтом воет пара сирен.

— Хиро Протагонист?

— Да. Кто это?

— И. В. Ты где?

— На стоянке «Безопасный путь по Оуха», — отвечает он и, по всей видимости, говорит правду, поскольку на заднем плане слышен лязг анальных совокуплений продуктовых тележек.

— Я сейчас немного занят, Ива, но… Чем могу тебе помочь?

— Меня зовут И. В., — говорит она, — и ты можешь мне помочь выбраться из «Тюряги».

Она сообщает детали.

— Давно он тебя запер?

— Десять минут как.

— О'кей, в папке о трех кольцах франшиз «Тюряги» говорится, что менеджеру положено проверить задержанного через полчаса после приемки.

— Откуда ты это знаешь? — обвиняюще спрашивает она.

— Сама подумай. Как только он уйдет, выжди еще пять минут, а потом двигай. Попытаюсь тебе подсобить. Идет?

— Усекла.

Ровно через двадцать минут, секунда в секунду, она слышит

скрежет ключа в замке. Зажигается свет. «Рыцарское забрало» спасает ее от разрушения сетчатки. Протопав вниз по ступенькам, менеджер злобно на нее пялится. Довольно долго пялится. Ясно: искушение велико. Вот уже полчаса мимолетное видение плоти рикошетом мечется в его черепной коробке. Менеджера терзают космические вопросы. И. В. надеется, что он все же ни на что не решится, потому что эффект дентаты может быть непредсказуемым.

— Давай, решайся, мать твою, — говорит она.

Сработало. Новый культурный шок отрывает таджика от решения этической головоломки. Он бросает на И. В. неодобрительный взгляд — в конце концов, это она вынудила его чувствовать влечение, вызвала возбуждение, вскружила голову; это ведь она виновата, что ее арестовали, так? — и поэтому, помимо всего прочего, он на нее сердит. Как будто у него есть на это право.

И это «сильный» пол, который изобрел вакцину от полиомиелита?

Повернувшись, он поднимается по ступенькам, вырубает свет и запирает дверь.

Сверившись с часами, И. В. ставит будильник на пять минут — единственный человек в Северной Америке, кто действительно знает, как в цифровых наручных часах установить будильник, — и вытаскивает из узкого карманчика в рукаве набор для распиливания наручников. Она также вытаскивает и разламывает световую палочку, чтобы хоть что-то видеть. Выбрав тонкую стальную полоску с пружинкой на конце, она заводит ее во внутренности браслетов и нажимает на спуск пружины. Кольцо, работавшее до того как односторонний храповик, способный только зажиматься, со звоном раскрывается.

Она могла бы снять и второй наручник, но ей нравится, как он выглядит, поэтому первый она насаживает себе на запястье рядом со вторым, чтобы получился двойной браслет. Мама носила такие вещи, когда была панком.

Стальная дверь заперта, но предписания по безопасности «Купи и Кати» требуют иметь в подвале аварийный выход на случай пожара. Здесь им служит зарешеченное окно, под которым закреплена большая красная кнопка пожарной сигнализации (она же открывает аварийный выход) с надписями на нескольких языках. В зеленом свечении светопалочки красный цвет кажется черным. Прочитав инструкции по-английски, И. В. повторяет их пару раз про себя, чтобы запомнить, а потом ждет. Она убивает время, рассматривая инструкции на остальных языках и пытаясь отгадать, какой из них какой. На взгляд И. В., все они похожи на

таксилингву.

Окошко такое грязное, что через него почти ничего нельзя разглядеть, но она все же видит, как мимо проходит какая-то темная тень. Хиро.

Секунд десять спустя тренькает будильник. И. В. нажимает на кнопку аварийного выхода. Звучит гонг. Прутья толще, чем она думала — хорошо, что это не настоящий пожар, — но наконец она их все же выдергивает. Выбросив доску на простор стоянки, она протискивается в окошко как раз в тот момент, когда в замке поворачивается ключ. К тому времени, когда трехкольцовый, наверное, отыскал свой жизненно важный выключатель, она уже закладывает вираж на переднюю парковку… а там праздник джиков!

Тут, похоже, собрались таджики со всей Южной Калифорнии, прикатили на гигантских раздолбанных такси с неведомой живностью на задних сиденьях, и несет от них благовониями и пролитыми освежителями воздуха неоновой раскраски. Установив на капоте одной из машин гигантский восьмитрубочный кальян, они теперь булькают огроменными клубами вонючего дыма.

И все пялятся на Хиро Протагониста, который недоуменно смотрит на них в ответ. У всех на стоянке изумленный вид.

Он, наверное, подошел с задов франшизы, откуда ему было знать, что на передней стоянке полно джиков. Какой бы ни был его план, он только что полетел ко всем чертям.

Из-за «Купи и Кати» с криком «караул» на кровожадной таксилингве выбегает менеджер. В спину И. В. упирается огонек лазерного прицела переносной ракетной установки.

Но таджикам у кальяна на И. В. наплевать. Они нацелились на Хиро. Вот они аккуратно вешают чеканные серебряные мундштуки на крючки, встроенные в горлышко своего мега-гашишника. А потом надвигаются на Хиро, запуская руки в складки халатов, во внутренние карманы ветровок.

И. В. отвлекает резкое шипение. Рискнув оглянуться на Хиро, она видит, что он выхватил из ножен трехфутовый изогнутый меч, которого она раньше не видела. И присел на корточки. Клинок меча болезненно поблескивает под убийственными прожекторами секьюрити «Купи и Кати».

Ну надо же, какое геройство!

Кальянные мальчики сбиты с толку, и это еще мягко сказано. Впрочем, они не столько напуганы, сколько растеряны. Нет сомнения, почти у всех есть пушки. Так почему этот тип пытается напугать их мечом?

Тут она вспоминает, что среди множества профессий на

визитке Хиро значится «Величайший боец на мечах в мире». Он что, правда, способен сразиться с целым кланом вооруженных хачиков?

Рука менеджера вцепляется ей в предплечье — как будто это может ее остановить. Потянувшись другой рукой в карман, она огревает его струйкой «жидкого кастета». С приглушенным хрюканьем менеджер отдергивает голову и, отпустив ее руку, на нетвердых ногах делает несколько шагов назад, пока не падает, распростершись на багажнике такси, основаниями ладоней яростно тыча себе в глазницы.

Подождите-ка секундочку. В этом такси никого нет. А из замка зажигания свисает двухфутовая цепочка макраме: ключ на месте.

Забросив доску в окно тачки, она ныряет вслед за ней (И. В. худенькая, поэтому дверь можно и не открывать), перебирается на сиденье водителя, где тут же тонет в гнезде деревянных бусин и освежителей воздуха, заводит мотор и стартует. Задним ходом — на заднюю стоянку. Тачка стояла носом к выезду — в стиле таксистов, — готовая к быстрому старту, что было бы неплохо, будь она тут одна, но приходится думать и о Хиро. Орет радио, выплевывая очереди криков на таксилингве. Задним ходом она объезжает «Купи и Кати», на задней стоянке франшизы неожиданно пусто и тихо.

Переключив передачу, она вылетает на переднюю стоянку. У хачиков нет времени даже среагировать: они-то думали, что она выедет с другой стороны. С визгом тормозов такси останавливается возле Хиро, у которого хватило ума убрать меч назад в ножны. Он ныряет в окно со стороны пассажира. Тут И. В. перестает обращать на него внимание. Ей есть на что смотреть и о чем думать: к примеру, врежется она в рекламный щит на выезде на трассу или нет?

В щит она не врезается, хотя машина протестующе скрипит. И. В. вылетает на трассу. Тачка слушается так, как умеет слушаться только древнее такси.

Теперь единственная проблема в том, что за ними гонятся еще десяток таких же.

Что-то упирается ей в левую ляжку, и, опустив глаза, И. В. видит, что на двери в авоське свисает колоссальный револьвер.

Теперь нужно найти, куда съехать с трассы. Если бы ей попалось представительство «Новой Сицилии»! Ведь мафия перед ней в долгу. Или «Новая ЮАР», которую она ненавидит. Но еще больше в «Новой ЮАР» ненавидят хачиков.

Вычеркиваем. Хиро черный или, во всяком случае, наполовину черный. Его в «Новую ЮАР» не повезешь. А поскольку

И. В. белая, то и в «Метазанию» они поехать не могут.

— В полумиле справа, — говорит Хиро, — «Великий Гонконг мистера Ли».

— Хорошая мысль. Но ведь с твоими мечами нас туда не пустят, так?

— Пустят, — отвечает он. — У меня гражданство.

Указатель «мистера Ли» броский. Такие не часто видишь. Зеленый с синим щит, успокаивающий и спокойный посреди изъеденного неоном франшизного гетто. На щите значится:

ВЕЛИКИЙ ГОНКОНГ МИСТЕРА ЛИ

Грохот взрыва. И. В. стукается лбом о предохранитель от травмы головы и шеи — их только что протаранило сзади другое такси.

На стоянку «мистера Ли» она въезжает с визгом шин. У системы безопасности нет даже времени просканировать ее визу и опустить ТПШ, поэтому это — Тяжелое Повреждение Шин на всю катушку: лысые шины с радиальным кордом попросту остались ошметьями на шипах. Высекая искры четырьмя голыми ободами, И. В. останавливается посреди травяной лужайки, дерн которой одновременно поглощает углекислый газ и работает сверхпрочным покрытием парковки.

Они с Хиро выбираются из машины.

Хиро сумасбродно ухмыляется под перекрестным огнем десятка лазерных лучей, сканирующих его со всех сторон разом. Роботизированная система безопасности «Гонконга» проверяет его. И ее тоже: опустив глаза, она видит, как по ее груди ползают лазеры.

— Добро пожаловать в «Великий Гонконг мистера Ли», мистер Протагонист, — говорит система безопасности через внешний громкоговоритель. — И добро пожаловать, миссис И. В., гостья мистера Протагониста.

Остальные такси выстроились вдоль обочины. Несколько проскочили франшизу «Гонконга», поэтому им пришлось вернуться на пару кварталов. Канонадой звучит хлопанье дверей. Кое-кто даже не потрудился их закрыть, так и побросали машины с открытыми дверями и моторы, работающие на холостом ходу. Три хачика мешкают на тротуаре, рассматривая насаженные на шипы ошметья покрышек: длинные полосы неопрена, из которых выросли стальные и фибергласовые волосы, точь-в-точь испорченные парики. У одного в руках револьвер, нацеленный

прямо на тротуар.

К ним подбегают еще трое. И. В. успевает насчитать еще два револьвера и обрез помпового ружья. Еще пара-тройка таких типов, и они смогут образовать правительство.

Хачики осторожно переступают через шипы на пышный газон «Гонконга». В этот момент снова возникают лазеры. Все хачики на мгновение становятся красными и зернистыми.

Потом происходит кое-что еще. Зажигаются огни. Система безопасности хочет получше осветить этих гостей.

Представительства «Гонконга» славятся своими газономатрицами — кто хоть раз слышал о газоне, на котором можно припарковать машину? — и своими антеннами. Из-за этих антенн франшизы похожи на исследовательские лаборатории НАСА. Часть этих антенн — спутниковые передатчики, нацеленные в небо. А другие, совсем крохотные, нацелены в землю, на газономатрицу.

И. В., конечно, всего этого не знает, но антенны поменьше на самом деле — приемники радара на миллиметровой волне. Как любой радар, они хорошо умеют улавливать металлические предметы. В отличие от радаров в центре управления дорожного движения, они способны увеличивать мелкие детали. А разрешение системы приблизительно равно длине радарной волны. Поскольку длина волны этого радара около миллиметра, он способен разглядеть пломбы в ваших зубах, колечки в шнуровке ваших кроссовок, клепки в ваших «ливайсах». Он сможет посчитать, какая сумма мелочью у вас в кармане.

Увидеть пушки не проблема. Эта система может даже определить, заряжены ли они, и если да, то какими именно патронами. Это важная функция, поскольку огнестрельное оружие в «Великом Гонконге мистера Ли» вне закона.

11

Стоять и таращить глаза на то, как рухнул компьютер шеф-хакера, бестактно. Молодняк как раз этим и занят, вроде как показывает остальным хакерам, насколько знающая и многоопытная подрастает смена. Отмахнувшись от происшествия, Хиро снова поворачивается к Квадранту Рок-звезд. Ему все еще хочется увидеть прическу Суси К.

Но на сей раз дорогу ему заступает японец. Тот самый неотрадиционалист, тип с мечами. Он явно жаждет конфронтации: встал на расстоянии длины двух мечей и не собирается двигаться с места.

Хиро поступает так, как предписывает вежливость: отвешивает поясной поклон и выпрямляется.

Бизнесмен же поступает далеко не вежливо: смерив Хиро с головы до ног внимательным взглядом, он возвращает поклон. Почти.

— Эти… у вас… — говорит бизнесмен. — Очень хороши.

— Спасибо, сэр. Вы можете вести разговор по-японски, если предпочитаете этот язык.

— Только ваша аватара с ними ходит. В Реальности вы такого оружия не носите, — отвечает бизнесмен. По-английски.

— Мне очень жаль, что приходится с вами не согласиться, но я ношу такое оружие и в Реальности, — говорит Хиро.

— В точности такие мечи?

— В точности такие.

— Это древние клинки, — говорит бизнесмен.

— Да, полагаю, что так.

— Как попало к вам в руки столь ценное достояние Японии? — спрашивает бизнесмен.

Подтекст Хиро понятен: «Для чего ты используешь эти мечи, мальчик? Рубишь ими арбузы?»

— Теперь они достояние моей семьи, — говорит Хиро. — Мой отец их выиграл.

— Выиграл? За игорным столом?

— В бою один на один. Это был поединок между моим отцом и японским офицером. История несколько запутанная.

— Прошу прощения, если я неверно истолковал вашу историю, — говорит бизнесмен, — но у меня сложилось впечатление, что мужчинам вашего народа не дозволялось принимать участие в военных действиях последней войны.

— Ваше впечатление верно, — отвечает Хиро. — Мой отец был водителем грузовика.

— Так как же он вступил в поединок с японским офицером?

— Инцидент имел место возле лагеря для военнопленных, — говорит Хиро. — Мой отец и еще один пленный пытались бежать. Их преследовали несколько японских солдат и офицер, которому принадлежали эти мечи.

— Мне трудно поверить в ваш рассказ, — говорит бизнесмен, — поскольку ваш отец не смог бы осуществить такой побег и остаться в живых, чтобы оставить в наследство мечи своему сыну. Япония — островное государство. Ему некуда было бежать.

— Это случилось в самом конце войны, — говорит Хиро, — а лагерь находился неподалеку от Нагасаки.

Бизнесмен краснеет, сглатывает и едва не сдает позиции. Его левая рука тянется к ножнам. Хиро оглядывается по сторонам: внезапно они оказались в центре открытого пространства ярдов десять в диаметре, а по периметру выстроились любопытные.

— Вы считаете, эти мечи попали к вам достойным путем? — скрежещет бизнесмен.

— Будь это не так, я давно бы их вернул, — отвечает Хиро.

— Тогда вы не будете против лишиться их сходным образом?

— А вы — потерять свои? — парирует Хиро.

Правой рукой японский бизнесмен берется за рукоять висящей слева у него за спиной катаны, сжимает ее чуть ниже гарды и, выхватив меч из ножен, наставляет его на Хиро. Левая рука также ложится на рукоять, чуть ниже правой.

Хиро делает то же самое.

Оба они сгибают ноги в коленях, почти приседая на корточки, но туловище держат при этом совершенно прямо, потом снова встают и, шаркая, принимают правильную стойку — ступни параллельно друг другу и смотрят вперед, правая нога перед левой.

Оказывается, у бизнесмена полно зансин. Перевести это понятие на английский — все равно что пытаться переводить на японский «отвали», а на футбольном сленге это можно передать как «эмоциональное напряжение». Он налетает на Хиро, вопя во все горло. Его атака, по сути, состоит из очень быстрого шарканья вперед, так что его тело все время сохраняет равновесие. В последний момент он заносит меч над головой и внезапно обрушивает его на Хиро. Хиро же поднимает свой меч, одновременно поворачивая его так, что рукоять оказывается высоко вверху и слева от его лица, а клинок идет наискось слева направо, создавая крышу у него над головой. Удар бизнесмена отскакивает от этой крыши, как капля дождя, и тогда Хиро отступает на шаг в сторону, пропуская удар мимо себя, и

обрушивает меч на незащищенное плечо противника. Но бизнесмен двигается слишком быстро, а Хиро плохо рассчитал удар. Клинок проходит за спиной и чуть в стороне от бизнесмена.

Оба бойца разворачиваются лицом друг к другу, отступают, расходятся, снова встают в боевые стойки.

Разумеется, «эмоциональное напряжение» не передает и половины смысла термина «зансин». Такой грубый и неадекватный перевод заставил бы расчлененных самураев переворачиваться в своих могилах. Слово «зансин» нагружено множеством нюансов, понять которые можно только будучи японцем.

И по правде сказать, Хиро большую часть их считает псевдомистической чепухой; они напоминают ему, как тренер его футбольной команды в школе увещевал игроков играть на 110 процентов.

Бизнесмен снова нападает. Эта атака довольно прямолинейна: быстрый шаркающий наскок, а затем резкий рубящий удар в грудную клетку Хиро. Хиро парирует и этот удар.

Теперь Хиро кое-что знает об этом бизнесмене, а именно: как и большинство японских бойцов, он, кроме кендо, ничего не знает.

Кендо в сравнении с настоящим самурайским боем все равно что фехтование против рубки на мечах: попытка превратить в красивую игру крайне неорганизованный, хаотичный, жестокий и кровавый конфликт. Как и в фехтовании, в кендо положено атаковать только определенные части тела, те, которые защищены броней. Как и в фехтовании, противникам воспрещается бить оппонента ногой по коленной чашечке или разламывать о его голову стул. И судейство абсолютно субъективное. В кендо вы можете нанести противнику надежный смертельный удар, и все равно вам его не зачтут, потому что судьям кажется, что у вас недостаточно зансин.

У Хиро зансин вообще никакого нет. Он просто хочет поскорей со всем покончить. Поэтому когда в следующий раз бизнесмен издает свой оглушительный визг, шаркает на Хиро и даже обрушивает на него клинок, Хиро парирует этот удар, а потом поворачивается на пятке и обрубает японцу ноги чуть ниже колен.

Бизнесмен валится на пол.

Для того чтобы заставить свою аватару двигаться в Метавселенной как реальный человек, требуется немалая практика. Когда ваша аватара только что лишилась ног, все умение летит псу под хвост.

— Ну, поехали! — бормочет Хиро. — Рррраззз!

Он подсекает бизнесмена сбоку, обрубая ему руки в локтях, от чего мечи со звоном падают на пол.

— Разведи-ка костерок под барбекю, Джемима! — продолжает Хиро, снова нанося резкий боковой удар и разрубая тело бизнесмена чуть выше пупка. Потом наклоняется, чтобы посмотреть в лицо противнику. — Разве никто вам не сказал, — говорит он, разом утрачивая все диалектное просторечие, — что я хакер?

И потому отхакивает бизнесмену голову. Прокатившись по полу, та останавливается, уставившись прямо в потолок. Поэтому Хиро, отступив на пару шагов, бормочет себе под нос: «Сейф».

Под потолком материализуется массивный сейф, который приземляется на голову бизнесмена. Удар пробивает пол «Черного Солнца», так что и сейф, и голова обрушиваются в систему подземных туннелей, оставляя после себя квадратную дыру. Остальные части тела все еще валяются вокруг.

В этот самый момент японский бизнесмен где-нибудь в фешенебельном отеле в Лондоне, или в офисе в Токио, или даже в зале ожидания первого класса ЛАКС, сверхзвукового рейса Лос-Анджелес — Токио, сидит весь потный и красный за своим компьютером и видит перед собой Зал Славы «Черного Солнца». Связь с «Черным Солнцем» оборвана. Если уж на то пошло, его вообще выбросило из Метавселенной, поэтому перед ним только двухмерный экран. А на нем — имена десяти лучших бойцов на мечах всех времен и фотографии под ними. Ниже прокрутка с номерным перечнем имен и рейтингов, начиная с номера 1. Если он желает узнать собственный рейтинг, может прокрутить список вниз. Окно услужливо проинформирует его, что в настоящий момент он значится под номером 863 из 890 бойцов, которые когда-либо принимали участие в бою на мечах в «Черном Солнце».

Номер Первый, имя и фотография на самом верху принадлежат Хироаки Протагонисту.

12

Полуавтономный Охранный Модуль «Нг Секьюрити Системс» номер В-782 живет в славной черно-белой Метавселенной, где филейные бифштексы растут на деревьях, свисают с нижних веток на уровне головы, где пропитанные кровью печенья пролетают в бодрящем прохладном воздухе вообще безо всякой причины — только лови.

В его распоряжении целый дворик. Вокруг дворика — забор. Он знает, что через забор он прыгать не умеет. На самом деле он ни разу не пытался, потому что знает, что не умеет. Во двор он не выходит, разве что это совсем уж необходимо. Там слишком жарко.

У него важная работа: он защищает свой двор. Иногда во двор приходят люди, а потом уходят со двора. В основном это хорошие люди, их он не трогает. Он не знает, почему они хорошие люди. Он просто это знает. Иногда это плохие люди, и ему приходится делать им плохие вещи, чтобы они ушли. Так правильно.

В большом мире за забором есть другие дворы, а в них — другие собачки. Это не злые собачки. Это его друзья.

Его ближайший сосед на самом деле далеко, так далеко, что даже не видно. Но он иногда слышит, как лает эта собачка, иными словами, когда к его двору подходит плохой человек. И других соседних собачек он тоже слышит, целая стая их тянется далеко-далеко во все стороны. Он — из большой стаи хороших собачек.

Он и другие собачки лают всякий раз, когда к их двору приближается чужак. Чужак лая не слышит, зато слышат все остальные собачки в стае. А если они живут по соседству, то они настораживаются. Они просыпаются и готовы сделать дурные плохие вещи, попробуй он зайти в их двор.

Когда соседняя собачка лает на чужака, вместе с лаем в мозг номер В-782 попадают картинки, звуки и запахи. И он сразу узнает, как выглядит этот чужак. Какие издает звуки. Чем от него пахнет. Когда бы потом этот чужак ни подошел к его двору, он его узнает. Он оповестит лаем других хороших собачек, чтобы вся стая приготовилась сразиться с чужаком.

Сегодня Полуавтономный Охранный Модуль номер В-782 лает. Он не просто передает стае лай соседа. Нет, он лает потому, что очень взволнован тем, что происходит в его дворе.

Сначала пришли два человека. Это его взбудоражило потому, что пришли они очень быстро. Сердца у них бьются часто-часто, а еще они потеют, и пахнет от них страхом. Он посмотрел на этих

двух людей, чтобы узнать, есть ли у них плохие штуки.

У маленькой много всякого, но они не гадкие, они игрушки. У большого довольно плохие штуки. Но почему-то номер В-782 знает, что с этим большим все в порядке. Он из этого двора. Он тут не чужой, он тут живет. А маленькая — его гостья.

И все равно номер В-782 чует, что происходит что-то возбуждающее. Он начинает лаять. Люди во дворе его лая не слышат. Но все остальные собачки в стае, пусть даже далеко-далеко, слышат, а услышав, видят этих двух добрых испуганных людей, слышат их, чуют их запах.

Потом в его двор приходят другие люди. Они тоже возбуждены: он слышит, как стучат у них сердца. Рот у него наполняется слюной, когда он чует жаркую солоноватую кровь, бегущую по их венам. Эти люди возбуждены, и сердиты, и самую малость испуганы. Они тут не живут, они чужаки. Номер В-782 чужаков не жалует.

Он смотрит на них и видит, что у них три револьвера: один тридцать восьмого калибра и два «магнума» триста пятьдесят седьмого; тридцать восьмого заряжен разрывными пулями, а «магнумы» — тефлоновыми и тоже сняты с предохранителей; а еще у них — помповый обрез, заряженный картечью, и — рррр! — один патрон уже в камере и еще четыре в магазине.

Плохие штуки принесли чужаки. Страшные штуки. Он волнуется. Он начинает сердиться. Он немного пугается, но ему нравится, когда чуть-чуть страшно, это как когда волнуешься. Если уж на то пошло, номеру В-782 знакомы только два ощущения: сна и адреналинового овердрайва.

Плохой чужак поднимает обрез!

Это совершенно ужасно. Плохие, возбужденные чужаки вторгаются в его двор со злыми штуками, хотят обидеть добрых милых гостей!

Он едва успевает лаем предостеречь остальных собачек и выскакивает из конуры, подстегиваемый раскаленно-белым турбинным выхлопом первозданного гнева.

Углом глаза И. В. замечает мгновенную вспышку, потом слышит глухой удар. Оглянувшись, она видит, что свет идет от собачьей дверцы, встроенной в стену франшизы «Гонконга». Эта дверца только что ударилась о стену, открытая чем-то, что только что выскочило изнутри и направляется к газономатрице, точно ядро из гаубицы.

Не успела еще И. В. осознать увиденное, как за спиной у нее начинают вопить хачики. Крики не рассерженные, но и не испуганные. Ни у кого еще не было времени испугаться. Это крики людей, на которых только что выплеснули ведро ледяной

воды.

Хачики еще открывают рты, И. В. даже еще не повернула головы на них посмотреть, а из собачьей дверцы вырывается еще одна вспышка света. И. В., непроизвольно проследившей за ней взглядом, кажется, будто она что-то увидела: длинную округлую тень на фоне света из закрывающейся дверцы. Но видение исчезло; глянув в ту сторону, И. В. и в этот раз не видит ничего, кроме качающейся дверцы. Вот и все… нет, еще одно: длинный хвост искр всего за секунду протанцевал по газономатрице от собачьей дверцы до хачиков и обратно, словно сигнальная ракета пролетела.

Говорят, Крысопес бегает на четырех ногах. Наверное, когти на ногах робота и высекли искры из газономатрицы.

Джики задергались. Кое-кого просто повалило на решетку. Другие еще в процессе падения. Они не вооружены, зато тянутся схватить правые руки левыми, еще орут, но теперь в их голоса закрался страх. У одного штаны разорваны от пояса до колена, и по стоянке за ним волочится лоскут ткани, словно карман ему вырвало нечто, что в спешке позабыло этот карман отпустить.

Но крови нигде нет. Крысопсы очень точны. И все равно таджики баюкают правые руки и орут. Может, и правда, что говорят: мол, Крысопес, когда хочет, чтобы ты бросил железку, огревает тебя током.

— Осторожно, — слышит она свой голос. — У них пушки.

Повернувшись, Хиро ей усмехается. Зубы у него очень белые и ровные, а ухмылка — хитрая. Плотоядная такая ухмылка.

— Нет у них ничего. Пушки в «Гонконге» вне закона, забыла?

— Но секунду назад у них были пушки, — возражает И. В., выпучивая глаза и качая головой.

— Теперь они у Крысопса, — отвечает Хиро.

Таджики решили, что им пора убираться. И потому бегом возвращаются в свои такси и, визжа покрышками, отъезжают. И. В. выводит украденное такси с газономатрицы на улицу, где безжалостно жестоко припарковывает у обочины. Потом она возвращается на территорию франшизы «Гонконга», а дымка «ароматизированной свежести» тянется за ней точно хвост кометы. Как это ни странно, она думает о том, каково бы это было — ненадолго забраться на заднее сиденье такси с этим Хиро Протагонистом. Вероятно, очень неплохо. Но сперва придется вынуть дентату, а здесь совсем не место. Кроме того, любой мужик, у кого хватило порядочности, чтобы прийти за ней к «Тюряге», наверное, слишком совестлив, чтобы клюнуть на малолетку.

— Какой такт, какая забота! — говорит он, кивая на припаркованное такси. — И за шины ты ему тоже собираешься заплатить?

— Нет. А ты?

— У меня сейчас проблема с наличностью.

Они стоят посреди газономатрицы «Гонконга», настороженно рассматривая друг друга.

— Я позвонила моему парню. Но он меня кинул.

— Тоже трэшник?

— Он самый.

— Ты допустила ту же ошибку, что и я совершил однажды, — говорит он.

— А именно?

— Смешивать бизнес с удовольствием. Встречаться с коллегой. Очень все путает.

— Я подумываю, не стать ли нам партнерами, — говорит она.

И ждет, что он поднимет ее на смех. Но он только улыбается и слегка наклоняет голову.

— Мне тоже это пришло в голову. Но мне надо подумать, как это осуществить.

Она поражена, что он действительно мог такое подумать. Потом одергивает себя: надо же быть такой размазней. Он ведь увиливает. А значит, скорее всего лжет. В конечном итоге все, вероятно, кончится тем, что он попытается затащить ее в постель.

— Мне пора, — говорит она. — Домой надо.

Теперь посмотрим, как быстро он потеряет интерес к идее партнерства. Она поворачивается к нему спиной.

Внезапно их снова пришпиливает светом автоматических прожекторов.

И. В. чувствует резкий, болезненный удар по ребрам, словно кто-то ударил ее кулаком. Но это не Хиро. Он, конечно, непредсказуемый псих с мечами, но драчунов она за милю чует.

— Ух! — вскрикивает она, отшатываясь от удара. И, опустив глаза, видит, как от дерна у их ног отпрыгивает небольшой тяжелый предмет. На улице визжит ободами древнее такси, поскорее убираясь отсюда. В заднем стекле маячит, грозя им кулаком, хачик. Должно быть, он бросил в нее камнем.

Только это не камень. Тяжелая штуковина у ног И. В., которая только что ударила ей по ребрам, — «лимонка». И. В. сразу ее узнает: всем известный символ внезапно стал реальным.

Потом что-то сбивает ее с ног — слишком быстро, чтобы причинить ей боль. Только она успевает прийти в себя, как с другого края стоянки раздается болезненно громкое «бум!».

И наконец все вокруг замедляется настолько, чтобы

разобраться в происходящем.

Крысопес остановился. Такого они никогда не делают. Это часть их тайны: они движутся так быстро, что их невозможно увидеть. Никто не знает, как они выглядят.

Никто, кроме И. В. и Хиро.

Он гораздо больше, чем она себе представляла. Туловище как у ротвейлера и покрыто сегментами перекрывающих друг друга жестких пластин — точно чешуя, а ноги как у гепарда, длинные и подобранные, словно перед прыжком. Крысопсом это существо называют, наверное, из-за хвоста, поскольку невероятно длинный и гибкий хвост — единственное, что у него есть от крысы. Но выглядит он так, словно кожу с него съела кислота, сплошь сочленения сотен сегментов — похоже на позвоночник скелета.

— Срань господня! — восклицает Хиро. И по этому замечанию И. В. понимает, что и он тоже Крысопса видит впервые.

В настоящий момент скелетный хвост свернулся кольцами на спине существа, точно упавшая с ветки веревка. Одни его части пытаются шевелиться, другие кажутся мертвыми и недвижимыми. Лапы тоже по очереди конвульсивно подергиваются, но, похоже, не способны двигаться слаженно. Все вместе производит тягостное впечатление, будто видеокадры самолета, которому отстрелили хвост, но он все же пытается зайти на посадку. Даже не будучи инженером, можно понять, что произошла какая-то поломка.

Хвост извивается, приподнимается со спины крысопса, чтобы не мешать лапам. А те все равно не слушаются. Крысопес не может встать.

— И. В., — звучит голос Хиро, — не надо.

А она не слушает. Осторожно-осторожно она все ближе подбирается к крысопсу.

— Этот робот опасен, так, на случай, если ты чего-то не заметила, — говорит Хиро, следуя в нескольких шагах поодаль. — Говорят, у него есть биологические компоненты.

— Биологические компоненты?

— Части животного. Поэтому он может быть непредсказуемым.

И. В. любит животных. Она не останавливается.

Теперь она видит его лучше. Сплошь броня и механические мускулы. Многие части кажутся хрупкими и невещественными. Из туловища выступают какие-то штуки, похожие на обрубки крыльев, по большой из каждой лопатки и еще череда маленьких вдоль всего хребта, точно гребень стегозавра. Через «Рыцарское забрало» ей видно, что эти штуки такие горячие, что на них

можно печь пиццу. По мере того как она приближаются, они словно бы растут и разворачиваются.

Они распускаются, как цветы в образовательном фильме: чешуйки и складки расходятся, открывая сложную внутреннюю структуру. Каждый обрубок крыла распадается на миниатюрные копии себя самого, а те на еще более мелкие и еще более мелкие — и так до бесконечности. Самые маленькие — просто крохотные кусочки пленки, кажется, они просто пушок по краю более крупных.

Становится все жарче. Крохотные крылья уже покраснели от жара. Сдвинув гоглы на лоб, И. В. прикрывает с обеих сторон ладонями лицо, чтобы блокировать окружающие огни, и вот, ну конечно: она видит, как от крыльев исходит буроватое свечение, такое видишь иногда на спирали только что включенной электроплитки. Трава под Крысопсом начинает дымиться.

— Осторожно. Считается, что внутри у них тяжелые изотопы, — говорит у нее за спиной Хиро. Он подошел чуть ближе, но все еще держится поодаль.

— Что такое изотоп?

— Радиоактивное вещество, испускающее жар. Это источник энергии.

— Как его выключить?

— Никак. Оно испускает жар, пока не расплавится.

До Крысопса теперь остается всего пара футов, и лицо И. В. обдает жаром. Крылья развернулись насколько возможно. У основания они теперь ярко-оранжевые, но краснеют и коричневеют по хрупким краям, которые пока остаются темными. Едкий дым горящей травы затеняет часть деталей.

Она думает: что-то мне эти края напоминают. Они похожи на крохотные лопасти по краю кондиционера, те, на которых можно написать свое имя, просто проводя по ним пальцем.

Или как радиатор у машины. Вентилятор нагоняет воздух через радиатор, чтобы охлаждать мотор.

— У него есть радиаторы, — говорит И. В. — У Крысопса есть радиаторы для охлаждения.

Она собирает инфу прямо на ходу. Но Крысопес не остужается. Он становится все горячее. И. В. летает в потоках машин ради заработка. Подмять под себя эти потоки — вот экономическая ниша. И она знает, что, когда машина несется по пустой трассе, мотор не перегревается. Он перегревается, когда она застряла в пробке. Потому что когда она стоит на месте, через радиатор проходит слишком мало воздуха.

Вот что происходит сейчас с крысопсом. Он должен двигаться, должен нагонять, в радиатор воздух, иначе он

перегреется и расплавится.

— Круто, — бормочет она. — Интересно, он взорвется?

Туловище заканчивается головой, а та — остроносой мордой. Всю голову закрывает купол из черного стекла, круто изогнутый, точно лобовое стекло штурмовика. Если у крысопса есть глаза, то он должен смотреть через этот купол.

Ниже, на месте челюстей — остатки какого-то механизма, развороченного взрывом гранаты.

В затемненном лобовом стекле — или лицевой маске, забрале или как там это еще назвать — зияет дыра. Настолько большая, что И. В. могла бы просунуть в нее руку. За осколками стекла темно и почти ничего не видно, особенно если учесть, что И. В. стоит слишком близко к свечению от раскаленных радиаторов. Но она видит, что изнутри льется что-то красное. И это не «Дексрон II». Крысопес ранен, у него идет кровь.

— А он ведь живой, — говорит она. — По венам у него течет кровь.

И думает при этом: это инфа. Это инфа! На этом мы с моим партнером заработаем денег.

А потом она думает: это несчастное существо сжигает себя заживо.

— Не делай этого. Не трогай его, И. В., — говорит Хиро.

Подойдя еще ближе, она сдвигает вниз гоглы, чтобы защитить лицо от жара. Лапы крысопса перестают конвульсивно подергиваться, словно он чего-то ждет.

Наклонившись, И. В. хватает крысопса за передние лапы. Пес реагирует, напрягая поршнемускулы, противясь ее усилиям. Это все равно как взять собаку за передние лапы, заставляя ее танцевать на задних. Эта штука живая. Она на нее реагирует. И. В. знает.

Она поднимает глаза на Хиро, чтобы удостовериться, что он все снимает на цифровую камеру. Именно этим он и занят.

— Идиот! — бросает она. — Я первая делаю шаг, говорю, что хочу быть твоим партнером, а ты отвечаешь, что подумаешь? Что с тобой? Я тебе не гожусь?

Откинувшись, она пятится, таща за собой крысопса по газонематрице. Тот невероятно легкий. Неудивительно, что он так быстро бегает. И. В. могла бы взять его на руки, конечно, если бы согласилась сжечь себя заживо.

Пока она тащит тело пса к собачьей дверце, оно прожигает черный, дымящийся след в дерне. И. В. видит, как от ее комбинезона поднимается пар: из ткани выпариваются застарелый пот и все такое. Она достаточно худенькая, чтобы пролезть в собачью дверцу — еще одно кое-что, что ей под силу, а

Хиро нет. Обычно эти дверцы заперты, она уже пыталась одну такую открыть. Но эта должна быть открыта.

Внутри франшиза ярко освещена, стены белые, пол натерт роботами. В нескольких футах от собачьей дверцы — что-то, похожее на черную стиральную машину. Это будка крысопса, где это существо может отлеживаться в темноте, пока не подвернется работа. К франшизе будка подсоединена уходящим в стену черным кабелем. В настоящий момент дверца будки висит на петлях, такого тоже И. В. раньше никогда не видела. Из люка вырываются клубы пара.

Нет, не пара. Чего-то холодного. Такое бывает, когда в жаркий день откроешь морозилку.

И. В. заталкивает крысопса в люк. Из стен бьют струйки холодной жидкости, превращаясь в пар еще до того, как капли достигают туловища крысопса, а пар вырывается из люка с такой силой, что сбивает И. В. с ног.

Длинный хвост свисает из люка, тянется через коридор, теряясь где-то за собачей дверцей. И. В. поднимает одно кольцо, и острые края позвонков насквозь протыкают ее рукавицу.

Внезапно хвост напрягается, оживает, секунду вибрирует. И. В. отдергивает руку. С хлопком натянутой и отпущенной резинки хвост втягивается в будку. И. В. даже не уследила за его движением. Потом с лязгом закрывается сам люк. В дверях зала появляется, гудя, хозяйственный робот-уборщик, чтобы подтереть с пола кровавый след.

Над головой у И. В. на стене — обращенный ко входу постер в обрамлении вялых гирлянд жасмина. С постера энергично улыбается мистер Ли, а ниже обычное заявление:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

С особой радостью приветствую представителей всех классов и возрастов, пожелавших посетить «Гонконг». Прибыли ли вы с серьезным деловым визитом или погудеть на разудалой вечеринке, будьте как дома в нашем скромном жилище. Если хотя бы один аспект не покажется вам совершенно гармоничным, я буду благодарен, если вы сообщите мне об этом, и стану стремиться сделать все для вашего удовлетворения.

Мы в «Великом Гонконге» весьма гордимся бурным ростом населения нашей крохотной страны. Те, кто видел в нашем острове малую кроху удовольствий

Красного Китая, пораженно били себя по щекам, наблюдая, как многие так называемые сверхдержавы минувших лет содрогаются в смятении перед нашей семимильной поступью, этим воплощением высокотехнологичных личных достижений и совершенствования всего человечества. Огромен потенциал для слияния всех этнических рас и антропологии под единым знаменем Трех Принципов:

1. Информация, информация, информация!
2. Абсолютно свободная экономика!
3. Жесткие экологические программы!

Эти принципы пока еще не знали равных в истории экономической борьбы.

Кто посчитает ниже своего достоинства встать под это развевающееся знамя? Если вы еще не получили гражданства «Гонконга», подайте на паспорт сейчас! В этом месяце обычная такса 100 долларов ГК существенно снижена. Заполните купон (ниже) сейчас. Если купон отсутствует, наберите 1-800-ГОНКОНГ немедля, чтобы подать прошение с помощью наших опытных операторов.

«Великий Гонконг мистера Ли» — частное, блюдущее экстерриториальность, суверенное, квазинациональное государство, не признанное иными национальными государствами и никоим образом не входящее в состав бывшей британской колонии Гонконг, ныне присоединенной к Китайской Народной Республике. Китайская Народная Республика не признает и не несет никакой ответственности за мистера Ли, правительство «Великого Гонконга» или его граждан, равно как за нарушение местных законов, личные травмы или ущерб собственности, имевшие место на территории, в зданиях, муниципальных учреждениях, государственных институтах или недвижимости, принадлежащей или занимаемой «Великим Гонконгом мистера Ли».

Присоединяйтесь к нам немедля!

Ваш предприимчивый партнер, Мистер Ли

Вернувшись в прохладный домик, Полуавтономный Охранный Модуль номер В-782 скулит.

Снаружи во дворе очень жарко, и ему было очень плохо. Всякий раз, когда он выбегает во двор, ему становится очень жарко, поэтому надо быстро бежать. Когда он поранился и ему

пришлось лежать долго-долго, ему было так жарко, как еще никогда не бывало.

А теперь ему больше не жарко. Но все еще больно. Он скулит больным воем. Он говорит всем соседским собачкам, что ему нужна помощь. А они расстраиваются и печалятся и, повторяя его вой, передают его всем собачкам в стае.

Вскоре он слышит приближение машины ветеринара. Скоро придет добрый доктор и ему поможет.

Он начинает лаять снова. Он рассказывает всем остальным собачкам, как пришли плохие чужаки и сделали ему больно. И как ему было жарко во дворе, когда от боли пришлось прилечь. И как добрая девочка помогла ему и отнесла назад в холодный домик.

И. В. замечает, что прямо перед франшизой «Великого Гонконга мистера Ли» стоит черный лимузин, довольно давно, по всей видимости, стоит. Ей не нужно видеть номерные знаки, она и так знает, что это мафия. На таких машинах ездит только мафия. Стекла затемнены, но она знает, что кто-то в машине за ней наблюдает. Как они это делают? Такие черные лимузины встречаешь повсюду, но никогда не видишь, чтобы куда-то ехали. Она даже не уверена, есть ли в них вообще моторы.

— Ладно. Извини, — говорит Хиро. — У меня свое дело, но я предлагаю тебе партнерство на любую инфу, какую ты сможешь раскопать. Пятьдесят на пятьдесят.

— Идет, — отвечает она, вставая на доску.

— Звони в любое время. Моя визитка у тебя есть.

— Да, кстати. На визитке у тебя сказано, ты занимаешься тремя «М».

— Да. Музыка, мюзиклы и микрокод.

— Слышал о Виталии Чернобыле и «Ядерных расплавцах»?

— Нет. Это группа?

— Ага. Самая крутая, какая есть. Проверь их, партнер, это может оказаться следующим хитом.

Выкатив на трассу, она запунивает «ауди» с номерными знаками «Цветущих Веток». Эта тачка довезет ее домой. Мама, наверное, уже в постели, делает вид, что спит, и волнуется.

За полквартала до «Цветущих Веток» она отпускает «ауди» и скатывается на стоянку «Макдональдса». Там она идет в женский туалет, у которого — какая удача — подвесной потолок. Встав на унитаз, она, слегка приподняв, отодвигает одну потолочную панель. Из отверстия вываливается батистовый рукав с изящным растительным орнаментом по манжете. Потянув за рукав, она стаскивает весь туалет: блузку, плиссированную юбку, белье из

«Викис», кожаные туфли, ожерелье, серьги и эту чертову сумочку. Сняв и свернув комбинезон «РадиКС», она заталкивает его в потолок и возвращает на место панель. Потом одевается.

Теперь она выглядит в точности так, как за завтраком с мамой сегодня утром.

Доску она по дороге в «Цветущие Ветки» несет в руках, по здешним законам носить скейтборды можно, но опускать их на тротуар запрещено. Предъявив паспорт на КПП, она проходит четверть мили по новенькому тротуару к дому, на веранде которого горит свет.

Мама И. В., как обычно, сидит у себя в кабинете перед компьютером. Мама И. В. работает на федералов. Такие люди много денег не зарабатывают, но постоянно должны доказывать свою преданность, а потому трудятся за полночь.

И. В. заглядывает к маме, которая съехала по спинке кресла, закрыла лицо руками, будто делает себе массаж, а босые в дешевых колготках ноги закинула на стол. Мама И. В. носит кошмарные дешевые колготки федералов, которые на теле все равно что наждачная бумага, а когда при ходьбе ляжки под юбкой соприкасаются, издают скрежет и скрип.

На столе возле мамы большой герметичный мешок на молнии, он сейчас полон воды, которая еще несколько часов назад была льдом. И. В. смотрит на левую руку мамы. Та закатала рукав, открыв свежий синяк чуть выше локтя, оставленный манжетой тонометра. Еженедельный тест на детекторе лжи.

— Это ты? — кричит мама, не сознавая, что И. В. у нее в комнате.

И. В. отступает на кухню, чтобы не застать маму врасплох.

— Да, мам, — кричит она в ответ. — Как прошел день?

— Устала, — говорит мама.

Она всегда так говорит.

Достав из холодильника пиво, И. В. напускает себе горячую ванну. Звук воды, ударяющейся о дно ванны, действует на нее успокаивающе, как генератор статики на тумбочке возле маминой кровати.

13

Обрубки японского бизнесмена так и лежат пока на полу «Черного Солнца». Как это ни удивительно — ведь пока неотрадиционалист был цел, он казался таким реальным, — в новом сечении, которое проделал в его теле меч Хиро, не видно ни мяса, ни крови, ни внутренних органов. Бизнесмен — всего лишь пустая оболочка эпидермиса, невероятно сложная надувная кукла. Но воздух из нее не вырывается, и тело не падает, поэтому, заглянув в сруб, увидите черную кожу изнанки.

Это разрушает метафору. Аватара ведет себя не так, как реальное тело. Всем завсегдатаям «Черного Солнца» это напоминает о том, что они живут в вымышленном мире. А люди крайне не любят, чтобы им об этом напоминали.

Когда Хиро писал для «Черного Солнца» алгоритм боя на мечах, код, позднее принятый всей Метавселенной, то обнаружил, что нет никакого приятного способа избавиться от останков. Аватарам не полагается умирать. Аватарам не полагается распадаться на куски. Создателям Метавселенной не хватило черного юмора, чтобы предусмотреть такую возможность. Но весь смысл боя на мечах в том, чтобы зарубить противника. Поэтому Хиро пришлось наспех что-то изобрести, чтобы со временем Метавселенную не заполнили дезактивированные расчлененные аватары, которые по природе своей не способны разлагаться.

Поэтому, как только кто-то проигрывает бой на мечах, его компьютер отключают от глобальной сети, каковой является Метавселенная. Его просто выбрасывает из системы. Это единственная симуляция смерти, имеющаяся в Метавселенной, и пользователю это не причиняет никакого вреда, кроме большой досады.

Более того, пользователь обнаруживает, что еще несколько минут он не может вернуться в Метавселенную. Не может снова войти. И все потому, что его расчлененная аватара еще не покинула этот вымышленный мир, а есть правило, согласно которому ваша аватара не может находиться в двух местах одновременно.

Об удалении порубленных аватар заботятся демоны-могильщики, еще один аттракцион Метавселенной, который пришлось изобрести Хиро. Это маленькие подвижные человечки, одетые во все черное, как ниндзя — даже глаз не видно. Они двигаются почти беззвучно и дело свое знают. Не успевает еще Хиро отступить от порубленного тела бывшего противника, как они возникают из невидимых люков в полу «Черного Солнца»,

вылезают из подземного мира и сбегаются к павшему бизнесмену. В какие-то несколько секунд они запихивают отдельные куски в черные мешки, с которыми снова исчезают через люки в туннели, скрытые под полом «Черного Солнца». Пара любопытных завсегдатаев пытается последовать за ними, открыть люки, но пальцам их аватар не за что уцепиться — везде гладкая матовая чернота. Система туннелей доступна только для демонов-могильщиков.

И — какое странное совпадение — для Хиро. Но он редко ею пользуется.

Демоны-могильщики отнесут аватару на Погребальный костер, вечный подземный огонь под центром «Черного Солнца», где и сожгут. Как только пламя поглотит аватару, она исчезнет из Метавселенной, и тогда ее владелец сможет, как обычно, войти в систему, создав себе новую. Но, будем надеяться, в следующий раз он будет более осторожен и вежлив.

Хиро оглядывает круг аплодирующих, свистящих и кричащих «браво» аватар и замечает, что они тускнеют. Все «Черное Солнце» выглядит так, словно его спроецировали на кисею. За кисеей сияют яркие огни прожектора, подавляя изображение. Потом оно исчезает совершенно.

Стянув гоглы, он видит, что стоит посреди автостоянки при «Мегакладовке» с обнаженной катаной в руках.

Солнце только что село. Вокруг него на значительном расстоянии маячат пара дюжин человек, укрываются за припаркованными машинами в ожидании его следующего движения. Большинство порядком перепугано, но несколько явно возбуждено.

На пороге их жилого блока стоит Виталий Чернобыль. Подсвеченный сзади хайер у него поставлен с помощью яичных белков и прочих протеинов. Эти вещества, отражая свет, отбрасывают крохотные спектральные фрагменты, этакое скопление разбомбленных радуг. В настоящий момент компьютер Хиро проецирует миниатюрное изображение «Черного Солнца» на задницу Виталия. Виталий нетвердо переминается с ноги на ногу, словно стоять на двух ногах в такое время суток — слишком сложная задача и он еще не решил, какой ногой воспользоваться.

— Ты меня блокируешь, — говорит Хиро.

— Пора ехать, — отзывается Виталий.

— Это ты мне говоришь — пора ехать? Я уже час жду, когда ты проснешься.

Когда Хиро подходит ближе, Виталий с опаской смотрит на его меч. Глаза у Виталия сухие и красные, а на нижней губе красуется твердый шанкр размером с мандарин.

— Победил в своем бою на мечах?

— Разумеется, черт побери, победил, — отрезает Хиро. — Я лучший мечник в мире.

— И ты написал алгоритмы.

— Ага, — отвечает Хиро. — И это тоже.

Прибыв в Лонг-Бич на угнанном беженцами бывшем советском грузовом корабле, Виталий Чернобыль и его «Ядерные расплавцы» рассеялись по Южной Калифорнии в поисках железобетонных равнин, похожих на те, что оставили в родном Киеве. Тоска по родине их не томила. Такая среда требовалась им для искусства.

Долина реки Л.А. оказалась просто подарком природы. И тут было полно отличных эстакад. Достаточно было просто последовать за скейтерами в давно уже обнаруженные ими тайные места. Трэшники и гранж-группы в таких местах тоже процветают. Туда-то и направляются сейчас Виталий и Хиро.

Едут они в по-настоящему дряхлом миниване «фольксваген» странной модели: верх у этого минивана откидывается, позволяя превратить его в импровизированный трейлер. До знакомства с Хиро Протагонистом Виталий в нем и жил, обретаясь на улицах или в различных «Вздремни и Кати». Теперь вопрос, кому принадлежит миниван, давно уже стал предметом сомнительных дискуссий, потому что Виталий должен Хиро больше, чем стоит колымага. Поэтому они пользуются ею сообща.

Стоянку «Мегакладовки» они проезжают, нажимая на гудок и мигая фарами, чтобы разогнать от погрузочного блока сотни ребятишек. Здесь вам не песочница, дети.

Они пробираются по широкому коридору, извиняясь на каждом шагу, когда переступают через крохотные майянские бивуаки, буддистские часовни и белый мусор, отъехавший на «Вертиго», «Яблочном Пироге», «Пухогуде», «Нартексе», «Горчице» и прочем. Пол неплохо бы подмести: кругом использованные шприцы, пузырьки из-под крэка, закопченные ложки, мундштуки. А также множество маленьких трубочек из прозрачного пластика, размером с большой палец и с красной крышечкой на конце. С виду они похожи на пузырьки из-под крэка, но крышечки на месте, а крэкоголовые не настолько воспитаны, чтобы навернуть крышку на пустой пузырек. Скорее это что-то новое, о чем Хиро еще не слышал, макдональдсовая бургер-коробка под наркотики.

Через пожарный выход они попадают в другой отсек «Мегакладовки», который в точности похож на предыдущий (в Америке все выглядит одинаково, теперь уже нет переходов). Виталию принадлежит третья камера справа, крохотный блок 5×10, который он действительно использует по прямому

назначению: для хранения.

Подойдя к двери, Виталий пытается вспомнить комбинацию замка, что включает в себя некоторое число случайных догадок. Наконец замок, щелкнув, открывается. Отодвинув засов, Виталий распахивает дверь, очищая полукруг в наркотическом чистилище. Почти весь блок занимают две большие четырехколесные тележки, на которые с горкой навалены колонки и усилители.

Хиро и Виталий выкатывают тележки к погрузочному блоку, заталкивают все в миниван, а пустые тележки возвращают в 5×10. Формально тележки — общественная собственность, но никто в это не верит.

До места концерта им ехать долго, и еще дольше потому, что Виталий, отрицая техноцентрическую точку зрения Л.А., дескать, «Скорость — наш бог», предпочитает оставаться на поверхности и тащиться, не превышая миль тридцати в час. Движение тоже оставляет желать лучшего. Поэтому Хиро включает компьютер в электроподжиг и, надев гоглы, удаляется в Метавселенную.

Оптоволоконный кабель больше не подсоединяет его к сети, поэтому единственная доступная ему связь с внешним миром осуществляется посредством радиоволн, которые намного медленнее и далеко не столь надежны. Отправляться в «Черное Солнце» теперь непрактично: звук и изображение будут ужасающими, и остальные завсегдатаи станут пялиться на него, словно он какой-то там черно-белый. А вот пойти в офис нет проблем, потому что его дом генерируется внутри его собственного компа, который в настоящий момент лежит у него на коленях. Для этого ему сообщение с внешним миром не нужно.

Он материализуется в офисе, в небольшом симпатичном домике в старом районе хакеров у самого Стрита. Домик выдержан в японском стиле. Пол застелен татами. Письменным столом служит огромная плита грубо опиленного красного дерева. Сквозь стены из рисовой бумаги сеется размытый серебристый свет. Передняя панель скользит в сторону, открывая сад с бормочущим ручейком и железноголовой форелью, которая время от времени выпрыгивает из воды, ловя мошек. Формально пруду полагается быть полным карпов, но Хиро в достаточной мере американец, чтобы считать карпа несъедобным ископаемым, которое лежит на дне и питается нечистотами.

Но в офисе появилось и нечто новое: перед Хиро на расстоянии вытянутой руки висит шар размером с грейпфрут, совершенное во всех подробностях изображение планеты Земля. Это программа ЦРК так и называется «Земля». Это разработанный ЦРК пользовательский интерфейс для отслеживания всей имеющейся информации, какой владеет Центральная

разведывательная корпорация: все географические карты планеты, сводки погоды, архитектурные планы и данные спутникового наблюдения.

Хиро думал, что через пару лет, если он действительно добьется успеха в информационном бизнесе, то, возможно, наскребет достаточно денег, чтобы подписаться на «Землю» и заполучить такую штуку в свой офис. А теперь она вдруг тут, и совершенно бесплатно. Единственное объяснение, которое приходит ему в голову: подарок Хуаниты.

Но сначала главное. Карточка «Вавилон/Инфокалипсис» все еще в кармане кимоно аватары. Он ее вынимает.

Скользит в сторону одна из панелей рисовой бумаги, составляющих стены офиса. За ней перед Хиро открывается просторная, тускло освещенная комната, которой раньше там не было; по всей видимости, Хуанита, побывав здесь, возвела основательную пристройку к его дому. В офис входит мужчина.

Демон-Библиотекарь имеет облик приятного голубоглазого бородача лет пятидесяти с серебристыми волосами. Одет он в свитер поверх рабочей рубашки, грубый узел на непритязательном шерстяном галстуке распущен, рукава закатаны. Пусть он всего лишь программа, у него есть основание выглядеть веселым: он может передвигаться по почти бесконечным штабелям информации в Библиотеке с ловкостью паука, танцующего в бескрайней паутине перекрестных ссылок. «Библиотекарь» — единственная программа ЦРК, которая стоит еще дороже, чем «Земля»; думать — единственное, на что он не способен.

— Здравствуйте, сэр, — говорит Библиотекарь. Он деятелен и услужлив, но не тягостно бодр. Сцепив руки за спиной, он слегка подается вперед на пятках и выжидательно поднимает брови над очками для чтения.

— Вавилон — это ведь древний город где-то в Малой Азии, так?

— Это был легендарный город, — отвечает Библиотекарь. — Вавилон — библейский термин для обозначения государства Вавилония. Слово «Вавилон» — семитского происхождения, и на латыни читается как «Babel». «Bab» означает врата, а «el» — «Бог», поэтому «Babel» означает «врата Бога». Но, вероятно, само слово в некотором роде ономатопоэтично и передразнивает человека, говорящего на непонятном языке. Библия полна каламбуров.

— Там построили башню до небес, и Бог ее обрушил.

— Пример из антологии типичных заблуждений. Самой башне Бог ничего не сделал. «И сказал Господь: вот, один народ, и один язык у всех; и вот, что начали они делать, и не отстанут

они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда их рассеял Господь по всей земле». Бытие, одиннадцать, шесть тире девять.

— Значит, башня не была обрушена. Ее просто перестали строить.

— Верно. Она не была обрушена.

— Но это же мошенничество.

— Мошенничество?

— Доказанная подделка. Хуанита полагает, что в Библии нет ничего, что можно было бы доказать как истину или как ложь. Потому что если это доказано как ложь, то вся Библия — ложь, а если доказуема истина, то это доказывает существование Бога и тем самым не оставляет места вере. Вавилонская история доказана как ложь, потому что если построили башню до небес и Бог ее не обрушил, то она должна где-то стоять, во всяком случае, должны найтись ее руины.

— Предполагая, что башня была очень высокой, вы опираетесь на устаревшее прочтение. Буквально о башне сказано: «ее вершина с небесами». На протяжении столетий это описание истолковывали, подразумевая, что вершина ее была настолько высока, что упиралась в небеса. Но приблизительно сто лет назад обнаружены реальные вавилонские зиккураты, на вершины которых были нанесены астрологические диаграммы — иными словами, небеса.

— М-да. Ладно, значит, на самом деле построили башню с астрологическими диаграммами на верхушке. Это более правдоподобно, чем башня высотой до неба.

— Много больше, чем правдоподобно, — напоминает ему Библиотекарь. — Такие постройки действительно были найдены.

— Ладно-ладно. Ты говорил, когда Господь разгневался и на них напал, сама башня не пострадала. Но строительство пришлось прекратить в результате информационной катастрофы: рабочие перестали понимать друг друга.

— Катастрофа — слово греческого происхождение, на латыни — disaster. Астрологический термин disaster означает «несчастливая звезда», — указывает Библиотекарь. — Прошу прощения, вследствие внутренней структуры я склонен к отступлениям.

— Да ладно, все в порядке, — говорит Хиро. — Ты, в общем, вполне приличная программка. Кстати, кто тебя написал?

— По большей части я сам себя пишу, — отвечает

Библиотекарь. — Иными словами, мне присуща способность учиться на опыте. Но эту способность в меня заложил мой создатель.

— Кто тебя написал? Может, я его знаю? — говорит Хиро. — Я знаком со многими хакерами.

— Меня написал не профессиональный хакер per se, а исследователь из Библиотеки Конгресса, который самоучкой освоил компьютерный код. Он пытался разрешить общую проблему просеивания огромного количества малозначимых деталей для нахождения важных крупиц информации. Его звали доктор Эммануэль Лагос.

— Это имя я уже слышал, — говорит Хиро. — Выходит, он был чем-то вроде метабиблиотекаря. Забавно, а я-то решил, что он цэркашный агент-невидимка.

— Он никогда не работал на ЦРК.

— Ладно. За работу. Собери в Библиотеке всю бесплатную информацию на Л. Боба Райфа и рассортируй по дате. Упор на слове «бесплатный».

— Телевидение и газеты. Да, сэр. Минуту, сэр, — говорит Библиотекарь и, повернувшись, удаляется на войлочных подошвах. Хиро поворачивается к «Земле».

Уровень деталей фантастический. Разрешение, четкость, сам вид программы говорит Хиро или любому, кто разбирается в компьютерах, что эта программа — серьезная штука.

Она охватывает не просто континенты и океаны. Это общий вид Земли, увиденной с геосинхронной орбиты прямо над Л.А., включая погодные системы: огромные вихревые скопления облаков, зависшие над самой поверхностью шара, отбрасывают тень на океаны, и полярные ледники дробятся и обваливаются в море. Одна половина шара освещена солнечным светом, другая — темная. Терминатор, граница между днем и ночью, как раз прошел над Л.А., а теперь ползет на запад по Тихому океану.

Все происходит будто в замедленной съемке. Если смотреть достаточно пристально, облака меняют облик прямо на глазах. На Восточном побережье ночь, похоже, ясная.

Внимание Хиро привлекает какая-то точка, быстро движущаяся по поверхности шара. Сперва он решает, что это москит. Но откуда в Метавселенной москиты? Он присматривается внимательнее. С помощью маломощных лазеров компьютер улавливает смену напряжения роговиц, и, охнув от удивления, Хиро обнаруживает, что словно бы падает на шар, как идущий в космосе астронавт, только что вырвавшийся из своей орбитальной рутины. Когда Хиро наконец справляется с падением, то оказывается в нескольких сотнях миль над

поверхностью: смотрит на плотную гряду облаков, а также различает скользящего под ним москита. Это низкоскоростной спутник ЦРК, курсирующей с севера на юг по полярной орбите.

— Ваша информация, сэр, — раздается голос Библиотекаря. Вздрогнув, Хиро поднимает взгляд. Земля уходит вниз, из поля его зрения, а перед столом возникает Библиотекарь, протягивающий ему гиперкарточку. Как любой библиотекарь в Реальности, демон способен двигаться так, чтобы не было слышно шагов.

— Ты не мог бы чуть больше шуметь при ходьбе? Ты меня только что напугал.

— Сделано, сэр. Примите мои извинения.

Хиро протягивает руку за гиперкарточкой. Сделав шаг вперед, Библиотекарь наклоняется к нему. На сей раз его нога производит на татами мягкий шорох, и Хиро слышит статический шум скользящей по ноге штанины.

Хиро берет гиперкарточку, на которой значится:

Результаты поиска в Библиотеке по предмету

Райф, Лоренс Роберт, 1948 — …

Он переворачивает карточку. Оборот поделен на несколько дюжин небольших иконок. Кое-какие из них — микрофиши первых полос газет. Многие — цветные светящиеся квадратики: миниатюрные телеэкраны, на которых идет прямой репортаж.

— Невероятно, — говорит Хиро. — Я ведь сижу в «фольксвагене», да? Я подключился по сотовой связи. Ты не мог так быстро перетащить в мою систему такой объем.

— Нет необходимости что-либо перемещать, — отвечает Библиотекарь. — Вся существующая видеоинформация на Л. Боба Райфа была собрана доктором Лагосом и помещена в папку «Вавилон/Инфокалипсис», которая уже загружена в память вашего компьютера.

— А-а.

14

Хиро пристально смотрит в миниатюрный телевизор в верхнем левом углу карточки. Экран, увеличиваясь, приближается, пока не превращается в висящий на расстоянии вытянутой руки двенадцатидюймовый монитор с низкой четкостью изображения. Потом запускается видео. Это довольно скверная видеосъемка на восьмимиллиметровую камеру: школьный футбольный матч в шестидесятые. Саундтрек отсутствует.

— Что это за матч?

— Одесса, Техас, 1965 год, — говорит Библиотекарь. — Л. Боб Райф — защитник под восьмым номером, в темной форме.

— Это лишние подробности. Можешь изложить вкратце?

— Нет. Но могу коротко перечислить содержание. В данной папке одиннадцать школьных футбольных матчей. В выпускном классе Райф был запасным в сборной штата Техас. Потом он поступил в Райс, поэтому также имеются восемнадцать пленок с записями матчей колледжа. Райф специализировался на коммуникационных технологиях.

— Что ж, логично, если вспомнить, кем он стал.

— Он стал телерепортером раздела спорта в Хьюстоне, поэтому имеется пятьдесят часов записей, относящихся к этому периоду, разумеется, по большей части купюры. Через два года работы на этом поприще Райф занялся бизнесом в деле своего двоюродного деда, финансиста, имеющего долю в нефтяной индустрии. Папка содержит несколько газетных статей на эту тему, которые, как я заметил при прочтении, все текстуально взаимосвязаны, что наводит на мысль об общем источнике.

— Пресс-релизы.

— Затем никаких упоминаний на протяжении пяти лет.

— Он что-то задумал.

— Потом статьи появляются снова, в основном в религиозных разделах хьюстонских газет, подробно описывающие пожертвования Райфа различным организациям.

— На мой взгляд, отличное резюме. Я думал, ты этого не умеешь.

— На самом деле, не умею. Я цитирую краткое изложение, которое недавно в моем присутствии доктор Лагос составил для Хуаниты Маркес, когда они запрашивали те же данные.

— Продолжай.

— Райф пожертвовал 500 долларов «Горней церкви крещения огнем», глава — преподобный Уэйн Бедфорд; 2500 долларов —

«Бейсайдской Юношеской Лиге Пятидесятницы», президент — преподобный Уэйн Бедфорд; 150 тысяч долларов — «Пятидесятнической церкви Новой Троицы», основатель и патриарх — преподобный Уэйн Бедфорд; 2,3 миллиона долларов — Библейскому колледжу Райфа, президент и декан факультета теологии — преподобный Уэйн Бедфорд; 20 миллионов долларов — факультету археологии Библейского колледжа Райфа, плюс 45 миллионов долларов — факультету астрономии и 100 миллионов долларов — факультету информатики и вычислительной техники.

— Эти пожертвования имели место до гиперинфляции?

— Да, сэр, это были, как говорится, реальные деньги.

— А этот Уэйн Бедфорд — тот же самый преподобный Уэйн, который заправляет «Жемчужными вратами преподобного Уэйна»?

— Он самый.

— Ты хочешь сказать, что преподобный Уэйн принадлежит Райфу?

— Л. Боб Райф владеет контрольным пакетом акций «Жемчужные врата, ассошиэйтед», транснациональной корпорации, которой принадлежит сеть «Жемчужные врата преподобного Уэйна».

— О'кей. Давай покопаемся дальше, — говорит Хиро. Хиро выглядывает поверх голов, чтобы удостовериться, что Виталий еще и близко не подъехал к месту концерта. Потом снова ныряет в свой офис и возвращается к просмотру скомпилированных Лагосом видеозаписей и газетных заметок.

В те же годы, когда Райф делает пожертвования преподобному Уэйну, его имя все чаще появляется в бизнес-новостях, сперва в местных газетах, а затем и в «Уолт-стрит джорнал» и «Нью-Йорк тайме». Налицо вал пиара — сведения, явно переданные журналистам под видом «просочившихся». Волна пошла после того, как японцы попытались с помощью «клуба старых друзей» вытеснить Райфа со своего рынка телекоммуникаций, и тогда он перекинулся на американскую аудиторию, потратив десять миллионов долларов из собственного кармана, лишь бы убедить Америку, будто все японцы — двуличные интриганы. Триумфальная обложка «Экономиста» после того, как японцы наконец сломались и отдали ему рынок оптоволокна у себя в стране и, соответственно, в большей части Восточной Азии.

Наконец, когда стали появляться пространные статьи, посвященные его персоне, Л. Боб Райф дал знать прикормленным журналистам, что желает показаться миру «более человечным». В

папке имелась составленная журналистами биография и телепередача, воспевающая Райфа, который купил себе новую яхту, списанную правительством США.

Показано, как Л. Боб Райф, последний монополист в духе девятнадцатого века, совещается с дизайнером в капитанской каюте. Каюта и так выглядит неплохо, учитывая, что Райф купил корабль у военно-морских сил, но для него тут не хватает техасского духа. Он желает, чтобы все снесли до переборок и переделали. Затем идут кадры, в которых Райф лавирует своим бычьим телом по узким коридорам и крутому трапу в самое нутро корабля — типичный скучный серо-стальной ландшафт военно-морского флота, который, как заверяет Райф журналиста, он намерен кардинально обновить.

— Давайте я расскажу вам историю. Покупая яхту, Рокфеллер обзавелся небольшим судном, футов в семьдесят или вроде того. Небольшим, по меркам того времени. А когда его спросили, зачем он купил себе такое жалкое суденышко, он только поглядел на спросившего и спросил: «Кто я, по-вашему, Вандербильдт?» Ха-ха. Ладно-ладно, добро пожаловать на борт моей яхты.

Все это Л. Боб Райф говорит, стоя на огромной открытой платформе-подъемнике, на которой расположились журналист и вся съемочная группа. Платформа поднимается. На заднем плане — Тихий океан. Когда Райф произносит заключительную часть своей реплики, подъемник внезапно оказывается на самом верху, камера поворачивает, и перед зрителем открывается палуба авианосца «Интерпрайз», в прошлом собственности военно-морских сил, а ныне — прогулочного кораблика Л. Боба Райфа, побившего и «Системы Обороны Генерала Джима», и «Глобальную Безопасность Адмирала Боба» в яростной схватке на торгах. Тут Л. Боб Райф начинает восхищаться огромными открытыми пространствами полетной палубы, сравнивая ее с некоторыми регионами Техаса. Было бы забавно, продолжает он, засыпать часть палубы землей и разводить тут скот.

Еще один биографический очерк, на сей раз снятый для бизнес-канала, по всей видимости, немного позднее. Снова «Интерпрайз». Капитанская каюта основательно перестроена. Властелин эфира Л. Боб Райф восседает за письменным столом, а ему вощат усы. Нет, их не обрабатывают депилятором, а, наоборот, разглаживают и выводят завитки. Трудится над Райфом крохотная азиатка, которая работает так осторожно, что это даже не мешает ему говорить — в основном об его усилиях по расширению его же сети кабельного телевидения через Корею в Китай и соединении ее с его большой оптоволоконной магистралью, которая тянется через Сибирь и Урал.

— Н-да, сами знаете, работа монополиста никогда не кончается. Не существует такой штуки, как безупречная монополия. Всегда кажется, что последнюю одну десятую процента вам никогда не загрести.

— Но ведь правительство в Корее еще достаточно крепко. У вас, наверное, будут там большие затруднения с правительственными постановлениями.

Л. Боб Райф смеется.

— Знаете, мой любимый вид спорта — смотреть, как правительства со своими постановлениями стремятся угнаться за современным миром. Помните, как разорили «Белл Телефонс»?

— Вряд ли. — Женщине-репортеру на вид лет двадцать с хвостиком.

— Вы ведь знаете, что это, так?

— Монополия на голосовую связь.

— Верно. Они занимали ту же нишу, что и я. Информационный бизнес. Перемещали телефонные разговоры по крохотным медным проводкам по одному за раз. Правительство их разорило, а я в то же время запускал франшизы кабельного телевидения в тридцати штатах. Ха-ха! Можете в это поверить? Словно они наконец сообразили, как управлять лошадьми, когда уже появились автомобиль и аэроплан.

— Но сеть кабельного телевидения отличается от телефонной сети.

— На той стадии не отличалась, потому что была всего лишь местной сетью. Но как только запустишь местные сети по всему миру, тебе остается только сцепить их друг с другом, и вот тебе, пожалуйста, — глобальная сеть. Таких же размеров, как телефонная. Только эта сеть переносит информацию в десять тысяч раз быстрее. Она переносит изображения, звук, данные, что угодно.

Голый пиар, получасовая рекламная телепередача с единственной целью: дать Л. Бобу Райфу высказать свое мнение по некоему животрепещущему вопросу. Похоже, часть программистов Л. Боба Райфа, те самые люди, кто запускал ему сети, объединились в профсоюз — для хакеров дело неслыханное — и подали в суд на Райфа, утверждая, что он установил в их домах скрытые устройства аудио и видеонаблюдения, следит за ними двадцать четыре часа в сутки, подвергал допросу и угрожал тем программистам, которые, по его словам, «избрали неприемлемый образ жизни». К примеру, однажды ночью его программистка и ее муж занимались оральным сексом в собственной спальне; на следующее же утро Райф вызвал сотрудницу в свой кабинет, где назвал потаскухой,

содомиткой и приказал очистить стол и убираться. Райфа якобы ославили на весь мир, и это настолько вывело его из себя, что он испытал потребность выбросить на пиар еще пару-тройку миллионов.

«Я торгую информацией, — говорит он льстивому, раболепствующему псевдожурналисту, который «берет у него интервью». Райф сидит в своем хьюстонском кабинете, и вид у него еще более лоснящийся, чем обычно. — Все телепрограммы, что попадают к потребителям во всем мире, проходят через меня. Большая часть информации, передаваемая в базы данных ЦРК и исходящая из них, проходит через мою сеть. Метавселенная, весь Стрит, существует лишь благодаря сети, которой я владею и которую я контролирую.

Но это означает — если вы хотя бы на минуту прислушаетесь к моим аргументам, — что работающий на меня программист, в руках которого находится эта самая информация, наделен огромной властью. Информация поступает в его мозг. И там остается. Она уходит с ним, когда вечером он приезжает домой. Господи помилуй, она примешивается к его снам! Он говорит об этом с женой. Но, черт побери, у него же нет прав на эту информацию! Руководи я заводом по производству автомобилей, я не мог бы позволить рабочим ездить на машинах домой или брать взаймы инструменты. А ведь именно это мне и приходится делать каждый день в пять часов вечера, когда хакеры по всему миру уходят с работы домой.

Когда в прошлые времена вешали конокрадов, последнее, что делали эти сволочи, — мочились в штаны. Понимаете? Это было окончательным знаком, что они утратили контроль над собственным телом, что они вот-вот умрут. Первая и главная задача любого организма, равно как и организации, — это контролировать собственные сфинктеры. Мы даже этого не делаем. Поэтому мы стараемся усовершенствовать техники менеджмента, чтобы иметь возможность контролировать нашу информацию, где бы она ни находилась. Будь то на наших винчестерах или в головах наших программистов. А теперь хватит говорить. У меня нет больше времени говорить, мне надо думать о конкуренции. Но я горячо надеюсь, что через пять — десять лет подобные проблемы окончательно отойдут в прошлое».

Получасовой эпизод в программе новостей науки, на сей раз на острую тему инопланетной астрономии, поисков радиосигналов, поступающих из других солнечных систем. Л. Боб Райф лично проявляет интерес к этой проблеме. По мере того как различные правительства выставляли на аукцион свою собственность, он скупил цепь радиообсерваторий и, использовав

свою прославленную оптоволоконную сеть, связал их воедино, превратив тем самым в единую гигантскую антенну размером с целую планету. Он сканирует небо двадцать четыре часа в сутки в поисках радиоволн, которые хоть что-нибудь означают, в поисках волн, несущих информацию от других цивилизаций. А почему, спрашивает интервьюер, кстати, известный профессор, знаменитость из Массачусетского технологического института, простой нефтяник заинтересовался столь возвышенным и абстрактным занятием?

— Всю эту планетку я уже загреб.

Эту последнюю фразу Райф выдает с невероятно сардонической и презрительной гнусавостью, преувеличенным акцентом ковбоя, заподозрившего, что какая-то канцелярская крыса-янки смотрит на него сверху вниз.

Еще один эпизод в новостях, снятый, по всей видимости, несколько лет спустя. Мы опять на «Интерпрайзе», но на этот раз атмосфера снова иная. Верхняя палуба превращена в лагерь беженцев под открытым небом. Она кишит бангладешцами, которых Л. Боб Райф выудил из Бенгальского залива после того, как серия крупномасштабных наводнений, вызванных вырубкой лесов в Индии, смыла их страну в океан. Вот она — гидрологическая война. Камера берет крупный план, чтобы показать вид с края полетной палубы, и в самом низу мы видим зародыш Плота: сравнительно небольшое скопление из нескольких сотен лодок, прилепившихся к «Интерпрайзу» в надежде бесплатно доплыть в Америку.

Райф расхаживает среди людей, раздавая Библию в комиксах и целуя младенцев. Беженцы обступают его с широкими беззубыми улыбками, складывают ладони, низко кланяются. Райф кланяется в ответ — очень неуклюже, но в его лице нет и тени веселья. Он смертельно серьезен.

— Мистер Райф, что вы скажете о тех, кто говорит, будто это ваше предприятие — всего лишь работа на публику, попытка приумножить собственное влияние за чужой счет? — Этот интервьюер пытается разыгрывать из себя «злого следователя».

— Если бы я тратил время на то, чтобы иметь мнение обо всем на свете, я ничего бы не успел, — отрезает Л. Боб Райф. — Спросите этих людей, что они думают.

— Вы хотите сказать, что ваша программа помощи беженцам не имеет ничего общего с работой на имидж?

— Ничего. С…

Тут редакторская купюра и переход на журналиста, вещающего в камеру. Хиро нутром чует: Райф собрался прочесть проповедь, но ее вырезали.

Истинная гордость Библиотеки в том, что она неисчерпаемый кладезь купюр. Если какой-то кусок метража вырезали из программы, это еще не означает, что он лишен информационной ценности. ЦРК давным-давно запустила руки в сетевые видеотеки. Все эти купюры, миллионы часов записей, пока еще не были загружены в Библиотеку в цифровом формате. Но можно послать запрос, и ЦРК снимет с полки нужную кассету и вам ее прокрутит.

Лагос уже это сделал. Пленка прямо у Хиро под носом.

— Ничего. Слушайте. Плот — незначительное событие, которое раздули средства массовой информации. Тем не менее все сказанное верно, только смысл тут намного глубже, чем вы можете себе представить.

— Вот как?

— Как событие Плот создан средствами массовой информации в том смысле, что без них люди не узнали бы, что он есть, беженцы не приплывали бы и не прилеплялись бы к нему, как они это делают сейчас. И он кормит средства массовой информации. Он создает большой информационный поток — кинофильмы, репортажи с места событий и так далее.

— Значит, вы создаете собственные события для новостей, чтобы затем делать деньги на порожденном ими информационном потоке? — переспрашивает журналист, отчаянно силясь понять, что имеет в виду Райф. Из его тона следует, что все это пустая трата пленки. Сам усталый вид журналиста наводит на мысль, что Райф уже не в первый раз забирается в подобные дебри.

— Отчасти. Но это весьма упрощенное объяснение. На деле же все уходит гораздо глубже. Вы, наверное, слышали афоризм: «Индустрия питается человеческой биомассой Америки. Как кит, выбирающий из моря планктон».

— Да, я слышал это выражение.

— Это мое выражение. Я его придумал. Подобные афоризмы похожи на вирус, понимаете? Единица информации, которая, распространяясь, переходит от одного человека к другому. Так вот, задача Плота — привезти новую биомассу. Обновить Америку. Большинство стран статичны, им нужно только рожать и рожать. Но Америка похожа на старый, стучащий, дымящий механизм, который грохочет по континенту, пожирая все, что видит. Оставляет за собой след из мусора в милю шириной. Вечно нуждается в новом топливе. Читали когда-нибудь историю о лабиринте и Минотавре?

— Конечно. Это ведь было на Крите?

Журналист отвечает лишь из сарказма; он не может поверить, что торчит тут, выслушивая Райфа, он жалеет, что вчера не

улетел в Л.А.

— Да. Каждый год грекам приходилось отыскивать несколько девственниц и отправлять их на Крит в качестве дани. Тамошний царь посылал их в лабиринт, а Минотавр съедал. Ребенком я, читая эту историю, всегда спрашивал себя, что за люди, черт побери, жили на Крите, что все так их боялись и каждый год покорно отдавали им на съедение своих чад. Наверное, были крутые сукины дети.

Теперь я вижу все в ином свете. Этим бедным шельмам на Плоту Америка, наверное, представляется чем-то, чем был Крит для жалких простофиль греков. Вот только тут нет принуждения. Сегодняшние люди с готовностью отдают своих детей. Миллионами посылают их в лабиринт на съедение. Индустрия их пожирает, а потом выплевывает образы, рассылает по моим сетям фильмы и телепрограммы, символы богатства и экзотических вещей, о которых они не способны даже мечтать, и дает им пищу для мечты, что-то, к чему нужно стремиться. И в этом назначение Плота. Он просто огромный транспорт для планктона.

Наконец журналист, устав, перестает быть журналистом и заговаривает с Райфом начистоту. Он по горло сыт самодовольным бредом.

— Это ведь отвратительно. Даже подумать трудно, что вы так относитесь к людям.

— Черт, мальчик, да не задирайте так нос! На самом деле никто никого не поедает. Это все фигура речи. Они приезжают, получают приличную работу, находят Христа, покупают уэберовский гриль и живут долго и счастливо. Что в этом плохого?

Райф вышел из себя и последние фразы просто орет. Бангладешцы у него за спиной улавливают его флюиды и сами расстраиваются. Внезапно один из них, невероятно истощенный человек с длинными висячими усами, выбежав к самой камере, начинает кричать:

— …а ма ла ге зе ба дам гал нун ка ариа су су на ан да…

Соседние бангладешцы подхватывают крик, и он волнами расходится по полетной палубе.

— Выключай, — говорит журналист, поворачиваясь к камере. — Режь ко всем чертям. «Бригада Бормотания» снова завела свою шарманку.

Теперь саундтрек состоит из звуков, издаваемых людьми, которые говорят на невесть каких языках под пронзительное наплевательское хихиканье Л. Боба Райфа.

— Это чудо языков, — кричит Райф, перекрывая гам. — Я понимаю каждое слово из того, что говорят эти люди. А ты, брат?

— Эй! Очнись, партнер!

Хиро поднимает глаза от карточки. В его офисе нет никого, кроме Библиотекаря.

Изображение теряет фокус и круто уходит вверх, из поля его зрения. Взгляд Хиро упирается в лобовое стекло «фольксвагена». Кто-то только что сорвал с него гоглы — не Виталий.

— Да тут я, тут, гоглоголовый!

Хиро выглядывает в окно. Это И. В., которая, зацепившись одной рукой за дверцу минивана, помахивает его гоглами в другой.

— Ты слишком много времени проводишь там, — говорит она, возвращая ему прибор. — Отведай немного Реальности, мужик.

— Там, куда мы едем, Реальности у нас будет хоть отбавляй.

На подходах к огромной эстакаде бесплатной трассы, где состоится сегодняшний концерт, толстые железные бока «фолькса» притягивают «Магнапуны», точно печеньице тараканов. Знай они, что в фургончике сам Виталий Чернобыль, они бы с ума посходили и, налепившись все разом, прикончили бы мотор колымаги. А так они просто гарпунят всё, что направляется в сторону концерта.

Когда они подъезжают к эстакаде еще ближе, оказывается, что нечего и пытаться подъехать к площадке: проезд перегородили сгрудившиеся трэшники. Это все равно что, надев альпинистские кошки, пытаться пройти через комнату, полную щенков. «Фольксу» приходится носом проталкивать себе дорогу, Виталий Чернобыль давит на гудок и мигает фарами.

Наконец они добираются до грузовой платформы, которая служит сценой сегодняшнему концерту. Рядом с ней — вторая, заставленная усилителями и прочей звуковой аппаратурой.

Водители грузовиков, угнетаемое меньшинство в числе двух человек, отступили в кабину грузовика звукоаппаратуры и теперь курят там сигареты и свирепо смотрят на рой трэшников, своих заклятых врагов в пищевой цепи хайвеев. До пяти утра их ничем оттуда не выманить, а тогда путь уже будет свободен.

Пара других «Ядерных расплавцев» в ожидании Виталия курят в кулак. Раздавив на бетоне окурки дешевыми виниловыми башмаками, они бегут к «фольксу», чтобы выгрузить оттуда колонки. Нацепив гоглы, Виталий подрубается к компу с саундтреком и начинает настраивать систему. Трехмерная модель эстакады уже загнана в память. Виталию остается только сообразить, как синхронизировать запаздывание на многочисленных гроздьях динамиков, чтобы максимизировать

число тошнотворных, лязгающих эхоповторов.

15

«Травма грубой силы», разогревающая команда перед «Ядерными расплавцами», врубает звук около девяти вечера. На первом же тяжелом аккорде коротит целый стеллаж подержанных колонок; от проводов летят в воздух искры, сквозь скопление скейтеров разрядом проскакивает паника. Электроника в грузовике с аппаратурой изолирует и отключает перегоревшую плату; пока никто и ничто не пострадало. «Травма грубой силы» играет спид-реггей, созданный под сильным влиянием антитехнологических идей «Ядерных расплавцев».

Эти ребята поработают, наверное, с час, потом будет двухчасовая программа Виталия Чернобыля и «Ядерных расплавцев». А если появится Суси К и пожелает принять участие в сейшене, милости просим.

На случай, если что-нибудь стрясется, Хиро выбирается из гущи исступленной толпы и курсирует по ее краю взад-вперед. И. В. — где-то там, в толчее, но бессмысленно пытаться ее найти. Она только сконфузится, если ее увидят с таким стариканом, как Хиро.

Раз концерт уже пошел, то он сам о себе позаботится. Хиро делать особо нечего. А кроме того, самое интересное происходит на краю, в пограничной зоне, а вовсе не в середине, где все одинаково. Вот тут, под эстакадой, куда не доходит свет софитов, и можно засечь что-нибудь любопытное.

Пограничная тусовка довольно типична для брошенных эстакад в лос-анджелесской ночи. Под сенью эстакады — солидных размеров временный поселок, где обосновались закаленные бомжи из «третьего мира» плюс горсть шизофреников из «первого», которые давно сожгли мозги на раскаленном жаре собственного бреда. Многие обитатели выбрались из-под перевернутых мусорных баков и холодильников, чтобы, встав на цыпочки, посмотреть световое шоу. Кое-кто кажется сонным или пришибленным, а некоторых, приземистых латиносов, которые передают по кругу сигарету и недоуменно качают головами, происходящее забавляет.

Это территория «Жутиков». Банда и сегодня пожелала обеспечить безопасность концерта, но Хиро рискнул их окоротить и нанял для охраны Стражей Порядка.

Поэтому через каждые несколько метров навытяжку стоит крупный мужик в кислотно-зеленой ветровке с надписью «СТРАЖ ПОРЯДКА» на спине. Очень бросается в глаза — чего эта организация и добивалась. Но цвет нанесен электропигментом,

поэтому в случае неприятностей крутые мальчики могут зачернить себя одним нажатием переключателя на лацкане. А для того чтобы сделать ветровку непроницаемой, достаточно только доверху застегнуть молнию. Ночь выдалась теплая, и пока все стоят в униформе нараспашку, подставляя грудь ночному ветерку. Кое-кто просто прохаживается, но большинство внимательно наблюдает за толпой слушателей, а вовсе не за группой на сцене.

Поглядев на этих солдат, Хиро ищет взглядом генерала и вскоре его находит: невысокий приземистый негр, коротышка-тяжеловес. На нем такая же ветровка, как и на остальных, но под ней — дополнительный слой бронежилета, на который подвешена недурная коллекция средств связи и миниатюрных примочек для причинения боли. Генерал снует вдоль края толпы, поводя головой из стороны в сторону, и выплевывает приказы в микрофончик, точно футбольный тренер на скамейке.

Хиро замечает высокого мужчину лет сорока с характерной бородкой клинышком, одетого в дорогой антрацитовый костюм. С расстояния в сотню футов видно, как поблескивает бриллиантовая булавка в галстуке. Хиро знает, что, подойди он поближе, увидит слово «жутик», выложенное синими сапфирами, притаившимися среди бриллиантов. При бородаче — собственная гвардия из полудюжины охранников в костюмах. Пусть безопасность здесь обеспечивают и не они, «Жутики» не могли не послать символический десант, показывая, кто тут кто.

Вот уже десять минут Хиро не дает покоя не относящееся к концерту умозаключение: в одном месте свет софитов обладает особой оптической плотностью, молекулярной чистотой, выдающей его происхождение. Уловив это, ваше сознание каким-то образом понимает, что этот свет неестественный. Он выделяется повсюду, но особенно — под грязной эстакадой среди ночи. Углом глаза Хиро то и дело ловит вспышки такого света, то и дело оборачивается, чтобы отыскать его источник. Ему это очевидно, но лучик никто, кроме него, как будто не замечает.

Кто-то под эстакадой пускает в лицо Хиро лазерные зайчики.

Это действует ему на нервы. Хиро осторожно слегка изменяет курс, переходит с подветренной стороны к костерку, полыхающему в железной бочке. Теперь он стоит в клубах слабого дыма: он чувствует его запах, но не видит.

Но стоит Хиро появиться, лазерный зайчик распадается на миллион крохотных частиц пепельного цвета, которые складываются в геометрическую линию в пространстве, а та, точно стрелка, указывает на свой источник.

В полумраке возле времянки под эстакадой стоит горгулья. И,

как будто он и так недостаточно бросается в глаза, одет этот тип в двубортный костюм. Хиро направляется к нему.

Горгульи — это ходячий конфуз Центральной разведывательной корпорации. Отказавшись от настольных пи-си и лэптопов, они носят компьютер на теле, разделив его на отдельные модули, которые подвешивают на пояс и носят за плечами. Горгульи служат живыми устройствами наблюдения, записывая все, что происходит вокруг них. Что может быть глупее? Такие примочки — современный эквивалент футляра для логарифмической линейки или мешочка для калькулятора на поясе — словно клеймо указывают на принадлежность своего владельца к классу, который одновременно выше и намного ниже остального человеческого общества. Для Хиро горгульи — кошмар всей его жизни, поскольку воплощают худший стереотип стрингера ЦРК. А цена этого добровольного остракизма — возможность круглосуточно находиться в Метавселенной, ежеминутно собирая информацию.

Высшие чины ЦРК терпеть этих ребят не могут, потому что те сгружают в базы данных поразительные объемы бесполезной информации на тот маловероятный случай, что хоть что-нибудь окажется полезным. Это как записывать номера всех машин по дороге на работу на всякий случай: а вдруг одна из них, сбив пешехода, скроется с места происшествия? Даже базы данных ЦРК не способны вбирать в себя мусор бесконечно. Поэтому закоренелых горгулий обычно из ЦРК довольно быстро выбрасывают.

Этого пока не вышвырнули. И, судя по качеству его снаряжения — очень дорогого, надо признать, — он работает уже некоторое время. Значит, он довольно крут.

Так зачем же он здесь ошивается?

— Хиро Протагонист, — говорит горгулья, когда Хиро наконец находит его в тени картонной лачуги. — Последние одиннадцать месяцев — стрингер ЦРК. Специализируется на шоу-бизнесе. В прошлом хакер, охранник, развозчик пиццы, продюсер концертов. — Он бормочет скороговоркой, не желая, чтобы Хиро тратил время на повторение известных фактов.

Лазер, то и дело бивший в глаз Хиро, исходил из периферийного устройства, установленного во лбу горгульи прямо над гоглами. Сканер сетчатки большого радиуса действия.

Если повернуться к нему с открытыми глазами, лазер, включившись, проникает в зрачок, самый уязвимый сфинктер человеческого тела, и сканирует сетчатку. Результаты уходят в ЦРК, у которой есть база данных из нескольких десятков миллионов отсканированных сетчаток. Если на тебя там есть

файл, через несколько минут владелец лазера узнает, кто ты такой. А если тебя до этого в базе данных не было — что ж, теперь ты там есть.

Разумеется, пользователю для этого нужен привилегированный доступ. И как только он узнает, как тебя зовут, ему нужен еще более привилегированный доступ, чтобы выудить твое личное досье. У этого типа, по видимости, привилегии весьма и весьма внушительные.

— Лагос, — бросает горгулья.

Так вот каков этот доктор Лагос. Хиро размышляет, не спросить ли его, какого черта он тут делает. Ему очень хочется поставить мужику выпивку, поговорить о том, как написан Библиотекарь. Но он рассержен. Лагос ведет себя грубо (горгульи грубы по определению).

— Вы здесь из-за истории с Вороном? Или присматриваете за своими ребятками, ведь фазз-грандж вы пасете приблизительно… э… последние тридцать шесть дней? — спрашивает Лагос.

Разговаривать с горгульями — веселого мало. Они никогда не заканчивают фразу. Они скитаются по нарисованному лазером миру, сканируя всевозможные сетчатки, проводя фоновые проверки всех в пределах тысячи ярдов, воспринимая окружающее в визуальном свете, в инфракрасном, на миллиметровом радаре и в ультразвуке — и все одновременно. Тебе кажется, что горгулья с тобой говорит, а на самом деле она изучает кредитные записи какого-нибудь незнакомца в дальнем углу комнаты или идентифицирует марку и год выпуска самолета, летящего над головой. Откуда Хиро знать, может, Лагос, имитируя разговор, в то же время измеряет его член сквозь штаны.

— Вы тот профессор, который работает с Хуанитой, так?

— Или она работает со мной. Или что-то подобное.

— Она мне советовала с вами познакомиться.

Лагос на несколько секунд застывает. Наверное, роется в базах. Хиро хочется вылить на него ведро воды.

— Логично, — говорит он. — Вы лучше многих знаете Метавселенную. Вольный хакер, вполне, вполне подходит.

— Подходит для чего? Независимые хакеры никому больше не нужны.

— Хакеры за конвейером корпораций — приманка для инфекции. Они станут помирать тысячами, в точности как армия Сеннахирипы под стенами Иерусалима, — говорит Лагос.

— Инфекция. Сеннахирипа?

— И в Реальности вы способны себя защитить, что тоже хорошо, если вам придется выйти против Ворона. Помните,

лезвия его ножей толщиной в молекулу. Бронежилеты прорезают как дамское белье.

— Ворон?

— Вы, вероятно, его сегодня увидите. Не связывайтесь с ним.

— Ладно, — отвечает Хиро. — Я буду держаться настороже.

— Я сказал не это, — возражает Лагос. — Я сказал: не связывайтесь с ним.

— Почему?

— Мы живем в опасном мире, — говорит Лагос. — И с каждой минутой он становится все опаснее. Поэтому нам нельзя нарушать равновесие террора. Вспомните хотя бы «холодную войну».

— Ага.

Больше всего Хиро хочется уйти и никогда больше не видеть этого типа, но сам он сворачивать разговор не станет.

— Вы хакер. Это означает, что вам приходится задумываться и о глубинных структурах.

— Глубинных структурах?

— О нейролингвистических связях у вас в мозгу. Помните, как учились писать бинарный код?

— Конечно.

— Вы создавали у себя в мозгу определенные нейронные цепочки. Глубинные структуры. Когда вы их используете, нервные клетки образуют новые связи — аксоны размножаются и проникают через глиальные клетки мозга, ваши биопрограммы самомодифицируются, софт превращается в железо. Поэтому теперь вы восприимчивы… все хакеры восприимчивы… к воздействию нам-шуб. Нам следует прикрывать друг другу спину.

— Что такое нам-шуб? Почему я к нему восприимчив?

— Только не смотрите ни в какие битовые растры. Кто-нибудь в последнее время пытался показать вам растр? Скажем, в Метавселенной?

Любопытно.

— Лично мне нет. Но ваши слова навели меня на мысль… К одному моему другу подошла «Брэнди»…

— Культовая проститутка Ашеры. Они пытаются распространить заболевание. А ведь оно синонимично злу. Звучит мелодраматично, да? На деле нет. Знаете, в древности у жителей Месопотамии не существовало отдельного понятия зла. Только болезни. Зло было синонимично болезни. И что вам это говорит?

Хиро уходит — точно так же, как он всегда уходит от психопатов на улицах.

— Это говорит, что зло есть вирус! — кричит ему вслед Лагос. — Не пускайте нам-шуб в свою операционную систему!

И Хуанита работает с этим буйнопомешанным?

«Травма грубой силы» играет еще добрый час, одним духом переходя от одной композиции к другой без малейшей трещины в монолитной стене шума. Все это — составляющая их эстетики. Как только музыка остановится — выступлению конец. Впервые Хиро ощущает возбуждение толпы. Оно ударяет в него волной пронзительного улюлюканья и визга, которая вибрирует в голове и гудит в ушах.

Но к этому гудению примешивается низкий глухой гул, будто кто-то бьет в жестяной барабан. На мгновение Хиро кажется, что по эстакаде проезжает грузовик. Но нет, звук слишком мерный и вовсе не удаляется.

Звук исходит из-за его спины. Другие тоже его услышали и теперь поворачиваются посмотреть, что это, потом поспешно убираются с дороги. Хиро тоже отступает на шаг в сторону.

Во-первых, это нечто большое и черное. Просто невероятно, как такой огромный человек умудрился взгромоздиться на мотоцикл, пусть это даже большой фыркающий «харлей».

Поправка. Это «харлей», к которому прицеплено что-то вроде коляски: справа от мотоцикла на собственном колесе катится обтекаемый черный прицеп, похожий на реактивный снаряд. Но в коляске никто не сидит.

Опять же невероятно, как можно быть таких габаритов, не будучи при этом толстым. Но человек, одетый в темную, плотно обтягивающую одежду — как будто кожаную, но не совсем, — которая обрисовывает кости и мускулы, но не позволяет разглядеть ничего больше, вовсе не толстый.

Он едет на «харлее» настолько медленно, что если бы не коляска, то мотоцикл непременно бы опрокинулся. Время от времени быстрым движением пальцев на руле человек поддает газу.

Возможно, одна из причин, почему он кажется столь огромным — помимо того, что он действительно огромный, — то, что у него как будто вообще нет шеи. Голова у него широкая и к тому же расширяется книзу, пока не сливается с плечами. Сперва Хиро кажется, что на великане какой-то авангардный шлем, но когда байк прокатывается мимо него, эта огромная плащаница шевелится и топорщится, и Хиро понимает, что это просто хайер: огромная грива густых волос, заброшенных за спину и спускающихся почти до пояса.

Восхищаясь этим хайером, Хиро вдруг понимает, что его владелец повернул голову посмотреть на него самого. Или, во всяком случае, приблизительно в его сторону. Невозможно точно сказать, куда именно смотрит великан, поскольку его глаза

скрыты гоглами, гладкой выпуклой раковиной на пол-лица с узкой горизонтальной прорезью посередине.

Он смотрит на Хиро. Улыбается ему той же «а пошел ты» улыбкой, с какой стоял сегодня вечером у входа в «Черное Солнце», а в Реальности сидел где-то в общественном терминале.

Это тот самый тип. Ворон. Тот тип, из-за которого беспокоится Хуанита. Тот, с кем Лагос велел не связываться. А Хиро уже видел его раньше у «Черного Солнца». Это он дал Да5иду карточку с «Лавиной».

Татуировка на лбу великана состоит из двух слов печатными буквами: «ПОНИЖЕННЫЙ САМОКОНТРОЛЬ».

Хиро даже вздрагивает и едва не подпрыгивает от неожиданности, когда Виталий Чернобыль и «Ядерные расплавцы» врубают ударную композицию «Ядерный расплав». Это настоящий торнадо пронзительных шумов и скрежетов; ощущение такое, словно тебя всем телом швырнули на стену из рыболовных крючков.

Большинство государств сегодня — франшизы или ЖЭК, иными словами, слишком малы, чтобы иметь собственную тюрьму или хотя бы судопроизводство. Поэтому если кто-то совершает серьезное преступление, они стараются изыскать наказание побыстрее и похуже, как, скажем, порка, конфискация имущества, публичное оскорбление или, в случае людей, которые и в будущем, вероятно, станут причинять кому-то вред, предостерегающая татуировка на заметной части тела. «ПОНИЖЕННЫЙ САМОКОНТРОЛЬ». Очевидно, этот парень попал в подобный ЖЭК и не на шутку покутил.

На мгновение на щеку Ворона ложится светящаяся красная решетка. Решетка стремительно сокращается, стягиваясь к правому зрачку. Тряхнув головой, Ворон поворачивается и ищет глазами из-под очков источник лазерного света, но тот уже погас. Лагос, по всей видимости, успел отсканировать сетчатку.

Так вот зачем тут Лагос. Его не интересуют ни Хиро, ни Виталий Чернобыль. Его интересует Ворон. И каким-то образом Лагос прознал, что он тут будет. Значит, сам Лагос где-то поблизости, снимает великана, прощупывает радаром содержимое его карманов, фиксирует пульс и частоту дыхания.

Хиро включает мобильник.

— И. В., — говорит он, и мобильник набирает номер И. В. Прежде чем она отзывается, проходит несколько минут.

За грохотом концерта ее голос почти не слышен.

— Какого черта тебе надо?

— Извини, что мешаю, И. В. Но тут кое-что происходит. Что-то серьезное. Я присматриваю за огромным байкером по имени

Ворон.

— У вас, хакеров, одна проблема: вы никогда не перестаете работать.

— На то мы и хакеры, — отвечает Хиро.

— Ладно, я тоже пригляжу за этим Вороном, — говорит она. — Когда-нибудь, когда буду работать.

И отключается.

16

Ворон пару раз медленно и лениво объезжает толпу по периметру, едва-едва тащится и непрестанно оглядывается по сторонам. Он досадно спокоен и никуда не спешит.

А потом вдруг отъезжает подальше в темноту. Там он снова озирается, сканируя периметр мусорного городка, и наконец разворачивает тяжелый «харлей» по траектории, которая в конечном итоге приводит его к большому боссу «Жутиков». К типу с сапфировой булавкой и взводом личной охраны.

Хиро пробирается сквозь толпу в том же направлении, стараясь, правда, делать это как можно незаметнее. Судя по всему, намечается что-то интересное.

С приближением Ворона охранники стягиваются к боссу, беря его в неплотное защитное кольцо. А когда великан подъезжает еще ближе, все делают пару шагов назад, словно главарь окружен невидимым силовым полем. Наконец Ворон останавливается и соизволяет опустить ноги на землю. Прежде чем отойти от своего «харлея», он нажимает пару переключателей на руле, потом, заранее зная следующий шаг, останавливается, расставив ноги и подняв руки.

С каждой стороны к нему подходит по Жутику. Похоже, им это задание не по нраву, ведь они не перестают искоса бросать взгляды на байк. Главный Жутик то и дело погоняет их, командуя что-то, жестами ухоженных рук подталкивает к Ворону. У каждого ручной металлоискатель. Проведя металлоискателями по телу Ворона, они ровным счетом ничего не находят, ни малейшего кусочка металла, даже монет в карманах нет. Этот человек — на сто процентов органика. Пусть все остальное — правда, но предупреждение Лагоса о ножах Ворона оказалось пустышкой.

Пара Жутиков поспешно возвращаются к своим. Ворон делает шаг в том же направлении, но бородач отступает на шаг, поднимая обе руки жестом «стой». Ворон останавливается, на его лице вновь возникает ухмылка.

Отвернувшись, главный Жутик жестом указывает на свой черный «БМВ», задняя дверь которого открывается, и из машины выходит молодой невысокий негр. На носу у него круглые очки в проволочной оправе, и одет он в джинсы и большие белые кроссовки, иными словами, типичный студент.

Студент медленно направляется к Ворону, доставая что-то из кармана. Это ручное устройство, но для калькулятора оно по виду слишком большое. В верхней части у него клавиатура, а на другом конце — на том, который студент наставляет на

Ворона, — небольшое окошко. Над клавиатурой мигает красным лампочка и показатель LED. Еще на студенте наушники, штекер которых вставлен в устройство.

Для начала студент наставляет окошко на землю, потом в небо, потом на Ворона, все время глядя на мигающую красную лампочку и показатель LED. Эти действия походят на неведомый религиозный ритуал, словно студент принимает цифровые послания от духов неба, духов земли и, наконец, от черного ангела в облике байкера.

Затем он, останавливаясь на каждом шагу, медленно приближается к Ворону. Хиро видно, как беспорядочно мигает красная лампочка.

Подойдя к Ворону на пол-ярда, студент делает вокруг него несколько кругов, все это время наставляя устройство на байкера. Закончив, он решительно отходит, поворачивается и наставляет свой «жезл» на черный байк. Тут красная лампочка начинает мигать быстрее.

Снимая на ходу наушники, студент возвращается к главе «Жутиков», чтобы обменяться с ним парой фраз. Жутик слушает студента, но при этом не отрываясь смотрит на Ворона, наконец несколько раз кивает и, хлопнув студента по плечу, отсылает его назад в «БМВ».

Это был счетчик Гейгера.

Широким шагом Ворон подходит к Жутику. Они пожимают друг другу руки — стандартное европейское рукопожатие, без каких-либо экстравагантных вариаций. Глаза у Жутика открыты слишком широко, лоб морщится складками, все в его осанке и лице вопиет: «Уберите от меня этого марсианина!»

Ворон возвращается к своему радиоактивному мотоциклу и, распустив пару ремней, снимает стальной чемоданчик. Чемоданчик Ворон передает главе «Жутиков», после чего они снова обмениваются рукопожатием. Затем Ворон преспокойно возвращается к байку и с негромким гудением уезжает прочь.

Хиро страсть как хочется задержаться и посмотреть, что будет дальше, но чутье подсказывает ему, что Лагос уже все заснял на видео. А кроме того, у него тут другие дела. Через толпу к сцене пробиваются два лимузина.

Лимузины останавливаются, и из них выбираются японцы. Одетые во все темное, облегающее, они неловко стоят посреди вечеринки/бунта изобилия, будто горсть сломанных ногтей, плавающих в цветном желе. Наконец Хиро набирается смелости подойти и заглянуть в окно, чтобы убедиться, тот ли там человек, о котором он думает.

И ничего не видит через затемненное стекло. Наклонившись,

он придвигается к самому стеклу, стараясь держаться заметнее.

И все равно никакого отклика. Наконец Хиро стучит по стеклу.

Тишина. Хиро поднимает взгляд на свиту. Все смотрят на него. Но, поймав его взгляд, японцы отводят глаза, вспомнив вдруг, что им надо срочно затянуться или потереть бровь.

В лимузине только один источник света, но достаточно яркий, чтобы его было видно сквозь стекло, и совершенно очевидно, это прямоугольник складного телеэкрана.

Какого черта? Здесь Америка. Хиро наполовину американец, и нет смысла доводить эти политесы до абсурда. Рывком открыв дверь, он заглядывает внутрь лимузина.

Суси К зажат между двумя молодыми японцами, программистами из группы видеоэффектов. Прическа его погашена, поэтому выглядит просто как оранжевая афро. На нем лишь кое-что из сценического прикида, по всей видимости, он намерен сегодня выступать. Похоже, он таки решил принять предложение Хиро.

Суси К смотрит популярный сериал под названием «Глаз-шпион», который выпускает ЦРК и продает через крупную студию. Это реалити-шоу: выбрав одного из своих агентов, задействованного в «мокрой» операции, на настоящем шпионском задании, ЦРК навешивает на него снаряжение горгульи, и все, что агент видит и слышит, передается на базу в Лэнгли. Потом материал монтируют в еженедельную часовую передачу.

Хиро никогда ее не смотрит. Сейчас он работает на ЦРК, и программа вызывает у него досаду. Но до него доходит множество слухов о шоу, и он знает, что сегодня показывают предпоследнюю серию из сериала в пяти частях. ЦРК тайком забросила агента на Плот, где он пытается внедриться в одну из множества пестрых и садистских банд пиратов: организацию Брюса Ли.

Залезая в лимузин, Хиро бросает взгляд на экран как раз в тот момент, когда Брюс Ли собственной персоной приближается к незадачливому шпиону-горгулье, топая по сырому коридору заброшенного корабля Плота. С самурайского меча Брюса Ли капает сконденсировавшаяся влага.

— Люди Брюса Ли заманили шпиона в ловушку на старой корейской плавбазе в Ядре, — говорит один из подручных Суси К. — Сейчас его ищут.

Внезапно Брюса Ли пригвождает яркий свет софита, от чего его отличительный знак — бриллиантовые челюсти — вспыхивают, точно рукав галактики. В центре экрана завис крестик мишени, примостившийся у Брюса Ли на лбу. По всей

видимости, шпион решил, что ему нужно с боем выбираться из этой западни, и как раз наводит на череп Брюса Ли какое-то мощное оружие ЦРК. Но вдруг сбоку наплывает размытое пятно: загадочный темный силуэт закрывает Брюса Ли от зрителей. Крестик мишени покоится теперь… На чем именно?

Это мы узнаем на следующей неделе.

Хиро садится напротив Суси К и программистов, возле телевизора, так он может смотреть на него как бы с экрана.

— Я Хиро Протагонист. Насколько я понимаю, вы получили мое сообщение?

— Потряс! — восклицает Суси К, прибегая к сокращению многоцелевого голливудского прилагательного «потрясающий».

И продолжает:

— Хиро-сан, я в неоплатном долгу перед вами за то, что вы подарили мне единственный в жизни шанс представить мои незначительные произведения на суд такой аудитории. — Все это, кроме «единственный в жизни шанс», он говорит по-японски.

— Примите мои извинения за то, что я организовал все так поспешно и непродуманно, — отвечает Хиро.

— Я глубоко опечален, если вы испытываете потребность в извинениях, ведь вы дали мне шанс, ради которого японский рэппер отдал бы все на свете. Исполнить мои скромные песни перед настоящими домоседами гетто Л.А.

— С глубоким смущением должен открыть, что эти фэны — не совсем домоседы из гетто, как я по небрежности дал вам понять. Это трэшники. Скейтеры, которые любят и рэп, и хеви-метал.

— А. Тогда хорошо, — говорит Суси К, но из его тона следует, что все далеко не хорошо.

— Но здесь присутствуют представители «Жутиков», — говорит Хиро, думая быстро, очень быстро даже по собственным стандартам, — и если ваше выступление будет хорошо встречено, я совершенно уверен, что они оповестят всю свою общину.

Суси К опускает окно. Уровень децибел разом пятикратно возрастает. Он смотрит в толпу, на пять тысяч потенциальных долей рынка, молодых людей, помешанных на фанке. До них никогда не доходила музыка, не доведенная до совершенства. Это или оцифрованный звук, доведенный в студиях и несущийся из их си-ди, или отработанный фазз-грандж лучших групп, групп, которые явились в Л.А., чтобы тут сделать себе имя, и выжили в гладиаторских боях клубной тусовки. Лицо Суси К озаряется ужасом и радостью. Сейчас ему надо подняться на сцену и выдать. Перед кипящей биомассой.

Хиро первым выходит из машины и расчищает Суси К дорогу.

Это довольно просто. А потом откланивается. Он свое дело сделал. Нет смысла терять время на эту мелкую сошку, когда где-то рядом обретается Ворон, иными словами, куда более внушительный источник дохода. Поэтому он пробирается назад на периферию.

— Эй, ты! Ты, парень с мечами! — окликает кто-то. Повернувшись, Хиро видит, как его манит к себе Страж Порядка в зеленой ветровке. Это невысокий накачанный тип с микрофоном, возглавляющий наряд охраны.

— Скрипучка, — представляется он, протягивая руку.

— Хиро, — отзывается Хиро, пожимая руку и подавая визитную карточку. С этими ребятами рассусоливать нет смысла. — Чем могу быть полезен, Скрипучка?

Скрипучка читает визитку. В его движениях и осанке сквозит преувеличенная вежливость, свойственная военным. Он спокоен, выдержан, во всем образец для подражания — совсем как школьный тренер футбольной команды.

— Вы тут главный? Тут всем заправляете?

— Насколько это вообще возможно.

— Мистер Протагонист, несколько минут назад мы приняли звонок от вашего друга по имени И. В.

— Что случилось? С ней все в порядке?

— Да, сэр, в полном порядке. Но помните того глюка, с которым вы говорили в начале концерта?

Хиро никогда не слышал, чтобы слово «глюк» употребляли в таком значении, но потом решает, что Скрипучка имеет в виду горгулью Лагоса.

— Ну да.

— Так вот. Возникла ситуация, касающаяся этого джентльмена, о которой оповестила нас эта И. В. Мы подумали, что вам захочется посмотреть.

— Что происходит?

— Гм, почему бы вам не пройти со мной? Знаете, есть вещи, которые проще показать, чем объяснять на словах.

Скрипучка поворачивается, и тут начинается первая рэп-композиция Суси К. Его голос звучит натянуто и напряженно.

Я — Суси Ка, я пришел сюда
Сказать вам: мой рэп — вот это да!

В городе любом, куда ни взгляни,
Рэп Суси Ка всегда впереди.

Мой особый стиль — крутые слова

Ему местный стереотип, дурья башка.

Хаер у меня галактики больше,
Есть клевая технология, — с ней все проще.

Хиро идет за Скрипучкой подальше от толпы в тускло освещенное место на краю мусорного городка. Высоко на насыпи эстакады он едва-едва различает фосфоресцирующие силуэты: это Стражи Порядка в зеленых ветровках кружат вокруг чего-то, что притягивает их как магнит.

— Смотрите под ноги, — предостерегает Скрипучка, когда они начинают взбираться на насыпь. — Тут местами скользко.

Рэп я гоню о сладких снах
Моя поддержка — в ваших штанах.

Вот вам смачный рэп, новая строка,
Вам его принес японец Суси Ка.

Слушайте феномен, японского чувака,
Язык — острей самурайского клинка.

Он прошел всю Азию и весь Китай,
Зону Процветания, не спи, не зевай.

Это типичная насыпь из гравия с песком, кажется, ее смоет первым же ливнем. Повсюду на ней ютятся полынь, кактусы и перекати-поле, чахлые и полумертвые на вид от вечного задымления.

Трудно хоть что-то рассмотреть, потому что внизу прыгает по сцене Суси К и ярко-оранжевые лучи его «солнечной короны» мечутся взад-вперед по насыпи со скоростью, словно превосходящей скорость звука, отбрасывая зернистый, абразивный свет на сорняки и камни и озаряя все странными слепящими высококонтрастными моментальными вспышками.

Лох в подземке, слушай и ты
Ядреные Суси Ка хиты.

Огнедышащий ящер Годзирой
Всегда был мой великий герой.

Его рэп тогда поджег целый квартал

И старт моим инвестициям дал.

Акции рэппера Суси Ка лезут вверх — о'кей,
Прочие рэпперы — йестедей.

Лучшие проценты, слушай сюда
Дает корпорация Суси Ка.

Скрипучка поднимается по склону параллельно свежему следу мотоциклетных шин, глубоко врезавшемуся в сыпучую желтую почву. Следов тут, собственно говоря, два: один глубокий и широкий, и второй, более узкий, который тянется параллельно первому в паре футов справа.

Чем выше они поднимаются, тем глубже становятся следы. Глубже и темнее. Они все меньше и меньше напоминают след мотоцикла в сыпучей глине и все больше и больше походят на сточный ров для какого-то зловещего черного потока промышленных отходов.

Приехал я в Америку теперь,
Местные хотели указать мне на дверь.

Мол, просим тебя, домой лети,
Нам с конкуренцией не по пути…

Местные рэпперы хнычут и рыдают
Законов против импорта себе желают.

Они в штаны наложили от страха, да, —
Их фанаты ушли к Суси Ка.

Концерты Суси Ка раскручены неплохо,
Наподдаст он под зад всем местным лохам.

Один из Стражей Порядка сверху потрудился прихватить с собой фонарик. Когда Страж Порядка двигается, световое пятно перемещается по земле под плоским углом, шаря по земле, как прожектор. На мгновение свет попадает в след мотоцикла, и Хиро понимает, что след превратился в реку ярко-красной, насыщенной кислородом крови.

Он поет по-английски теперь —
Английский и японский — отличный коктейль,

В суперкоктейль, и все фанаты на свете
Теперь слушают клевые песни эти.

И в Гонконге тоже рэп хотят,
Я и там всех делаю как котят.

Англофилы в Процветанье
Давно заимели одно желанье:

Пусть у них будет своя рок-звезда,
И ходу заезжим не будет туда.

Лагос лежит, раскинувшись поперек следа. Его вскрыли как лосося: единый чистый разрез, начинаясь от ануса, идет через живот, через середину грудной клетки, до самой челюсти. И это не просто поверхностный надрез. Местами его глубина достигает позвоночника. Черные нейлоновые ремни, которыми компьютер был пристегнут к телу Лагоса, аккуратно перерезаны на уровне талии, и половина компонентов вывалилась на землю.

Я завоюю радио-эфир
Обо мне заговорит весь мир.

Статистика доходов Суси Ка
Свалит с ног любого качка.

Покупайте акции
моей корпорации:

Курс акций моих —
местным рэпперам удар поддых.

17

Джейсон Брекинридж одет в терракотовую спортивную куртку. Терракота — цвета Сицилии. Джейсон Брекинридж никогда не был на Сицилии. Возможно, однажды он поедет туда — на полученную премию. Для того чтобы завоевать бесплатный круиз на Сицилию, Джейсону надо набрать 10 тысяч очков «от крестного отца».

Свой крестовый поход он начал с благоприятного старта. Открыв франшизу «Новая Сицилия», он автоматически начал с 3333 очками в банке «от крестного отца». Прибавьте к этому одноразовый Бонус Гражданства в 500 очков, и баланс выглядит уже неплохо. Число зарегистрировано в большом компьютере в Бруклине.

Джейсон вырос на западной окраине Чикаго, одного из самых богатых франшизами регионов страны. Он окончил бизнес-школу при Иллинойском университете, набрав тем самым 20567 очков «от крестного отца», а на последнем курсе написал диплом под названием «Взаимодействие этнографического, финансового и полувоенного аспектов на определенных рынках». Это было конкретное социологическое исследование войны за территорию между франшизами «Новой Сицилии» и «Наркоколумбии» в его родном городке Ороро.

Энрике Кортасар заправлял приходящей в упадок франшизой «Наркоколумбии», на примере которой Джейсон строил свои доказательства. Джейсон взял у него несколько коротких интервью по телефону, но в лицо мистера Кортасара никогда не видел.

Присвоение Джейсону степени бакалавра мистер Кортасар отпраздновал, подложив бомбу в семейный миниван Брекинриджей на автостоянке, а потом выпустив одиннадцать обойм из автоматической винтовки в переднюю стену их дома.

К счастью, мистер Карузо, управлявший местной цепью франшиз «Новая Сицилия», как раз готовился наголову разбить Энрике Кортасара и проведал об этих нападениях еще до того, как они случились, — вероятно, перехватил сигнал с флота плохо защищенных мобильных телефонов и любительского радио мистера Кортасара. Мистеру Карузо удалось заранее предупредить семью Джейсона, поэтому, когда среди ночи по их дому летали пули, Брекинриджи наслаждались дармовым шампанским в одном из мотелей «Старая Сицилия Инн» в пяти милях по 96-й трассе.

Разумеется, когда бизнес-школа устроила новогоднюю

ярмарку рабочих мест, Джейсон не преминул подойти к павильону «Новая Сицилия», чтобы поблагодарить мистера Карузо за спасение его семьи от верной смерти.

— Да ладно, это ж… ну, просто по-соседски, сам знаешь, дружок Джесси? — сказал мистер Карузо, ударив пятерней Джейсона по лопаткам, а потом сжал дельтовидную мышцу, которая у Брекинриджа была размером с мускусную дыню. Джейсон не так увлекался стероидами, как когда ему было пятнадцать, но все же был в отличной форме.

Мистер Карузо родился в Нью-Йорке. На ярмарке рабочих мест его павильон оказался одним из самых популярных. Ярмарку устроили в большом выставочном зале в Унии. Стены расписали под воображаемую улицу. Две «авеню» разделяли зал на квадраты, и павильоны всех франшиз, компаний и национальных государств расположились вдоль этих хайвеев. Столики ЖЭКов и прочих компаний прятались среди «улочек» предместья внутри квадратов. Павильон «Новой Сицилии» мистера Карузо гордо стоял на самом перекрестке. Возле него уже выстроилась очередь из дюжины худосочных выпускников бизнес-школы в ожидании собеседования у мистера Карузо, но мистер Карузо заметил в очереди Джейсона и выдернул его, схватив прямо за дельтоид. Все остальные выпускники пялились на него с завистью. Джейсону эту понравилось: он почувствовал себя особенным. Личное внимание — вот что отличает «Новую Сицилию».

— Ну, я, разумеется, собирался прийти на собеседование сюда, а потом в «Великий Гонконг мистера Ли», потому что меня очень интересуют высокоэффективные технологии, — ответил Джейсон на отеческие расспросы мистера Карузо.

За что получил особенно крепкое рукопожатие. По тону мистера Карузо ясно слышалось, что это для него неприятный сюрприз, но Джейсон не пал из-за этого в его глазах, во всяком случае пока.

— Гонконг? А что такой смышленый белый парень, как ты, забыл в чертовой япо-лавочке?

— Ну, строго говоря, они не япы — что просто сокращенное от «японцы», — попытался возразить Джейсон. — Большинство в Гонконге — выходцы из Кантона…

— Все они япошки, — отрезал мистер Карузо. — И знаешь, почему я так говорю? Не потому, что я чертов расист, поскольку я не расист. А потому, что для них, для япов, мы все иноземные дьяволы. Вот как они нас называют. Иноземные дьяволы. Как тебе такое?

Джейсон только признательно засмеялся.

— И это после всего, что мы для них сделали! Но здесь в

Америке, мальчик Джесси, мы все иноземные шельмы, так ведь? Мы все приехали из какого-нибудь другого места… кроме этих чертовых индейцев. Ты ведь не собираешься пойти на собеседование в «Народ Лакота», а?

— Нет, сэр, мистер Карузо, — ответил Джейсон.

— И правильно. С этим я согласен. Но я отклоняюсь от темы. Поскольку у всех нас есть своя уникальная этническая и культурная индивидуальность, нам надо работу искать в организации, которая способна ценить и сохранять эти характерные особенные личности, отковывая из них единое функциональное целое, понимаешь?

— Да, я понимаю, о чем вы, мистер Карузо.

К тому времени мистер Карузо уже отвел его в сторонку и повел гулять по метафорической «Улице Возможностей».

— А теперь приходит тебе на ум какая-нибудь деловая организация, которая подходила бы под это описание, мой мальчик?

— Ну…

— Уж точно не чертов Гонконг. Это для белых, которые хотят быть япами, да не могут, разве ты не знал? Ты ведь не хочешь быть япом, а?

— Ха-ха. Нет, сэр, мистер Карузо.

— Знаешь, что я слышал? — Отпустив Джейсона, мистер Карузо повернулся и стал к нему совсем близко, грудь к груди. Когда мистер Карузо заговорщически махнул рукой, его сигара огненной стрелой просвистела мимо уха Джейсона. Это была конфиденциальная часть дружеской беседы, небольшой анекдот для двух мужчин. — Знаешь, в Японии, если ты облажался, ты должен отрубить себе палец. Шмяк. Вот так. Богом клянусь. Ты мне не веришь?

— Я вам верю. Но это же не во всей Японии, сэр. Только в якудза. В японской мафии.

Запрокинув голову, мистер Карузо расхохотался, а потом снова приобнял Джейсона за плечи.

— А ты мне нравишься, Джейсон, правда нравишься, — зарокотал он. — Японская мафия. Скажи мне вот что, Джейсон: ты когда-нибудь слышал, чтобы нас называли «Сицилийская якудза»? А?

— Нет, сэр, — рассмеялся Джейсон.

— И знаешь почему? Знаешь? — Мистер Карузо перешел к серьезной, значительной части своей речи.

— Почему, сэр?

Мистер Карузо развернул Джейсона так, что оба они теперь смотрели в самый конец «улицы» на величественную статую

Дядюшки Энцо, точно статуя Свободы возвышающую над перекрестком.

— Потому что существует только одна мафия, сынок. Только одна. И ты можешь быть ее частью.

— Но в ней такая конкуренция…

— Что? Послушать только! У тебя три тысячи очков! Ты всем задашь жару!

Как любой другой управляющий франшизой, мистер Карузо имел доступ к «Территории-Сети», обслуживающей множество параллельных списков, которые «Новая Сицилия» использует для выявления так называемых перспективных зон. На глазах у десятка жалких простофиль, ждущих своей очереди, мистер Карузо отвел Джейсона к павильону (вот это Джейсону чертовски понравилось), а там подключился к «Территории». От Джейсона требовалось только выбрать регион.

— У моего дяди контора по продаже подержанных машин в Южной Калифорнии, — сказал Джейсон, — и я знаю, что это быстро расширяющаяся область…

— Полно перспективных зон! — Мистер Карузо принялся экспансивно стучать по клавиатуре.

Потом он развернул монитор, показывая Джейсону карту округа Л.А. с горящими на ней красными пятнами, которые обозначали не занятые еще сектора.

— Выбирай, малыш!

Теперь Джейсон Брекинридж — менеджер «Новой Сицилии» номер 5328. Каждое утро он надевает спортивную куртку цвета терракоты и едет в своем «олдсмобиле» на работу. Многие молодые предприниматели сели бы за руль «БМВ» или «акуры», но организация, в которой теперь состоит Джейсон, выплачивает премию за традиции и семейные ценности и вовсе не падка на безвкусный иностранный импорт. «Если американская машина хороша для Дядюшки Энцо…»

На нагрудном кармане куртки Джейсона вышит логотип мафии. В логотип вплетена буква «Г», что означает «Гамбино»: так называется подразделение, управляющее счетами южного сектора Л.А. Ниже значится его имя: «Джейсон (Железное Сердце) Брекинридж». Эту кличку они с мистером Карузо придумали год назад на ярмарке рабочих мест в Иллинойсе. В мафии каждому полагается иметь кличку, такова традиция, и в «семье» принято брать себе прозвища, которые показывают, кто ты есть.

Работа Джейсона как менеджера местного офиса состоит в том, чтобы распределять задания местным исполнителям. Каждое утро он припарковывает лимузин перед входом в офис и быстро проскальзывает в бронированную дверь, чтобы избежать

возможных снайперов «Наркоколумбии». Что не мешает им временами стрелять по большому Дядюшке Энцо, который возвышается над представительством франшизы; но, впрочем, прежде, чем щиты мафии перестанут внушать доверие, они способны многое вынести.

Благополучно оказавшись внутри, Джейсон входит в «Территорию-Сеть». На экране автоматически возникает список. От Джейсона требуется только подыскать исполнителей для всех заданий, а после он может отправляться домой; в противном случае ему придется делать всю работу самому. Так или иначе, вся работа должна быть сделана. Большая часть заданий — простая доставка, которую он сбрасывает курьерам. Затем следуют сборы с уклоняющихся от уплаты должников и франшиз, которые зависят от «Новой Сицилии» в плане безопасности предприятий. Если это первый раз, то Джейсон предпочитает сам подъехать, просто показать, кто есть кто, подчеркнуть, что его организация предпочитает приватный, с глазу на глаз, подход к проблемам долгов. Если это второе или третье напоминание, он обычно передает контракт «Избивателям до смерти Интернешнл», крайне эффективному агентству по сбору денег, чьими результатами он всегда оставался доволен. А еще встречается иногда задания с «Кодом Х». Джейсон терпеть не может возиться с «Кодом Х»: в таких заданиях он видит симптомы развала системы взаимного доверия, которая цементирует общество. Но обычно с такими делами управляются непосредственно на региональном уровне, и от Джейсона ожидается только менеджмент последствий, чтобы все дело не вышло из-под контроля.

Сегодня утром Джейсон выглядит особенно бодрым, а его лимузин — свежеотполированным. Прежде чем войти внутрь, он подбирает на стоянке несколько оберток от бургеров — и плевать на снайперов. Говорят, в Л.А. прибыл Дядюшка Энцо, а ведь никогда не знаешь, когда он со своим флотом лимузинов и бронетранспортеров заявится к местной франшизе, чтобы пожать руку рядовому составу. Да, Джейсон сегодня останется работать допоздна, будет, так сказать, жечь топливо, просидит за столом до поздней ночи, пока ему не шепнут, что самолет Дядюшки Энцо благополучно покинул эти края.

Он входит в «Территорию-Сеть». Как обычно, по экрану бежит список дел на сегодня, причем список не слишком длинный. В межфраншизной деятельности затишье, ведь все местные менеджеры ввиду возможного появления Дядюшки Энцо, подпоясавшись, инспектируют вверенные им помещения. Но одно задание появляется с красным флажком. Приоритетное задание.

Приоритетные задания необычны. Симптом упадка морали и

общей неряшливости. Каждое задание должно быть приоритетным. Но время от времени появляется что-то, что никак нельзя отложить или провалить. Местный менеджер, вроде Джейсона, не может установить флажок приоритета, это должно исходить от более высокого эшелона.

Обычно приоритетные задания кодируются как X. Но Джейсон с облегчением замечает, что это простая доставка. Некоторые документы следует забрать из его офиса и передать из рук в руки в «Новую Сицилию» номер 4649, которая находится к югу от центра.

Причем далеко к югу. Комптон. Военная зона, давняя крепость «Наркоколумбийцев» и «Растафарианских бандитов».

Комптон. Какого черта понадобилась офису в Комптоне лично им подписанная копия финансовых отчетов его франшизы? У них же там все время должно уходить на «Коды X» конкурентов.

Если уж на то пошло, в одном из кварталов Комптона имеется весьма активная группа младомафии, которой только что удалось выгнать всех наркоколумбийцев, а квартал превратить в «Зону Под Охраной Мафии». Старые дамы снова ходят по улицам. Дети ждут школьные автобусы и играют в «классики» на тротуарах, еще недавно залитых кровью. Прекрасный пример: если порядок можно водворить здесь, его можно водворить везде.

Дядюшка Энцо даже собирался поздравить их лично.

Сегодня после полудня.

И номер 4649 станет его временной штаб-квартирой.

Скрытый смысл ошеломляет.

Джейсону назначили приоритетное задание доставить его отчеты в ту самую франшизу, где сегодня днем будет пить эспрессо Дядюшка Энцо!

Дядюшка Энцо проявил к нему интерес.

Мистер Карузо утверждал, дескать, у него есть связи на самом верху, но неужели они простираются так высоко?

Джейсон откидывается на спинку цветокоординированного терракотового вращающегося кресла, чтобы обдумать весьма реальную возможность, что через несколько дней он будет управлять целым регионом… или даже больше.

Одно ясно наверняка: такую доставку нельзя доверить ни одному курьеру, ни одному панку на скейте. Джейсон сам покатит в своем «олдсмобиле» в Комптон, чтобы лично передать свои бумаги.

18

Он на час впереди расписания. Разумеется, он выехал на полчаса раньше, но от самой мысли, что придется поехать в Комптон — он, конечно, много всякого слышал об этом месте, но, боже милостивый, до слухов ли теперь? — гонит как маньяк. Дешевые мерзкие франшизы обычно падки на омерзительно желтые вывески, поэтому бульвар Алмейда, ясно видный впереди, похож на струю радиоактивной мочи, пущенную из мертвого центра Л.А. Джейсон устремляется по самой ее середине, не обращая внимания на разметку полос и красные огни светофоров, и вдавливает педаль газа.

Большинство франшиз, выжелченные логотипами, — плебейские организации вроде «Жилых кварталов», «Наркоколумбии», «Кайманов Плюс», «Метазании» и «Звонкой монеты». Но скалистыми островками порядка в этом болоте поднимаются представительства «Новой Сицилии», плацдармы мафии в войне с тягостным игом «Наркоколумбии».

Паршивые лоты, которые не купит даже «Звонкая Монета», обычно выбирают ушедшие в экономику подполковники авиации, только что выложившие миллион йен за лицензию «Наркоколумбии». Им нужна только земля, любая недвижимость, вокруг которой можно было бы поставить забор, а потом объявить о своей экстерриториальности. Такие местные представительства большую часть своей выручки отсылают в Медельин, а себе оставляют такую малость, которой едва хватает на накладные расходы.

Кое-кто пытается смошенничать: забирает пару-тройку купюр себе в карман, когда им кажется, что камеры секьюрити не смотрят, и бежит в ближайшее представительство «Кайманов Плюс» или «Альп», которые в таких районах кружат точно мухи над падалью. Но эти люди вскоре узнают, что в «Наркоколумбии» любое действие могут счесть преступлением, караемым смертью, а судебной системы почитай что и нет никакой, только летучие «отряды справедливости», наделенные правом в любое время дня и ночи бомбой проложить себе дорогу в твою франшизу и факсом отправить твои отчеты в печально известный своей придирчивостью компьютер в Медельине. Нет ничего хуже, чем когда тебя вытаскивают для расстрела к стене предприятия, которое ты построил собственными руками.

Дядюшка Энцо полагает, что, упирая на преданность организации и традиционные семейные ценности, мафии удастся завербовать многих таких предпринимателей еще до того, как

они станут гражданами «Наркоколумбии».

И это объясняет, зачем тут щит, который встречается Джейсону тем чаще, чем глубже он забирается в Комптон. Лицо Дядюшки Энцо лучится улыбкой на каждом углу. Обычно он обнимает за плечи молодого здорового на вид чернокожего парнишку, а наверху слоган: «МАФИЯ — У ВАС ЕСТЬ ДРУГ В СЕМЬЕ!» или «РАССЛАБЬТЕСЬ — ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В КВАРТАЛ ПОД ЗАЩИТОЙ МАФИИ» и «ДЯДЮШКА ЭНЦО ПРОЩАЕТ И ЗАБЫВАЕТ».

Последняя фраза обычно стоит над изображением Дядюшки Энцо, который обнимает за плечи подростка и строго ему за что-то выговаривает. Это аллюзия на то, что колумбийцы и ямайцы убьют кого угодно.

«НЕ ВЫЙДЕТ, ХОСЕ» — Дядюшка Энцо предостерегающе поднимает руку, останавливая размахивающего «узи» подонка латиноса; за ним выстроилась панэтническая фаланга детей и старушек, решительно сжимающих бейсбольные биты и сковородки.

Да, разумеется, наркоколумбийцы еще держат торговлю листьями коки, но теперь, когда «Ниппон Фармпрепараты» почти завершил строительство завода по синтезу кокаина в Мексикали, это перестанет быть существенным фактором. Мафия ставит на то, что любой юнец, собирающийся заняться бизнесом, заметит эти щиты и призадумается. Зачем увеличивать риск, что тебя удавят твоими собственными кишками на задворках закусочной, если вместо этого можно надеть терракотовую спортивную куртку и влиться в веселую семью? Особенно если теперь в ней есть черные, латиносы и азиатские капо, которые будут уважать твою культурную самобытность? В перспективе Джейсон руками и ногами за мафию.

В подобном месте его черный «олдсмобиль» все равно что мишень. Комптон — вообще самое худшее, что Джейсон когда-либо видел. Прокаженные жарят собак на вертелах, поворачивая их над железными бочками с горящим в них керосином. Бомжи катят тачки, доверху наваленные комьями миллионных и миллиардных банкнот, с которых капает жижа — ведь бумажки выловили из канализации. Сбитая машинами падаль таких размеров, что это могут быть только человеческие останки, размазанные на комковатые полосы в квартал длиной. Горящие баррикады перегородили крупные авеню. И кругом ни одной франшизы. «Олдсмобиль» то и дело постукивает. Поначалу Джейсон никак не может понять, в чем дело, а потом догадывается: по нему стреляют. Как хорошо, что, поддавшись на уговоры дяди, он поставил полную броню! Но стоит ему

сообразить, что к чему, голова его кружится от восторга. Это настоящая переделка, мужики! Он едет в своем «олдсе», эти суки по нему стреляют, а ему хоть бы хны!

В трех кварталах от франшизы все улицы блокированы бронетранспортерами мафии. На крышах выжженных трущоб притаились солдаты с винтовками и в черных штормовках, через всю спину которых пятидюймовыми флуоресцентными буквами написано «МАФИЯ».

Вот это, мужик, настоящее.

Подъехав к пропускному пункту, Джейсон замечает, что его «олдс» стоит прямо на переносной мине «клеймор». Если он враг, мина превратит машину в железный пончик. Но он же не враг. Он же самый что ни на есть друг. У него приоритетное задание, стопка документов на соседнем сиденье, аккуратно перевязанная и прошитая.

Джейсон опускает окно, и охранник из командного звена пригвождает его лазерным сканером сетчатки. Никакой тебе чепухи с паспортами. Кто он, они узнают через долю секунды. Замерев в кресле, пристегнутый ремнями безопасности, он поворачивает зеркальце заднего вида, чтобы проверить пробор. Не так уж и плохо.

— Приятель, — говорит охранник, — тебя в списке нет.

— Да нет же, я там есть, — отвечает Джейсон. — Это приоритетная доставка. Вот они, бумаги.

Он протягивает охраннику распечатку заказа по «Территории-Сети», тот ее просматривает и, хмыкнув, уходит в щетинящийся антеннами бронетранспортер.

Ждать приходится долго-предолго.

Из франшизы мафии через разбомбленную ничейную полосу к периметру приближается пешком мужчина. Ничейная полоса — сплошь обгорелый кирпич и развороченные линии электропроводки, но этот джентльмен идет по ней, точно Христос по морю Галилейскому. Костюм на нем совершенно черный. И волосы у него тоже черные. Охраны при нем нет. Периметр слишком хорошо охраняется.

Джейсон замечает, что вся стража на этом КПП как будто подтягивается, поправляя галстуки, поддергивая манжеты. Джейсон хочет выйти из своего бронированного «олдсмобиля», чтобы выказать должное уважение этому незнакомцу, но не может открыть дверцу, потому что возле нее, смотрясь в крышу как в зеркало, стоит громила-охранник.

Слишком быстро… Но незнакомец уже здесь!

— Это он? — спрашивает он охранника.

Охранник несколько секунд смотрит на Джейсона, словно

глазам своим не верит, потом переводит взгляд на важную персону в черном костюме и кивает.

Кивнув в ответ, важная персона поддергивает манжеты, прищурившись, оглядывается по сторонам, смотрит на снайперов на крыше — куда угодно, только не на Джейсона. Потом он делает шаг вперед. Один глаз у него стеклянный, и глаза поэтому словно смотрят в разные стороны. Джейсону кажется, будто он смотрит куда-то мимо. Но на Джейсона он смотрит здоровым глазом. А может быть, и нет. Джейсон никак не может решить, какой из глаз нормальный, его пробирает дрожь, и он замирает, будто щенок в морозильной камере.

— Джейсон Брекинридж? — осведомляется важная персона.

— Железное Сердце, — напоминает Джейсон.

— Заткнитесь. И в течение разговора не произносите ни слова. Когда я скажу вам, где вы ошиблись, вы не станете извиняться, потому что я и так знаю, что вам очень жаль. И когда выберетесь отсюда живым, то меня за это благодарить не станете. Даже не попрощаетесь со мной.

Джейсон кивает.

— Я даже не хочу, чтобы вы кивали, так вы меня раздражаете. Просто заткнитесь и сидите тихо. Сегодня утром вам расписали приоритетное задание. Выполнить его было очень просто. От вас требовалось только прочесть наряд и комментарии к нему, черт бы вас побрал. Но вы их не прочли. Вы просто взяли на себя смелость самому взяться за эту треклятую доставку. А в комментарии было особо сказано этого не делать.

Взгляд Джейсона на мгновение опускается на папку документов на соседнем сиденье.

— Это хлам, — говорит важная птица. — Нам не нужны ваши чертовы документы. Нам нет дела ни до вас, ни до вашей проклятой франшизы на какой-то Богом забытой окраине. Нам нужен был только курьер. В наряде говорилось, что эту доставку следует поручить конкретному курьеру, работающему в вашем районе, по имени И. В. Так вышло, что Дядюшка Энцо интересуется этой И. В. Он хочет с ней познакомиться. А теперь, поскольку вы облажались, желание Дядюшки Энцо не будет исполнено. Ах, какой ужасный исход! Какой стыд! Поразительная бестолочь — вот кто вы есть. Спасать вашу франшизу уже поздно, Джейсон Железное Сердце, но, возможно, еще не слишком поздно помешать крысам пообедать вашей задницей.

19

— Это было проделано не мечом, — говорит Хиро. Он в шоке от увиденного и не в состоянии удивляться, только не отрываясь смотрит на труп Лагоса. Эмоции, вероятно, возьмут свое позже, когда он, приехав домой, попытается заснуть. Пока мозг словно оторван от тела, как будто он закинулся большой дозой, и потому Хиро так же хладнокровен, как Скрипучка.

— Да ну? Как вы определили? — спрашивает Скрипучка.

— Удар мечом быстрый и проходит сквозь предмет. Как, скажем, когда отрубаете голову или руку. Человек, убитый мечом, выглядит иначе.

— Правда? Вы многих людей убили мечами, мистер Протагонист?

— Да. В Метавселенной.

Они еще несколько минут стоят молча, разглядывая труп.

— Не похоже на стремительный удар, — задумчиво произносит Скрипучка, — скорее на очень мощный.

— Ворон с виду довольно силен.

— Это точно.

— Но, думаю, при нем нет оружия. Жутики обыскали его пару часов назад, он был чист.

— Ну, значит, он где-то его позаимствовал, — говорит Скрипучка. — Глюк, знаете ли, бродил по всей концертной площадке. Мы за ним присматривали, потому что боялись, что он выведет Ворона из себя. Он все расхаживал, выискивая наилучшую точку для съемки.

— Он был просто начинен аппаратурой наблюдения, — говорит Хиро. — Чем выше с ней поднимаешься, тем лучше она работает.

— Поэтому он, в конце концов, забрался на эту насыпь. И очевидно, убийца знал, где он находится.

— Пыль, — говорит Хиро. — Проследите за лазерами.

Внизу Суси К конвульсивно вертится вокруг своей оси, и тут от его лба карамболит пивная бутылка. По насыпи проносится пучок лазеров, ясно видимых в поднятой ветерком пыли.

— Этот тип, наш глюк, пользовался лазерами. И как только он поднялся сюда…

— Они выдали его местонахождение, — подхватывает Скрипучка.

— И тогда Ворон пришел за ним.

— Ну, мы же не утверждаем, что это был именно он, — говорит Скрипучка. — Но мне нужно знать, не сделало ли это

лицо, — он кивает на труп, — что-нибудь, что натолкнуло бы Ворона на мысль, будто ему грозит опасность.

— Тут что, групповая терапия? Кому какое дело, кажется ли Ворону, что ему угрожают?

— Мне, — мрачно отрезает Скрипучка.

— Лагос же был просто горгульей. Пылесосом, засасывающим информацию. Я не думаю, что он участвовал в настоящих тайных операциях… Если бы участвовал, то не расхаживал бы в таком прикиде.

— Тогда почему, по-вашему, Ворон так нервничал?

— Наверное, ему не нравится находиться под наблюдением, — говорит Хиро.

— Да, — отзывается Скрипучка. — И вам следует об этом помнить.

Тут Скрипучка зажимает рукой ухо, чтобы лучше слышать бормочущие в наушниках голоса.

— И. В. видела, как это произошло? — спрашивает Хиро.

— Нет, — несколько секунд спустя бормочет Скрипучка. — Но она видела, как он отсюда сматывался. Она следует за ним.

— Зачем ей это делать?

— Думаю, вы ей велели что-то подобное.

— Я и подумать не мог, что она сорвется за ним следом.

— Но она же не знает, что он кого-то убил, — говорит Скрипучка. — Она просто позвонила сказать, что его видела: он на «харлее» едет в Чайнатаун.

Тут Скрипучка внезапно бросается вниз по насыпи. На обочине трассы ждут с включенными моторами пара машин Стражей Порядка.

Хиро бежит следом. После стольких боев на мечах он в великолепной форме, и ему удается нагнать Скрипучку, когда тот еще только-только подбегает к машине. Как только водитель открывает электрические замки дверей, Хиро, воспользовавшись тем, что Скрипучка отвлекся, садясь вперед, пулей залетает на заднее сиденье. Повернувшись, Скрипучка глядит на него с усталым отвращением.

— Я буду вести себя тихо и никому не помешаю, — обещает Хиро.

— Только одно…

— Знаю. Не связываться с Вороном.

— Вот именно.

Скрипучка еще несколько секунд свирепо на него смотрит, потом поворачивает и жестом приказывает водителю трогать. Нетерпеливо вырвав из принтера в приборной доске десять футов распечатки, Скрипучка начинает просматривать сообщения.

На этой длинной бумажной ленте Хиро замечает множество фотографий важного Жутика, бородача, которому Ворон отдал чемоданчик. На распечатке он назван «Ти-Боун Мерфи».

Есть там и снимок Ворона. Это не портретный снимок анфас, Ворон пойман в движении. Качество ужасное. Снимок сделан с помощью какой-то оптики высокого разрешения, которая вымывает цвет, понижает контрастность и увеличивает зерно. Изображение, похоже, обработали, чтобы сделать его четче, но от этого оно стало еще более зернистым. Номерной знак мотоцикла — просто размытая облатка, потерявшаяся в свечении задних фар. Байк сильно кренится, так что коляска летит в нескольких дюймах над землей. Но у байкера словно нет шеи. Его голова или, точнее, темный мазок на ее месте становится все шире и шире, пока не переходит в плечи. Определенно, Ворон.

— Откуда у вас тут фотография Ти-Боуна Мерфи? — спрашивает Хиро.

— Он за ним гонится, — отвечает Скрипучка.

— Кто гонится за кем?

— Ну, ваша приятельница И. В. — далеко не корифей радиоэфира, но, насколько можно судить по ее сообщениям, их видели в одном и том же месте: они пытались убить друг друга, — говорит Скрипучка. Голос у него приглушенный и безучастный, как у человека, получающего в наушники последние сводки.

— Несколько часов назад они заключили какую-то сделку, — задумчиво говорит Хиро.

— Тогда чего удивляться, если сейчас они пытаются убить друг друга.

Как только они въезжают в предместье Чайнатауна, преследовать «шоу Ти-Боуна — Ворона» становится намного проще: от одной машины «скорой помощи» до другой. Через каждые пару кварталов — налицо кучка полицейских и санитаров, свет прожекторов и кашель радио. Стражам Порядка остается только переезжать от одной сцены к другой.

На месте первого же происшествия на тротуаре лежит мертвый Жутик. Из его тела вытекает в канализационный люк река крови в шесть футов шириной. Вокруг стоят санитары, курят, попивают кофе из пластиковых стаканчиков и ждут, когда Стражи Порядка закончат измерять и фотографировать и позволят увезти тело в морг. Никаких трубок внутривенного вливания, никакого медицинского мусора, никаких открытых врачебных чемоданчиков — никто даже не пытался что-либо сделать.

Через два поворота машина Скрипучки выезжает к следующему созвездию мигалок. Здесь водитель «скорой помощи»

надевает на сломанную ногу метакопа жесткую повязку.

— Переехан мотоциклом, — говорит Скрипучка, качая головой с традиционным для Стражей Порядка пренебрежением к своим жалким младшим родственникам, метакопам.

Наконец он переключает радио с наушников на динамик в приборной доске, чтобы всем было слышно.

Мотоциклиста уже и след простыл, и, судя по всему, местные копы по большей части заняты устранением последствий гонки. Но только что позвонила некая гражданка с жалобой: дескать, человек на мотоцикле и еще несколько лиц вытаптывают в ее квартале поле хмеля.

— В трех кварталах отсюда, — говорит водителю Скрипучка.

— Поле хмеля? — переспрашивает Хиро.

— Я знаю, где это. Возле местной микропивоварни, — бросает Скрипучка. — Они выращивают собственный хмель. Городские садовники работают на них по подряду. Иными словами, самую тяжелую работу за них делают китайцы.

Когда они, первыми из представителей властей, приезжают к пивоварне, становится ясно, почему Ворон дал загнать себя на хмельное поле: лучшего укрытия и не придумать. Хмель — тяжелые ползучие плети в цвету, которые растут на шпалерах, связанных из длинных бамбуковых шестов. Высота шпалер — восемь футов, и хмель заплел их так плотно, что через них решительно ничего не видно.

Все выходят из машины.

— Ти-Боун! — орет Скрипучка.

С середины поля доносятся какие-то крики.

— Здесь! — кричит другой голос. Но это явно не ответ Скрипучке.

Они осторожно заходят на поле. Со всех сторон их обволакивает душистый тягучий аромат, похожий на марихуану; такой острый запах исходит от дорогого пива. Скрипучка знаком велит Хиро держаться позади него.

При иных обстоятельствах Хиро так бы и поступил. Он наполовину японец и в большинстве случаев всецело подчиняется властям.

Но нынешняя ситуация к ним не относится. Если Ворон попытается приблизиться к Хиро, Хиро поговорит с ним катаной. А если до этого дойдет, не хотелось бы, чтобы поблизости оказался Скрипучка: ведь замах назад может лишить его конечности.

— Эй, Ти-Боун! — кричит Скрипучка. — Это Стражи Порядка, и ты нас достал! Черт побери, выходи оттуда, парень. Давай поедем по домам!

Ти-Боун, точнее, Хиро предполагает, что это Ти-Боун, отвечает короткой очередью из автоматического пистолета. Вспышки выстрелов высвечивают плети хмеля, словно полицейские мигалки. Перекатившись в падении, Хиро приземляется на плечо и на несколько секунд зарывается в мягкую землю и опавшую листву.

— Черт! — говорит Ти-Боун. Ругательство звучит разочарованно, но к нему примешивается основательная доля всепоглощающей обиды и немалого страха.

Приняв традиционную стойку, Хиро оглядывается по сторонам. Скрипучки и его Стражей Порядка нигде не видно.

Продравшись сквозь шпалеру, Хиро оказывается в ряду у самого места событий.

Метрах в десяти поодаль в том же ряду стоит еще один Страж Порядка, водитель Скрипучки. Он бросает через плечо взгляд на Хиро, потом смотрит вперед и видит еще кого-то — Хиро этого человека не видно, поскольку обзор ему закрывает Страж Порядка.

— Какого дьявола? — удивленно восклицает этот кто-то. А потом подпрыгивает, словно от удивления, и что-то происходит со спиной его куртки.

— Кто там? — спрашивает Хиро.

Водитель не отвечает. Он пытается развернуться, но ему что-то мешает. Что-то трясет плети вокруг него.

Водитель передергивается, потом кренится, переступая с ноги на ногу, набок.

— Надо выпутаться, — говорит он вслух, ни к кому, в сущности, не обращаясь, и трусцой бежит прочь от Хиро. Невидимка, который был в ряду с ними, исчез. Водитель перемещается странным натужным шагом, держась очень прямо и прижимая руки к бокам. Ярко-зеленая ветровка висит не так, как следует.

Хиро бежит за водителем следом, а тот трусит к концу ряда, где видны уличные огни.

Страж Порядка выбегает с поля за несколько секунд до Хиро и, когда тот выбирается на тротуар, уже трусит по середине дороги, освещенной вспышками синего света от гигантского видеоэкрана над головой. Водитель то и дело поворачивается всем телом, с трудом сохраняя равновесие, и все время негромко и спокойно повторяет: «Аааа, аааа», однако звуки булькают у него во рту, словно ему очень надо прочистить горло.

Когда Страж Порядка поворачивается боком, Хиро видит, что он, как бабочка, наколот на восьмифутовый бамбуковый шест: одна половина шеста выпирает спереди, другая — сзади. Сзади

ветровка потемнела от крови и черных фекальных комков, спереди же осталась желтовато-зеленая и чистая. Страж Порядка видит только перед, и его руки летают вверх-вниз, пытаясь подтвердить то, что видят глаза. Потом задний конец шеста ударяется о припаркованную машину, усеивая отполированный багажник мелкими каплями зельца. В машине включается сигнализация. Услышав вой, Страж Порядка поворачивается посмотреть, в чем дело.

Когда Хиро видит его в последний раз, он бежит по середине пульсирующей неоном улицы к центру Чайнатауна, завывая жутковатый хаотичный мотив, дисгармонирующий с воем сигнализации. В этот момент Хиро кажется, будто в мироздании разверзлась брешь и он висит над этой пропастью, смотря туда, где ни в коем случае не хочет оказаться. Потерянным в биомассе.

Хиро достает из ножен катану.

— Скрипучка! — кричит Хиро. — Он бросает копья! И в этом мастак! Твой водитель ранен!

— Усек! — орет в ответ Скрипучка.

Хиро возвращается в ближайший ряд. Справа раздается какой-то звук, и Хиро катаной прорубает себе туда дорогу. В данный момент это не самое приятное место, но все же безопаснее, чем стоять на улице под синим светом видеоэкрана.

Дальше в ряду — мужчина. Хиро узнает странную форму головы, которая становится все шире и шире, пока не сливается с плечами. В одной руке у него новый бамбуковый шест, который он только что вырвал из шпалеры.

Другой рукой Ворон проводит по концу шеста, и добрых полфута падают. В руке у Ворона что-то поблескивает, очевидно, лезвие ножа: он под острым углом обрезает шест, превращая его в копье.

И единым плавным движением запускает его в темноту. Двигается Ворон неспешно и очень красиво. Копье исчезает, ведь оно несется прямо в Хиро.

У Хиро нет времени принять правильную стойку, но и так сойдет, поскольку он это уже сделал. Когда в руках у Хиро оказывается катана, он принимает стойку автоматически, так как боится, что иначе потеряет равновесие и нечаянно что-нибудь себе отрубит. Ступни параллельно друг другу и смотрят прямо вперед, правая нога — впереди левой, катана — на уровне паха, как продолжение фаллоса. Подняв острие клинка, Хиро слегка ударяет лезвием по копью, отклоняя его от себя; копье начинает медленно заносить, острие, едва не задев Хиро, запутывается в плетях справа. Другой конец копья заводит влево, где он, останавливаясь, срывает со шпалеры несколько плетей. Копье

тяжелое и движется очень быстро.

Ворон исчез.

Заметка на память: независимо от того, собирался ли Ворон с самого начала в одиночку разделаться с десантом Жутиков и Стражей Порядка, он даже не дал себе труд прихватить пушку.

Через несколько рядов справа раздается автоматная очередь.

Хиро уже достаточно простоял на месте, обдумывая случившееся, поэтому теперь продирается еще через несколько рядов, направляясь в сторону вспышек и крича во всю горло:

— Не стреляй в эту сторону, Ти-Боун. Я на твоей стороне, мужик!

— Этот ублюдок кинул палку мне в грудь! — жалуется Ти-Боун.

Если на тебе бронежилет, копье тебе не страшно.

— Может, тебе просто забыть, — говорит Хиро. Ему приходится прорубаться через много рядов, чтобы достичь Ти-Боуна, но пока тот говорит, его еще можно найти.

— Я Жутик. Мы никому не спускаем. Это уже ты?

— Нет, — отзывается Хиро. — Я еще не подошел.

Внезапно раздается новая краткая очередь, которая, правда, быстро обрывается. Затем полная тишина. Прорубив себе дорогу в следующий ряд, Хиро едва не наступает на кисть Ти-Боуна, ампутированную у запястья. Указательный палец еще лежит на спусковом крючке «MAC-11».

Остатки Ти-Боуна — в двух рядах дальше. Замерев, Хиро всматривается сквозь плети хмеля.

Ворон — один из самых крупных мужчин, каких Хиро видел за пределами профессиональных спортивных единоборств. Ти-Боун пятится от него между шпалер. А Ворон широким уверенным шагом настигает его и вдруг запускает руку прямо в тело Ти-Боуна. Хиро не нужно видеть нож в его руке, чтобы знать, что он там есть.

Кажется, что Ти-Боун отделается только пришитой рукой и физиотерапией, потому что если человек в бронежилете, колотым ударом его не убьешь.

Но Ти-Боун орет от боли.

Он подергивается вверх-вниз на руке Ворона. Нож насквозь прошил бронированную ткань, и сейчас Ворон пытается вскрыть Ти-Боуна, как он вскрыл Лагоса. Но его нож — из чего бы он ни был сделан — не может просто так прорезать ткань. Нож достаточно острый, чтобы нанести колотую рану — что само по себе уже невозможно, — но недостаточно острый для режущего удара.

Вырвав нож, Ворон падает на одно колено и по длинной дуге

заводит нож между ляжек Ти-Боуна. А потом перепрыгивает через упавшее тело и бежит прочь.

Хиро нутром чует, что Ти-Боун уже мертвец, поэтому принимает решение отправиться за Вороном. Он вовсе не собирается нагонять его, а, напротив, хочет ясно видеть, где тот находится.

Ему приходится прорубить себе дорогу через несколько рядов. Хиро быстро теряет Ворона из виду. И задумывается, не побежать ли изо всех сил в противоположном направлении.

А потом слышит низкий, выворачивающий душу рокот мотора мотоцикла. Хиро бежит к ближайшему выходу на улицу в надежде хоть что-то увидеть.

И действительно видит, но мельком — картинка не лучше снимков в полицейской машине. Уже стартуя, Ворон поворачивается и смотрит на Хиро. «Харлей» стоит прямо под фонарем, и впервые Хиро ясно видит лицо Ворона. Это азиат с клочковатыми висячими усами, спускающимися до самого подбородка.

Секунду спустя вслед за Хиро с поля выбегает еще один Жутик. На секунду остановившись, чтобы оценить ситуацию, он вдруг, точно полузащитник, бросается на байк, на бегу выкрикивая боевой клич.

Почти одновременно с Жутиком с поля выбегает и Скрипучка и, не останавливаясь, пытается его догнать.

Ворон как будто не замечает, что за ним бежит Жутик, но задним числом ясно, что он следил за его приближением в зеркальце заднего вида. Когда Жутик оказывается достаточно близко, рука Ворона на мгновение покидает руль, кисть откидывается — словно для того, чтобы выбросить мусор. Кулак ударяет в физиономию Жутику, точно замороженный окорок, которым выстрелили из пушки. Удар отбрасывает голову Жутика назад, его ноги отрываются от земли, а тело почти совершает сальто-мортале в воздухе и с раскинутыми в стороны руками падает на мостовую, ударяясь об асфальт основанием шеи. Выглядит это как заученное падение, хотя если так оно и есть, то это, уж конечно, проделано рефлекторно.

Скрипучка притормаживает, поворачивается и, не обращая внимания на Ворона, опускается на колени возле поверженного Жутика.

Хиро смотрит, как огромный, радиоактивный, швыряющийся копьями убийца уезжает на своем «харлее» в Чайнатаун. Пытаться догнать его теперь так же бесполезно, как в самом Китае.

Хиро оборачивается к распятому посреди дороги Жутику. Нижнюю часть его лица почти невозможно распознать. Глаза у

него наполовину открыты, и выглядит он расслабленным.

— Он сраный индеец или еще кто, — негромко произносит он.

Интересная мысль, но Хиро все же остается при мнении, что он азиат.

— Что ты, скажи на милость, себе возомнил, придурок? — шипит на Жутика Скрипучка. Голос у него такой злой, что Хиро предусмотрительно отступает на шаг назад.

— Эта сволочь нас ограбила. Чемоданчик выгорел, — бормочет Жутик с развороченной челюстью.

— Так почему вы просто не списали потери? Вы что, с ума посходили — связываться с Вороном?

— Он нас ограбил. Мы таких живыми не отпускаем.

— Ну, Ворон только что ушел, — говорит Скрипучка. Наконец он как будто немного успокаивается. Покачиваясь на каблуках, он смотрит на Хиро.

— Ти-Боун и твой водитель, по всей видимости, мертвы, — говорит Хиро. — А этого парня лучше не трогать, у него, возможно, перелом шеи.

— Ему повезло, черт побери, что я ему шею не сломал, — рычит Скрипучка.

Санитары «скорой помощи» приезжают довольно быстро и успевают налепить на шею Жутику надувной воротник прежде, чем тот возомнит, что он в порядке, и попытается встать.

Вернувшись на поле хмеля, Хиро находит Ти-Боуна. Тот мертв — привалился, коленопреклоненный, к шпалере. Колотая рана через бронежилет была бы смертельной сама по себе, но Ворон этим не ограничился. Опустившись на колени, он взрезал внутренности ляжек Ти-Боуна, да так, что в ранах белеет кость. Таким образом он распорол обе бедренные артерии, поэтому вся кровь Ти-Боуна вылилась разом. Словно отрезали донышко у пластикового стаканчика.

20

Стражи Порядка превратили целый квартал в передвижную штаб-квартиру полицейского спецназа с неизменными «воронками» и спутниковыми антеннами на крышах грузовых платформ. Парни в белых халатах бродят взад-вперед по полю хмеля со счетчиками Гейгера. Скрипучка расхаживает вокруг, не снимая наушников и глядя в пространство перед собой: разговаривает с людьми, которых здесь нет. Появляется тягач, волочащий за собой черный «БМВ» Ти-Боуна.

— Эй, партнер!

Обернувшись, Хиро видит И. В., которая как раз выходит из китайской закусочной через улицу. Подойдя поближе, она протягивает Хиро белую картонную коробку и палочки.

— Пряный цыпленок в черном соевом соусе, никаких вкусовых добавок. Палочками есть умеешь?

Хиро пропускает оскорбление мимо ушей.

— Я заказала на двоих, — продолжает И. В., — потому что решила, что мы сегодня собрали приличную инфу.

— Ты уже знаешь, что тут случилось?

— Нет. Ну, я знаю, что тут, похоже, кого-то порезали.

— Но своими глазами ты ничего не видела?

— Нет, не могла за ними угнаться.

— Это хорошо, — задумчиво говорит Хиро.

— А что тут произошло?

Но Хиро только качает головой. В свете фонарей пряный цыпленок отблескивает темным, Хиро воротит с еды как никогда.

— Знай я, что тут случится, я ни за что не стал бы тебя вмешивать. Я думал, все ограничится наблюдением.

— Что стряслось?

— Не хочу в это вдаваться. Держись подальше от Ворона, ладно?

— Конечно, — жизнерадостно отвечает она голосом, каким всегда говорит, когда лжет и хочет, чтобы вы это знали.

Рывком открыв заднюю дверь черного «БМВ», Скрипучка заглядывает внутрь. Придвинувшись ближе, Хиро улавливает гадкий привкус стылого дыма. Пахнет паленой пластмассой.

Алюминиевый чемоданчик, который Ворон несколько часов назад передал Ти-Боуну, лежит посреди заднего сиденья. Вид у него такой, словно его швырнули в огонь: косые полосы гари расчертили металл вокруг замка, и пластмассовая ручка частично расплавилась. На желтовато-коричневой кожаной обивке сидений прожжены дыры. Неудивительно, что Ти-Боун вышел из себя.

Скрипучка натягивает резиновые перчатки и, вытащив чемоданчик из машины, опускает его на багажник, а потом небольшим ломиком срывает замки.

То, что находится внутри, исключительно сложно и относится к разряду высоких химтехнологий. В верхней крышке чемоданчика тянутся ряды таких же маленьких пузырьков с красной крышкой, какие Хиро видел в коридорах «Мегакладовки». Пять рядов приблизительно по двадцать пузырьков в каждом.

На дне — какой-то миниатюрный старомодный терминал, большую часть которого занимает клавиатура. Над ней имеется крохотный жидкокристаллический экранчик, вмещающий, наверное, строк пять текста за раз. Есть еще похожий на авторучку предмет, присоединенный к чемоданчику шнуром, который в развернутом виде оказывается около трех футов длиной. С виду он напоминает световую ручку или магазинный сканер для считывания кода товаров. Над клавиатурой помещен объектив, установленный под таким углом, что нацелен на того, кто печатает на клавиатуре. Имеются и другие приспособления, назначение которых не столь очевидно: прорезь, в которую могут вставляться как удостоверение личности, так и кредитная карточка, и цилиндрический паз под размер пузырька с красной крышкой.

Впрочем, это лишь соображения Хиро о том, как некогда выглядела внутренность чемоданчика. Сейчас все эти устройства сплавлены воедино. Судя по подпалинам на внешней стороне чемоданчика, весь дым словно под напором вырывался из щели между верхней крышкой и дном — источник пламени находился внутри, а не снаружи.

Вынув из кронштейна стойки пузырек, Скрипучка отвинчивает крышку и в свете огней Чайнатауна смотрит его на просвет. Некогда пузырек был прозрачным, но сейчас потускнел от жара и дыма. Издали он кажется совсем простеньким, но, подойдя поближе, Хиро видит внутри дюжину крохотных отделеньиц, связанных друг с другом капиллярными трубочками. На одном конце пузырька — красная крышечка. В этой крышечке имеется черное окошко, и когда Скрипучка поворачивает ее, Хиро виден отблеск теперь уже недействующего дисплея LED — все равно что смотреть на экран выключенного калькулятора. Ниже — крохотное отверстие. Это не просто просверленная дыра. Широкая на поверхности, она раструбом сужается до едва различимого прокола, как от иглы.

Все отделения внутри пузырька до половины заняты разными жидкостями. Одни жидкости прозрачные, другие — темно-

коричневые. Коричневые, вероятно, — какая-то органика, из которой жар сварил бульончик. А прозрачные могут быть вообще чем угодно.

— Он вышел, чтобы выпить в баре, — бормочет Скрипучка. — Ну и придурок.

— Вы о ком?

— О Ти-Боуне. Понимаете, Ти-Боун, можно сказать, был зарегистрированным владельцем этого чемоданчика. И как только он отошел от него дальше чем на десять футов, — бабах! — чемоданчик самоуничтожился.

— Почему?

Скрипучка смотрит на Хиро так, словно тот с луны свалился.

— Ну, не стану утверждать, что я работаю на ЦРК или всякое такое. Но готов поспорить, что тот, кто производит этот наркотик — на улице его называют «Обратный отсчет», «Красная шапочка» или «Лавина», — помешан на секретности. Поэтому если пушер теряет чемоданчик, бросает его или пытается передать третьему лицу — ба-бах!

— Вы думаете, «Жутикам» удастся догнать Ворона?

— Только не в Чайнатауне. Дерьмо собачье. — Скрипучка снова выходит из себя, на сей раз задним числом. — Просто глазам своим не верю, что устроил этот парень. Сам бы его убил.

— Ворона?

— Нет. Вон того Жутика. Надо же! Гнаться за Вороном! Его счастье, что Ворон до него добрался первым.

— Вы гнались за Жутиком?

— Ну да, я гнался за Жутиком. А вы что подумали? Что я пытался догнать Ворона?

— Вроде того. Я хочу сказать, он ведь плохой парень, так?

— Определенно. Поэтому будь я полицейским и будь моей работой ловить плохих парней, я гнался бы за Вороном. Но я Страж Порядка, и моя работа — водворять порядок. Поэтому я, как и всякий Страж Порядка в городе, делаю все, что в моих силах, чтобы защитить Ворона. А если вам втемяшилось попытаться самому отыскать Ворона, чтобы отомстить за вашего коллегу, которого он прикончил, забудьте об этом.

— Прикончил? Какого коллегу? — вмешивается И. В. Она не видела, что случилось с Лагосом.

Хиро оскорблен самой идеей.

— Вот почему все мне говорят: не связывайся с Вороном? Боятся, дьявол, что я на него нападу?

Скрипучка указывает взглядом на мечи:

— У вас есть с чем.

— Зачем кому-то защищать Ворона?

— Не самая умная мысль — объявить войну ядерной державе.

— Что-что?

— Господи, — качает головой Скрипучка, — да знай я, как мало вам известно о том, что тут происходит, я бы ни за что не пустил вас к себе в машину. Я думал, вы какой-то серьезный агент по спецоперациям ЦРК. Вы хотите сказать, что действительно ничего не знаете о Вороне?

— Да, именно это я и хочу сказать.

— Ладно. Я вам скажу — чтобы вы не ввязались во что-нибудь и не причинили еще больших неприятностей. У Ворона вместо пушки — торпеда с боеголовкой, которую он украл со старой советской ядерной подлодки. Это торпеда, спроектированная для того, чтобы одним махом разнести группу боевых авианосцев. Ядерная торпеда. Видели дурацкую коляску, прицепленную к «харлею» Ворона? Так вот, это водородная бомба, мужик. В боевой готовности и на взводе. А детонатор подсоединен к электродам, вживленным ему в мозг. Если Ворон умрет, бомба взорвется. Поэтому, когда Ворон появляется в городе, мы делаем все, что в наших силах, чтобы ему был оказан радушный прием.

Хиро только стоит, разинув рот, и вместо него приходится отвечать И. В.

— О'кей, — говорит она. — Мы будем держаться от него подальше, это я говорю и от имени моего партнера.

21

И. В. уже прикидывает, не придется ли ей провести остаток дня, болтаясь на обочине, как дерьмо в проруби. К гавани-то транспортный поток всегда велик, поэтому из центра в Комптон она прилетает как на крыльях, но с трассы в этих краях съезжают так редко, что на развязках выросли трехметровые перекати-поле. И она определенно не намерена добираться до Комптона на своих двоих: ей хочется запунить что-нибудь большое и быстрое.

Она не может воспользоваться стандартным трюком с заказом пиццы по месту своего назначения, а потом запунить Доставщика, когда он с ревом пролетит мимо, поскольку в эти края ни одна из пиццерий ничего не доставляет. Поэтому ей придется остановится у съезда и часами болтаться в ожидании, когда ее кто-нибудь подвезет. Как дерьмо в проруби.

Ей совсем не хотелось браться за эту доставку. Но менеджер франшизы настаивал. Слишком уж настаивал. Он предложил ей столько денег, что это было уже просто глупо. В посылке, должно быть, какой-то крутой новый наркотик.

Но это еще не самое странное, самое странное впереди. Она неспешно катит по Харбор-Фривей, приближаясь к нужному съезду на загарпуненном полуприцепе, который направляется на юг. Как вдруг, когда до съезда остается четверть мили, мимо проносится, сигналя правым поворотником, изрешеченный пулями черный «олдсмобиль». Он собирается съезжать с трассы! Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Разумеется, она тут же пунит «олдс».

Скользя вниз по съезду за этим понтовым лимузином, она изучает водителя в его собственном зеркальце заднего вида. Это сам менеджер франшизы, тот, кто платит ей идиотски огромную сумму, чтобы она сделала эту работу.

К тому времени она уже боится его больше, чем бандитов Комптона. Он, наверное, псих. Он, наверное, в нее влюблен. Это история о любви извращенца.

Но теперь уже поздно что-то менять. Она остается с ним, не переставая оглядываться в поисках выхода из этой дымящейся и гниющей окраины.

Они приближаются к большой, укрепленной баррикаде мафии. Менеджер вдавливает газ, направляясь к неминуемой смерти. Впереди она видит франшизу — пункт своего назначения. В последнюю секунду менеджер разворачивает машину; со скрипом тормозов ее заносит юзом, но она все же останавливается.

Большей любезности и придумать нельзя. Она отпускает гарпун как раз в тот момент, когда «олдс» придает ей последний импульс, и через пропускной пункт парит на разумной и безопасной скорости. Охрана держит пушки дулами в небо и поворачивает головы к ее заду, когда она катит мимо.

Франшиза «Новой Сицилии» в Комптоне — жутковатое место, прямо-таки слет младомафии. Эти юнцы еще скучнее, чем в ЖЭКе, где кругом одни мормоны. Все парни в скучных черных костюмах. Девушки просто заскорузли от бесцельной женственности. Девочкам в младомафию путь закрыт, они должны вступать в девичий вспомогательный корпус и подавать макароны на серебряных тарелочках. «Девочки» — еще слишком доброе слово для этих организмов, так высоко поднявшихся по лестнице эволюции. Они даже не цыпочки.

Скорость у И. В. все еще слишком велика, и потому, оттолкнувшись от асфальта, она разворачивает доску, выпускает тормозящие «ступни», откидывается в сторону и наконец резко тормозит, поднимая клубы песка и пыли. Пыль опускается на начищенные ботинки нескольких младомафиози: мафиози слоняются перед зданием, грызут дрянные итало-сладости и разыгрывают из себя взрослых. Пыль собирается на белых кружевных носочках прото-цыпочек младомафии. И. В. падает с доски, и кажется, что в последний момент ей лишь чудом удается обрести равновесие. Потом она с силой наступает на край доски, и та взлетает на четыре фута в воздух, стремительно вращаясь вокруг вертикальной оси, и оказывается прямо под мышкой у И. В. Шипы «умноколес» втягиваются в пазы, так что сами колеса размером теперь чуть больше втулок. «Магнапун» И. В. энергичным хлопком загоняет в специальное гнездо на днище доски, и вот уже вся ее снаряга аккуратненько и удобно упакована.

— И. В. — объявляет она. — Быстрая, молодая, пол женский. Где, черт побери, Энцо?

Мальчики решают выделаться совсем уж взрослыми. В таком возрасте особи мужского пола по большей части заняты тем, что щелкают друг друга резинками нижнего белья и напиваются до потери сознания. Но в присутствии особи женского пола они вдруг становятся «зрелыми». Живот со смеху надорвешь. Один из них делает полшага вперед, заслоняя своим телом от И. В. ближайшую прото-цыпочку.

— Добро пожаловать в «Новую Сицилию», — объявляет он. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

— У меня пакет для какого-то Энцо. Знаешь ли, жду не дождусь, когда выберусь из этого района.

— Теперь это хороший район, — говорит младомафиози. — Тебе стоит тут на пару минут задержаться. Может быть, научишься хорошим манерам.

— Тебе стоит попробовать пройти по волне по Вентуре в час пик. Может быть, научишься оценивать свои способности.

Младомафиози смеется, мол, ну ладно, как знаешь: хочешь по-плохому, будет тебе по-плохому, и жестом указывает на дверь:

— Человек, который тебе нужен, там. А вот захочет ли он с тобой разговаривать, я не уверен.

— Он, черт побери, меня сюда вытребовал, — говорит И. В.

— Он проехал полстраны, чтобы побыть с нами, — заявляет парень. — И, кажется, очень этому рад.

Все остальные младомафиози что-то бормочут и согласно кивают.

— Тогда почему вы стоите на улице? — спрашивает И. В., входя внутрь.

Внутри франшизы все на удивление спокойно. Дядюшка Энцо в точности такой, как на картинках, только крупнее, чем она ожидала. Он играет в карты с какими-то типами в похоронных костюмах. Курит себе сигару и попивает эспрессо. По всей видимости, ему вечно нужен допинг.

Вся система жизнеобеспечения Дядюшки Энцо здесь. На втором столе у стены установлена переносная кофеварка-эспрессо. Рядом с ней — шкафчик, и через полуоткрытые дверцы видны большой пакет из фольги с бескофеиновым кофе итальянской жарки для кофеварок эспрессо и коробка гаванских сигар. В уголке сидит горгулья, подключенный к более массивному, чем обычный, ноутбуку и бормочущий что-то себе под нос.

Подняв руку, И. В. дает доске упасть на ладонь и, ударив краем доски по пустому столу, подходит к Дядюшке Энцо, снимает с наплечного крепления пакет.

— Джино, прими, пожалуйста, — говорит Дядюшка Энцо, кивком указывая на пакет.

Встав, Джино делает шаг вперед и протягивает руку за пакетом.

— Мне нужна ваша подпись, — говорит И. В., почему-то не добавляя обычное свое «приятель» или «дружок».

На мгновение И. В. отвлекается на Джино, а потом вдруг Дядюшка Энцо оказывается совсем близко, а в его левой руке — ее правая. В верхней части курьерской перчатки имеется отверстие, как раз под размер его губ. И Дядюшка Энцо звонко целует И. В. руку. Поцелуй у него тёплый и влажный. Не слюнявый и похабный, и не сухой и антисептический. Интересно.

Какая уверенность в себе! Один — ноль в его пользу. Господи, а он классный! Отличные губы. Твердые мускулистые губы, не студенистые и распухшие, какие бывают у пятнадцатилетних мальчишек. От Дядюшки Энцо слабо пахнет лимоном и выдержанным табаком. Чтобы яснее уловить этот запах, надо стоять к нему совсем близко. Сейчас же он высится над ней на почтительном расстоянии, поблескивая веселыми глазами в сети морщинок. Очень мило.

— Позволь сказать, что я очень давно искал случая с тобой познакомиться, И. В., — говорит он.

— Привет, — отзывается она, при этом ее голос звучит слишком высоко, словно она щебечет. И поэтому добавляет: — А что вообще в этом чертовом пакете такого важного?

— Решительно ничего, — отвечает Дядюшка Энцо. Улыбка у него теперь уже не такая самоуверенная, скорее смущенная, мол, что за дурацкий способ знакомиться. — Все дело в имидже, — говорит он, разводя руками, словно извиняясь или отмахиваясь от упреков. — У таких, как я, слишком мало поводов познакомиться с молодой женщиной и не вызывать нежелательного освещения в средствах массовой информации. Глупо, конечно. Но на такие вещи приходится обращать внимание.

— А зачем вам со мной знакомиться? У вас есть посылка, которую мне нужно доставить?

Все типы в комнате смеются.

Раскаты хохота несколько удивляют И. В., напоминая ей о том, что она работает на аудиторию. На секунду ее взгляд покидает лицо Дядюшки Энцо.

Дядюшка Энцо это замечает. Его улыбка становится совсем чуть-чуть уже, и он с мгновение мнется. В это мгновение все остальные мужики в комнате встают и направляются к выходу.

— Возможно, ты мне не поверишь, — говорит он, — но я просто хотел поблагодарить тебя за то, что пару недель назад ты доставила ту пиццу.

— Ну, разумеется, верю, — говорит она и сама удивляется, как это с ее губ срываются такие милые вежливые фразы.

И Дядюшка Энцо тоже удивлен.

— Уверен, ты лучше всех сумеешь найти причину.

— Значит, — говорит она, — вы прекрасно проводите время со всеми этими младомафиози?

Дядюшка Энцо награждает ее красноречивым взглядом, мол, следи за своим язычком, дитя. Через секунду после того, как ей становится страшно, она начинает смеяться; ведь это всего лишь притворство, он просто пытается на нее надавить. А Дядюшка

Энцо улыбается, показывая, что ей позволено смеяться.

И. В. даже не помнит, когда разговор так бы ее занимал. И почему все люди не могут быть такими, как Дядюшка Энцо?

— Давай посмотрим, — говорит Дядюшка Энцо и поднимает взгляд к потолку, сканируя базы своей памяти, — я кое-что о тебе знаю. Тебе пятнадцать лет, ты живешь с матерью в небольшом ЖЭКе в Долине.

— И я кое-что о вас знаю, — отваживается И. В.

— Не так много, как ты думаешь, это я тебе гарантирую. Расскажи мне, что думает о твоей карьере твоя мать?

Как мило с его стороны употребить слово «карьера».

— Она не все о ней знает или не желает знать.

— Тут ты, вероятно, ошибаешься, — весело говорит Дядюшка Энцо, вовсе не пытаясь ее этим принизить. — Тебя, возможно, шокирует, насколько хорошо она информирована. Так, по крайней мере, было в моем случае. А чем твоя мать зарабатывает на жизнь?

— Работает на федералов.

— А ее дочь доставляет пиццу для «Новой Сицилии»! — от души забавляется Дядюшка Энцо. — И что же она делает для федералов?

— Что-то такое, о чем она не может мне рассказывать, вдруг я проболтаюсь. Ей приходиться проходить уйму тестов на детекторе лжи.

Дядюшке Энцо, кажется, прекрасно это понятно.

— Да, у федералов много такой работы.

Повисает компанейское молчание.

— Это меня типа бесит, — говорит И. В.

— То, что она работает на федералов?

— Проверки на детекторе лжи. Ей на руку надевают такую штуку — чтобы измерять давление.

— Сфигмоманометр, — решительно вставляет Дядюшка Энцо.

— От него у нее потом синяки на руках. Это меня почему-то тревожит.

— Это и должно тревожить.

— И весь дом в подслушивающих устройствах. Поэтому когда я дома, что бы я ни делала, наверняка кто-то подслушивает.

— Тут уж я точно с тобой, — говорит Дядюшка Энцо, и они оба смеются.

— Я задам тебе вопрос, который мне всегда хотелось задать курьеру, — говорит Дядюшка Энцо. — Я всегда смотрю на вашу тусовку из окна лимузина. Если уж на то пошло, когда меня кто-нибудь пунит, я всегда прошу Питера — это мой шофер — не

слишком ему докучать. А вопрос такой: вы с головы до ног одеты в защитные костюмы с прокладками. Тогда почему вы без шлемов?

— У комбинезона есть шейный воротник, который надувается, если ты падаешь с доски, и покрывает голову, так что вполне можно отскочить от асфальта на голове. Кроме того, в шлеме странно себя чувствуешь. Говорят, он никак не влияет на слух, но на самом деле влияет.

— В своей работе вы сильно полагаетесь на слух?

— Да. Ясное дело.

Дядюшка Энцо кивает.

— Я так и думал. Мы тоже так считали, я и ребята из моего подразделения во Вьетнаме.

— Я слышала, что вы были во Вьетнаме, но… — Она останавливается, понимая, что это скользкая тема.

— Ты думала, это очковтирательство? Нет, я действительно там был. Мог бы держаться в стороне, если бы захотел. Но я пошел добровольцем.

— Вы добровольцем пошли во Вьетнам?

Дядюшка Энцо смеется.

— Да, пошел. Единственный мужчина в моей семье, кто так поступил.

— Почему?

— Думал, там будет безопаснее, чем в Бруклине.

И. В. смеется.

— Неудачная шутка, — говорит он. — Я пошел добровольцем потому, что мой отец не хотел, чтобы я туда отправлялся. А мне хотелось его позлить.

— Правда?

— Конечно. Я многие годы изыскивал способы ему досадить. Ходил на свиданья с черными девчонками. Отрастил длинный хайер. Курил марихуану. Но венец, кульминация — это было даже лучше, чем проколоть ухо, — я записался добровольцем во Вьетнам. Но и тогда мне пришлось пойти на крайность.

Взгляд И. В. перебегает с одной морщинистой мочки Дядюшки Энцо на другую. В левой она едва-едва различает крохотный бриллиантовый гвоздик.

— Что вы хотите сказать? Какую крайность?

— Все знали, кто я такой. Молва расходится, знаешь ли. Если бы я пошел добровольцем в регулярные войска, то остался бы в Штатах, заполнял бы какие-нибудь бланки — может быть, даже на базе Форт-Гамильтон, прямо здесь, в Бенсонхерсте. Чтобы это предотвратить, я пошел добровольцем в спецназ и сделал все, чтобы попасть в часть, которую отправили на передовую. — Он

смеется. — И это сработало. Но я что-то заболтался, как старик. Я начал говорить о шлемах.

— Ах, да.

— Нашим заданием было прочесывать джунгли и выкуривать оттуда увертливых малых с пушками больше них самих. Партизан. И мы тоже полагались на слух — в точности как вы. И знаешь что? Мы никогда не носили шлемов.

— По той же причине.

— Вот именно. Даже если они не закрывают тебе уши, они чем-то сбивают слух. Я и по сей день думаю, что жизнью обязан тому, что ходил с непокрытой головой.

— И впрямь круто.

— Можно было предположить, что сейчас эту проблему уже решили.

— Ну да, — вставляет И. В. — наверное, есть вещи, которые никогда не меняются.

Запрокинув голову, Дядюшка Энцо от души смеется. Обычно такие выходки И. В. раздражают, но Дядюшка Энцо смеется так, словно ему действительно весело и интересно, а не для того, чтобы поставить ее на место.

И. В. хочется спросить, как он перешел от запредельного бунта к управлению семейным предприятием. Она не спрашивает. Но Дядюшка Энцо чувствует, что это логичное продолжение разговора.

— Иногда я спрашиваю себя, кто придет на мое место, — говорит он. — О, в следующем поколении у нас полно отличных парней. А вот дальше… Даже не знаю. Наверное, всем старикам кажется, что миру приходит конец.

— У вас миллионы младомафиози, — говорит И. В.

— И всем предназначено носить спортивные куртки и перебирать бумажки на благополучных окраинах. Ты, И. В., таких людей не уважаешь, потому что ты молодая и высокомерная. Но я их тоже не уважаю, потому что я старый и мудрый.

Слышать такое из уст Дядюшки Энцо — просто шок, но И. В. совсем не шокирована. Это кажется разумным соображением ее разумного друга Дядюшки Энцо.

— Никто из них добровольно не пошел бы на то, чтобы ему отстрелили ноги, лишь бы досадить своему старику. Им не хватает какой-то жилки. Они уже побеждены и наголову разбиты.

— Печально, — говорит И. В.

Лучше сказать такое, чем устроить младомафиози взбучку, что поначалу была склонна сделать И. В.

— Ну, — произносит Дядюшка Энцо. Это такое «ну», каким заканчивают разговор. — Я собирался послать тебе розы, но

потом решил, что тебя это не слишком заинтересует, правда?

— О, я была бы не против, — говорит она. И кажется самой себе жалкой и слабой.

— Раз уж мы с тобой братья по оружию, есть кое-что получше. — Дядюшка Энцо распускает галстук и, расстегнув воротник, вытягивает на удивление дешевую стальную цепочку с парой штампованных серебряных табличек. — Это мои старые личные знаки, — говорит он. — Я носил их многие годы, просто так. Из протеста. Меня бы порадовало, если бы теперь их носила ты.

С трудом унимая дрожь в коленях, И. В. через голову надевает цепочку. Личные знаки теперь болтаются поверх комбинезона.

— Лучше убери их внутрь, — говорит Дядюшка Энцо. Она опускает таблички в потайное место между грудей.

Таблички еще хранят тепло Дядюшки Энцо.

— Спасибо.

— Это просто так, пустяк, — говорит он. — Но если когда-нибудь попадешь в переплет — покажи эти личные знаки тому, кто на тебя наезжает, и тогда ситуация, думаю, быстро изменится.

— Спасибо, Дядюшка Энцо.

— Береги себя. Будь добрее к матери. Она тебя любит.

22

На выходе из франшизы «Новой Сицилии» ее уже поджидает какой-то тип, который, не без иронии улыбнувшись, отвешивает легкий поклон, чтобы привлечь ее внимание. Выглядит довольно нелепо, но, пообщавшись некоторое время с Дядюшкой Энцо, она определенно стала поборником хороших манер. Поэтому она не смеется ему прямо в лицо, а только смотрит мимо и окорачивает себя.

— И. В., — говорит он, — у меня есть для тебя работенка.

— Я занята, — отвечает она, — мне нужно доставить и другие пакеты.

— Врешь и глазом не моргнешь, — одобрительно говорит он. — Видела там горгулью? Пока мы разговариваем, он уже подрубился к компьютеру «РадиКС». Поэтому нам доподлинно известно, что никакой другой работы у тебя нет.

— Ну, я все равно не могу принимать заказ от клиента, — говорит И. В. — Нас рассылает диспетчерская. Придется тебе позвонить по номеру 1-800.

— Господи Иисусе, я что, по-твоему, тупица? — улыбается тип.

Остановившись, И. В. оборачивается и смотрит ему в лицо. Высокий и сухопарый. Черный костюм, черные волосы. И выпученный стеклянный глаз.

— Что у тебя стряслось с глазом? — спрашивает она.

— Пешня для льда, Байонна, тысяча девятьсот восемьдесят пятый год, — отвечает он. — Еще вопросы есть?

— Извини, мужик, просто спросила.

— Ладно, к делу. Поскольку у меня вместо головы не задница, как ты, кажется, предполагала, я знаю, что всех курьеров рассылает диспетчерская по номеру 1-800. Так вот, нам не нравится номер 1-800 и центральное распределение заказов. Так уж мы устроены. Мы любим делать все лично, по старинке. Скажем, если у моей мамы день рожденья, я не снимаю трубку, чтобы набрать 1-800-ПОЗВОНИТЬ-МАМЕ. Я сам к ней еду и целую в щечку, понимаешь? Так вот, в этом деле нам нужна именно ты.

— С чего это?

— А нам нравится иметь дело со вздорными маленькими цыпочками, которые задают слишком много вопросов. Поэтому наш горгулья уже вошел в компьютер, которым «РадиКС» пользуется для рассылки курьеров.

Мужик со стеклянным глазом поворачивается — вращая головой совсем как сова — и кивает горгулье. Секунду спустя

звонит мобильник И. В.

— Бери же, ну, черт, — говорит он.

— Чего? — говорит она в телефон.

Компьютерный голос сообщает, что ей положено забрать посылку в Гриффит-парке и доставить ее во франшизу «Жемчужные врата преподобного Уэйна» в Ван-Найсе.

— Если вам нужно доставить что-то из пункта А в пункт Б, то почему бы вам самому не сесть в машину и не съездить? — спрашивает И. В. — Забросьте посылку в черный «линкольн», и дело с концом.

— Потому что в данном случае владельцы посылки не мы и потому что мы не в самых лучших отношениях как с бандой в пункте А, так и с бандой в пункте Б.

— Вы хотите, чтобы я что-то украла, — говорит И. В.

Тип со стеклянным глазом обижен, оскорблен в лучших своих чувствах.

— Нет, нет, нет. Послушай, подруга. Мы же, черт побери, мафия. Если нам нужно что-то украсть, мы и так уже знаем, как это делается, сечешь? Нам не нужно, чтобы в краже нам помогала пятнадцатилетняя девочка. Тут речь идет скорее о тайной операции.

— Шпионаж. Инфа.

— Ага. Шпионские штучки, — кивает мужик, и его тон наводит на мысль, что он пытается под нее подстроиться. — И чтобы провернуть эту операцию, нам нужно только уговорить одного курьера немного нам помочь.

— Значит, вся эта история с Дядюшкой Энцо — очковтирательство, — говорит И. В. — Вы просто пытались задружиться с курьером.

— Ой-ой-ой, только послушайте! — искренне веселится мужик со стеклянным глазом. — Ну да, мы тут из кожи вон лезли, чтобы произвести впечатление на пятнадцатилетнюю пацанку. Послушай, подруга, в городе миллион курьеров, которых мы могли бы подкупить, чтобы они нам помогли. Мы выбрали тебя, потому что, повторяю, у тебя личные связи в нашей организации.

— Ладно, и что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Именно то, что бы ты обычно сделала при подобных обстоятельствах, — говорит тип. — Отправляйся в Гриффит-парк и забери посылку.

— И все?

— Ага. Потом доставь ее. Только сделай нам одолжение, поезжай по I-5, ладно?

— Это не самый лучший путь…

— И все равно, поезжай по I-5.

— О'кей.

— Ладно, давай я теперь выведу тебя из этой адской дыры.

Иногда, если ветер дует в нужном направлении и ты попадаешь в карман воздуха за несущимся восемнадцатиколесником, тебе не нужно даже его пунить. Вакуум затягивает тебя как мощный пылесос. Ты так целый день можешь катить. Но стоит тебе облажаться, ты внезапно окажешься без тяги, одна-одинешенька в левом ряду, а за тобой — конвой полуприцепов. Или еще хуже, если поддашься, тебя затянет прямо под закрылки, где ты превратишься в смазку для полуоси, и никто так ничего и не узнает. Это зовется Волшебный Пылесосо-Пун. И. В. он напоминает то, какой стала ее жизнь после приключения из-за пиццы Хиро Протагониста.

На бесплатной трассе Сан-Диего ее пун, выброшенный словно из пращи, просто не может промазать. Она способна получить солидный рывок даже от самой легкой, самой скверной китайской экономколымаги из пластика и алюминия. Люди с ней не связываются. Она отвоевала себе место на трассе.

Теперь она человек занятой. Кое-что придется перекидывать Падали. А иногда они станут заезжать в какой-нибудь мотель — надо же им где-то обговаривать важные сделки, ведь именно так поступают настоящие бизнесмены. В последнее время И. В. пыталась научить Падаль делать ей массаж. Но Падаль никогда не доходит дальше лопаток — всегда ломается и начинает разыгрывать из себя мистера Мачо. Что вообще-то довольно приятно. И вообще надо пользоваться тем, что есть.

Это далеко не самый короткий путь до Гриффит-парка, но так хочет мафия: по четыреста пятой до самой Долины и заходить с этой стороны, иными словами оттуда, откуда она подкатывала бы в обычных обстоятельствах. Они такие параноидальные. Такие профессиональные.

Слева от нее пролетает ЛАКС. Справа она едва успевает различить «Мегакладовку», где ее партнер-домосед наверняка сидит, подключившись к компьютеру. Она лавирует в сложных потоках дорожного движения вокруг аэропорта Хьюз, теперь частного аванпоста «Великого Гонконга мистера Ли». Потом проезжает аэропорт Санта-Моника, который недавно перекупила «Национальная Безопасность адмирала Боба». Потом надо будет еще пересечь Федземлю, куда каждый день ездит на работу мама.

Раньше на месте Федземли был госпиталь Союза ветеранов и комплекс других федеральных зданий; теперь же она превратилась в леденец, по форме напоминающий человеческую почку, как на палочку насаженный на 405-ю трассу. По всему периметру Федземля окружена барьером, забором из колючей

кольчужной ткани, переносных проволочных заграждений, груд щебня и литых бетонных блоков, которые тянутся от одного здания к другому. Все строения в Федземле — огромные и безобразные. Вокруг цоколей толкутся люди в шерстяных костюмах цвета мокрого гранита. На фоне величественных белых зданий они кажутся маленькими козявками.

По другую сторону Федземли справа ей виден Лос-Анджелесский университет, которым теперь совместно заправляют японцы, «Великий Гонконг мистера Ли» и несколько крупных американских корпораций.

Говорят, что левее, в Пэсифик Пэлисейдс над океаном возвышается огромное здание: штаб-квартира Центральной разведывательной корпорации на Западном побережье. Скоро — может быть, завтра — она туда съездит, разыщет здание и просто помашет рукой, прокатившись мимо. Теперь у нее есть что рассказать Хиро. Отличная инфа на Дядюшку Энцо. За такое люди платят миллионы.

Но в душе она чувствует укоры совести. Она знает, что не может сделать мафии ручкой. Не потому, что она их боится, а потому, что они ей доверяют. С ней хорошо обошлись. И кто знает, может, из этого еще что-нибудь выйдет. Лучшая карьера, чем она может сделать в ЦРК.

На съезд в Федземлю сворачивает не так уж много машин. Ее мама и еще уйма других федералов делают это каждое утро. Но все федералы приезжают на работу рано утром и остаются допоздна. Преданность у них такая. Лояльность — фетиш для федералов: поскольку больших денег они не зарабатывают и особым уважением не пользуются, надо доказывать, что ты лично привержен этому учреждению и тебе нет дела до подобных пустяков.

Однако к делу: от самого ЛАКСа И. В. висит все на том же такси. На заднем сиденье в нем — араб, чей бурнус трепещет на ветру от опущенного окна: кондиционер не работает, а таксист столько не зарабатывает, чтобы купить на черном рынке «Холодок-Фреон». Типично: только федералы могут заставить гостя ехать в грязном такси без кондиционера. Как и следовало ожидать, такси притормаживает у съезда с указателем «СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ». Отсоединившись, И. В. шлепает свой пун на направляющийся в Долину фургон доставки.

На крыше высокого федерального здания притаилась компания федералов с ручными рациями, в черных очках и ветровках с надписью «ФЕДЕРАЛ»; они наставили объективы на лобовые стекла машин, выезжающих с бульвара Уилшир. Будь сейчас ночь, она бы, наверное, увидела, как по штрих-коду на

номерном знаке такси, сворачивающего на СШ, пробегает сканирующий лазер.

Мама И. В. все ей рассказала об этих ребятах. Они — Исполнительный отдел генерального командования операциями, сокращенно ИОГКО. ФБР, федеральные судебные исполнители, разведка и спецназ — все претендуют на самостоятельность и самобытность, но, как когда-то армия, флот и военно-воздушные силы, все эти учреждения подчиняются ИОГКО, все делают одно и то же и в общем взаимозаменяемы. За пределами Федземли все они известны просто как федералы. ИОГКО претендует на право являться куда угодно в пределах исходных первоначальных границ Соединенных Штатов Америки без ордера или даже убедительного предлога. Но дома они чувствуют себя только здесь, в Федземле, и то когда смотрят в телескопические бинокли, бормочут в микрофон обреза или пялятся в объектив снайперской винтовки. И чем длиннее этот объектив, тем лучше.

Такси с арабом на заднем сиденье тормозит до скорости ниже скорости света и, лавируя, зигзагом пробирается между бетонными блоками под прицелом пятидесятимиллиметровых автоматов, торчащих из гнезд, стратегически расположенных вдоль дороги. Такси останавливается перед стандартным КПП, вот только под этим постом — особая ремонтная яма. Вот тут-то мальчики ИОГКО с собаками и мощными прожекторами принимаются осматривать закрылки и днище машины на предмет бомб и ЯБХИ (ядерно-биологически-химически-информационных) реагентов. Тем временем водитель выходит и открывает капот и багажник, чтобы федералы могли их осмотреть; еще один федерал засовывается в окно рядом с арабом для допроса с пристрастием.

Говорят, все музеи и памятники Округа Колумбия сданы внаем и превращены в парк для туристов, который теперь дает десять процентов всех поступлений в правительственный бюджет. Федералы могли бы сами управлять концессиями, оставляя себе большую часть валового дохода, но не в этом дело. Все дело в философии: мол, вернемся к исходному положению. Правительство должно управлять. Оно ведь не для того, чтобы пахать в шоу-бизе, так? Оставим развлечения извращенцам Индустрии, тем, кто в колледже специализировался на чечетке. Федералы не такие. Федералы — люди серьезные. Специализировались в политологии. Были президентами студенческих советов. Председателями дискуссионных клубов. Только у героя хватит мужества носить темный шерстяной костюм и туго застегнутый воротничок, когда температура, как в парнике, сто десять по Фаренгейту, а влажность такая, что и

аэробус в воздухе застревает. Это те герои, которые лучше всего чувствуют себя по ту сторону одностороннего зеркала.

23

Иногда, доказывая друг другу, какие, мол, они храбрые, мальчишки одного с И. В. возраста забираются на восточный край Голливуд-Хиллз, в Гриффит-парк, и, выбрав наугад шоссе, проезжают парк насквозь. Проделать этот путь невредимым — все равно что сразиться с Горцем: ты мужчина уже потому, что так близко рискнул подойти к опасности.

И разумеется, они видят только то, что открывается в просветах улиц. Если ты въезжаешь в Гриффит-парк, чтобы покуролесить, и наталкиваешься на указатель «ПРОЕЗДА НЕТ», то сразу понимаешь: сейчас самое время развернуть папочкин «эккорд» и гнать домой, газуя так, чтобы тахометр зашкаливало.

Ну, конечно. Въехав в парк по указанной мафиози трассе, И. В. видит перед собой указатель «ПРОЕЗДА НЕТ».

И. В. не первый курьер, которому выпало такое задание, поэтому она уже слышала о том месте, куда направляется. Это узкий каньон, в который ведет одно-единственное шоссе, а на дне каньона поселилась новая банда. Все называют их Фалабала, ведь именно так они разговаривают друг с другом. У них есть собственный язык, и звучит он как полная тарабарщина.

Главное сейчас — не думать, какую глупость она совершает. Принятие правильного решения — с учетом приоритетов — где-то тут, среди таких пунктов, как «получать достаточное количество никотиновой кислоты» и «написать бабушке в благодарность за миленькие жемчужные серьги». Здесь важно только не отступать.

Граница территории Фалабалы отмечена пулеметными гнездами. И. В. это представляется излишним. Но, впрочем, у нее никогда не было разногласий с мафией. Сохраняя лицо, она лениво подкатывает на скорости миль десять в час. Вот тут самое время пугаться и впадать в панику, если она вообще собирается это делать. Подняв повыше цветной факс «РадиКС» с голограмкой редиски, который удостоверяет, что она — ей-богу — здесь для того, чтобы забрать важную посылку. Впрочем, на таких ребят это никогда не действует.

Но с этими срабатывает. С дороги убирают моток бритвенной ленты, и, даже не снижая скорости, она проскальзывает внутрь. Вот тут-то она понимает, что все будет хорошо. Эти люди просто делают бизнес, как и все прочие.

Ей не нужно спускаться в сам каньон. Слава богу. Через несколько поворотов она выезжает на открытую площадку, обрамленную деревьями… и словно оказывается в сумасшедшем

доме на свежем воздухе.

Или на фестивале психов. Или еще где.

Тут несколько десятков человек, и никто из них совершенно за собой не следит. Все они одеты в лохмотья того, что некогда было вполне приличной одеждой. С полдюжины стоят на коленях на бетоне, крепко стиснув перед собой руки, и бормочут обращения к невидимым существам.

На багажнике разбитой колымаги установлен старый, сданный кем-то в утиль компьютерный терминал. Черный монитор затянут сетью трещин, словно кто-то запустил в него кофейной кружкой. Толстяк в красных подтяжках, которые свисают ему до колен, водит руками по клавиатуре, наугад нажимая клавиши, и несет вслух какую-то бессмысленную тарабарщину. Позади него стоит парочка, заглядывает ему через плечо, а иногда пытается просунуть руки, чтобы самим тюкнуть по клавише, но толстяк их отталкивает.

Еще группка людей, раскачиваясь и хлопая в ладоши, поет «Счастливого странника». Поют с чувством. И. В. не видела такого детского ликования ни на чьем лице с тех пор, как в первый раз позволила Падали стащить с себя одежду. Но это иное ликование, на лицах людей за тридцать с сальными или немытыми волосами оно кажется болезненным.

И наконец, мужик, которого И. В. про себя окрестила Верховным жрецом. Одет он в некогда белый халат с логотипом какой-то компании в районе Залива. Мужик кемарит на заднем сиденье выпотрошенного минивана, но когда И. В. выезжает на площадку, вскакивает и бежит к ней — И. В. непроизвольно ощущает в его движениях какую-то угрозу. Но по сравнению с остальными он кажется почти обычным, здоровым и подтянутым психом — из тех, что обретаются под кустами.

— Ты здесь, чтобы забрать чемоданчик, да?

— Я здесь, чтобы забрать посылку. Я не знаю, что это за посылка, — отвечает она.

Отойдя к одной из разбитых машин, Верховный жрец отпирает крышку багажника и достает алюминиевый чемоданчик. Выглядит он в точности так же, как тот, который Скрипучка достал прошлой ночью из «БМВ».

— Вот твоя посылка, — говорит он, подходя к ней. И. В. инстинктивно отступает на шаг назад.

— Понимаю, понимаю, — ухмыляется он. — Я страшный гад.

Мужик ставит чемоданчик на бетон и подталкивает его ногой. Подпрыгивая на случайных камешках, чемоданчик скользит к И. В.

— Спешить с доставкой незачем, — говорит он. — Может,

останешься, выпьешь чего-нибудь? У нас есть «Кул-эйд».

— Хотелось бы, — улыбается, стиснув зубы, И. В. — Но у меня страшный диабет.

— Ну, тогда можешь остаться, погостить в нашей общине. Мы расскажем тебе уйму интересного. Это может просто перевернуть твою жизнь.

— У вас на бумаге что-нибудь есть? Что-нибудь, что я могла бы взять с собой?

— Хе-хе, боюсь, нет. Почему бы тебе не остаться? Ты как будто и вправду симпатичная девушка.

— Извини, парень, но ты, кажется, принимаешь меня за биксу, — говорит И. В. — Спасибо за чемодан. Я поехала.

И. В. начинает отталкиваться от бетона, изо всех сил набирая скорость. По пути к свободе она прокатывает мимо молодой женщины, бритой наголо, одетой в грязный и затасканный туалет от Шанель. С бессмысленной улыбкой женщина протягивает руку, машет ей.

— Привет, — говорит она. — Ба ма зу на ла аму па го лу не ме а ба ду.

— И тебе того же, — отзывается И. В.

Несколько минут спустя она на пуне летит по I-5, направляясь в Долина-лэнд. После Гриффит-парка И. В. слегка не по себе, координация у нее ни к черту, едет она расслабленно и старается не напрягаться. В голове у нее крутится песенка — «Счастливый странник». Это сводит ее с ума. В печенках уже засела.

Возле нее раз за разом притормаживает большое черное пятно. Если бы он ехал чуть быстрее, искушение загарпунить его было бы велико, такой он большой и железный. Но она все равно без напряга может выдать лучшее время, чем эта баржа.

В черном автомобиле опускается окно со стороны водителя. Это тот малый. Джейсон. Он просто голову высунул наружу, ведет вслепую. Ветер на пятидесяти милях даже не топорщит его загеленную стрижку.

Он улыбается. На лице у него возникает молящее выражение, в точности такое же, какое бывает у Падали. Вот теперь он многозначительно указывает на свой багажник.

А, ладно. В прошлый раз, когда она запунила этого типа, он отвез ее именно туда, куда нужно. И. В. отсоединяется от «акуры», которая тащила ее последние две мили, и перебрасывает пун на старый «олдсмобиль» Джейсона. А Джейсон провозит ее по бесплатной трассе, оттуда по бульвару Виктория, направляясь к Вэн-Найсу, что ей, собственно, и нужно.

Но через несколько миль он резко выворачивает руль вправо

и с визгом тормозов съезжает на стоянку заброшенного универмага — вот об этом его никто не просил. В настоящий момент там стоит только восемнадцатиколесник, мотор которого работает вхолостую, а на боку написано «БРАТЬЯ САЛ-ДУККИ ПЕРЕЕЗДЫ И ХРАНЕНИЕ».

— Ну, давай, — говорит Джейсон, вылезая из своего «олдса». — Ты же не хочешь попусту терять время.

— Да пошел ты, придурок, — бросает она, втягивая пун и одновременно оглядывая бульвар в поисках подходящей тачки, направляющейся на запад. Что бы ни было на уме у этого типа, это наверняка к делу не относится.

— Барышня, — окликает ее голос гораздо старше и притом намного более властный. — Нет ничего дурного в том, что вам не нравится Джейсон. Но вашему другу, Дядюшке Энцо, нужна ваша помощь.

В хвосте черного прицепа открывается дверь. В проеме стоит человек в черном костюме. Прицеп позади него ярко освещен. Галогеновый свет резко подсвечивает зализанную прическу мужика. Но даже без этого освещения она узнает малого со стеклянным глазом.

— Чего ты хочешь? — спрашивает она.

— Чего я хочу, — говорит он, оглядывая ее с головы до ног, — и что мне нужно — совершенно разные вещи. В настоящий момент я на работе, понимаешь? Поэтому, чего я хочу, не имеет ровным счетом никакого значения. А нужно мне, чтобы ты вместе со своим скейтом и чемоданчиком поднялась в этот грузовик, — а потом добавляет: — Я до тебя достучался?

Он задает этот вопрос почти риторически, будто предполагает, что ответом ему будет «нет».

— Он серьезно говорит, — вставляет Джейсон, словно И. В. так важно его мнение.

— Ну, вот видишь, — говорит мужик со стеклянным глазом. И. В. полагается быть на пути к франшизе «Жемчужных врат преподобного Уэйна». Если она напортачит с этой доставкой, это значит, она надувает Бога, который, может, существует, а может, и нет, но, во всяком случае, способен прощать. Мафия, несомненно, существует и придерживается более высокого стандарта послушания.

Подав свою снарягу — доску и алюминиевый чемоданчик — типу со стеклянным глазом, она запрыгивает в прицеп, презрев протянутую руку. Он отшатывается и, подняв руку, смотрит на нее так, словно желает понять, что в ней такого дурного. Как только ноги И. В. отрываются от земли, грузовик трогается с места. К тому времени, когда за ней закрывается дверь, они уже

выезжают на бульвар.

— Нужно просто провести на этой твоей доставке пару тестов, — говорит мужик со стеклянным глазом.

— А тебе не приходило в голову представиться? — осведомляется И. В.

— Не-а, — отзывается мужик, — люди вечно забывают имена. Можешь думать обо мне просто как о том парне, сама понимаешь.

И. В. его даже не слушает. Она осматривается в кузове.

Трейлер этого прицепа состоит из длинного узкого помещения. И. В. только что вошла сюда через единственную дверь. В этом конце помещения пара мафиози слоняются без дела, как они обычно и делают.

Большую часть трейлера занимает электроника. Серьезное оборудование.

— Тут, знаешь ли, кое-какие компьютерные примочки, — объясняет тип со стеклянным глазом, передавая чемоданчик компьютерщику. И. В. решает, что это компьютерщик, потому что у него длинный, завязанный в хвост хайер, потому что одет он в джинсы и кажется мягким и вежливым.

— Эй, если что-нибудь с этим случится, мне несдобровать, — говорит И. В. Она старается, чтобы фраза у нее звучала покруче, но в данных обстоятельствах это пустые понты.

Мужик со стеклянным глазом делает вид, будто шокирован.

— Кто я, по-твоему, распоследний тупица? Черт, мне только не хватает объясняться перед Дядюшкой Энцо, как мне удалось подставить эту зайку так, что ей прострелили коленные чашечки.

— Это неагрессивная процедура без проникновения, — умиротворяюще поясняет компьютерщик, после чего несколько раз поворачивает чемоданчик в руках, как бы с ним знакомясь.

Затем он помещает чемоданчик в большой, открытый с одного конца цилиндр, установленный на столе. Стенки у цилиндра в несколько дюймов толщиной, и на них виден слой инея. А еще из него, змеясь, улетучиваются таинственные газы, похоже на мглу в кипятке, если опустить в него чайную ложку молока. Белая мгла стекает со стола на пол и собирается там облачком тумана, клубящегося вокруг кроссовок компьютерщика. Поместив чемоданчик в цилиндр, компьютерщик поспешно отдергивает руку подальше от холода.

Потом надевает гоглы.

Вот и все. Несколько минут он сидит неподвижно. И. В. не слишком хорошо разбирается в компьютерах, но знает, что мощный компьютер где-то за шкафами и дверями совершает в данный момент множество операций.

— Это как сканер компьютерной томографии, — объясняет

тип со стеклянным глазом так же приглушенно и уважительно, как спортивный комментатор на турнире по гольфу. — Но он, знаешь ли, все считывает, — продолжает он, нетерпеливо описывая руками круги.

— И сколько он стоит?

— Не знаю.

— Как это называется?

— У него пока нет имени.

— Ну и кто его изготовил?

— Эту чертову штуковину изготовили мы, — говорит тип со стеклянным глазом. — За последние несколько недель.

— Для чего?

— Ты задаешь слишком много вопросов. Слушай. Ты симпатяга. Я хочу сказать, ты чертовски привлекательная девчонка. Ты просто красотка. Но не думай, что на этой стадии ты так уж важна.

На этой стадии. Гм.

24

У себя в «Мегакладовке» Хиро, как и советовала его партнер, проводит какое-то время в Реальности. Дверь блока открыта, чтобы впустить океанский бриз и выхлопы самолетов. Вся обстановка: футоны, грузовая палетта, экспериментальная мебель из прессованного шлака — отодвинута к стенам. В руках у Хиро тяжелый арматурный стержень метровой длины, один конец которого обмотан изолентой, так что получилась рукоять. Арматурный стержень приближается размерами к катане, но намного ее тяжелее. Хиро зовет его катаной для деревенщины.

Хиро бос, он стоит в стойке кендо. Ему полагалось бы надеть широкие штаны-юбку до колен и плотную тунику цвета индиго, традиционный костюм кендо, но на нем только длинные боксерские трусы. По гладкой мускулистой спине цвета капуччино стекает пот, исследуя ложбинки и впадины между мышцами. На левой ступне образовались волдыри размером с оливки. Сердце и легкие у Хиро хорошо развиты, и природа наделила его необычайно быстрой реакцией, но его нельзя назвать по-настоящему сильным, каким был его отец. Даже будь он по-настоящему силен, тренировка с деревенской катаной давалась бы ему весьма и весьма нелегко.

Он накачан адреналином, нервы у него на пределе, а мысли полны смутной тревоги — смутной в океане общего ужаса.

Шаркая, Хиро перемещается взад-вперед по тридцатифутовой оси комнаты. Время от времени он ускоряет шаги и, занеся над головой катану, резко опускает ее вниз, в последний момент рывком поворачивая запястья, так что клинок останавливается в воздухе. Потом говорит:

— Следующий!

Теоретически. На практике, если уж деревенская катана пришла в движение, остановить ее очень трудно. Но это хорошее упражнение. Его предплечья выглядят как мотки стального кабеля. Почти. И вообще скоро будут.

Японцы не увлекаются такими пустяками, как остановка удара. Если ударить человека по макушке катаной и не приложить усилий к тому, чтобы остановить клинок, она разрубит ему череп и, вероятно, застрянет в ключице или в тазу, и тогда ты будешь посреди поля битвы, упершись ногой в лицо противника, пытаться высвободить клинок, а тем временем его лучший друг атакует тебя с безмерным ликованием. Поэтому фокус в том, чтобы остановить клинок сразу после удара, скажем, промять черепную коробку на пару дюймов, а потом выдернуть

клинок и искать нового самурая; отсюда «Следующий!».

Хиро думал о том, что учинил вчера вечером Ворон, и это начисто прогнало сон, вот почему он тренируется с деревенской катаной в три часа утра.

Хиро сознает, что был плачевно не готов к случившемуся. Копье полетело в него. Он отвел его клинком. По чистому совпадению ему удалось отмахнуться вовремя, и копье пролетело мимо. Но сделал он это почти случайно.

Может быть, в этом и заключается тайна великих воинов. Беспечно, не терзая себя размышлениями о последствиях.

Может быть, он себе льстит.

В последние несколько минут шум вертолета становится все громче. Пусть даже Хиро и живет возле аэропорта, такое здесь редкость. Вертолетам запрещено летать так близко от ЛАКС, это создает угрозу безопасности полетов.

Шум не стихает, а, напротив, становится оглушительным; к тому времени вертолет уже завис над автостоянкой прямо перед жилым блоком Хиро и Виталия. Дорогой корпоративный вертолет с реактивными двигателями, темно-зеленый, маркировка на нем сдержанная и совсем не яркая. Хиро кажется, что, будь освещение получше, он смог бы разглядеть фирменный знак оборонного подрядчика, вероятнее всего, это «Системы Обороны генерала Джима».

Бледнолицый мужик с очень высоким лбом и залысинами спрыгивает на площадку (выглядит он гораздо спортивнее, чем позволяют предположить лицо и общие манеры) и неспешно трусит по бетону прямо к Хиро. Таких ребят Хиро помнит еще с тех пор, как его отец служил в армии, — не поседевшие ветераны из легенд и кинофильмов, а самые обычные тридцатипятилетние парни, всю жизнь проводящие в мешковатой форме. Бледнолицый по фамилии Клем — в чине майора. Фамилия вышита на ромбе.

— Хиро Протагонист?

— Он самый.

— Меня послала за вами Хуанита Маркес. Она сказала, это имя вам известно.

— Имя мне известно. Но я не работаю на Хуаниту.

— Она сказала, теперь работаете.

— Что ж, очень мило, — отзывается Хиро. — Надо думать, дело срочное?

— Я бы сказал, это верное заключение, — отвечает майор Клем.

— Пара минут у меня есть? Я тренировался, и мне надо забежать по соседству.

Майор Клем переводит взгляд на соседнюю дверь, над которой красуется вывеска «ОСТАНОВИСЬ-ОТДОХНИ».

— Ситуация довольно статична. У вас есть пять минут.

У Хиро в «Остановись-Отдохни» кредит по открытому счету. Живя в «Мегакладовке», такой счет неминуемо откроешь.

Поэтому Хиро позволяют обойти стойку администрации, где за кассой скучает дежурный оператор. Он вставляет свою карточку в прорезь, и зажегшийся компьютерный экран предлагает ему три варианта на выбор:

М
Ж
ДЕТСКАЯ (БЕЗ ПОЛА)

Хиро хлопает кнопку «М». На экране возникает меню из четырех позиций:

ОСОБОЕ ОГРАНИЧЕННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ — ЭКОНОМНО, НО ГИГИЕНИЧНО
СТАНДАРТНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ — СОВСЕМ КАК ДОМА — МОЖЕТ, ЧУТЬ ЛУЧШЕ
ПЕРВОКЛАССНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ — БЛАГОДАТНОЕ МЕСТО ДЛЯ РАЗБОРЧИВОГО КЛИЕНТА
УБОРНАЯ ГРАНД-РОЯЛЬ

Ему приходится подавить застарелый рефлекс, чтобы остановиться и не нажать «ОГРАНИЧЕННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ», к которому всегда прибегают обитатели «Мегакладовки». Входя туда, неизбежно вступаешь в контакт с чужими выделениями. Не слишком приятное зрелище. Место далеко не благодатное. Вместо этого — какого черта, Хуанита же собирается его нанять, так? — он нажимает кнопку «УБОРНАЯ ГРАНД-РОЯЛЬ».

Никогда прежде тут не был. Такое впечатление, что попал в пентхауз какого-нибудь роскошного казино в Атлантик-сити, куда помещают дегенератов из Филадельфии после того, как они нечаянно отхватили мегаджекпот. Здесь есть все, что показалось бы верхом роскоши патологическому игроку: позолоченные ручки, кругом литой псевдомрамор, бархатные занавеси и дворецкий.

Никто из обитателей «Мегакладовки» «УБОРНОЙ ГРАНД-РОЯЛЬ» не пользуется. Она здесь вообще только потому, что «Остановись-Отдохни» находится через дорогу от ЛАКСа. Председатели Совета директоров из Сингапура, желающие принять душ и всласть посрать со всеми звуковыми эффектами, не слыша и не обоняя при этом других путешественников,

делающих то же самое, могут прийти сюда и расплатиться корпоративными дорожными чеками.

Дворецкий — тридцатипятилетний малый из Центральной Америки, с глазами у него что-то странное, словно последние несколько часов они были закрыты. Когда Хиро врывается в суперуборную, он как раз перебрасывает через локоть несколько на редкость толстых полотенец.

— Принять душ и обратно через пять минут, — бросает Хиро.

— Желаете побриться? — спрашивает дворецкий, с намеком ощупывая собственные щеки: по всей видимости, он не в силах определить, к какой этнической группе относится Хиро.

— Хотелось бы. Нет времени.

Сорвав с себя боксерские трусы, Хиро бросает мечи на обитый тисненым бархатом диван и ступает в амфитеатр душевой кабинки, выложенный мрамором. Со всех сторон разом на него обрушиваются струи горячей воды. На стене имеется рукоять, чтобы клиент мог выбрать любимую температуру.

После Хиро хочется опростаться, почитать глянцевые журналы толщиной с телефонный справочник, которые стопкой сложены возле навороченного электронного унитаза, но надо спешить. Вытершись свежим полотенцем размером с цирковой шатер, он натягивает свободные штаны на завязках, футболку, кидает дворецкому пару конг-баксов и выбегает, опоясываясь мечами.

Перелет короткий, в основном потому, что военный пилот только рад пожертвовать комфортом ради скорости. Вертолет стартует под острым углом, держась пониже, чтобы его не засосало в турбины реактивных самолетов, но как только у пилота появляется место для маневра, машина задирает хвост и опускает нос. В результате моторы дергают вертолет вперед и вверх и словно прыжком переносят над долиной реки Л.А. к скудно освещенной громаде Голливуд-Хиллз.

Однако, не долетев до Хиллз, вертолет приземляется на крышу больницы. Больница принадлежит сети «Милосердие», и поэтому формально это воздушное пространство Ватикана. Пока во всем видно влияние Хуаниты.

— Неврологическое отделение, — говорит майор Клем, а потом как приказ выплевывает очередь слов. — Пятый этаж, левое крыло, палата номер пятьсот шестьдесят четыре.

На больничной койке — Да5ид.

От изголовья к изножью кровати протянулись исключительно толстые белые кожаные ремни. К ремням крепятся кожаные манжеты, проложенные пушистой овчиной. Манжеты охватывают руки и ноги Да5ида, на которого надели и больничный халат,

теперь наполовину свалившийся.

Самое худшее то, что глаза Да5ида не всегда смотрят в одну и ту же сторону. Он подсоединен к аппарату ЭКГ, который безостановочно выводит кривую его пульса, и, даже не будучи врачом, Хиро понимает, что это не нормальная кривая. Сердце у Да5ида то стучит слишком часто, то не бьется вовсе, тогда включается сирена оповещения, и оно начинает биться снова.

Лицо Да5ида совершенно бесстрастно. Его глаза ничего не видят. Сперва Хиро думает, что тело Да5ида безвольно расслаблено, но, подойдя ближе, видит, что он натянут как струна и мокрый от пота, а еще его бьет дрожь.

— Мы ввели ему временный стабилизатор, — произносит за спиной Хиро женский голос.

Обернувшись, Хиро видит монахиню, которая, очевидно, также и лечащий врач.

— Как давно у него конвульсии?

— Нам позвонила его бывшая жена, сказала, что она обеспокоена.

— Хуанита.

— Да. Когда к нему домой прибыли санитары, он упал со стула и бился в конвульсиях на полу. Видите, вот тут синяк. Мы думаем, это его ударил по ребрам компьютер, который он, падая, сбросил со стола. Поэтому, чтобы избежать дальнейших повреждений, мы фиксировали его тело в четырех точках. Но последние полчаса у него аритмия. Если его состояние не изменится, мы снимем ремни.

— Он был в компьютерных очках?

— Не знаю. Но могу справиться.

— Но вы полагаете, это произошло, когда он находился в виртуальной реальности?

— Не могу вам точно сказать, сэр. Мне известно только то, что у него настолько тяжелая сердечная аритмия, что нам пришлось имплантировать временный стабилизатор прямо на полу в его офисе. Мы сделали ему укол противосудорожного препарата, но он не подействовал. Ввели ему транквилизаторы, но и те лишь едва подействовали. Сделали компьютерную томографию и еще несколько анализов, чтобы определить, в чем дело. Консилиум еще не пришел к единому мнению.

— Ладно, попробую осмотреть его дом, — говорит Хиро.

Врач пожимает плечами.

— Дайте мне знать, когда он придет в себя, — добавляет Хиро.

Врач и на это ничего не отвечает. Впервые до Хиро вдруг доходит, что состояние Да5ида, возможно, и не временное.

Когда Хиро уже собирается выйти в коридор, Да5ид вдруг произносит:

— Е не эм ма ни а ги а джи ни му ма ма дам е не эм ам ам ки га а ги а ги…

Хиро поворачивается посмотреть.

Да5ид обвис на ремнях, тело его расслаблено, словно он дремлет. Из-под полуприкрытых век он смотрит на Хиро.

— Е не эм дам гал нун на а ги эги е не эм у му ун эбзу ка а ги а эги…

Голос у Да5ида тихий и мирный, без малейших следов стресса. Слоги скатываются с его языка, будто капли слюны из угла рта. Уходя по коридору, Хиро слышит, как Да5ид, не переставая, бормочет:

— И ге эн и ге ну ге эн ну ге ээ ас тур ра лу ра зэ эм мен…

Хиро снова садится в вертолет. Они летят над серединой Бичвуд-Каньон, направляясь прямо к указателю «Голливуд».

Дом Да5ида преображен светом десятка прожекторов. Он стоит на вершине холма, по склону которого идет частная подъездная дорожка. Сейчас ее перегородил похожий на жабу приземистый бронированный джип от «Генерала Джима», из которого, пульсируя, извергаются и прощупывают небо снопы насыщенно-красного и голубого цвета. Над домом завис еще один вертолет, его словно подпирает снизу вращающаяся колона. Солдаты с ручными прожекторами прочесывают земельный участок.

— Мы предприняли меры предосторожности и оцепили дом, — говорит майор Клем.

По краю световых пятен проступают мертвые органические краски холма. Солдаты пытаются оттенить их прожекторами, выжечь их светом. Хиро готов и сам погрузиться в этот свет, превратившись в тусклый пиксель на стекле пассажирского авиалайнера. Нырнуть в биомассу.

Лэптоп Да5ида лежит на полу возле стола, за которым он любил работать. Вокруг — медикаментозный мусор. В этой куче Хиро обнаруживает гоглы Да5ида, которые или слетели, когда он рухнул на пол, или их сорвали санитары.

Хиро поднимает гоглы. Поднося их к глазам, видит остаточное изображение: стена черно-белой статики. Компьютер Да5ида облавинился.

Закрыв глаза, Хиро роняет очки. Нельзя же заболеть, поглядев на битовый массив. Или можно?

Дом Да5ида напоминает модернистский замок с высокой башенкой над дальним крылом. Некогда Да5ид, Хиро и остальные из их компании хакеров забирались наверх с ящиком

пива и хибачи и проводили целую ночь, запивая пивом гигантские креветки, крабовые ноги и устрицы. Теперь, разумеется, башенка давно заброшена, там осталась только хибачи, заржавевшая и почти погребенная под слоем пепла, будто археологический реликт.

Прихватив себе пива из холодильника Да5ида, Хиро некоторое время сидит на своем некогда любимом месте, медленно тянет пиво и воображает, будто видит красивые сказки в вибрирующих огнях.

Старый центр плотно укутан извечной органической дымкой. В других городах дышишь промышленными отходами, а в Л.А. — аминокислотами. В подернутом дымкой муравейнике светятся кольца и сетки огней, словно нити накаливания в тостере. На выезде из каньона ближние световые нити, становясь яснее, распадаются на звезды, арки и горящие буквы. Потоки красных и белых частиц пульсируют по хайвеям, повинуясь размытой логике программируемых светофоров. Дальше — распространяясь по долине — миллион энергичных логотипов размазывается плотными дугами. По обе стороны франшизных гетто логосвет расходится мягкими градиентами освоенных участков, пока не сливается наконец с окружающими сумерками, которые изредка прорезает свечение прожекторов секьюрити на чьем-нибудь заднем дворе.

Франшиза и вирус работают по сходному принципу: то, что благоденствовало в одном месте, будет благоденствовать и в другом. Нужно только составить заразный бизнес-план, ужать его до десятка страниц в папке о трех кольцах — до его ДНК, — отксерить и впрыснуть в придорожную облицовку хайвеев с большим потоком машин, желательно на том участке, где есть левый поворот. Тогда опухоль станет расширяться до тех пор, пока не упрется в границы собственности земельного участка.

В стародавние времена можно было прогуляться до «Кафе у Мамы» ради чашки кофе и бутерброда и почувствовать себя там прямо как дома. Это работает, если никогда не покидать родного города. Но если вы приехали в соседний городок, то стоит вам открыть дверь кафе, на вас уставятся все завсегдатаи, а под названием «Горячее фирменное» вам подадут что-то, чего вы даже и не узнаете. Если путешествовать достаточно долго, вы нигде не будете чувствовать себя как дома.

Однако, приезжая в Дубьюк, бизнесмен из Нью-Джерси знает, что может войти в «Макдональдс» и никто не посмотрит на него косо. Он сможет сделать заказ, даже не заглядывая в меню, и поданная еда всегда будет одинакова на вкус, «Макдональдс» — это Дом, ужатый до папки о трех кольцах и многократно

отксеренный. «Никаких сюрпризов» — вот девиз франшизного гетто, его «Здоровая экономика» и «Радушное гостеприимство» — стигматы, так или иначе проступающие как герб на каждой вывеске и каждом логотипе из тех, что складываются в кривые света и гроздья огней, очерчивающие центр мегаполиса.

Американский народ, живущий в одной из самых удивительных и ужасных стран мира, находит в этом девизе утешение. Последуйте за светом вывесок туда, где развитие уперлось в складки долин и каньонов, и вы найдете страну беженцев. Они бежали от истинной Америки, Америки атомных бомб, эрозии почвы, хип-хопа, теории хаоса, заливания людей ногами в цемент, факиров со змеями, маньяков-убийц, полетов в космос, автозакусочных, самонаводящихся ракет, марша Шермана, сбоя сети, банд байкеров и прыжков на батуте. Притерев свои малолитражки к бордюрам ЖЭКов, выстроенных по идентичным компьютерным проектам, они забились в симметричные бетонные коробки с виниловыми полами, плохо подогнанной деревянной обшивкой стен и веранд, с отсутствующими тротуарами. Эти домофермы теперь и есть средство самовыражения культуры, которой нечего выражать.

В самом центре города остались лишь бездомные, питающиеся мусором иммигранты, выброшенные, точно шрапнель, после распада азиатских держав, молодая богема и мультимедийное техножречество «Великого Гонконга мистера Ли». А еще остались башковитые умники и умницы, вроде Да5ида и Хиро, которые избрали риск городской жизни, потому что подсели на этот кайф и знают, что город им по плечу.

25

По правде говоря, И. В. не может определить, где они сейчас. Но ясно, что они застряли в пробке. Вполне предсказуемое явление.

— И. В. пора, — объявляет она.

Секунду никакой реакции. Потом хакер откидывается на спинку стула, смотрит прямо перед собой сквозь гоглы, не обращая внимания на трехмерный компьютерный экран, но, по-видимому, наслаждаясь видом на стену.

— О'кей, — говорит он.

Со стремительностью мангуста мужик со стеклянным глазом выхватывает алюминиевый чемоданчик из криогенного цилиндра и бросает его И. В. Тем временем один из бездельников-мафиози распахивает заднюю дверь прицепа, открывая чудесный вид на пробку на бульваре.

— И еще кое-что. — С этими словами мужик со стеклянным глазом заталкивает в один из многочисленных карманов И. В. какой-то конверт.

— Что это? — спрашивает И. В.

Он, словно защищаясь, поднимает руки.

— Не беспокойся, это просто кое-какая малость. А теперь в путь.

Он подает знак парню, который держит ее доску.

А парень, оказывается, не дурак: он просто бросает доску, которая приземляется на пол под неудобным углом. Но шипы уже заметили приближение пола, рассчитали все углы, вытянулись и размялись, как ноги баскетболиста, возвращающегося на грешную землю после чудовищного броска. Приземлившись на «ступни», доска пару раз прокатывается взад-вперед, обретая равновесие, а потом направляется прямо к И. В. и останавливается у ее ног.

Став одной ногой на доску, И. В. несколько раз отталкивается другой от пола и вылетает из двери прицепа прямо на крышу «понтиака», слишком близко подъехавшего к заднему бамперу грузовика. Ветровое стекло «понтиака» — прекрасная площадка для разгона, и к тому времени, когда И. В. приземляется на мостовую, она уже развернулась в прыжке на сто восемьдесят градусов. Владелец «понтиака» возмущенно давит на гудок, но ему никак ее не догнать, ведь пробка стоит намертво, а И. В. — единственное тело на несколько миль вокруг, которое способно двигаться вперед. В том-то и смысл курьерской службы.

«Жемчужные врата преподобного Уэйна» номер 1106 — довольно крупная франшиза. Малый серийный номер

подразумевает солидный возраст. Она была построена давно, когда земля была дешевая, а участки большие. Автостоянка заполнена лишь наполовину. Обычно у «Преподобного Уэйна» все больше встречается старичье с идиотскими надписями на испанском, выведенными лаком для ногтей на задних бамперах: колымаги центральноамериканских евангелистов, приехавших с юга на север в надежде на приличную работу и устав от неумолимого натиска католиков на родине. На этой стоянке тоже несколько просто старых обычных малолитражек, с номерными знаками почти всех имеющихся ЖЭКов.

На этом участке бульвара движение несколько лучше, поэтому на автостоянку И. В. вкатывается на вполне приличной скорости, а потом пару раз объезжает франшизу, чтобы эту скорость сбросить. Хорошо заасфальтированная стоянка — большое искушение, особенно если идешь на скорости, ну а если подходить профессионально, то не мешает все разведать, ознакомиться с окружающей средой. И. В. узнает, что данная стоянка соединена со стоянкой соседней франшизы «Автолом» («Любую машину за пару минут ОБНАЛИЧИМ!»), которая, в свою очередь, перетекает в стоянку соседнего универмага. Настойчивый трэшник мог бы, наверное, проделать весь путь от Л.А. до Нью-Йорка, перебираясь с одной автостоянки на другую.

В некоторых местах стоянка издает хлопающие и щелкающие шумы. Опустив глаза, И. В. видит, что возле мусорных баков позади франшизы асфальт усеян маленькими пластмассовыми пузырьками, похожими на тот, что рассматривал вчера ночью Скрипучка. Пузырьки набросаны тут, как окурки сигарет возле бара. Когда «ступни» доски проходят по этим пузырькам, те выстреливают из-под колес и, подпрыгивая, разлетаются по асфальту.

Перед входом выстроилась очередь. Презрев ее, И. В. входит внутрь.

Приемная «Жемчужных врат преподобного Уэйна», разумеется, похожа на все приемные франшиз. Ряд мягких виниловых стульев, где прихожане могут подождать, пока их не вызовут, по обеим концам ряда — по цветку в горшке, а перед стульями — длинный стол с разбросанными по нему допотопными журналами. Детский уголок, где дети могут убивать время, разыгрывая воображаемые космические бои в инжекционно-отлитой пластмассе. Стойка из фальшивого дерева, призванная выглядеть так, будто ее привезли из старой церкви. За стойкой — толстушка старшеклассница: светлые волосы цвета помоев основательно обработаны щипцами для завивки, синие с металлическим отливом тени для глаз и даже слой красных

румян, покрывающий широкие студенистые щеки, а поверх футболки наброшено прозрачное платьице, как у певчего из хора.

Когда И. В. входит, толстушка как раз совершает взаимовыгодный обмен. И. В. она замечает сразу, но ни в одной папке о трех кольцах во всем мире инструкции не позволяют умерить энтузиазм, отвлечься или ослабнуть и выйти из строя посреди сделки.

Оказавшись в безвыходном положении, И. В. со вздохом скрещивает на груди руки, чтобы показать свое нетерпение. В любом другом предприятии она бы уже подняла бучу и прорвалась за стойку, словно она тут хозяйка. Но это все-таки церковь, черт бы ее побрал.

Вдоль стойки тянется небольшая полка-приступочка с религиозными трактатами — берите бесплатно, пожертвование обязательно. Несколько отделений заняты под известный бестселлер преподобного Уэйна «Как Америка была спасена от коммунизма. ЭЛВИС ЗАСТРЕЛИЛ JFK».

И. В. вынимает конверт, который мужик со стеклянным глазом затолкал ей в карман. К несчастью, он не настолько толстый и мягкий, чтобы в нем оказалась куча денег.

В конверте — десяток моментальных фотоснимков. На всех — Дядюшка Энцо. Вот он стоит на широкой и ровной подкове подъездной дорожки к огромному дому, таких огромных особняков И. В. даже не видела. Вот он стоит на скейтборде. Или падает со скейтборда. Или, беспорядочно раскинув руки в стороны, медленно скользит, а за ним бегут нервозные охранники.

Фотографии обернуты листком бумаги. «И. В. Спасибо за помощь. Как видишь по этим фотографиям, я сам пытался подготовиться к этому заданию, но требуется некоторая практика. Твой друг Дядюшка Энцо».

И. В. заворачивает фотографии в точности так, как они были сложены, убирает их в карман и, подавив улыбку, возвращается к насущной проблеме.

Девица в платьице все еще оформляет свою сделку у стойки. Прихожанка — коренастая испаноговорящая женщина в оранжевом платье.

Девица что-то вводит в компьютер. Со щелчком, похожим на винтовочный выстрел, клиентка шлепает свою «Визу» на поддельное дерево стойки. Длиннющими — в несколько дюймов — ногтями девица отковыривает кредитную карточку от стойки — рискованная и сомнительная операция, которая наводит И. В. на мысль о насекомых, выкарабкивающихся из куколок. Затем девица совершает таинство причащения:

тщательно отработанным жестом проводит кредиткой через электромагнитную прорезь компьютера, будто срывает покров, потом протягивает квитанцию, бормоча что-то о росписи и дневном контактном телефоне. С тем же успехом она могла бы говорить по-латыни. Но все в порядке, ведь клиентка знакома с литургией и подписывает и ставит номер еще до того, как произнесены все слова.

Теперь остается только Слово Свыше. Но компьютеры и средства связи коммуникации в наше время на высоте, и на проверку кредитки уходит не более десяти секунд. Крохотное устройство издает одобрительный «бип», из крохотных колонок звучит небесная музыка, и в задней части комнаты величественно распахиваются створки переливчатых врат.

— Благодарим за пожертвование, — говорит девица, небрежно сливая все слова в единый слог.

Привлеченная гипнотическими напевами органа, клиентка топает к вратам. Внутренность часовни выкрашена в странные безумные тона и отчасти подсвечена флуоресцентными лампами, впаянными в потолок, а отчасти огромными цветными светокоробами, симулирующими витражные окна. Самая большая из таких коробок в форме расплющенной готической арки болтами прикручена к задней стене над алтарем, а изображена на ней вопиющая в пустыне троица: Иисус, Элвис и преподобный Уэйн. Правда, Иисус — все же гвоздь программы. Не успев пройти внутрь и дюжины шагов, прихожанка с глухим стуком падает на колени посреди прохода и начинает иноязычить:

— Ар иа ар иса ве на а мир и са, ве на а мир иа а сар иа…

Качнувшись, закрываются врата.

— Одну минутку, — говорит девица, несколько нервно глянув на И. В., и, обойдя стойку, останавливается посреди детского уголка (при этом подол ее платьица неизбежно запутывается в боевом модуле «Ниндзя-Воины Плота») и стучит в дверь детского туалета.

— Занято! — кричит мужской голос по ту сторону двери.

— Курьер прибыл, — говорит девица.

— Сейчас буду, — уже спокойнее отвечает голос.

И обладатель голоса действительно тотчас выходит. Никакой задержки, никакого зазора во времени, скажем, на застегивание ширинки или мытье рук. Обладатель голоса одет в черный костюм с пасторским воротничком и сейчас, идя через детскую площадку и давя черными ботинками крохотных солдатиков и боевые истребители, натягивает через голову несолидную черную сутану. Волосы у него черные и сальные, с отдельными прядями седины, а на носу сидят бифокальные очки с коричневыми

стеклами в проволочной оправе. Поры на носу и щеках у него просто огромные.

И к тому времени, когда он подходит к ней, И. В. успевает не только хорошенько его разглядеть, но и почувствовать его запах. Пахнет «олд спайсом», а изо рта — еще и блевотиной. Но явно не от спиртного.

— Давай сюда. — Он вырывает алюминиевый чемоданчик у нее из рук.

Но И. В. никому и никогда такого не позволяет.

— Вы должны расписаться.

И все же она понимает, что уже слишком поздно. Если не заставить их расписаться до получения, ты облажался. У тебя нет власти, нечем надавить. Ты просто дитё на скейтборде.

Вот почему И. В. никогда не позволяет вырывать посылку у себя из рук. Но, Господь свидетель, это же священник! На такое она не рассчитывала. Он вырвал чемоданчик у нее из рук, а теперь убегает с ним к себе в офис.

— Я могу за него расписаться, — предлагает девица. Вид у нее испуганный. Более того, она выглядит так, как будто вот-вот упадет в обморок или ее стошнит.

— Это должен сделать он лично, — возражает И. В. — Преподобный Дейл Т. Торп.

А вот теперь потрясение проходит, зато она начинает выходить из себя. Поэтому рвется вслед за преподобным прямо в офис.

— Вам туда нельзя, — говорит девица, но произносит это вяло, печально, будто само происшествие почти стерлось из ее памяти. И. В. пинком распахивает дверь.

Преподобный Дейл Т. Торп сидит за столом. Перед ним — открытый алюминиевый чемоданчик, нашпигованный такой же сложной электроникой, какую она видела вчера после резни на поле хмеля. Преподобный Дейл Т. Торп будто прикован к этому устройству за шею.

Нет, на самом деле это у него на шее на шнурке что-то висит. До того он держал это под одеждой, как И. В. носит под одеждой личные знаки Дядюшки Энцо. А теперь он это вытащил и вставил в прорезь в алюминиевом чемоданчике. Похоже, это ламинированная идентификационная карточка со штрихкодом.

Вот он вынимает карточку и дает ей упасть ему на грудь. И. В. не может сказать наверняка, заметил он ее или нет. Он вводит что-то в компьютер, стуча двумя пальцами по клавиатуре, ошибается клавишей, начинает снова.

Тут начинают вертеться и подрагивать сервомеханизмы внутри чемоданчика. Преподобный Дейл Т. Торп извлекает из

стойки в крышке небольшой пузырек и вставляет его в паз возле клавиатуры. Пузырек медленно затягивает внутрь машины.

Вот пузырек выскакивает снова. Красная пластиковая крышка испускает зернистый красноватый свет. В крышке небольшой экранчик LED, а в нем бегут, отсчитывая секунды, цифры: 5, 4, 3, 2, 1…

Преподобный Дейл Т. Торп подносит пузырёк к левой ноздре. Когда счетчик LED достигает нуля, пузырек шипит, словно из шины выходит воздух. После чего преподобный мастерски бросает пузырек в корзинку для мусора.

— Преподобный? — окликает девица. Быстро обернувшись, И. В. видит, как она вяло приближается к офису. — А мне дозу вы приготовите? Пожалуйста.

Преподобный Дейл Т. Торп не отвечает. Откинувшись на спинку вращающегося кожаного кресла, он неотрывно смотрит на увеличенную фотографию Элвиса, снятую в дни его службы в армии — с винтовкой в руках.

26

Хиро просыпается оттого, что изжарился на солнце. Середина дня, и над головой кружат птицы, решая, жив он или мертв. Хиро слезает с крыши и, презрев осторожность, выпивает три стакана лос-анджелесской воды из-под крана. Потом, вынув из холодильника Да5ида кусок бекона, швыряет его в микроволновку. Большая часть ребят «Генерала Джима» уже отчалили, и на дороге осталась лишь символическая охрана. Заперев все двери, выходящие на склон холма — ведь он все еще боится Ворона, — Хиро садится к столу и, надев гоглы, входит в Метавселенную.

В «Черном Солнце» полно азиатов, включая типов с киностудий Бомбея. Свирепо глядя друг на друга, они оглаживают черные усы, пытаясь сообразить, какая именно разновидность перенасыщенных насилием фильмов пойдет в следующем году в Персеполисе. Там сейчас ночь. Хиро — один из немногих американцев в заведении.

Вдоль черной стены бара тянется ряд закрытых помещений — от крохотных кабинетиков до конференц-залов, где может встретиться на совещании пара десятков аватар. В одном из помещеньиц поменьше Хиро поджидает Хуанита. Ее аватара выглядит в точности как сама Хуанита. Это откровенное отображение без малейших попыток скрыть проступающие морщинки в уголках больших черных глаз. Блестящие черные волосы разрешены так хорошо, что Хиро видно, как отдельные пряди крохотными радугами преломляют свет.

— Я в доме Да5ида, — говорит Хиро. — А ты где?

— В самолете… поэтому связь может пропасть, — отвечает Хуанита.

— И куда летишь?

— В Орегон.

— В Портленд?

— В Асторию.

— Что тебе, скажи на милость, сейчас понадобилось в Астории, штат Орегон?

Хуанита делает глубокий вдох, потом судорожно выдыхает.

— Если я скажу тебе, мы поссоримся.

— Что нового о Да5иде? — спрашивает Хиро.

— Все по-прежнему.

— Диагноз есть?

Хуанита устало вздыхает.

— Диагноза не будет, — говорит она. — Проблема не в

железе, проблема в софте.

— Что-что?

— Обычные варианты они уже проверили. Томографию, сканирование на эмиссию позитронов, сканирование на электромагнитные шумы, ЭЭГ. Все в норме. С его мозгом, с железом, все в порядке.

— В нем просто работает неверная программа?

— Его софт заражен. Да5ид вчера попал под лавину, его мозг рухнул.

— Ты хочешь сказать, эта проблема психического характера?

— Это выходит за привычные категории, — говорит Хуанита, — потому что это совершенно новый феномен. Или, если уж на то пошло, очень древний.

— Это происходит спонтанно или как-то иначе?

— Тебе лучше знать, — отзывается Хуанита. — Ты же там был вчера вечером. После моего ухода что-нибудь случилось?

— У него была гиперкарточка «Лавины», Ворон мне пытался толкнуть такую у входа в «Черное Солнце».

— Дерьмо. Вот сволочь!

— Кто сволочь? Да5ид или Ворон?

— Да5ид. Я пыталась его предостеречь.

— Он тебя послушался. — Хиро начинает объяснять, как потом явилась Брэнди с магическим свитком. — А потом у него возникли проблемы с компьютером и его выбросили из клуба.

— Об этом я слышала, — отвечает Хуанита. — Потому и вызвала «скорую помощь».

— Не вижу связи между тем, что у Да5ида из-за «Лавины» рухнул компьютер, и тем, что ты вызвала «скорую».

— На свитке Брэнди была не просто беспорядочная статика. С него проецировался большой объем цифровой информации в двоичном коде. Эта двоичная информация поступила прямо в зрительный нерв Да5ида, который, как ты знаешь, является составной частью головного мозга. Иными словами, если смотришь кому-то в зрачок, можешь увидеть терминал мозга.

— Да5ид не компьютер. Он не умеет считывать двоичный код.

— Он хакер. С бинарным кодом он возится ради заработка. Эта способность накрепко впечатана в глубинные структуры его мозга. Поэтому он восприимчив к информации в такой форме. И ты тоже, дружок.

— О какой информации мы сейчас говорим?

— Дурные новости. Метавирус, — отвечает Хуанита. — Это атомная бомба информационной войны, вирус, заставляющий любую систему заражать себя все новыми и новыми вирусами.

— В нем причина болезни Да5ида?

— Да.

— Почему я не заболел?

— Ты находился слишком далеко. Разрешение для тебя было слишком мало. Растр должен быть прямо у тебя под носом.

— Я это обмозгую, — говорит Хиро. — Но у меня есть еще вопрос. В Реальности Ворон распространяет еще один наркотик, который, среди прочего, называется «Сноукрэш» и «Лавина». Что это такое?

— Это не наркотик, — говорит Хуанита. — Они выдают это за наркотик, чтобы привлечь людей. К нему подмешивают немного кокаина или еще чего-то подобного.

— Если это не наркотик, то что?

— Химически обработанная сыворотка крови, взятой у людей, уже зараженных метавирусом, — отвечает Хуанита. — Иными словами, еще один способ распространения инфекции.

— Кто ее распространяет?

— Личная церковь Л. Боба Райфа. Все ее прихожане заражены.

Хиро закрывает руками лицо. Он не столько обдумывает сказанное Хуанитой, сколько дает ее словам рикошетом отлетать от стенок черепушки и ждет, когда все уляжется.

— Подожди-ка, Хуанита. Ты уж реши. Эта «Лавина», она что: наркотик, вирус или религия?

Хуанита пожимает плечами.

— А что, есть разница?

Хуанита говорит загадками, что еще больше сбивает Хиро с толку.

— Как ты можешь такое говорить? Ты ведь сама верующая.

— Не стоит сваливать все религии в одну кучу.

— Извини.

— У всех людей есть своя вера. У нас в мозгах как будто встроены рецепторы веры или еще что-то такое, поэтому все мы неизбежно цепляемся за то, что заполняет для нас эту нишу. Так вот, раньше религии были, по сути, вирусными: информация воспроизводилась в человеческом разуме и переходила с одного человека на другого. Так было раньше и, к несчастью, к этому мы, похоже, сейчас идем снова. Но было предпринято несколько попыток избавить нас от пут примитивной, иррациональной религии. Первую такую попытку предпринял некто по имени Энки приблизительно четыре тысячи лет назад. Вторую — иудейские ученые в восьмом веке до нашей эры, изгнанные с родины вторжением Саргона II. Однако со временем их труды вылились в пустую приверженность букве закона. Третью попытку

предпринял Иисус; на сей раз на пятидесятый день после его смерти его религией завладели вирусные влияния. Вирус был подавлен католической церковью, но мы сейчас оказались в самом очаге эпидемии, которая разразилась в тысяча девятьсот шестом году в Канзасе и с тех пор все набирает силу.

— Так ты веришь в бога? — спрашивает Хиро. Надо поставить все точки над «i».

— Определенно.

— Ты веришь в Иисуса?

— Да. Но не в физическое, телесное его воскресение.

— Как ты можешь быть христианкой и не верить в воскресение Христа?

— Я бы сказала, — отвечает Хуанита, — как можно быть христианкой и в такое верить? Любой, кто даст себе труд внимательно прочесть евангелия, поймет, что телесное воскресение есть миф, дописанный к истинной истории через несколько лет после того, как были записаны рассказы о жизни Христа. Очень похоже на «Нэшнл Инквайэрер», как по-твоему?

Больше Хуанита пока ничего сказать не может и, по ее словам, не хочет вдаваться в подробности. «В данный момент» она не хочет влиять на рассуждения Хиро.

— Это подразумевает, что будут и другие? Мы снова друзья? — спрашивает Хиро.

— Ты хочешь найти тех, кто заразил Да5ида?

— Да. Черт, Хуанита, не говоря о том, что Да5ид — мой друг, мне хотелось бы их отыскать до того, как они заразят меня.

— Поищи в папке «Вавилон», Хиро, а потом приходи меня повидать, если я вернусь из Астории.

— Если ты вернешься? Что ты там собираешься делать?

— Собирать информацию.

На протяжении всего разговора она разыгрывала деловитость, сообщала информацию, объясняла, как обстоят дела. Но она устала и обеспокоена, и у Хиро возникает подозрение, что в душе она чего-то очень боится.

— Удачи, — говорит он.

На этой встрече он собирался за ней поухаживать, начать с того, на чем они остановились вчера вечером. Но с тех пор в Хуаните что-то изменилось. Флирт — последнее, что у нее на уме.

Хуанита собирается делать в Орегоне что-то опасное. Она не хочет, чтобы Хиро знал, что именно, иначе он станет волноваться.

— В папке «Вавилон» есть много любопытного о некой Инанне, — говорит она.

— Кто такая Инанна?

— Шумерская богиня. Я почти в нее влюблена. Ты не

сможешь понять, что именно я собираюсь сделать, пока не поймешь Инанну.

— Что ж, удачи, — повторяет Хиро. — Передавай привет Инанне.

— Спасибо.

— Мне бы хотелось с тобой встретиться, когда ты вернешься.

— Взаимно, — говорит она. — Но сперва нам нужно выбраться из этой передряги.

— Ух ты! А я даже и не знал, что во что-то влип.

— Не будь таким идиотом. Мы все влипли.

Хиро собирается уходить. Оставив Хуаниту сидеть, он выходит в главный зал «Черного Солнца». По Квадранту Хакеров слоняется тип, который слишком уж бросается в глаза. Аватара у него так себе. И с контролем у него проблемы. Выглядит он как человек, который впервые вошел в Метавселенную и еще не знает, как тут перемещаться. Он то и дело натыкается на столы, а когда хочет развернуться, несколько раз крутится на месте, не умея остановиться.

Хиро направляется к нему, потому что его лицо кажется ему смутно знакомым. Когда тип на секунду останавливается, Хиро десятикратно улучшает разрешение его лица и тут узнает аватару. Это «Клинт». Тот, что чаще всего встречается в обществе «Брэнди».

«Клинт» узнает Хиро, и его удивленное лицо на мгновение озаряется карикатурной улыбкой, но потом принимает обычное грубовато-суровое выражение, даже губы у него поджимаются. Он держит руки перед собой, и тут Хиро видит, что в них свиток, в точности такой же, какой был у «Брэнди».

Хиро тянется к катане, но свиток уже у самого его лица… разворачивается, открывая синее сияние битового массива внутри. Сделав шаг в сторону, так чтобы оказаться сбоку от «Клинта», Хиро заносит над головой катану и, резко опустив ее, обрубает «Клинту» руки.

Падая, свиток разворачивается еще шире. Теперь Хиро уже не решается на него взглянуть. А вот «Клинт» развернулся и пытается неуклюже сбежать из «Черного Солнца», отскакивая от столов, точно шарик в китайском бильярде.

Если бы Хиро удалось убить этого типа — отрубить ему голову, — то его аватара осталась бы в «Черном Солнце» и ее унесли бы Могильщики. Хиро тогда мог бы взломать программу и, возможно, сообразить, кто это такой и откуда взялся.

Но у барной стойки болтаются, наблюдая за происходящим, несколько десятков хакеров, и если они подойдут посмотреть на свиток, то все кончат так же, как Да5ид.

Отвернувшись, Хиро приседает на корточки возле свитка и открывает один из скрытых люков, ведущих в систему туннелей. Это он когда-то написал программы туннелей для «Черного Солнца»; он — единственный во всем баре, кто может ими пользоваться. Одной рукой смахнув свиток в туннель, Хиро захлопывает крышку люка.

Когда Хиро поднимает голову, «Клинт» — уже возле самого выхода, пытается нацелить свою аватару на дверь. Хиро бегом устремляется в погоню. Стоит этому типу выйти на Стрит — поминай, как звали, он превратится в прозрачный призрак. Учитывая фору в пятьдесят футов, нечего и надеяться отыскать его среди миллиона других призраков. Как всегда, на Стриту у входа в «Черное Солнце» толпятся неудачники. Перед собой Хиро видит обычное столпотворение, включая и черно-белых личностей.

Одна из этих черно-белых — И. В., которая слоняется здесь и ждет, когда выйдет Хиро.

— И. В.! — кричит он. — Догони того безрукого!

Хиро выскакивает из дверей через пару секунд после «Клинта». И «Клинт», и И. В. уже исчезли.

Вернувшись в «Черное Солнце», Хиро открывает люк и спрыгивает в туннель, владения демонов-могильщиков. Один из демонов уже схватил свиток и трусит с ним к погребальному костру, чтобы бросить там в огонь.

— Эй, приятель, — окликает его Хиро, — поверни в следующий туннель направо и забрось эту штуку в мой офис, ладно? Но, сделай мне одолжение, сверни его сперва.

Хиро идет за могильщиком по туннелю, проходит под Стритом и оказывается под кварталами, где завели себе дома хакеры. Приказав могильщику положить свиток в подвальной мастерской, где он ломает программы, Хиро поднимается наверх.

27

Звонит голосовой телефон. Хиро берет трубку.

— Партнер, — слышится голос И. В. — Я уж думала, ты никогда оттуда не выйдешь.

— Где ты? — спрашивает Хиро.

— В реальности или в Метавселенной?

— И там, и там.

— В Метавселенной — в вагонетке монорельса, который направляется на плюс. Только что проехала порт 35.

— Уже? Наверное, это экспресс.

— Угадал. Этот «Клинт», которому ты отрубил руки, всего в двух вагонетках впереди меня. Думаю, он не знает, что я за ним слежу.

— А в Реальности ты где?

— Общественный терминал через улицу от преподобного Уэйна.

— Ну да? Как интересно.

— Курьерская доставка.

— Что за доставка?

— Какой-то алюминиевый кейс.

Он выуживает у нее всю историю. Или, как он думает, всю, ведь наверняка он этого знать не может.

— Ты уверена, что люди в Гриффит-парке несли ту же тарабарщину, что и женщина у Преподобного Уэйна? Что она говорила на ином языке?

— Конечно, — говорит И. В. — Я знаю полно ребят, которые туда ходят. Или их предки тащат, сам понимаешь.

— В «Жемчужные Врата преподобного Уэйна»?

— Ага. Они все там иноязычат, поэтому я такое уже слышала.

— Поговорим потом, партнер, — говорит Хиро. — Мне нужно кое в чем серьезно покопаться.

— Пока.

Гиперкарточка «Вавилон/Инфокалипсис» лежит на самой середине стола. Хиро берет ее, появляется Библиотекарь.

Хиро собирается было спросить Библиотекаря, знает ли он, что Лагос мертв. Но это бессмысленный вопрос. Библиотекарь знает это и одновременно не знает. Если бы он пожелал справиться в Библиотеке, то узнал бы через пару минут. Но он все равно не может сохранить эту информацию, поскольку у него нет независимой памяти. Вся Библиотека — его память, и за один раз он использует лишь незначительные ее фрагменты.

— Что ты можешь сказать о «говорении на иных языках»? —

задает вопрос Хиро.

— Специальный термин «глоссолалия».

— Специальный термин? Зачем запутывать все, создавая специальный термин для религиозного ритуала?

— О. — Библиотекарь удивленно поднимает брови. — По этому поводу накоплен значительный объем специальной литературы. «Говорение на иных языках» — неврологический феномен, который религиозные ритуалы просто используют.

— Это же выдумка христиан, так?

— Так полагает секта пятидесятников, но они заблуждаются. Глоссолалия существовала у греков-язычников, Платон называл этот феномен «теомания». Этот феномен наблюдался в восточных культах времен Римской империи. Его знали эскимосы Гудзонова залива, шаманы чукчи, лаппы, якуты, пигмеи Семанга, культы Северного Борнео, пророчествующие на трхи жрецы Ганы. Культ Зулу Амандики и китайская религиозная секта Шангти-хуи. Медиумы Тонга и бразильский культ Умбалы. Представители тунгусских племен Сибири утверждают, что когда шаман входит в транс и выкрикивает невразумительные слоги, он познает весь язык Природы.

— Язык Природы?

— Африканская народность шукума считает, что это есть язык кинатуру, наречие предков всех колдунов, которые, как утверждается, произошли из одного племени.

— Чем обусловлен этот феномен?

— Если исключить мистические толкования, то глоссолалия, похоже, порождается глубинными структурами мозга, общими для всех людей.

— Как это выглядит? Как ведут себя эти люди?

— С. У. Шамуэй наблюдал вспышку глоссолалии в Лос-Анджелесе в одна тысяча девятьсот шестом году и зафиксировал шесть основных симптомов: полная утрата рационального контроля; преобладание эмоций, что ведет к истерии; отсутствие воли или мысли; автоматическое функционирование органов речи; амнезия; случайные спорадические проявления физической активности, например судорожное подергивание и тик. Эузебий констатировал сходные симптомы приблизительно в трехсотом году нашей эры, указывая, что лжепророк начинает с преднамеренного подавления сознательного мышления и заканчивает бредом, который не в состоянии контролировать.

— Как это объясняет христианство? В Библии есть что-нибудь в поддержку глоссолалии?

— Пятидесятница.

— Ты уже упоминал Пятидесятницу раньше. Что это такое?

— Термин произведен от слова «пятидесятый» и подразумевает пятидесятый день после распятия Христа.

— Хуанита только что сказала, что вирусные влияния завладели учением Христа, не успело оно просуществовать и пятидесяти дней. Наверное, она говорила об этом. Что это?

— «И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами. Когда сделался этот шум, собрался народ и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киренее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне, слышим их, нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И изумлялись все, и говорили друг другу: что это значит?» Деяния апостолов, два, четыре тире двенадцать.

— Что-то тут странное, — говорит Хиро. — Похоже на Вавилон наоборот.

— Да, сэр. Многие пятидесятники полагают, что дар языков снизошел на апостолов, дабы они могли распространять свою религию среди других народов, не овладевая их языками. Это называется термином «ксеноглоссия».

— На это Райф и намекал в том видеорепортаже с палубы «Интерпрайз». Он утверждал, будто понимает, что говорят бангладешцы.

— Да, сэр.

— Такое действительно возможно?

— В шестнадцатом веке святой Луи Бертран предположительно использовал дар языков, чтобы обратить в христианство от тридцати до трехсот тысяч южноамериканских индейцев, — отвечает Библиотекарь.

— Ух ты! Распространилось на местное население быстрее, чем оспа. А что думали о пятидесятничестве иудеи? — спрашивает Хиро. — Они ведь на тот момент еще управляли страной, так?

— Страной управляли римляне, — поправляет Библиотекарь. — Но имелась также иудейская религиозная администрация. На тот момент существовало три группировки: фарисеи, саддукеи и ессеи.

— Помнится, в «Иисус Христос Суперзвезда» были фарисеи. Те, что постоянно поносили Христа басом.

— Они поносили его потому, — говорит Библиотекарь, — что были очень строги в отправлении религиозных ритуалов и жестко придерживались догмы. Для них Закон Божий был всем. Вполне очевидно, что они воспринимали Иисуса как угрозу, поскольку он, по сути, предлагал отказаться от Закона.

— Требовал пересмотра контракта с Господом.

— Похоже на аналогию, в коих я не силен, но если исходить из буквального смысла, то верно.

— А кто были остальные две группировки?

— Саддукеи были материалистами.

— Что это значит? Что они ездили на «БМВ»?

— Нет. Материалистами в философском смысле. Все философии — или монистические, или дуалистические. Монисты полагают, что материальный мир — единственный существующий, отсюда материализм. Дуалисты верят в двойственность Вселенной, иными словами, в то, что в дополнение к материальному миру существует еще и мир духовный.

— Ну, как компьютерщик, я, очевидно, должен верить в двоичную Вселенную.

Библиотекарь удивленно поднимает брови:

— Какова взаимосвязь?

— Прошу прощения. Неудачный каламбур. Видишь ли, компьютеры для представления информации задействуют двоичный код. Поэтому я пошутил, сказав, что для работы мне следует верить в двоичную Вселенную.

— Ха-ха, — без особого веселья говорит Библиотекарь. — Впрочем, ваша шутка не лишена смысла.

— Как так? Я же только пошутил.

— Для представления всего на свете компьютеры используют единицу и ноль. Это различие между чем-то и ничем — кардинальное разделение бытия и небытия — и есть концепция, лежащая в основе многих мифов о сотворении мира.

Хиро чувствует, что краснеет, похоже, он начинает выходить из себя. Он подозревает, что Библиотекарь разыгрывает его, принимая за дурака. Но ему также известно, что как бы убедительно ни был прописан Библиотекарь, он все равно остается программой и на розыгрыши не способен.

— Даже латинское слово «science», что означает «наука», происходит от индоевропейского корня, означающего «резать» или «разделять». К тому же корню восходит английское «shit», «срать», что, разумеется, означает отделять живую плоть от неживых испражнений. Тот же корень подарил нам латинское «scythe» — серп, греческое «schism» — раскол, в значении которых

ясно прослеживается семантическая связь с глаголом со значением «разделять».

— А как насчет английского слова «sword»?

— Слово происходит от корня, имеющего несколько значений. Одно из них «разрезать» или «пронзать». Другое «жезл, скипетр» или «веха». А еще одно просто «говорить».

— Давай не отвлекаться.

— Хорошо. Если вы пожелаете, позднее я могу вернуться к этому потенциальному ответвлению разговора.

— Не хотелось бы пока ответвляться. Расскажи мне о третьей группировке, о ессеях.

— Они жили коммунами и верили в то, что чистота физическая и чистота духовная тесно взаимосвязаны. Они постоянно совершали омовения, лежали нагими на солнце, очищали организм клизмами и принимали самые крайние меры, дабы удостовериться, что их еда не содержит примесей и ничем не заражена. У них даже была своя версия Евангелия, согласно которой Иисус исцелял одержимых не с помощью чуда, а изгоняя из их тел паразитов, вроде ленточного червя. Эти паразиты считались синонимичными демонам.

— По твоим словам, на хиппи похожи.

— Подобную параллель уже проводили, но она имеет множество недостатков. Ессеи были строго религиозными и никогда не стали бы принимать наркотики.

— Итак, для них не было разницы между заражением паразитами вроде ленточного червя и одержимостью демонами.

— Верно.

— Любопытно. Интересно, что они бы сказали о компьютерных вирусах?

— Домыслы вне моей компетенции.

— Кстати, о компетенции… Лагос бормотал что-то о вирусах, заражении и каком-то нам-шуб. Что это такое?

— Нам-шуб — слово из шумерского языка.

— Шумерского?

— Да, сэр. Этот язык был в ходу в Месопотамии до приблизительно второго тысячелетия до нашей эры. Самый старый из письменных языков.

— Надо же. Выходит, все остальные языки произошли от него?

Библиотекарь на мгновение поднимает взгляд к потолку, словно о чем-то размышляет. Это визуальная подсказка для Хиро, показывающая, что демон совершает молниеносную вылазку в Библиотеку.

— На самом деле нет, — говорит наконец Библиотекарь. —

От шумерского вообще не произошел ни один язык. Это агглютинативный язык; это означает, что он представляет собой набор морфем или слогов, группирующихся в слова.

— Весьма необычно.

— Да, сэр.

— Этот язык может походить на глоссолалию?

— Проблема суждения. Спросите реальное лицо.

— Похож он по звучанию на какой-нибудь современный язык?

— Доказуемых генетических связей между шумерским и каким-либо из современных наречий не существует.

— Странно. Боюсь, я подзабыл историю Месопотамии, — говорит Хиро. — Что случилось с шумерами? Геноцид?

— Нет, сэр. Они были завоеваны, но геноцид как таковой не имел места.

— Всех рано или поздно завоевывают, — говорит Хиро. — Но их языки от этого не вымирают. Почему исчез шумерский?

— Поскольку я всего лишь программа, то строить гипотезы для меня затруднительно, — отвечает Библиотекарь.

— Ладно. Кто-нибудь знает шумерский?

— Да, в данный момент во всем мире существует приблизительно десять человек, умеющих на нем читать.

— Где они подвизаются?

— Один в Израиле. Один в Британском музее. Один в Ираке. Один в Чикагском университете. Один в университете Пенсильвании. И пять в Библейском колледже Райфа, в Хьюстоне, штат Техас.

— Ничего себе распределение. Кто-нибудь из этих людей установил, что означает на шумерском слово «нам-шуб»?

— Да. Нам-шуб — это речь, обладающая магической силой. Наиболее точным переводом будет, вероятно, «заклинание», но у этого термина целый ряд неверных коннотаций.

— Шумеры верили в магию?

Библиотекарь едва заметно качает головой.

— Это один из корректно на первый взгляд сформулированных вопросов, которые на самом деле исключительно запутаны и с которыми программы, такие как я, как всем печально известно, не способны справляться. Позвольте процитировать отрывок из монографии Кремера, Самуэля Ноа и Мейера, Джона Р. «Мифы о Энки, Лукавом боге» (New York, Oxford: Oxford University Press, 1989): «Религия, магия и медицина в Месопотамии настолько переплетены, что пытаться разделить их тщетно… [Шумерские заклинания] демонстрируют внутреннюю взаимосвязь религии, этики и магии, настолько тесную, что попытка вычленить из этого комплекса один элемент

исказила бы все целое». Есть дополнительный материал, способный прояснить сказанное.

— Где?

— В соседней комнате, — говорит Библиотекарь, указывая на стену. Подойдя к стене, он отодвигает в сторону перегородку из рисовой бумаги. — «Речь, обладающая магической силой». Никто сегодня в такое не верит. Разве что в Метавселенной, где магия возможна. Метавселенная — вымышленное пространство, созданное кодами. Код — всего лишь форма речи, понятная компьютерам. Метавселенную во своей совокупности можно считать единым громадным нам-шуб, актуализирующимся в оптоволоконной сети Л. Боба Райфа.

Звонит телефон.

— Минутку, — говорит Хиро.

— Это снова я, — раздается голос И. В. — Я все еще из поезда. Культяпки вышел в Экспресс-Порту 127.

— Гм. Это антипод Центра. Я хочу сказать, дальше от Центра и забраться нельзя.

— Правда?

— Да. Один-два-семь — это два в седьмой степени минус один…

— Избавь меня, я верю тебе на слово. Это действительно посреди самой что ни на есть пустоты, — говорит она.

— И ты не сошла, чтобы за ним проследить?

— Ты что, смеешься? В этой пустоте? Да до ближайшего здания десять тысяч миль, Хиро.

Она права. Метавселенная строилась на вырост. Большинство развитых секторов лежат в пределах двух-трех Портов, иными словами, не более чем в пятистах километрах от Центра. Порт 127 отделяет от Центра двадцать тысяч километров.

— Что ты видишь?

— Большой черный куб со стороной ровно в двадцать миль.

— Совершенно черный?

— Ну да.

— Как ты смогла измерить черный куб таких размеров?

— Я ехала и смотрела на звезды, сечешь? Внезапно справа от поезда звезды исчезли. Я начала считать местные порты. Насчитала шестнадцать. Культяпки сошел в Экспресс-Порту, 127 и пошел к черной громадине. Потом я насчитала еще шестнадцать портов, а потом звезды появились снова. Умножив тридцать два километра на ноль целых шесть десятых, я получила двадцать миль, кретин.

— Это хорошо, — говорит Хиро. — Это ценная инфа.

— Как ты думаешь, кому принадлежит двадцатимильный

черный куб?

— Исходя из чисто иррационального предубеждения, я бы сказал, что Л. Бобу Райфу. Считается, что у него есть солидный участок недвижимости далеко от Центра, там он держит всю начинку Метавселенной. Кое-кто из наших время от времени о него разбивался, когда мы гоняли на мотоциклах.

— Ладно, партнер, мне пора бежать.

28

Повесив трубку, Хиро проходит в новую комнату. Библиотекарь идет следом.

Комната квадратная, со стороной около пятидесяти метров. Середину ее занимают три крупных артефакта или, скорее, их трехмерные проекции. В центре парит массивная плита затвердевшей глины размером с кофейный столик и около фута толщиной. Хиро догадывается, что это увеличенное изображение предмета меньших размеров. Широкая поверхность плиты испещрена угловатым письмом, в котором Хиро узнает клинопись. Вдоль края идут округлые параллельные выемки, похожие на отпечатки пальцев, вылепивших плиту.

Справа — деревянный шест с ветками наверху, некое стилизованное дерево. Слева — восьмифутовый обелиск, также покрытый клинописью, на вершине высечена рельефная фигура.

Комнату заполняют трехмерные созвездия гиперкарточек, невесомо парящих в воздухе. Создается впечатление

моментальной фотографии разыгравшейся метели. Кое-где карточки расположены в строгом порядке, точно атомы в кристаллической решетке. В других местах громоздятся целые стопы. В углах собрались наносы, будто Лагос побросал туда уже отработанное. Хиро замечает, что его аватара проходит сквозь гиперкарточки, не нарушая их расположения. На самом деле перед ним трехмерное отображение загроможденного письменного стола, и весь мусор до сих пор валяется там, где оставил его Лагос. Вихрь гиперкарточек простирается до всех углов пространства пятьдесят на пятьдесят метров, от пола до восьмифутового потолка: очевидно, это та высота, на какую могла дотянуться аватара Лагоса.

— Сколько тут гиперкарточек?

— Десять тысяч четыреста тридцать шесть, — отвечает Библиотекарь.

— У меня нет времени читать их все, — возражает Хиро. — Можешь мне коротко рассказать, над чем работал Лагос?

— Если хотите, я мог бы прочесть вам заголовки со всех карточек. Лагос сгруппировал их в четыре обширные категории: изучение Библии, шумерские исследования, нейролингвистические исследования и досье на Л. Боба Райфа.

— А если не вдаваться в такие детали… что было у Лагоса на уме? Чего он добивался?

— Я что, похож на психолога? — отвечает вопросом на вопрос Библиотекарь. — На такие вопросы я отвечать не могу.

— Давай попытаемся по-другому. Как все это связано, если связано, с темой вирусов?

— Взаимосвязи обширны и сложны. Для их обобщения потребуются такт и творческий подход. Будучи механическим существом, я не обладаю ни тем ни другим.

— Сколько всему этому лет? — Хиро указывает на три артефакта.

— Глиняный конверт — эпохи Шумера и датируется третьим тысячелетием до нашей эры. Его нашли в ходе археологических раскопок города Эриду на юге Ирака. Черная стела — кодекс Хаммурапи, датируемый приблизительно 1750 годом до нашей эры. Древоподобное сооружение — тотем культа Яхве из Палестины. Он называется «ашера» и датируется приблизительно 900 годом до нашей эры.

— Ты назвал эту плиту конвертом.

— Да. Внутри замурована меньшая глиняная табличка. Таким способом шумеры создавали защищенные документы.

— Надо думать, все эти предметы находятся в каком-то музее?

— Ашера и код Хаммурапи — в музеях. Глиняный конверт — в личной коллекции Л. Боба Райфа.

— По всей видимости, Л. Боб Райф питает большой интерес к Древнему Шумеру.

— В основанном им Библейском колледже Райфа самый богатый в мире факультет археологии. Они проводили раскопки в Эриду, который являлся культовым центром бога Энки.

— Как все это взаимосвязано?

Библиотекарь поднимает брови.

— Прошу прощения?

— Ну, давай попробуем методом исключения. Тебе известно почему Лагоса интересовали именно шумерские надписи а не, скажем, египетские или греческие?

— Египет был цивилизацией камня. Свое искусство и архитектуру они создавали в камне в надежде, что те сохранятся вечно. Но на камне нельзя писать. Поэтому они изобрели папирус и писали на нем. Однако папирус недолговечен. Поэтому хотя их искусство и архитектура дошли до наших дней, их письменные свидетельства — их данные — по большей части утеряны.

— А как насчет иероглифических надписей?

— Лагос называл их «стикерами». Коррумпированные политические речи. У египтян была прискорбная тенденция создавать надписи с восхвалениями своих военных побед еще до того, как состоялись сами битвы.

— А шумеры от них отличались?

— Шумер был цивилизацией глины. Из нее шумеры возводили свои здания, на ней же и писали. Статуи они отливали из гипса, который растворяется в воде. Поэтому здания и статуи давно уже разрушились под воздействием влажности. Тем не менее глиняные таблички запекали или закапывали в кувшинах. Поэтому все данные шумерской цивилизации сохранились. Египет оставил наследие в виде искусства и архитектуры, наследие Шумера — в его мегабайтах.

— И сколько этих мегабайт?

— Столько, сколько археологи дают себе труда раскопать. Шумеры писали на всем. Когда строилось здание, они покрывали клинописью каждый кирпич. Когда здание обрушивалось, разбросанные по пустыне кирпичи оставались. В Коране ангелы, посланные разрушить Содом и Гоморру, говорят: «Мы посланы к нечестивому народу, чтобы обрушить на них град глиняных камней, отмеченных Тобой, о Господь, для уничтожения грешных». Лагосу показалось интересным такое беспорядочное распространение информации на практически вечном носителе. Он говорил о спорах, разносимых ветром… полагаю, здесь имеет

место какая-то аналогия.

— Верно. Скажи мне, надпись на этом глиняном конверте переведена?

— Да. Это предостережение. Оно гласит: «Эта оболочка содержит нам-шуб Энки».

— Я уже знаю, что такое нам-шуб. Что такое нам-шуб Энки?

Уставившись в пустоту, Библиотекарь театрально откашливается:

> — В незапамятные времена не было скорпиона, не было змеи,
> не было гиены, не было льва,
> не было дикой собаки, не было волка,
> не было страха, не было ужаса,
> не было соперника человеку.
> В те времена земля Шубур-Хамази,
> дружноязычный Шумер, великая страна *ме*, титула царей царства,
> Ури, страна всего, что следует уместно,
> страна Марту, покоящаяся в мире,
> все окруженные заботой народы
> с речью обратились к Энлилю на одном языке.
> Тогда дерзкий властелин, царь непокорный,
> Энки, властелин изобилия, чьи приказания достойны веры, надежны,
> податель мудрости, озирающий страну,
> первый среди богов,
> властелин Эриду многомудрый,
> изменил речь в их устах, вложил в нее раздор,
> в речь человека, что был когда-то един.

Это перевод Кремера.

— Но это же история. Я думал, нам-шуб — заклинание.

— Нам-шуб Энки — одновременно и история, и заклинание, — отвечает Библиотекарь. — Самореализующееся художественное произведение. Лагос полагал, что в своей исходной форме, на которую только намекает перевод, оно производило то действие, какое описывает.

— Ты имеешь в виду, изменяло речь в устах людей?

— Да, — кивает Библиотекарь.

— Но ведь это же история Вавилонской башни, так? — говорит Хиро. — Все говорили на одном языке, а потом Энки изменил их наречия так, что они перестали понимать друг друга. Наверное, это и легло в основу библейской легенды о

Вавилонской башне.

— В данном помещении содержится ряд карточек, прослеживающих данную взаимосвязь, — соглашается Библиотекарь.

— Ранее ты уже упоминал, что все говорили на шумерском. А потом вдруг все его разом забыли. Он просто исчез, как динозавры. И нет данных о геноциде, что объяснило бы, как это произошло. Что укладывается в историю о Вавилонской башне и в историю с нам-шуб Энки. Лагос считал, что Вавилон на самом деле имел место?

— Он был в этом убежден. Его действительно тревожило огромное число существующих на земле языков. На его взгляд, их просто слишком много.

— Сколько?

— Десять тысяч. Во многих частях света можно встретить народы одной этнической группы, живущие в сходных условиях на расстоянии нескольких миль друг от друга и говорящих на языках, которые не имеют между собой ровным счетом ничего общего. И это не единичный случай, такое наблюдается повсеместно. Многие лингвисты пытались понять «эффект Вавилона», найти ответ на вопрос, почему человеческие языки имеют тенденцию к фрагментации, а не к конвергенции в общее наречие.

— На данный момент нашел кто-нибудь ответ?

— Вопрос глубокий и сложный, — говорит Библиотекарь. — У Лагоса была своя теория.

— Да?

— Он полагал, что такое историческое событие, как Вавилонское столпотворение, действительно имело место. Оно случилось в конкретном месте и в конкретное время и совпало с исчезновением шумерского языка. До Вавилона/Инфокалипсиса существовала тенденция к конвергенции языков. А после у языков появилась тенденция к дивергенции, к тому, чтобы становиться взаимно непонятными… эта тенденция, говоря его словами, сходна со змеей, обвившей ствол мозга человека.

— Единственное объяснение…

Хиро умолкает, не желая произносить этого вслух.

— Да? — подстегивает Библиотекарь.

— Феномен, который охватил население, изменяя разум людей таким образом, что они утратили способность воспринимать шумерский язык. Вроде вируса, который переходит с одного компьютера на другой, сходным образом повреждая каждую машину на своем пути. Обвивая спинной мозг.

— Лагос посвятил этой гипотезе много времени и сил, —

говорит Библиотекарь. — Он считал нам-шуб Энки нейролингвистическим вирусом.

— Так этот Энки был реальной исторической личностью?

— Возможно.

— И Энки создал этот вирус и распространил его по всему Шумеру с помощью подобных табличек?

— Да. Была обнаружена табличка, содержащая письмо к Энки, в которой писец жалуется на нечто подобное.

— Письмо Богу?

— Да. Оно написано Син-саму, писцом. Он начинает с восхваления Энки и заверения в преданности. Затем писец жалуется:

> Как молодой… (строка обрывается)
> Я скован в запястье.
>
> Как повозка на дороге, когда расщепилось дышло,
> Я, недвижим, стою на пути.
>
> Я лежу на постели, восклицая «О!» и «О нет!».
> Я издаю вопль.
>
> Мое тонкое тело растянулось шеей к земле.
> Ноги мои бездвижны.
>
> Мое… было унесено в землю.
> Тело мое изменилось.
>
> Ночью я не могу спать,
> сила моя ушла,
> жизнь из меня утекает.
>
> Ясный день потемнел для меня.
> Я скользнул в мою могилу.
>
> Я, писец, кому ведомо много вещей, глупцом стал.
>
> Рука моя писать перестала,
> И в устах моих нет слов.

После новых описаний своих бед писец заканчивает так:

> Мой Бог, тебя я страшусь.

Я написал тебе письмо.
Сжалься же надо мной.

Да обратится снова ко мне сердце бога моего.

29

В ожидании стрелки И. В. отрабатывает стиль на «Маминой стоянке» на 405-й. Если ее заметят на такой «Маминой стоянке», стыда не оберешься. Даже если у самой «Маминой стоянки» ее, скажем, переедет всеми восемнадцатью колесами фура, она все равно выползет на обочину трассы, на бровях заползет во «Вздремни и Кати», где полно сексуально озабоченных бомжей; уж лучше в этой дыре, чем под мамочкиным тентом. Но иногда, если ты профессионал и тебе выпало задание, которое тебе не по нутру, приходится брать себя в руки.

Для сегодняшнего задания мужик со стеклянным глазом уже снабдил ее, как он выразился, «водителем и охраной». Личность ей совершенно неизвестная. И. В. совсем не уверена, что ей хочется возиться с этим таинственным незнакомцем. В голове у нее уже возник портрет тренера по борьбе в старших классах. Ну просто блеск! Как бы то ни было, ей полагается ждать его здесь.

И. В. заказывает чашку кофе и кусок вишневого пирога со сливками. Все это она относит к общественному терминалу Метавселенной в дальнем углу кафе. Терминал дешевый, просто полукруглая кабинка из нержавеющей стали с раздвижной дверью, приютившаяся между телефонной будкой, в которой соловьем разливается заскучавший по дому дальнобойщик, и пинболом, где у красотки зажигаются огромные титьки, стоит вам загнать шарик в волшебные фаллопиевы трубы.

И. В. не слишком хорошо управляется в Метавселенной, но знает, где что, и у нее есть адрес. Отыскать адрес в Метавселенной не труднее, чем в Реальности, во всяком случае, если ты не умственно отсталый пешак.

Стоит ей выйти на Стрит, ошивающиеся там люди начинают бросать на нее странные взгляды. Такие же взгляды она встречает, когда в своем динамичном сине-оранжевом комбинезоне курьера шагает через камвольно-шерстяную пустыню «Корпоративного парка Уэстлейк». И. В. знает, что здесь на нее смотрят косо потому, что она только что вышла из дрянного общественного терминала. Она тут черно-белая личность второго сорта.

Справа грозовым фронтом громоздятся люминесцентные огни освоенной части Стрита. Повернувшись к Стриту спиной, она садится в вагонетку монорельса. Ей бы хотелось поболтаться в Центре, но посещения этой части Стрита обходятся дорого, и ей пришлось бы бросать монетки в щель по одной за каждую десятую миллисекунды.

Ее будущего «спутника» зовут Нг. В реальности он сейчас где-то в Южной Калифорнии. И. В. не знает наверняка, что у него за тачка; какой-то фургон, напичканный, как выразился мужик со стеклянным глазом, «невероятными штуками, о которых тебе знать не надо». В Метавселенной он живет в стороне от Центра около Порта Два, где плотно застроенные участки постепенно сменяются пустыней.

Дом Нг в Метавселенной представляет собой французскую колониальную виллу в довоенном поселке Май-То в дельте Меконга. Войти к нему — все равно что отправиться во Вьетнам этак 1955 года, вот только не так потеешь. Для того чтобы получить место под свой шедевр, Нг арендовал участок Метавселенной в нескольких милях в стороне от Стрита. Арендная плата тут низкая, поэтому монорельс на эти участки не ходит, и аватаре И. В. приходится весь путь проделать пешком.

У Нг просторный кабинет с французскими дверями и балконом, выходящими на бесконечные рисовые поля, где трудится множество низкорослых вьетнамцев. По всему видно, что этот тип — заядлый технарь, поскольку на рисовых чеках, по прикидкам И. В., возится несколько сот человек, плюс еще несколько дюжин снуют по поселку, и все они отлично прорисованы и заняты разными делами. У И. В. голова устроена не для битов и байтов, но и она понимает, что на создание такого реалистичного вида из окна своего кабинета малый потратил уйму компьютерного времени. А от того факта, что это Вьетнам, все становится извращенным и немного жутковатым. И. В. ждет не дождется, когда расскажет об этом месте Падали. Интересно, есть ли тут бомбежки, атаки на бреющем полете и залпы напалма. Это было бы самое оно.

Сам Нг, или, во всяком случае, его аватара, — низенький, очень франтоватый вьетнамец лет пятидесяти с прилизанными волосами. Одет в военный френч цвета хаки. Когда И. В. входит в его кабинет, он сидит, подавшись вперед в кресле, а гейша массирует ему плечи.

Гейша во Вьетнаме?

Дедушка И. В., который был там недолго, рассказывал, что во время войны японцы заняли Вьетнам и обходились с местными жителями с присущей им жестокостью, пока мы не сбросили на них ядерную бомбу и они не стали вдруг считать себя пацифистами. Вьетнамцы, как и большинство остальных азиатов, японцев ненавидят. И, по всей видимости, этот Нг торчит от самой идеи, что держит в своем доме гейшу для массажа.

И все равно все это очень странно по одной простой причине: гейша — всего лишь изображение в гоглах Нг и И. В. Изображение

массаж сделать не может. Тогда зачем трудиться?

Когда И. В. входит, Нг встает и кланяется. Вот как приветствуют друг друга махровые завсегдатаи Стрита. Им не нравятся рукопожатия, ведь тогда ничего не чувствуешь, к тому же это напоминает им, что на самом деле их тут нет.

— Ага, привет, — откликается И. В.

Нг снова садится, и гейша вновь принимается за массаж. Стол у Нг — антикварный шедевр французской работы, по дальнему краю столешницы выстроились в ряд небольшие телемониторы. Большую часть времени Нг наблюдает за мониторами, не отрывается от них, даже когда говорит.

— Мне кое-что о тебе рассказали, — говорит Нг.

— Не стоит верить грязным слухам, — отзывается И. В. Взяв со стола стакан, Нг отпивает содержимое, которое выглядит как вода с мятным сиропом. На стенках стакана собирается испарина, затем распадается на капли, которые, стекая, падают с донышка. Прорисовка настолько совершенная, что И. В. видны крохотные отражения окон кабинета в каждой капле сконденсировавшейся влаги. Это уже нарочито. Ну и компьютерный псих.

Нг смотрит на нее совершенно бесстрастно, но И. В. представляется, будто это лицо — маска ненависти и отвращения. Потратить столько денег на самый крутой дом в Метавселенной, чтобы в него потом заявился панк в зернистом черно-белом изображении. Наверное, настоящий удар под метафорический дых.

Где-то в доме мурлыкает радио: смесь салонной вьетнамской музыки с роком янки в инвалидной коляске.

— Ты гражданка «Новой Сицилии»? — спрашивает Нг.

— Нет. Я просто тусуюсь иногда с Дядюшкой Энцо и другими ребятами из мафии.

— А-а. Очень необычно.

Нг не из тех, кто спешит. Он вобрал в себя томный покой дельты Меконга и вполне готов сидеть, смотреть на свои телеэкраны и время от времени бросать фразу-другую раз в пять минут.

И еще одно: у него, по-видимому, синдром Туретта или еще какая беда с мозгами, потому что он все время издает ртом странные шумы. В этих шумах есть что-то звенящее, какое всегда слышишь в речи вьетнамцев, когда те в задних комнатах магазинов или на кухнях ресторанов поглощены семейной ссорой на родном языке, но И. В. решает, что это не настоящие слова, а просто аудиоэффекты.

— Ты много работаешь на этих ребят? — спрашивает И. В.

— Разовые контракты, связанные с безопасностью. В отличие

от большинства крупных корпораций, мафия придерживается жесткой традиции самой заботиться о своей безопасности. Но когда требуется что-нибудь особенное, высокотехничное…

Он замирает на середине фразы и издает носом невероятное жужжание.

— Так это твоя работа? Обеспечение безопасности?

Нг бегло осматривает все мониторы. Потом щелкает пальцами, и гейша семенит прочь из комнаты. Сложив перед собой руки на столе, Нг подается вперед.

— Да, — отвечает он, не спуская глаз с И. В.

И. В. в ответ смотрит ему прямо в глаза, ожидая продолжения. Несколько секунд спустя его взгляд вновь скользит к мониторам.

— Большую часть моей работы я делаю по контракту для мистера Ли, — выпаливает он.

И. В. ждет продолжения этой фразы, ведь правильно говорить не «мистер Ли», а «Великий Гонконг мистера Ли».

А, ладно. Если она может обронить имя Дядюшки Энцо, он может подбросить «мистера Ли».

— Социальная структура любого национального государства в конечном счете определяется тем, какие меры оно принимает по обеспечению собственной безопасности, — говорит Нг. — И мистер Ли это понимает.

Ну надо же, какие мы теперь глубокомысленные. Нг вдруг заговорил как белые старики в телеговорильнях, куда зовут только больших умников и которые мама И. В. смотрит как одержимая.

— Вместо того чтобы нанимать значительный контингент охранников-людей, что оказывает воздействие на социальный климат — как ты понимаешь, речь идет о большом числе низкооплачиваемых наемников, расхаживающих с автоматами, — мистер Ли предпочитает задействовать нечеловеческие системы.

Нечеловеческие системы. И. В. собирается было спросить, что он знает о Крысопсах, но одергивает себя: он все равно не скажет. Из-за этого отношения их будут испорчены еще до начала задания. И. В. ведь пытается выспросить у Нг инфу, которую тот никогда ей не выдаст, а от этого вся нынешняя сцена станет еще более странной, чего И. В. не может даже себе представить.

Нг издает долгую череду звенящих шумов вперемежку со щелчками и губными взрывами.

— Сука чертова, — бормочет он.

— Прошу прощения?

— Я не тебе, — бросает он, — меня подрезала малолитражка. Никто не понимает, что я могу передавить их, как

бронетранспортер толстопузых свиней.

— Малолитражка… Ты что, за рулем?

— Да. Я ведь за тобой еду, или забыла?

— Можно посмотрю?

— Да, — вздыхает он, словно на самом деле он сильно против.

Встав, И. В. обходит стол, чтобы посмотреть.

На каждом маленьком мониторе — иной вид из фургона: через лобовое стекло, из правого окна, через заднее стекло. Еще на одном — электронная карта с указанием местоположения фургона: едет в сторону Сан-Бернардино, уже совсем близко.

— Фургон слушает голосовые команды, — объясняет Нг. — Я снял интерфейс руль-педали, поскольку голосовые команды мне кажутся более удобными. Вот почему я иногда издаю непривычные звуки — так я контролирую системы транспорта.

И. В. отключается от Метавселенной, чтобы проветрить голову и пойти отлить. Снимая гоглы, она обнаруживает, что вокруг нее собралась немалая аудитория из механиков и дальнобойщиков, которые, выстроившись полукругом перед кабинкой, слушают ее одностороннюю болтовню с Нг. Когда она встает, их внимание, разумеется, переключается на ее зад.

Облегчившись в туалете, И. В. доедает пирог и выходит на ультрафиолетовый слепящий свет заходящего солнца дожидаться Нг.

Узнать фургон нетрудно. Он громадный. Этот грузовик восьми футов в высоту и еще больше в ширину превышает дорожные нормы по закону тех времен, когда еще имелись законы. Угловатый приземистый кузов сварен из листов ребристой стали, которую обычно пускают на крышки канализационных люков и ступени пожарных лестниц. Колеса огромные, как у трактора, но с более тонким рисунком протекторов, а самих колес шесть: два моста сзади и один спереди. Мотор — огромный, как у вражеского звездолета из кино, а дизельные выхлопы вырываются из двух коротких вертикальных труб, торчащих из крыши в хвосте фургона. Лобовое стекло — совершенно плоский стеклянный прямоугольник три на восемь футов, затемненный настолько, что И. В. не может различить внутри даже силуэт. Морда фургона щетинится всеми известными науке осветительными устройствами, будто этот тип воскресным вечером украл все гирлянды из франшизы «Новой ЮАР». Решетка по переду сварена рельсом, стыренным с какой-то заброшенной узкоколейки. Одна решетка весит, наверное, больше целой малолитражки.

Распахивается боковая дверь.

И. В. забирается на переднее сиденье.

— Привет, — начинает она. — Тебе не надо размять ноги или еще что?

Нг в кабине нет.

Или, может быть, есть.

На месте водительского сиденья — неопреновый кокон размером с мусорный бак. Кокон свисает с потолка в паутине ремней, амортизационных шнуров, трубок, проводов, оптоволоконных кабелей и гидропроводов. Вокруг него наворочено столько оборудования, что трудно разглядеть силуэт самого кокона.

На верхушке кокона И. В. видит кусочек кожи с прилипшими к нему черными волосами — лысеющая мужская макушка. Все остальное, вниз от висков, скрыто, как броней, гигантским модулем, состоящим из гоглов/маски/наушников/ питательных трубок. И все это держится на программируемых эластичных ремнях, которые постоянно то затягиваются, то распускаются, чтобы удерживать в удобном и надежном положении всю конструкцию.

Ниже по обеим сторонам, где положено находиться рукам, из пола змеятся огромные косицы проводов, оптоволокна и трубок, которые, похоже, заканчиваются под мышками у Нг. Такие же косицы тянутся туда, где полагается начинаться ногам, новые трубки входят Нг в пах, и еще с десяток отводов внутривенного вливания подсоединены в разных местах на торсе. Кибер-монстр облачен в комбинезон-кокон, более объемный, чем полагается быть человеческому телу, и постоянно надувающийся и пульсирующий, будто живущий собственной жизнью.

— Спасибо, все мои потребности удовлетворены, — отвечает Нг.

Дверь возле И. В. захлопывается. Нг издает звонкий лай, и фургон выруливает на подъездную дорожку через палисадник, возвращаясь на 405-ю.

— Прошу прощения за мой вид, — через несколько минут неловкого молчания говорит Нг. — Во время эвакуации Сайгона в семьдесят четвертом мой вертолет загорелся. Случайная трассирующая пуля с земли.

— Ого! Вот не повезло.

— Мне удалось дотянуть до американского авианосца у побережья, но, сама понимаешь, во время пожара топливо летело во все стороны.

— Н-да, могу себе представить, ух.

— Некоторое время я пытался обходиться протезами — кое-какие очень даже ничего. Но не настолько хороши, как

моторизованное инвалидное кресло. А потом я подумал: почему это инвалидные кресла — всегда крохотные и маломощные машинки, которые и на самый пологий пандус карабкаются с трудом. Поэтому я купил немецкую пожарную машину для аэропортов и переоборудовал ее в моторизованную инвалидную коляску собственной модели.

— Недурно получилось.

— Америка — чудесное место, ведь тут можно получить что угодно, не выходя из автомобиля. Замена масла, алкоголь, банковские услуги, мойка машин, похороны, все что хочешь — только заезжай! И эта машина намного лучше жалкой инвалидной коляски. Она продолжение моего тела.

— Когда гейша растирает тебе спину?

Нг что-то бормочет, и кокон начинает пульсировать и волнами колебаться вокруг его тела.

— Она, разумеется, демон. А что до массажа, мое тело погружено в электропроводный гель, который и делает мне по необходимости массаж. У меня также есть юная шведка и зрелая африканка, но у этих демонов анимация похуже.

— А вода с мятным ликером?

— Подается по трубке питания. Без алкоголя, ха-ха.

— Ну, — говорит в какой-то момент И. В., когда они давно уже проехали ЛАКС и она решила, что трусить уже слишком поздно, — и какой у нас план? У нас есть план?

— Мы едем на Лонг-Бич. В «Убыточную Зону» на Терминал-Айленде. Там мы покупаем наркотики. Или, если уж на то пошло, ты покупаешь, поскольку я недееспособен.

— И это мое задание? Купить наркотики?

— Купить их, а потом подбросить в воздух.

— В «Убыточной Зоне»?

— Да. Об остальном мы позаботимся.

— Кто это «мы», приятель?

— Есть еще несколько… э-э-э… существ, которые нам помогут.

— Что, задние помещения фургона полны… таких, как ты?

— Вроде того, — отвечает Нг. — Ты почти угадала.

— И это будут, как ты выразился, нечеловеческие системы.

— Думаю, это достаточно емкий термин.

И. В. решает, что это большое крутое «да».

— Ты устал? Хочешь, я поведу?

Нг раскатисто смеется (похоже на отдаленную канонаду зениток), и фургон заносит так, что он едва не съезжает с трассы. И. В. кажется, что Нг смеется вовсе не над шуткой, он смеется над тем, что за дуреха эта И. В.

30

— О'кей, в прошлый раз мы говорили о глиняном конверте с табличкой внутри. А это что такое? Вот это, похожее на дерево? — Хиро указывает на один из артефактов.

— Тотем богини Ашеры, она же Иштар.

— Ага, теперь мы к чему-то пришли, — говорит Хиро. — Лагос сказал, что «Брэнди» из «Черного Солнца» — культовая проститутка Ашеры. Кто такая эта Ашера?

— Она была супругой Эль, известного также как Яхве, — говорит Библиотекарь. — Она известна и под другими именами, ее самый распространенный эпитет — Элат. Греки знали ее как Диону или Рею. Ханааняне — как Таннит или Хавву, что соответствует библейской Еве.

— Еве?

— Кросс предлагает следующую этимологию имени «Таннит»: форма женского рода от слова «таннин», что означает «Дщерь змеи». Далее, в бронзовом веке у Ашеры имелся еще один эпитет «дат батни», также «дщерь змеи». Шумеры знали ее как Нинту или Нинхурсаг. Ее символ — кадуцей, змея, обвивающая дерево или жезл.

— Кто поклонялся Ашере? Насколько я понимаю, множество людей?

— Все, кто жил на территории от Испании до Индии начиная со второго тысячелетия до нашей эры до возникновения христианства. Исключение составляют иудеи, которые поклонялись ей только до религиозных реформ Езекии и позднее Исайи.

— Я думал, иудеи были монотеистами. Как они могли поклоняться Ашере?

— Они были монолатристы, иными словами, они поклонялись одному богу, но не отрицали существования других богов. Но поклоняться им полагалось, собственно говоря, только Яхве. Ашеру почитали как супругу Яхве.

— Что-то я не помню, чтобы в Библии говорилось, что у бога была жена.

— Библии на тот момент еще не существовало. Иудаизм представлял собой совокупность не связанных между собой культов Яхве, причем у каждого были свои места поклонений и свои ритуалы. Легенды об Исходе еще не были кодифицированы в священных книгах, а более поздние части Библии просто еще не появились.

— Кто решил вымарать Ашеру из иудаизма?

— Школа Второзакония. Так принято называть группу людей, написавших «Второзаконие», а также «Книгу Иисуса Навина», «Книгу Судей» и «Книги Царств».

— И что же это были за люди?

— Националисты. Монархисты. Централисты. Предшественники фарисеев. В то время ассирийский царь Саргон II завоевал Самарию, северный Израиль, и вынудил иудеев мигрировать на юг к Иерусалиму. Иерусалим значительно разросся, и иудеи начали завоевывать территории к западу, востоку и югу от него. Это было время острого национализма и подъема патриотизма. Школа Второзакония воплотила эти настроения в писании, переписав и реорганизовав древние легенды.

— Как именно их переписали?

— Моисей и иже с ним полагали, что границей Израиля служит река Иордан, а дейтерономисты, школа Второзакония, считали, что Израиль включает в себя и долину реки Иордан, тем самым оправдывая агрессию на восток. Есть немало и других примеров: в праве до Второзакония ничего не сказано о царе. Законоуложение, зафиксированное школой Второзакония, отражает монархическую систему. Право до Второзакония касалось преимущественно вопросов религии, в то время как в центре права дейтерономистов — воспитание царя и его народа, иными словами, мирские проблемы. Второзаконники настояли на централизации религии в Иерусалимском храме, уничтожив окраинные культовые центры. И есть еще один момент, который показался Лагосу важным.

— А именно?

— «Второзаконие» — единственная книга «Пятикнижия», где упоминается, что зафиксированная письменно Тора воплощает божественную волю: «Но когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов. И пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии; чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля». Второзаконие, семнадцать, восемнадцать тире двадцать.

— Итак, второзаконники кодифицировали религию. Превратили ее в организованный самовозобновляющийся и самораспространяющийся организм, — говорит Хиро. — На язык просится слово «вирус». Но исходя из того, что ты только что

процитировал, Тора и есть вирус, который использует человеческий мозг как жесткий диск. Жесткий диск, иными словами, человек, создает ее копии. И все новые люди приходят в синагоги и читают Тору.

— Не могу обработать аналогию. Но то, что вы говорите, отчасти верно. После того как второзаконники реформировали иудаизм, иудеи перестали приносить жертвы, а вместо этого стали посещать синагоги, где читали Книгу. Не будь второзаконников, монотеисты всего мира и по сей день приносили бы в жертву животных, а их верования распространялись бы изустно.

— Колоться одной иглой, — говорит Хиро. — Когда вы обсуждали все это с Лагосом, он ничего не говорил о том, что Библия — это вирус?

— Нет, но он отметил, что хотя у нее есть с вирусом ряд общих черт, кое в чем она серьезно от него отличается. Он считал ее доброкачественным вирусом. Вроде тех, какие применяют при вакцинации. Вирус Ашеры он считал более пагубным, способным распространяться через выделения человеческого тела.

— Выходит, религия второзаконников, требовавшая жесткого следования Книге, сделала иудеям прививку против вируса Ашеры.

— Да, в сочетании со строгой моногамией и прочими кошерными практиками, — говорит Библиотекарь. — Предшествующие религии, от шумерской до Второзакония, известны как прерациональные. Иудаизм являлся первой рациональной религией. И как таковой, на взгляд Лагоса, был менее подвержен заражению вирусами, поскольку основывался на фиксированных, письменных данных. В основе почитания Торы и предельной точности при изготовлении ее нового списка лежала информационная гигиена.

— А мы в какое время живем? В пострациональную эру?

— Хуанита высказала подобное мнение.

— К гадалке не ходи. И вообще, я как будто начинаю ее понимать.

— О!

— До того я никак не мог в ней разобраться.

— Понимаю.

— Думаю, если мне удастся провести с тобой достаточно времени, чтобы понять, что у нее на уме… ну тогда может случится чудо.

— Попытаюсь быть всемерно полезен.

— Ну, за дело… Похоже, Ашера была носительницей вирусной инфекции. Второзакониики каким-то образом это

поняли и изничтожили ее, блокировав все векторы, по которым она могла бы распространяться.

— К вопросу о вирусных инфекциях, — говорит Библиотекарь, — позвольте мне указать на возможную перекрестную ссылку. Моя программа предполагает, что в подходящий момент я буду их делать. Вероятно, вам стоит вспомнить герпес симплекс, вирус, раз и навсегда внедряющийся в нервную систему. Он способен привносить новые гены в уже существующие нейроны и изменять их генетическую структуру. С такой целью данный вирус используют в современных генетических исследованиях. Лагос полагал, что герпес симплекс может быть современным доброкачественным потомком Ашеры.

— Не всегда доброкачественным, — возразил Хиро, вспомнив, как один его друг умер от осложнений, связанных со СПИДом; перед смертью лезии герпеса распространились по губам, рту и глотке до самой гортани. — Он доброкачественный только потому, что у нас к нему иммунитет.

— Да, сэр.

— Выходит, Лагос считал, что вирус Ашеры на самом деле изменял ДНК клеток мозга?

— Да. Это легло в основу его теории о том, что вирус был в состоянии трансмутировать из биологически наследуемой спирали ДНК в поведенческие модели.

— Какие поведенческие модели? Как выглядело поклонение Ашере? Они приносили жертвы?

— Нет. Но существуют свидетельства о культовых проститутках как женского, так и мужского пола.

— Это действительно то, что я думаю? Служители религии, обретающиеся у храмов и готовые трахать всех приходящих?

— Более или менее.

— Вот оно. Отличный способ распространять вирус. Теперь давай вернемся к более раннему ответвлению разговора.

— Как пожелаете. Я способен справляться с гнездовыми ответвлениями почти бесконечной сложности.

— Ты говорил о связи между Ашерой и Евой.

— Ева, чье библейское имя звучит как Хавва — иудаистская интерпретация более древнего мифа. Хавва была офидианской богиней-матерью.

— Офидианской?

— Связанной со змеями. Ашера — также офидианская богиня-мать. И обе связаны еще и с деревьями.

— Насколько мне помнится, Еве вменяют в вину то, что она вынудила Адама отведать запретного плода с древа познания добра и зла. Иными словами, это не просто плод — это данные!

— Как скажете, сэр.

— Интересно, были ли вирусы с нами всегда? Подразумевается, что они испокон веков бродили по земле. Но возможно, это неправда. Может быть, в истории существовал некий период, когда их попросту не было или они встречались крайне редко. А потом в один прекрасный день появился метавирус, и число различных вирусов возросло экспоненциально, поэтому люди начали болеть самыми разными болезнями. Это, возможно, объясняет тот факт, что во всех культурах существует миф о Рае и об изгнании из Рая.

— Возможно.

— Ты говорил, что ессеи считали паразитов демонами. Знай они, что такое вирус, наверное, причислили бы к демонам и его. А позавчера вечером Лагос сказал, что у шумеров не существовало представления о добре и зле как таковых.

— Верно. Согласно Кремеру и Мейерсу, есть добрые демоны и есть дурные демоны. «Добрые демоны приносят эмоциональное и физическое здоровье. Дурные демоны приносят потерю ориентации и целый ряд физических и эмоциональных недугов… Но эти демоны почти неотличимы от заболеваний, которые они персонифицируют… Во многих случаях речь идет, говоря современным языком, о заболеваниях психосоматического характера».

— То же самое сказали врачи и о Да5иде: дескать, его заболевание, наверное, психосоматическое.

— О Да5иде мне не известно ничего, кроме сравнительно тривиальных статистических данных.

— Создается такое впечатление, будто «добро» и «зло» изобрел автор легенды об Адаме и Еве, чтобы объяснить, почему люди заболевают, откуда у них берутся вирусы тела и духа. Значит, когда Ева — или Ашера — вынудила Адама съесть плод с древа познания добра и зла, она привнесла в мир концепцию добра и зла, привнесла метавирус, порождающий вирусы.

— Может быть.

— Тогда мой следующий вопрос таков: кто написал легенду об Адаме и Еве?

— Это предмет множества научных дискуссий.

— А что по этому поводу думал Лагос? Или точнее, что думала Хуанита?

— Радикальная интерпретация Николасом Уайяттом истории Адама и Евы предполагает, что она была написана второзаконниками как политическая аллегория.

— Я думал, они написали более поздние книги, а не Книгу Бытия.

— Верно. Но они также приняли участие в компиляции и редактировании более ранних книг. Многие годы считалось, что Книга Бытия была написана приблизительно в 900 году до нашей эры или даже раньше, иными словами, задолго до возникновения школы Второзакония. Но недавний анализ лексики и содержания текстов позволяет предположить, что значительная часть редактуры, включая, возможно, и авторские вставки, была предпринята во время вавилонского пленения, когда в иудейском обществе господствовали идеи второзаконников.

— Выходит, они переписали старый миф об Адаме и Еве.

— По всей видимости, у них была для этого удобная возможность. Согласно интерпретации Хвиберга и позднее Уайятта, Адам в своем саду — иносказательное обозначение царя в его святилище, а точнее, царя Осии, который правил восточным царством до его завоевания Саргоном II в 772 году до нашей эры.

— Об этом завоевании ты уже говорил. Это оно вытеснило второзаконников на юг к Иерусалиму.

— Вот именно. Далее, «Рай», слово, которое можно понимать как просто иудейское «наслаждение», обозначает счастливое состояние, в котором пребывал царь до завоевания. Изгнание из Рая в неплодные земли на востоке — иносказательное обозначение массовой депортации израилитов в Ассирию, последовавшей за победой Саргона II. Согласно этой интерпретации, царь был совращен с пути праведности культом Эль и связанным с ним поклонением Ашере, которая обычно ассоциируется со змеями и чьим символом выступает дерево.

— И эта связь с Ашерой каким-то образом привела к поражению и завоеванию его страны, поэтому, достигнув Иерусалима, второзаконники переиначили всю историю Адама и Евы, превратив ее в предупреждение вождям южных царств.

— Да.

— И потому что их никто не слушал, они, возможно, в процессе переписывания изобрели — как приманку — концепцию добра и зла.

— Приманку?

— Профессиональный сленг. А что случилось потом? Саргон II попытался завоевать и южное царство?

— Попытался его наследник Сеннахирим. Царь Езекия, правивший южным царством, лихорадочно готовился к нападению: значительно модернизировал укрепления Иерусалима, улучшил подачу в него питьевой воды. Он также ответственен за серию религиозных реформ, чреватых серьезными последствиями, которые он предпринял под руководством второзаконников.

— И что получилось?

— Силы Сеннахирима окружили Иерусалим. «И случилось в ту ночь: пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот, все тела мертвые. И отправился, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский, и жил в Ниневии». Четвертая Книга Царств, девятнадцать, тридцать пять тире тридцать шесть.

— Кто бы сомневался, что он ушел! Давай-ка разберемся: второзаконники руками Езекии ввели в Иерусалиме строжайшую информационную гигиену, а также провели кое-какие строительные работы. Ты говорил, они работали над водоснабжением?

— «И собралось множество народа, и засыпали все источники и поток, протекавший по стране, говоря: да не найдут цари Ассирийские, придя сюда, много воды». Вторая книга Паралипоменон, тридцать два, четыре. Затем иудеи прорыли в скале туннель длиной тысячу семьсот футов, чтобы по нему носить воду в город.

— И стоило солдатам Сеннахирима появиться под стенами Иерусалима, они все разом пали замертво, пораженные тем, что можно понимать только как исключительно вирулентное заболевание, к которому у жителей Иерусалима, по всей видимости, был иммунитет. Гм, странно. Интересно, что попало в их воду?

31

И. В. редко выпадает доставлять посылки на Лонг-Бич, но когда все же приходится, она делает все, чтобы избежать «Убыточной Зоны». Эта заброшенная верфь размером с провинциальный городок далеко выпирает в залив Сан-Педро, а вокруг на окаймленные пеной пляжи выходят старые, захудалые ЖЭКи, в пойме реки Л.А. — самостийные ЖЭКи, где дома крыты асбестом, а улицы патрулируют коричневые, как жуки, камбоджийцы с помповыми обрезами. Большая часть «Зоны» лежит в названном Терминал-Айленде, самом последнем клочке суши, выпирающем в залив. Доска И. В. по воде бегать не умеет, а это значит, туда или обратно она может попасть по единственному подъездному пути.

Как и все «Убыточные Зоны», эта окружена забором, к которому через каждые несколько ярдов привязаны желтые металлические таблички:

УБЫТОЧНАЯ ЗОНА

ОСТОРОЖНО. Служба Национального Парка объявила эту область Национальной Убыточной Зоной. Программа «Убыточные Зоны» была разработана для того, чтобы содержать земельные участки, затраты на очистку которых превышают их будущую экономическую стоимость.

Все заборы вокруг «Убыточных Зон» одинаковы; вот и в этом полно дыр, а местами он попросту выломан. Надо же молодым людям, накачавшимся естественными и искусственными мужскими гормонами до потери сознания, где-то проводить идиотские ритуалы инициации. На своих четырехприводных грузовиках они являются сюда изо всех ЖЭКов в округе, несутся по открытому пространству, оставляя глубокие пропилы в глине, которую залили в самые опасные участки, чтобы помешать нанесенному ветром асбесту пыльной бурей обрушиться на Динсейленд.

И. В. приятно сознавать, что этим мальчикам и во сне не снились вездеходы вроде моторизованной инвалидной коляски Нг. А Нг, не снижая скорости, сворачивает с мощеной Дороги — начинает немного трясти, — врезается в забор, словно в стену

тумана, и, проходя, валит стофутовую секцию.

Ночь ясная, поэтому «Убыточная Зона» блестит точно огромный ковер битого стекла и обломков асбеста. В сотне футов в стороне чайки разрывают живот дохлой немецкой овчарке, лежащей на спине. Земля здесь непрерывно перекатывается ухабами, и потому битое стекло вспыхивает и подмигивает, причина этого — многочисленные миграции крыс. Глубокие, спроектированные компьютером отпечатки ребристых протекторов, сделанные колесами мальчиков с зажиточных окраин, оставили в глине гигантские руны, похожие на мистические фигуры в Перу, о которых маме И. В. рассказывали в «Храме Нового Водолея». В окно И. В. видит беспорядочные вспышки — то ли шутихи, то ли автоматные очереди.

А еще она слышит, как Нг издает ртом новые, еще более странные звуки.

В фургоне имеется встроенная система динамиков — стерео, пусть Нг и далек от того, чтобы слушать музыку. И. В. чувствует, как включается система: динамики начинают шипеть, гоня по кабине воздух.

Фургон ползет по «Зоне».

Неслышное шипение перерастает в низкое электронное гудение. Гудение неровное, оно становится то громче, то тише, но все же остается низким, как тогда, когда Падаль валяет дурака на своей электрической бас-гитаре. Нг то и дело меняет направление движения, словно что-то ищет, и И. В. чувствует, как гудение становится пронзительнее и выше.

Нет, оно определенно забирается вверх, собираясь перерасти в визг. Нг рявкает команду, и громкость падает. Теперь он едет совсем медленно.

— Возможно, тебе и не придется покупать «Лавину», — бормочет он. — Мы, кажется, нашли незащищенный тайник.

— Что это за истошный визг?

— Биоэлектронный сенсор. Мембраны, выращенные из человеческих клеток. Я хочу сказать, в лаборатории выращенные. Одна сторона подвергается воздействию воздуха, другая чистая. Когда через мембрану проникает чужеродное вещество и оказывается на чистой стороне, его засекают. Чем более чужеродны проходящие молекулы, тем выше звук.

— Как счетчик Гейгера?

— Очень похоже на счетчик Гейгера для проникающих в клетки соединений.

«Каких, например?» — хочется спросить И. В. Но она воздерживается.

Нг останавливает фургон. Зажигает какие-то фары — очень

тусклые. Ну надо же, какой дотошный тип: мало того, что у него тут и яркие фары, и фары дальнего света, так он поставил еще и тусклые.

Фургон стоит на краю оврага у подножия мусорной горы, присыпанной пустыми пивными банками. На самом дне оврага темнеет кострище, к которому сходится множество следов протекторов.

— Вот как, неплохо, неплохо, — бормочет Нг. — Место, куда молодежь приезжает употреблять наркотики.

От такой банальности И. В. только закатывает глаза. Сдается, это он пишет памфлеты против наркотиков, какими заваливают учеников школы.

Как будто эти жуткие трубки не накачивают его миллионом галлонов наркотиков каждую секунду.

— Никаких признаков мин-ловушек, — говорит тем временем Нг. — Почему бы тебе не пойти посмотреть, какие вторичные признаки приема наркотиков там встречаются?

И. В. не верит своим ушам.

— На спинке сиденья за тобой висит противогаз, — продолжает Нг.

— И что там такого, о мудрый токсикоман?

— Асбест, отходы кораблестроения. Морские антикоррозийные краски, в которых полно тяжелых металлов. Полихлорвинилы пихали во все подряд.

— Кайф.

— Я понимаю, что тебе не хочется туда идти. Но если мы сможем получить образец «Лавины» с места употребления наркотиков, остальные пункты плана попросту отпадут.

— Ну, раз ты так говоришь, — отвечает И. В., доставая противогаз.

Это огроменная конструкция из прорезиненной ткани закрывает ей всю голову и спускается на плечи. Поначалу штука кажется тяжелой и неудобной, но тот, кто ее спроектировал, правильно все понимал: вес распределен как надо. К противогазу прилагается пара тяжелых рукавиц, которые И. В. тоже натягивает. Вот только они ей слишком велики. Как будто заправилам на фабрике и в голову не пришло, что женщина тоже может носить рабочие рукавицы.

И. В. спрыгивает на стеклянно-асбестовую поверхность «Зоны» с тайной надеждой, что Нг не захлопнет за ней дверь и не уедет, оставив ее здесь.

Как ни странно, ей даже хочется, чтобы он так поступил. Крутое вышло бы приключение.

Ладно, вот она идет к самой середине «места употребления

наркотика». Ничего удивительно, что там она видит целую кучу одноразовых шприцев. А также несколько крохотных пустых пузырьков. Подобрав пару штук, она читает ярлычки.

— Что ты нашла? — спрашивает Нг, когда она, вновь забравшись в фургон, стаскивает противогаз.

— Иглы. В основном «гипонарки». Но еще несколько «Ультра ламинаров» и парочку «Москитов двадцать пять».

— Что все это значит?

— «Гипонарки» можно купить в любой «Купи и Кати», их еще называют ржавыми гвоздями, такие они дешевые и тупые. Считается, что этими иглами пользуются только негры-бомжи, больные диабетом и джанки. «Ультраламинары» и «москиты» — последний писк, водятся только в фешенебельных ЖЭКах. Колоться ими не так больно, и дизайн у них лучше. Сам знаешь: «эргономические плунжеры, модные цветовые гаммы».

— Какой наркотик они себе вводили?

— Сам посмотри.

И. В. протягивает Нг пузырек.

Тут ей приходит в голову, что он не может повернуть голову.

— Как мне его держать, чтобы ты его увидел? — спрашивает она.

Нг высвистывает короткую мелодию. С потолка фургона разворачивается рука-робот и ловко выхватывает пузырек из ее пальцев, а потом широким жестом подводит к вмонтированному в приборную доску монитору.

На отпечатанной на машинке этикетке значится «Тестостерон».

— Н-да, — произносит задумчиво Нг, — ложная тревога. Внезапно сорвавшись с места, фургон несется к самому центру «Убыточной Зоны».

— Может, скажешь, что тут происходит? — спрашивает И. В. — Ведь в этой операции всю работу выполняю я.

— Стенки клеток, — объясняет Нг. — Детектор выискивает все, что проникает сквозь стенки клеток. Поэтому вполне естественно, он среагировал на источник тестостерона. Ложный след. Забавно. Видишь ли, наши биохимики живут в башне из слоновой кости, им даже в голову не приходит, что есть люди, у которых настолько съехала крыша, что они употребляют гормоны как наркотик. Что за психи!

И. В. улыбается про себя. Смешно подумать: мы живем в мире, где такой чудик, как Нг, называет с прибабахом кого-то еще.

— Что ты ищешь?

— «Лавину», — говорит Нг. — А нашли мы «Кольцо

Семнадцать».

— «Лавина» — наркотик, который распространяют в маленьких пузырьках. Это я знаю. А что такое «Кольцо Семнадцать»? Рок-группа из тех, что сегодня слушают малолетки?

— «Лавина» проникает сквозь стенки клеток мозга в самое ядро, где хранится ДНК. Поэтому в целях настоящей миссии мы разработали детектор, который позволяет нам находить в воздухе соединения, способные проникать в клетки. Но мы не учли того, что повсюду будут разбросаны пузырьки из-под тестостерона. Все стероиды, иными словами, искусственные гормоны, имеют общую базовую структуру, кольцо из семнадцати атомов, которое действует как магнитный ключ, позволяя им проходить сквозь стенки клеток. Вот почему стероиды, оказавшись в человеческом теле, оказывают настолько мощное действие. Проникнув в ядро клетки, они, по сути, изменяют то, как она функционирует.

Короче говоря, наш детектор бесполезен. Тайный подход не сработал. Поэтому придется вернуться к исходному плану. Ты покупаешь «Лавину» и подбрасываешь ее в воздух.

Последний пункт И. В. все еще не понимает. Но на время затыкается, так как, по ее мнению, Нг нужно побольше внимания обращать на дорогу, точнее, на ее отсутствие.

Как только они выбираются из жутковатой полосы асбеста, «Убыточная Зона» превращается в заброшенную пустошь, усеянную кустиками бурых сорняков и огромными остовами неведомых механизмов. Между ними иногда высятся кучи какого-то дерьма: угля, шлака, кокса, окалины или еще чего.

Всякий раз, когда они поворачивают за очередного стального монстра, перед ними появляется небольшой огородик, на котором горбатятся азиаты или латиносы. У И. В. создается такое впечатление, будто Нг хочется всех их просто передавить, но всякий раз в последний момент он одумывается и резко их объезжает.

На широкой плоской площадке несколько испаноговорящих чернокожих играют в бейсбол, вместо бит у них круглые крышки пятидесятипятигаллоновых бочек. Поставив вокруг полдюжины асфальтоукладчиков, они врубили фары, чтобы осветить себе «поле». Над раздолбанным трейлером, переоборудованным под бар, красуется вывеска «УБЫТОЧНАЯ ЗОНА». На кладбище ржавых железнодорожных рельсов застряла череда миниванов, между колес разросся нопал. В одном миниване устроили франшизу «Жемчужных врат преподобного Уэйна», и евангелисты из Центральной Америки уже выстроились в очередь за покаянием и иноязычат себе под неоновым Элвисом. «Храмов Нового Водолея» в «Убыточной Зоне» нет.

— Складской сектор не так загрязнен, как свалка, где мы только что были, — подбадривает ее Нг. — Поэтому нет ничего страшного в том, что ты не сможешь надеть здесь противогаз. В крайнем случае почувствуешь испарения «Холодка».

И. В. с удивлением осмысляет этот новый феномен: Нг называет на сленге психотропный препарат, продаваемый по рецептам.

— Ты имеешь в виду фреон? — переспрашивает она.

— Да. Человек, деятельность которого мы расследуем, горизонтально диверсифицирован. Иными словами, он распространяет целый ряд различных веществ. Но начинал он с фреона. Он крупнейший оптово-розничный торговец на всем Западном Побережье.

Наконец И. В. въезжает: фургон Нг снабжен кондиционером. Не каким-нибудь дерьмовым кондиционерчиком, не разрушающим озоновый слой, а металлическим, высокомощным, пробирающим до костей вьюгодувом «Стылый воздух». Фреон он жрет в просто немыслимых количествах.

Из соображений практичности этот кондиционер — часть тела Нг. И. В. разъезжает с единственным в мире фреоновым наркашом.

— Ты себе покупаешь «Холодок» у этого типа?

— Покупал до сего дня. Но по выполнении настоящего задания в будущем у меня будет другой поставщик.

Другой поставщик. Ну, ясно — мафия.

Они подъезжают к береговой линии. Параллельными рядами здесь спускается к воде десяток длинных и узких одноэтажных складов. С этой стороны к ним ведет единственное подъездное шоссе. Между постройками петляют дорожки поменьше, подходя к самой воде, где когда-то были пирсы. Время от времени попадаются ржавеющие тягачи на гусеничном ходу.

Съехав с подъездного шоссе, Нг заводит фургон в небольшой закоулок, отчасти скрытый старым кирпичным зданием электростанции и штабелем проржавевших контейнеров. А потом разворачивает фургон так, чтобы он стоял носом наружу, будто думает, что выбираться отсюда придется в спешке.

— Деньги в ячейке хранения перед тобой, — говорит Нг. Открыв бардачок, как назвали бы его все прочие люди на свете, И. В. обнаруживает толстую пачку потрепанных и грязных банкнот в миллиард долларов каждая. Миллиардки.

— Господи боже, что, грипов не нашлось? Это ж такая тяжесть!

— Курьер вероятнее всего расплатился бы такими купюрами.

— Потому что все мы мелкая сошка, да?

— Без комментариев.

— Сколько тут, квадрильон долларов?

— Полтора квадрильона. Сама понимаешь, инфляция.

— Что от меня требуется?

— Пойдешь в четвертый склад слева, — говорит Нг. — Как получишь пробирку, подбрось ее в воздух.

— И что потом?

— Об остальном позаботятся.

В этом И. В. сомневается. Но если она влипнет, что ж, всегда можно будет помахать личными знаками.

Пока И. В. со своей доской выбирается из фургона, Нг издает череду новых звуков. Лязг и скрежет резонируют по всему кузову: это где-то в его недрах оживают неведомые механизмы. Извернувшись, И. В. видит, как из крыши фургона вылезает, раскрываясь, стальной кокон. Под лепестками оказывается миниатюрный складной вертолетик. Бабочкиными крыльями разворачиваются лопасти. На боку у него краской выведено «СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВИХРЬ».

32

Какой тут нужен склад, догадаться нетрудно: четвертый слева. Дорога, бегущая к береговой линии, блокирована несколькими транспортными контейнерами, такие железные коробы часто видишь на платформах восемнадцатиколесников. Здесь они расставлены елочкой, поэтому, чтобы проехать мимо, приходится раз десять повернуть слаломом направо-налево, пробираясь по похожему на лабиринт туннелю между стальными стенами. На крышах пристроились парни с автоматами, охраняющие этот марафон с препятствиями. К тому времени, когда И. В. снова выбралась на открытое пространство, ее досконально проверили. С протянутых над головой проводов свисают редкие лампочки, есть тут и пара-тройка рождественских гирлянд. Все они горят, наверное, чтобы подбодрить клиентов. И. В. не видит ничего, кроме огоньков лампочек, да и те кажутся всего лишь размытыми пятнами в общем облаке тумана и пыли. Проход к береговой линии перед ней перекрывает еще один лабиринт контейнеров. На одном надпись-граффити: «СКОР ИЗРЕК: ПОПРОБУЙ СЕГОДНЯ ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ!»

— Что такое СКОР? — спрашивает она, просто чтобы нарушить тишину.

— Самовластный Король Озона Разрушителей, — отвечает мужской голос.

Его владелец спрыгивает с погрузочного дока слева от нее. В глубине склада помаргивают лампочки и огоньки сигарет.

— Мы так Эмилио зовем.

— Ах да, — кивает И. В. — Фреонщика. Я пришла не за «Холодком».

— Да-а, — тянет длинноногий мужик. Ему под сороковник, но для своих сорока он выглядит слишком тощим. Выдернув изо рта окурок, он бросает его точно дартс.

— И чего же тебе надо?

— Сколько стоит «Лавина»?

— Один и семьдесят пять грипов.

— Я думала, полтора.

Мужик качает головой:

— Сама понимаешь, инфляция. И все-таки это бросовая цена. Черт, эта твоя доска стоит, наверное, целую сотню.

— Такую даже за конгбаксы не купишь, — говорит, расправляя плечи, И. В. — Слушай, у меня только полтора квадрильона долларов.

Она вытаскивает из кармана пачку. Мужик смеется и, покачав

головой, орет своим коллегам на складе:

— Эй, ребята, тут одна цыпочка хочет заплатить миллиардками.

— Лучше избавься от бумажных денег, дорогуша, — произносит более резкий, неприятный голос, — или купи себе тачку.

Второй мужик, еще старше первого, с лысой макушкой и курчавыми прядями на висках, стоит, выпятив брюхо, в погрузочном доке.

— Не хотите брать, так и скажите, — говорит И. В. — Это брехня, а не бизнес.

— Цыпки к нам не так часто залетают, — отвечает лысый толстяк. И. В. понимает, что это, верно, и есть сам СКОР. — Поэтому мы тебе сделаем скидку за храбрость. Повернись спиной.

— Да пошел ты, — отвечает И. В. Не станет она поворачиваться ради этого типа.

Все в пределах слышимости ржут.

— Ладно, шевелись, — говорит СКОР.

Жердь возвращается к погрузочному доку, стаскивает оттуда алюминиевый чемоданчик и ставит его на железную бочку посреди дороги; чемоданчик теперь на уровне пояса И. В.

— Сперва заплати, — говорит он.

И. В. протягивает ему миллиардки. Осмотрев пачку, Жердь с хохотом забрасывает деньги через плечо в ворота дока. Мужики внутри снова ржут.

Жердь поднимает крышку чемоданчика, открывая небольшую клавиатуру, вставляет в прорезь свою идентификационную карточку, потом пару минут барабанит по клавишам.

Вынув наконец из стойки пробирку, он вставляет ее в гнездо. Устройство засасывает пробирку внутрь, колдует над ней и выплевывает снова.

Жердь протягивает пробирку И. В. Красные цифры на крышке отсчитывают от десяти назад.

— Когда дойдет до единицы, поднеси к носу и вдохни, — говорит Жердь.

Но она уже пятится от него подальше.

— У тебя проблема, дорогуша? — спрашивает он.

— Пока нет, — отвечает она. А потом изо всех сил подбрасывает пробирку вверх.

Из ниоткуда возникает «тяп-тяп» лопастей. Над головой у них размытым пятном проносится «Смертельный вихрь». Все на мгновение приседают: это от неожиданности у них подкашиваются колени. На землю пробирка не возвращается.

— Ах ты, сучка, — говорит Жердь.

— А ведь крутой был план, — говорит СКОР, — но вот ведь одного я не могу понять: зачем такой милой, умной девочке идти на самоубийственное задание?

Из-за облака выходит солнце. Нет, с полдюжины солнц — все они висят в воздухе, а значит, это вовсе не тени. В слепящем свете лица Жерди и СКОРа кажутся плоскими и невыразительными, лишаются черт, превратившись в два плоских блина. И. В. единственная, кто хоть что-то видит, ведь «Рыцарское забрало» уже скомпенсировало резкость; мужчины под ударом света морщатся и никнут.

И. В. оглядывается посмотреть, что у нее за спиной. Одно миниатюрное солнце висит над лабиринтом контейнеров, освещая все его углы и закоулки, ослепляя охрану. А поскольку этот свет пульсирует, в очках И. В. то слишком светло, то слишком темно, но одна картинка намертво запечатлевается на ее сетчатке: вооруженная охрана валится, точно череда деревьев под ураганом, и на фоне лабиринта на мгновение возникает ряд темных существ. Они взлетают на контейнеры волной кибернетического цунами. Крысопсы.

Лабиринт они уже преодолели, просто перепрыгнув его. И по пути кое-кто из них насквозь прошил тела охранников, как проходят защитники НФЛ сквозь слабаков-фотографов из прессы. Но Крысопсы приземляются на бетон, и тут же поднимается внезапное облако пыли, по низу которого пляшут белые искры. Сначала все происходит в полнейшей тишине, но И. В. видит, как Крысопес врезается в тело Жерди, а потом вдруг слышит треск ломающихся ребер — с таким звуком взрывается иногда надутый целлофановый пакет. Весь склад уже ходит ходуном, но взгляд И. В. пытается уследить за происходящим, наблюдая, как двойной след пыли и искр новых Крысопсов бежит по дороге, а потом вдруг взлетает в воздух над следующим новым препятствием.

С тех пор как она подбросила в воздух пробирку, прошли лишь три секунды. И. В. поворачивается и заглядывает внутрь склада. Но ее взгляд притягивает фигура на крыше. Это еще один охранник, снайпер, вышедший из-за модуля кондиционера, и его глаза уже привыкли к слепящему свету. Он поднимает винтовку к плечу. И. В. морщится, когда по ее глазам несколько раз проходит лазерный луч, пока снайпер наводит ей на лоб перекрестие мишени. За спиной у него она видит «Смертельный вихрь»: в яростном свете лопасти образуют диск, который, сужаясь, превращается в ровную серебряную линию. А потом вертолетик летит прямо на снайпера.

Затем «Смертельный вихрь» резко сворачивает вправо в поисках дополнительной жертвы, а из-под него валится какой-то

предмет. И. В. решает было, что вертолетик сбросил бомбу, но это голова снайпера, которая, быстро вращаясь, извергает в яростном свете тонкую розовую спираль. Лопасти вертолетика, наверное, прошлись по основанию шеи бедняги. Одна часть И. В. бесстрастно наблюдает за головой, подпрыгивающей и вращающейся в пыли, а другая вопит что есть мочи.

Тут она слышит хлопок — первый громкий звук за все эти минуты. Повернувшись на звук, она видит перед собой возвышающуюся над складским сектором водокачку — лучшего места для снайпера и не придумать.

Но тут ее внимание привлекает карандашный росчерк голубовато-белого выхлопа крохотной ракеты, которая взмывает в небо из фургона Нг. Ракета не делает ничего, просто поднимается на определенную высоту и там зависает. И. В. уже не до ракеты; вскочив на доску, она изо всех сил отталкивается от земли, стараясь найти укрытие от снайпера на водокачке.

Слышится второй хлопок. Но не успевает этот звук достигнуть ее ушей, ракета срывается с места, будто пескарь, по горизонтали, два-три раза поводит носом, чтобы скорректировать курс, и самонаводится на насест снайпера — на пожарной лестнице водокачки. Гремит ужасающий взрыв — без огня и света, — все равно что громкий бессмысленный «бум», как иногда при фейерверке. С мгновение И. В. кажется, будто она слышит грохот, с которым шрапнель рикошетит от металлических конструкций.

Не успевает она въехать в лабиринт, как мимо нее проносится пылевой тайфунчик, отбрасывая ей в лицо камешки и осколки стекла. Цунами летит в лабиринт. И. В. слышно, как оно со звуком пинг-понгового мячика отталкивается от стен, меняя направление. Это Крысопес расчищает ей путь.

Ну до чего мило!

— Ловко проделано, отставник, — говорит она, снова забираясь в фургон Нг. Горло у нее словно опухло. Может быть, от крика, а может, от токсических отходов. Или ее сейчас вырвет. — Ты что, не знал о снайперах? — Если она будет думать о мелочах, то ей, может, удастся забыть о подвигах «Смертельного вихря».

— О том, который был на водокачке, не знал, — отвечает Нг. — Но как только он выпустил пару очередей, мы рассчитали траектории пуль на миллиметровой волне и выследили источник.

Голосовыми командами Нг выводит фургон из укрытия и направляется к I-405.

— Я бы сказала, очевидное место для снайпера.

— Он был в неукрепленной позиции, открытой со всех

сторон, — возражает Нг. — Иными словами, выбрал себе позицию камикадзе. А это нетипичное поведение для торговцев наркотиками. Обычно они более прагматичны. Ну так что, будет еще какая-нибудь критика в мой адрес?

— А как с пробиркой? Получилось?

— Да. Пробирка была помещена в герметичную камеру внутри вертолета еще до того, как успела выбросить содержимое. Она была заморожена до фазы химического саморазрушения. Теперь у нас есть образец «Лавины», чего еще никому не удавалось. На таком успехе и строят репутацию.

— А как насчет Крысопсов?

— А что с ними?

— Они уже вернулись в фургон? Вернулись сюда? — И. В. кивком указывает на пространство у себя за спиной.

Нг отмалчивается. И. В. напоминает себе, что он сидит у себя в кабинете во Вьетнаме 1955-го и все происходящее смотрит по телевизору.

— Трое вернулись, — говорит Нг. — Трое на пути сюда. А еще троих я оставил для дополнительных усмирительных мер.

— Ты их бросаешь?

— Они нас нагонят, — говорит Нг. — По прямой они развивают семьсот миль в час.

— Правда, что внутри у них ядерная начинка?

— Диатермальные изотопы.

— А что будет, если одна из них взорвется? Всё и вся мутируют?

— Если окажешься рядом с разрушительной силой настолько мощной, чтобы декапсулировать эти изотопы, — говорит Нг, — тебе нечего будет волноваться из-за облучения.

— А они смогут найти к нам дорогу?

— Когда-нибудь в детстве смотрела «Лесси возвращается домой»? — спрашивает он. — Или лучше сказать, была младше, чем сейчас?

Вот как. Она была права. Крысопсы сделаны из собак.

— Это жестоко, — говорит она.

— Подобные чувства вполне предсказуемы, — говорит Нг.

— Лишить собаку ее тела, держать все время в бункере…

— Знаешь, что делает Крысопес, когда сидит у себя в, как ты его называешь, бункере?

— Вылизывает себе электронные яйца?

— Ловит летающие тарелки в прибое. Вечно. Жрет растущие на деревьях стейки. Лежит у камина в охотничьем домике. Я пока еще не установил симулятор вылизывания под хвостом, но ты подала неплохую мысль. Пожалуй, такое стоит инсталлировать.

— А как насчет тех часов, когда он не в бункере? Когда он носится у тебя на побегушках?

— А ты можешь себе представить, какая это свобода для питбуля, если он способен бежать со скоростью семьсот миль в час?

И. В. молчит. Она слишком занята обдумыванием этой идеи.

— Твоя ошибка, — продолжает Нг, — в том, что ты считаешь, будто все механически улучшенные организмы — как я, скажем, — жалкие калеки. На деле нам теперь живется лучше, чем раньше.

— А где ты берешь питбулей?

— Каждый день во всех городах на произвол судьбы бросают огромное число собак.

— Так ты кромсаешь брошенных щенков?

— Мы спасаем брошенных собак от неизбежного уничтожения и отправляем их практически в собачий рай.

— У нас с моим другом Падалью был питбуль. Фидо. Мы нашли его в переулке. Какая-то сволочь прострелила ему ногу. Мы отвезли его к ветеринару. Несколько месяцев мы держали его в пустой квартире в доме Падали, играли с ним каждый день, приносили еду. А потом однажды мы пришли поиграть с Фидо, но он исчез. Кто-то вломился в квартиру и его унес. Наверное, продал на опыты.

— Вероятно, — отзывается Нг, — но все равно для собаки это была не жизнь.

— Все же лучше того, как он жил раньше.

Разговор обрывается: Нг поглощен управлением фургоном, который выезжает на бесплатную трассу Лонг-Бич в сторону города.

— А они что-нибудь помнят? — спрашивает И. В.

— До той степени, до какой собаки вообще что-либо помнят, — говорит Нг. — Мы не нашли способа стирать память.

— Выходит, сейчас Фидо может быть Крысопсом?

— Я бы на это надеялся — ради его же блага, — отвечает Нг.

Во франшизе «Великого Гонконга мистера Ли» в Фениксе, штат Аризона, просыпается Полуавтономный Охранный Модуль B-782 «Нг Секьюрити Индастрис».

Завод, собравший его на конвейере, считает его роботом номер B-782. Но он считает себя питбулем по имени Фидо.

В давние времена Фидо, случалось, был плохой собачкой. А сейчас Фидо живет в симпатичном домике на хорошем дворе. Теперь он стал хорошей собачкой. Он любит лежать в своем домике и слушать, как лают другие хорошие собачки. У Фидо

большая стая.

Сегодня в далеком месте много лают. Прислушиваясь к этому лаю, Фидо узнает, что-то очень взбудоражило целую стаю хороших собачек. Множество плохих людей хотело обидеть добрую девочку. Это очень рассердило и взбудоражило собачек. Теперь, чтобы защитить девочку, хорошие собачки обижают плохих людей.

Так и должно быть.

Фидо не выходит из домика. Поначалу, услышав лай, он было разволновался. Он любит добрых девочек и поэтому особенно волнуется, когда их пытаются обидеть плохие люди. Однажды и у него была девочка, которая его любила. Это было раньше, когда он жил в страшном месте и всегда хотел есть, и многие люди его обижали. Но добрая девочка его любила. Фидо очень любит добрую девочку.

Но лай других собак изменился; он понимает, что доброй девочке теперь ничего не грозит. Поэтому Фидо засыпает снова.

33

— Извиняй, партнер, — говорит И. В., входя в комнату Вавилона/Инфокалипсиса. — Ух ты! Да у тебя тут как в шарике, в котором, стоит потрясти, кружатся снежинки.

— Привет, И. В.

— У меня для тебя еще кое-какая инфа, партнер.

— Валяй.

— «Лавина» — на самом деле стероид. Или очень на него похожа. Ага, он самый. Забирается через стенки клеток, как самый настоящий стероид. А потом делает что-то с ядром клетки.

— Ты был прав, — говорит Хиро Библиотекарю, — в точности как герпес.

— Мужик, с которым я разговаривала, сказал, он вздрючивает настоящую ДНК. Не знаю, что все это значит. Это он так сказал.

— А с каким мужиком ты разговаривала?

— Нг. Из «Нг Секьюрити Индастрис». Не напрягайся с ним связываться, он тебе никакой инфы не даст, — отмахивается она от следующих расспросов.

— А что это ты тусуешься с такими, как Нг?

— Работа такая. Благодаря мне и моему другу Нг у мафии теперь есть образчик наркотика. Раньше он всегда успевал самоуничтожиться прежде, чем попадал в лабораторию. Сейчас, думаю, его анализируют. Может, пытаются найти антидот или еще что.

— Или пытаются его воспроизвести.

— Мафия не станет такого делать.

— Не будь дурой, — говорит Хиро. — Разумеется, станет.

И. В. смотрит обиженно.

— Послушай, — говорит он, — мне очень неприятно тебе об этом напоминать, но будь у нас и сегодня законы, мафия была бы преступной организацией.

— Но у нас нет законов, — возражает она. — Теперь это просто сеть предприятий под общей крышей, как и все остальное.

— Ладно, я хочу только сказать, что они, возможно, делают это вовсе не ради человечества.

— А ради чего ты засел тут с этим балаганным академиком? — Она указывает на Библиотекаря. — Ради блага человечества? Или потому, что гоняешься за юбкой? Как там ее зовут?

— Ладно-ладно, — примирительно говорит Хиро, — давай не будем больше о мафии. Меня ждет работа.

— И меня тоже.

И. В. рывком отключается, оставляя после себя прореху в Метавселенной, которую компьютер Хиро быстро затушевывает.

— Кажется, она думает, будто в меня втюрилась, — объясняет Хиро.

— Мне она показалась милой и заботливой.

— О'кей, — говорит Хиро. — За работу. Откуда взялась Ашера?

— Первоначально — из шумерской мифологии. И, следовательно, она играет важную роль в вавилонской, ассирийской, ханаанской, иудейской и угаритской мифологиях, которые все произошли от шумерской.

— Любопытно. Значит, шумерский язык вымер, а шумерские мифы перекочевали в другие культуры.

— Верно. Более поздние цивилизации использовали шумерский как язык религии и науки, так же как латинский имел хождение в Европе в Средние века. Никто не говорил на нем как на родном языке, но образованные люди умели на нем читать. Таким же образом передавалась и шумерская религия.

— И какова роль Ашеры в шумерских мифах?

— Свидетельства фрагментарны. Было обнаружено некоторое число таблиц, но они разбиты. Считается, что Л. Боб Райф раскопал много табличек, сохранившихся в целости и сохранности, но он отказывается публиковать их или предоставить для изучения. Дошедшие до наших дней шумерские мифы также фрагментарны и носят странный характер. Лагос сравнивал их с горячечным воображением ребенка двух лет. Целые пласты их не поддаются переводу: знаки читаются и хорошо известны, но в целом они не говорят ничего, что имело бы смысл для современного рационального мышления.

— Как инструкции по программированию VCR.

— Налицо множество монотонных повторений. Также имеется значительное количество текстов, которые Лагос называл «Патриотизмом „Ротари-клуба“»: писцы превозносили сверхдобродетели своего родного города над каким-то другим городом.

— А что делает один шумерский город лучше, чем другой? Больший зиккурат? Лучшая футбольная команда?

— Лучшие *ме*.

— Что такое *ме*?

— Правила или принципы, контролирующие функционирование общества. Сродни своду законов, но на более фундаментальном уровне.

— Не понимаю.

— В том-то и дело. Шумерские мифы не «читабельны» и не

«развлекательны» в том смысле, в каком поучительны или развлекательны мифы греков или иудеев. Их мифы отражают сознание, фундаментально отличное от нашего.

— Надо думать, если бы наша культура основывалась на шумерской, они показались бы нам более интересными, — говорит Хиро.

— На смену шумерским пришли аккадские мифы, которые в значительной степени основаны на своих предшественниках. Очевидно, что аккадские редакторы прошлись по шумерским мифам, выбросили странные (для нас) и непонятные части, а потом связали отдельные мифы в обширные эпосы, как, например, эпос о Гильгамеше. Аккадцы были семитами, дальними родственниками иудеев.

— А что могут сказать об Ашере аккадцы?

— В их культуре она известна как Иштар. Здесь Ашера — богиня эротики и плодовитости, но имеет также и разрушительный, мстительный аспект. В одном мифе Ашера насылает на Кирту, царя людей, ужасную болезнь. Излечить его может только Эль, царь богов. Эль наделяет неких лиц привилегией питаться молоком из грудей Ашеры. Эль и Ашера часто усыновляют человеческих детей и позволяют им питаться от груди Ашеры; в одном тексте сказано, что она выкормила семьдесят божественных сыновей.

— Распространяя свой вирус, — говорит Хиро. — Матери, больные СПИДом, способны передать вирус детям, которых кормят грудью. Но это ведь аккадская версия, так?

— Да, сэр.

— Я хочу услышать что-нибудь шумерское, даже если это непереводимо.

— Хотите узнать, как Ашера наслала болезнь на Энки?

— Валяй.

— Перевод этой истории зависит от ее интерпретации. Одни видят в ней миф об изгнании из Рая. Другие рассматривают ее как битву между мужским и женским началами или между огнем и землей. Третьи — как аллегорию плодородия. Это прочтение основано на интерпретации Бендта Альстера.

— Приму к сведению.

— Вкратце: Энки и Нинхурсаг — иными словами, Ашера, хотя в данной легенде она наделена и другими эпитетами, — живут на острове Тильмун. Тильмун чист, красив и светел, там нет болезней, люди не стареют, а хищные звери не охотятся. Но там нет воды. Поэтому Нинхурсаг умоляет Энки, являющегося в одной из своих ипостасей божеством вод, принести в Тильмун влагу. Он так и делает, мастурбируя среди ирригационных канав и

заполняя их своей жизнетворной спермой, которая также названа «водой сердца». Одновременно он произносит нам-шуб, воспрещающий всем входить в эту область, поскольку не желает, чтобы кто-либо приближался к его сперме.

— Почему?

— В мифе об этом ничего не сказано.

— Значит, — задумчиво говорит Хиро, — он считал ее ценной, или опасной, или и то и другое.

— Теперь Тильмун стал еще прекраснее, чем прежде. Поля приносят изобильный урожай и так далее.

— Прошу прощения, а как функционировало шумерское сельское хозяйство? Постоянная ирригация?

— Они целиком и полностью от нее зависели.

— Значит, по этому мифу Энки ответственен за ирригацию полей своей «водой сердца».

— Да, Энки был богом вод.

— Ладно, продолжай.

— Но Нинхурсаг, Ашера, нарушила его приказ и, взяв сперму Энки, забеременела. Через девять дней беременности она родила — безболезненно — дочь Нинму. Нинму вышла на берег реки. Увидев ее, Энки распалился, перешел реку и совокупился с ней.

— С собственной дочерью?

— Да. Девять дней спустя она родила еще одну дочь, по имени Нинкурра, и все повторилось снова.

— И с Нинкурра Энки тоже совокуплялся?

— Да, и она родила дочь Утту. К тому времени Нинхурсаг как будто распознала повторы в поведении супруга и посоветовала Утту оставаться в своем доме, предостерегая, что Энки подступится к ней с дарами и попытается соблазнить ее.

— Он так и делает?

— Энки снова наполняет рвы «водой сердца», от чего растет все живое. Возрадовавшись, садовник обнимает Энки.

— А кто такой садовник?

— Проходной персонаж в мифе, — отвечает Библиотекарь. — Он одаривает Энки виноградом и другими дарами. Переодевшись садовником, Энки отправляется к Утте и ее соблазняет. Но на сей раз Нинхурсаг удается обзавестись образчиком спермы Энки, который она находит на бедре Утты.

— Бог мой. Вот и говори теперь об адской теще.

— Нинхурсаг размазывает сперму по земле, и от нее вырастают восемь растений.

— Выходит, теперь Энки совокупляется с растениями?

— Нет. Он их съедает и, в некотором смысле, съедая,

постигает их тайны.

— Вот и мотив Адама и Евы.

— Нинхурсаг проклинает Энки, говоря: «До самой твоей смерти я не взгляну на тебя „оком жизни“». Потом она исчезает, а Энки тяжко заболевает. Болезнь поражает восемь его органов — по одному на каждое растение. Наконец удается уговорить Нинхурсаг вернуться. Она рождает восемь божеств — по одному на каждый больной орган Энки, а боль ее родов терпит сам Энки. Наконец Энки исцеляется. Эти восемь божеств составляют пантеон Тильмуна, иными словами, этот акт нарушает круг инцеста и создает новую расу мужских и женских божеств, способных к нормальному воспроизводству.

— Начинаю понимать, что Лагос имел в виду, говоря о горячечном воображении двухлетки.

— Альстер интерпретирует этот миф как «истолкование логической проблемы»: если предположить, что в начале не существовало ничего, кроме единого творца, то как тогда могли возникнуть обычные бинарные сексуальные отношения?

— Опять это слово «бинарные»!

— Вы, возможно, вспомните неисследованное ответвление беседы, которое привело бы нас к тому же выводу, но иным путем. Этот миф можно сравнить с шумерским мифом о сотворении мира, в котором земля и небо изначально едины и акт творения, по сути, имеет место только по их разделении. Большинство мифов о сотворении мира начинаются с «парадоксального единства всего, что расценивается как хаос или как рай». Мир, каким мы его знаем, не возникает до разрушения этого единства. Следует указать, что изначально имя Энки звучало как Эн-Кур, властелин Кура. Кур был первородным океаном, Хаосом, который покорил Энки.

— Любой хакер был бы с этим солидарен.

— Но у Ашеры сходные коннотации. Ее имя на угаритском языке звучит как «атирату ямми», что означает «та, кто ходит по морскому (дракону)».

— Итак, и Энки, и Ашера — фигуры, в той или иной мере победившие хаос. Ты хочешь сказать, что эта победа над хаосом, разделение статичного единого мира на систему бинарных оппозиций идентифицируется с актом сотворения мира.

— Верно.

— Что еще ты можешь сказать об Энки?

— Он был эн города Эриду.

— Что такое эн? Это царь?

— Скорее, царь-жрец. Эн был хранителем местного храма, где хранились записанные на глиняных таблицах *ме*, правила

общества.

— Ладно. Где расположен Эриду?

— На юге Ирака. Археологические раскопки там были проведены только в последние годы.

— Людьми Райфа?

— Да. Кремер писал, что Энки был богом мудрости, но это следствие неверного перевода. Его мудрость была не мудростью старца, а скорее знанием, как совершать те или иные действия, в особенности оккультные. «Он поражает даже других богов удивительными решениями на первый взгляд неразрешимых проблем». По большей части он — доброжелательный бог, помогающий человечеству.

— Правда?

— Да. Вокруг него строятся важнейшие шумерские мифы. Как я уже указывал, он ассоциируется с водой. Он наполняет реки и обширную систему шумерских каналов своей жизнетворной спермой. Ему приписывается создание Тифа в едином эпохальном акте мастурбации. Сам о себе он говорит так: «Я — властитель. Я — тот, чье слово пребудет. Я — вечный». Вот цитаты из воззваний к нему: «Слово из твоих уст… и груды и горы полнятся зерном», «Ты приносишь звезды с небес, ты сосчитал их число», «Тот, кто произносит имена всего сотворяемого»…

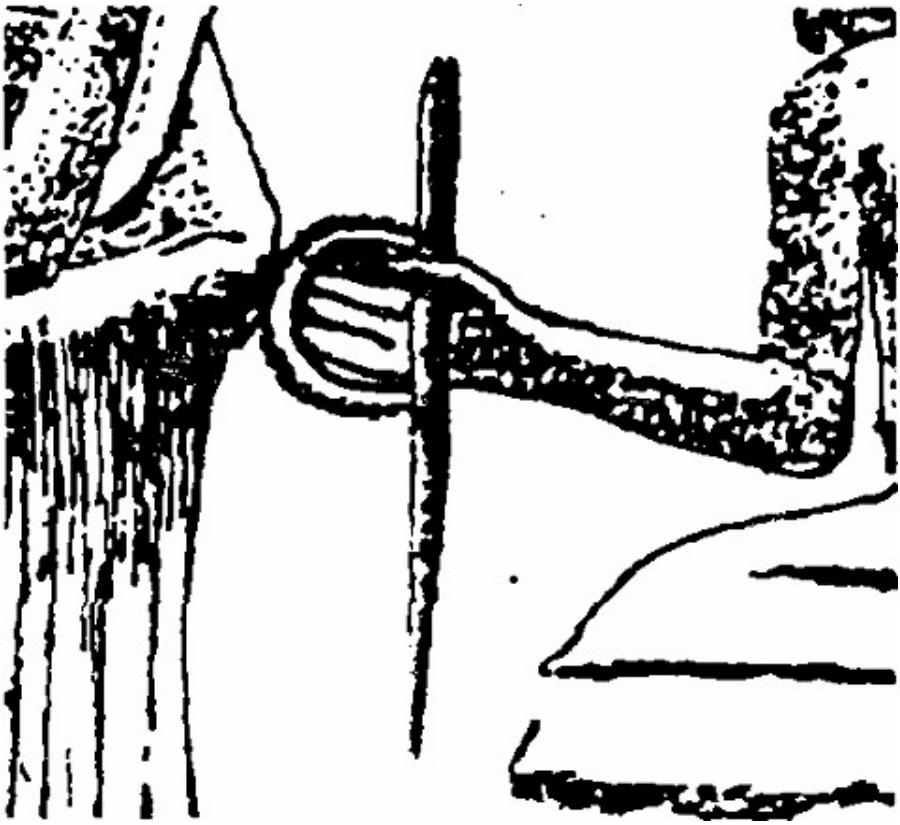
— Произносит имена сотворяемого?

— Во многих мифах о сотворении мира называние предмета равнозначно его созданию. В различных мифах об Энки говорится как о «мастере, введшем заклинания», «богатом словами», «Энки, хозяине всех правильных команд». Как пишут Кремер и Мейерс, «его слово может водворить порядок там, где был один лишь хаос, и внести беспорядок туда, где царила гармония». Энки прилагает огромные усилия к тому, чтобы передать свое знание сыну, богу Мардуку, верховному божеству вавилонян.

— Значит, шумеры поклонялись Энки, а пришедшие им на смену вавилоняне поклонялись его сыну Мардуку?

— Да, сэр. И всякий раз, когда Мардук оказывался в затруднении, он обращался за помощью к своему отцу Энки. Изображение Мардука вы можете видеть вот на этой стеле, на кодексе Хаммурапи. Согласно Хаммурапи, кодекс был передан ему лично Мардуком.

Хиро подходит к кодексу Хаммурапи и начинает рассматривать. Клинопись ничего ему не говорит, но иллюстрацию наверху понять нетрудно. Особенно среднюю ее часть:



— А почему Мардук на этом изображении передает Хаммурапи ноль и единицу? — спрашивает Хиро.

— Это символы царской власти, — отвечает Библиотекарь, — их происхождение неясно.

— Вероятно, за этим стоит Энки, — говорит Хиро.

— Важнейшая роль Энки заключается в том, что он был творцом и хранителем *ме* и гисхур, «ключевых слов» и «моделей», которые управляют вселенной.

— Расскажи мне о *ме*.

— Позвольте мне снова процитировать Кремера и Мейера. «[Они верили] в существование с правремен фундаментального, неизменяемого и поддающегося пониманию набора сил властей и обязанностей, стандартов и норм, принципов и правил, известных как *ме* и регулирующих космос и его компоненты, управляющих богами и людьми, а также различными аспектами жизни общества».

— Похоже на Тору.

— Да. Но *ме* обладают некоей мистической или магической силой. И зачастую они относятся к самым тривиальным вещам, а не только к религии.

— Примеры есть?

— В одном мифе богиня Инанна отправляется в Эриду и обманом получает у Энки девяносто четыре *ме*, которые привозит домой в Урук, где их встречают с большим волнением и радостью.

— Инанна — тот самый персонаж, с которым так носится Хуанита.

— Да, сэр. Ее прославляют как спасительницу, поскольку она привезла «правильное исполнение *ме*».

— Исполнение. Как исполнение компьютерной программы?

— Да. По всей видимости, *ме* схожи с алгоритмами отправления определенных видов деятельности, существенно важных для функционирования общества. Одни *ме* относятся к функционированию жречества и царской власти. Другие объясняют, как следует проводить религиозные церемонии. Третьи регулируют искусство ведения войны и дипломатию. Многие посвящены искусствам и ремеслам: музыке, плотницкому и кузнечному делу, выделыванию кож, строительству, фермерству, даже таким тривиальным вещам, как разведение огня.

— Операционная система общества.

— Прошу прощения?

— Когда сначала включаешь компьютер, он представляет собой всего лишь набор плат, неспособных что-либо сделать. Чтобы запустить машину, нужно заложить ряд правил, которые скажут ей, как функционировать. Как быть компьютером. Похоже, *ме* играли роль операционной системы общества, организуя инертную человеческую массу в функционирующую систему.

— Как скажете. Как бы то ни было, Энки был хранителем *ме*.

— Выходит, на самом деле он был хорошим парнем.

— Он был самым любимым изо всех богов.

— А еще, по твоим словам, выходит, что он хакер. А значит, тем сложнее понять его нам-шуб. Если он был таким добрым, зачем он устроил Вавилонское столпотворение?

— Это считается одной из загадок Энки. Как вы уже могли заметить, его поведение не всегда укладывается в современные нормы.

— Что-то тут не так. Ни за что не поверю, что он действительно трахнул сестру, дочь и так далее. Эта легенда, вероятно, метафора чего-то другого. Вероятно, метафора какого-то рекурсивного информационного процесса. От всего мифа этим несет. Для этого народа вода равнозначна сперме. Разумно, поскольку представления о чистой воде у них, вероятно, не существовало: вся вода была мутной и бурой, и в ней было полно вирусов. Но с точки зрения современного человека сперма —

просто носитель информации, как доброкачественных генов, так и злокачественных вирусов. Вода Энки — его сперма, его данные, его *ме* — течет по стране Шумер и приносит ей процветание.

— Как вы, возможно, отдаете себе отчет, Шумер существовал в пойменных низинах между двумя крупными реками Тигром и Евфратом. Вот откуда бралась глина: ее брали прямо с берега реки.

— Выходит, Энки снабжал их даже носителем информации, глиной. Они писали на влажной глине, а потом оставляли ее высохнуть, чтобы избавиться от воды. Если вода позднее попадала на таблицу, это разрушало информацию. Но если глину запекали, выпаривая из нее всю воду, иными словами, жаром стерилизуя сперму Энки, то таблица могла сохраняться столетиями неизменной, как слова Торы. Я похож на маньяка?

— Не знаю, — говорит Библиотекарь. — Но ваша манера речи отчасти напоминает Лагоса.

— Я в восхищении. Осталось только заделаться горгульей.

34

Любой пешак может незаметно зайти в Гриффит-парк. И. В., все обдумав, решает, что, несмотря на барьеры поперек дороги, лагерь Фалабалы не так уж и хорошо защищен, особенно если ты можешь двигаться по бездорожью. Для ниндзя-скейтера на новенькой доске с новеньким «Рыцарским забралом» (чтобы заработать деньги, надо потратиться на снарягу) это вообще не проблема. Найди достаточно высокую насыпь, спускающуюся в каньон, и кати себе по краю скалы, пока не увидишь внизу лагерные костры. А потом рвани вниз с холма. Доверься гравитации.

На полпути по такому склону И. В. вдруг сознает, что в зоне Фалабалы ее сине-оранжевый комбинезон посреди ночи привлечет внимание почище фейерверка, поэтому она нащупывает в воротнике вшитый в ткань твердый диск и сжимает его до щелчка большим и указательным пальцами. Комбинезон темнеет, краски мерцают сквозь электропигмент точно нефтяное пятно на воде, и вот уже весь комбинезон почернел.

В первое свое посещение она не изучила местность как следует, так как надеялась, что ей не придется сюда возвращаться. Но насыпь оказывается выше и круче, чем думала И. В. Если уж на то пошло, это скорее отвесная скала. На такую мысль ее наводит то, что она слишком уж долго парит в свободном падении. Ну и прыжок! Самый что ни на есть баллистический стиль! Впрочем, все клево, это же часть миссии, говорит она себе. Будем надеяться, «умноколеса» выдюжат. Сине-черные силуэты деревьев размытыми пятнами белеют на черно-синем фоне. Кроме этого, она видит только красный лазерный свет цифрового спидометра на носу доски, но тот не отражает реальной информации. Вибрирующие цифры расплылись облачком: это радар сенсора скорости пытается хоть что-нибудь определить.

Она выключает спидометр. Летит теперь в кромешной тьме. Низвергается к восхитительно гладкому бетону на дне ручья, точно черный ангел, которому Всевышний только что перерезал лямки небесного парашюта. И когда «умноколеса» наконец приземляются на бетон, удар едва не загоняет ей колени под нижнюю челюсть. Из переделки с гравитацией она выходит на незначительной высоте и с малоприятным запасом скорости.

Зарубка на память: в следующий раз лучше просто спрыгнуть с моста. Так тебе по крайней мере невидимый кактус по носу не заедет.

И. В. стремительно заворачивает за угол, кренясь так, что едва не лижет желтую линию, и «Рыцарское забрало» показывает все в зареве мультиспектрального излучения. В инфракрасном лагерь Фалабалы выглядит турбулентным сиянием розового тумана, оттененного раскаленно белыми сполохами костров. Ниже — тускло-голубоватый бетон, что означает — в ложной цветовой гамме — холод. Позади — зубчатый горизонт импровизированных укреплений умельцев Фалабалы. И все эти заграждения И. В. совершенно презрела, пренебрегла и сбила с толку, упав с неба в самую середину лагеря, будто истребитель «стелс» с комплексом неполноценности.

Стоит оказаться в самом лагере, люди уже не обращают внимания на то, кто ты и что ты, — им наплевать. Пара человек смотрит, как она скользит мимо, но и не думают поднимать шум. Наверное, тут бывает множество курьеров. Уйма спятивших, доверчивых, пьющих «Кул эйд» курьеров. А у этих чуваков не хватает ума отличить И. В. от этого планктона. Но это ничего, она им пока такое спустит — пока им не придет в голову проверить новые примочки на ее новой доске.

От лагерных костров исходит достаточно обычного света, чтобы показать весь этот жалкий балаган: кучки слабоумных бойскаутов, гулянка без раздачи призов за заслуги в области гигиены. Инфракрасное накладывается на обычное зрение, и она различает среди теней спектральные лица. Не будь на ней гоглов, она увидела бы там только темноту. Новое «Рыцарское забрало» обошлось ей в добрую треть заработанных на «Лавине» денег. Именно это и имела в виду мама, когда настаивала, чтобы И. В. нашла себе работу на пару часов в день.

Кое-кто из тех, кто был тут в прошлый раз, исчез, но есть десяток новых, которых она не узнает. Пара-тройка действительно в смирительных рубашках на липучках. Эта мода предусмотрена для тех, кто совсем себя не контролирует — катается в конвульсиях по бетону. Есть еще несколько психанутых, но у них, очевидно, не такая продвинутая стадия: просто обычные психи, как старые бомжи, каких полно во «Вздремни и Кати».

— Эй, смотрите! — говорит кто-то. — Это наш друг-курьер! Добро пожаловать, друг!

И. В. отворачивает крышку «жидкого кастета», встряхивает баллончик, чтобы он был наготове еще до того, как придется пустить его в ход. На запястьях у нее модные высоковольтные манжеты — на случай, если кто-нибудь попытается схватить ее за руку. А в рукаве шокер. Только самые последние атавизмы носят пушки — пока еще долетит пуля, а потом приходится ждать,

чтобы жертва истекла кровью, — но, как это ни парадоксально, убивают пушки часто. А вот если врезать человеку шокером, он от тебя отстанет. Так, во всяком случае, твердит реклама.

Не в том дело, что она чувствует себя уязвимой. Но все же хотелось бы самой выбирать мишень. Поэтому она сохраняет нужную для бегства скорость, пока не находит женщину, которая выглядела бы дружелюбно, — ту бритую наголо цыпку в драном костюме от Шанель.

— Давай отойдем в лесок, подруга, — говорит И. В. — Хочу поговорить с тобой о том, что осталось у тебя от мозгов.

Женщина улыбается и с добродушной неуклюжестью дауна в добром расположении поднимается на ноги.

— И мне хочется об этом поговорить, — говорит она. — Ведь я в это верю.

И. В. не останавливается для разговора, просто хватает женщину за руку и ведет ее за собой по склону холма в рощицу низкорослых деревьев, подальше от дороги. В инфракрасном свете она не видит никаких притаившихся личностей, поэтому, наверное, там безопасно. А вот за ней пристроилась парочка: бредут себе, не глядя в ее сторону, будто только что решили, что сейчас самое время прогуляться в лесочек. Один из них — верховный жрец.

Женщине, вероятно, лет двадцать пять, высокая и жилистая, симпатичная, но не красавица, была, наверное, напористым форвардом в школьной баскетбольной команде, хотя и звезд с неба особо не хватала. И. В. усаживает ее на камень.

— Ты хоть себе представляешь, где ты? — спрашивает она.

— В парке, — отвечает женщина. — Среди друзей. Мы помогаем распространять Слово.

— Как ты сюда попала?

— С «Интерпрайза». Мы туда ездим, чтобы много всего узнавать.

— То есть на Плот? На Плот «Интерпрайза»? Вот откуда вы все взялись!

— Не знаю, откуда мы взялись, — отвечает женщина. — Иногда так трудно бывает вспомнить. Но это не важно.

— А где ты была до того? Ты же не выросла на Плоту, правда?

— Я была системным программистом в «Троичных Системах» в Маунтин-вью, Калифорния. — Женщина внезапно переходит на совершенно правильный, обычный английский.

— Тогда как ты оказалась на Плоту?

— Не знаю. Моя старая жизнь остановилась. Моя новая жизнь началась. А теперь я здесь, — снова лепечет она как дитя.

— А что случилось перед тем, как остановилась твоя старая жизнь? Помнишь?

— Я заработалась допоздна. У меня были проблемы с компьютером.

— И все? Это последнее нормальное, что с тобой случилось?

— У меня рухнула система, — говорит она. — Я увидела статику. А потом я сильно заболела. Меня отвезли в больницу. А там я встретила человека, который мне все объяснил. Он объяснил, что я была омыта кровью. Что теперь я принадлежу Слову. И внезапно все стало на свои места. Тогда я решила поехать на Плот.

— Ты сама решила или кто-то за тебя решил?

— Мне просто захотелось. Вот куда мы ездим.

— Кто еще был с тобой на Плоту?

— Такие же, как я.

— В чем такие же?

— Сплошь программисты. Как я. Которые узрели Слово.

— Узрели в своих компьютерах?

— Да. Или иногда по телевизору.

— Что ты делала на Плоту?

Женщина оттягивает рукав драной толстовки, открывая дорогу по вене.

— Ты принимала наркотики?

— Нет. Мы сдавали кровь.

— Они высасывали из вас кровь?!!

— Да. Иногда мы писали какие-то программы. Но только немногие из нас.

— Ты долго там была?

— Не знаю. Нас привозят сюда, когда вены совсем уже слабые. Тогда мы просто помогаем распространять Слово: перетаскиваем вещи, строим баррикады. Но мы мало работаем. По большей части поем песни, молимся и рассказываем другим о Слове.

— Хочешь выбраться? Я могу вытащить тебя отсюда.

— Нет, — качает головой женщина. — Я никогда не была так счастлива.

— Как ты можешь такое говорить? Ты была крутым преуспевающим хакером. А теперь, прости меня за откровенность, ты просто пьянчужка.

— Все в порядке. Я не в обиде. Я совсем не была счастливой, когда была хакером. Никогда не задумывалась о важном. О Боге. О небесах. О духовном. В Америке о таком думать трудно. Просто отмахиваешься. Но ведь по-настоящему важно это, а вовсе не программировать компьютеры или делать деньги. Теперь я ни о

чем другом не думаю.

Все это время И. В. приглядывала за верховным жрецом и его приятелем. А те, пусть медленно, но приближаются. Теперь они уже настолько близко, что до И. В. доносится запах их обеда. Женщина кладет руку на наплечник И. В.

— Мне бы хотелось, чтобы ты осталась со мной. Почему бы тебе не спуститься? Выпьем чего-нибудь холодного? Ты, наверное, хочешь пить.

— Мне пора. — И. В. встает.

— А вот против этого я сильно возражаю, — говорит, делая шаг вперед, верховный жрец. Голос у него вовсе не сердитый. Сейчас он пытается как бы изображать папу И. В. — Это не самое правильное решение.

— А ты кто? Образец для подражания?

— Все в порядке. Тебе не обязательно со мной соглашаться. Но давай спустимся, посидим у огня, поговорим.

— Давай ты просто, мать твою, уберешься от И. В., пока она не перешла в режим самозащиты, — отвечает И. В.

Все трое фалабала отступают на шаг. Готовы к сотрудничеству. Верховный жрец умиротворяюще поднимает руки:

— Извини, мы вовсе не хотели тебе угрожать.

— Странные вы ребята, — говорит И. В., снова перещелкивая гоглы на инфракрасный.

В инфракрасном свете ей видно, что у спутника верховного жреца в руке какая-то мелкая штуковина, необычайно теплая.

И. В. пригвождает его фонариком, высвечивая верхнюю часть тела узким желтым лучом. Большая его часть грязная, серо-коричневая и света не отражает. Но есть тут нечто яркое и глянцево-красное, точно рубиновый стержень.

Это шприц. Шприц, полный красной жидкости. В инфракрасном свете он очень горячий. Свежая кровь.

Тут она чего-то не въезжает: зачем этим парням разгуливать со шприцем только что взятой крови? Но она уже увидела, что хотела.

«Жидкий кастет» вылетает из банки узкой неоново-зеленой струйкой, и когда эта струйка ударяет мужику со шприцем в лицо, тот отдергивает голову, точно ему только что врезали по переносице, и без единого звука валится навзничь. На всякий случай И. В. врезает и верховному жрецу. Женщина только стоит и смотрит на нее словно в смятении.

Отталкиваясь ногой от бетона, И. В. вылетает из каньона с такой скоростью, что, ворвавшись в поток машин, движется почти вровень с ним. Как только она надежно запунивает ночной танкер

с салатом, то звонит маме:

— Мам, послушай. Нет, мам, плевать на шум. Да, я еду на скейте в потоке машин по мостовой. Но послушай меня секундочку, мам…

Ворчит и ворчит, ноет и ноет. Ну как с ней можно говорить? Потом И. В. пытается связаться с Хиро, и через пару минут ей все же удается пробиться на его мобильник.

— Эй! Привет! Эй! — кричит она, потом слышит вдруг автомобильный гудок. И доносится он из мобильника.

— Да?

— Это И. В.

— Как дела?

В личных разговорах этот тип всегда как будто слегка тормозит. Ей совсем не хочется говорить о том, как у нее дела. На фоне голоса Хиро звучит новый гудок.

— Где ты, черт побери, Хиро?

— Иду по улице Л.А.

— Как ты можешь быть подключен, если идешь по улице? — Тут до нее доходит жуткая правда. — О господи, ты что, горгульей заделался?

— Ну, — тянет Хиро. Он сконфуженно мнется, словно ему пока еще в голову не пришло, что он наделал. — Не то чтобы совсем горгульей. Помнишь, как ты ругалась, что я все деньги трачу на компьютерные примочки?

— Ну да.

— Я решил, что трачу недостаточно. Поэтому купил себе машину на пояс. Самую маленькую, какие только бывают. Я иду по улице, а эта штуковина закреплена у меня на ремне на животе. Круто.

— Ты горгулья.

— Да, но это совсем другое дело, никаких тяжестей на меня не понавешено…

— Ты горгулья. Послушай, я говорила с одним из оптовиков.

— И?..

— Она сказала, что когда-то была хакером. У себя в компе она увидела что-то странное. Потом болела и под конец присоединилась к культу, а затем ее перевезли на Плот.

— На Плот? Продолжай.

— На «Интерпрайз». Они берут у хакеров кровь, Хиро. Высасывают из их тел. Они заражают людей, впрыскивая им кровь больных хакеров. А когда у хакеров вены становятся сплошная дорога, как у джанки, их отправляют на сушу, чтобы они занимались тут оптовой торговлей.

— Очень хорошо, — говорит он. — Отличная инфа.

— Она сказала, что видела статику на своем мониторе и от этого заболела. Тебе об этом что-нибудь известно?

— Ну да. Это правда.

— Правда?

— Ага. Но тебе не стоит волноваться. Оно поражает только хакеров.

С минуту она и слова вымолвить не может, так она зла.

— Моя мама — программист у федералов. Ах ты, сволочь! Что же ты меня не предупредил?

Через полчаса она уже дома. На сей раз даже и не думает переодеться в свою маскировку, просто врывается в дом в жутковатом черном комбинезоне. Бросает доску в коридоре на пол. Хватает с полки одну из маминых безделушек — тяжелый хрустальный кубок (на самом деле не хрусталь, а прозрачная пластмасса), который она получила за то, что пару лет назад подлизывалась к боссу федералов и прошла все тесты на полиграфе, — и вламывается в мамин кабинет.

Мама там. Как обычно. Работает за своим компьютером. Но в данный момент она на экран не смотрит: на коленях у нее какие-то заметки, которые она перелистывает.

И в тот момент, когда мама поднимает на нее глаза, И. В. размахивается и швыряет хрустальный кубок. Тот пролетает прямо над маминым плечом и, отскочив от компьютерного столика, ударяется об экран монитора. Потрясающий результат. И. В. всегда хотелось это сделать. На несколько минут она замирает, наслаждаясь делом рук своих, а мама тем временем выплескивает всевозможные дурацкие эмоции. Что ты делаешь в этой форме? Разве я тебе не говорила, нельзя ездить на скейте по настоящим улицам? Бросать вещи в доме не положено. Это самое ценное, что у меня есть. Зачем ты разбила компьютер? Это собственность правительства. И что, вообще, тут творится?

Понимая, что это будет продолжаться еще некоторое время, И. В. уходит на кухню, бросает пригоршню воды себе в лицо и наливает соку, давая маме просто ходить за ней и распространяться в прокладки на спине и плечах.

Наконец мама успокаивается, побежденная стратегией молчания И. В.

— Я только что жизнь тебе спасла, мам, — говорит И. В. — За это полагается хотя бы печенье.

— О чем, скажи на милость, ты говоришь?

— Ну, если бы вы — люди в определенном возрасте — старались держаться в курсе основных событий, то вашим детям не пришлось бы прибегать к таким крайним мерам.

35

«Земля» материализуется, величественно кружа перед самым его носом. Хиро хватает ее, поворачивает к себе Орегоном, потом приказывает убрать облака, что программа и делает, открывая перед ним кристально ясный вид на горы и береговую линию.

Там в какой-то сотне миль от побережья Орегона растет на воде гранулированный фурункул. Нагноение — еще мягко сказано. Сейчас он в сотне миль южнее Астории и все движется на юг. Теперь понятно, зачем Хуанита пару дней назад поехала в Асторию: она хотела подобраться поближе к Плоту. Зачем — остается только гадать.

Подняв голову, Хиро сосредоточивает взгляд на «Земле», подтаскивает к себе Орегон, чтобы лучше разглядеть происходящее. По мере приближения в симуляции, на которую он смотрит, нечеткие панорамные снимки, полученные со спутников на геостационарной орбите, сменяются отличным видео, поступающим в компьютер ЦРК от целой стаи спутников-шпионов на бреющем полете. Теперь перед Хиро — мозаика фотографий, отснятых всего пару часов назад.

Плот — несколько миль в ширину. Очертания его постоянно меняются, но в тот момент, когда были сделаны снимки, он имел форму раздутой человеческой почки. Иными словами, пытается принять форму наконечника стрелы или клина летящих на юг гусей, но в системе столько помех, она настолько аморфна и неорганизованна, что получается только почка.

В центре — два гигантских судна, притертые друг к другу бортами: «Интерпрайз» и нефтяной танкер. Этих мастодонтов подпирает еще несколько крупных судов, коллекция контейнеровозов и прочих сухогрузов. Ядро.

Все остальное — мелочь. Временами различимы угнанные яхты или списанные рыболовецкие траулеры. Но большинство лодок Плота — лодки и ничего больше. Мелкие прогулочные катера, сампаны, дау, одномачтовые каботажные суда, ялики, плотики, джонки, импровизированные строения поверх заполненных воздухом бочек из-под нефти и плит пенопласта. Добрая половина — вовсе и не плавучий материал, а нагромождение веревок, канатов, досок, сетей и прочего мусора, связанного воедино и накрученного поверх всего, что держалось на воде и было под рукой.

А в самой середине засел, как паук, Л. Боб Райф. Хиро не знает наверняка, что он поделывает, не знает, как связана со всем этим Хуанита. Но пора поехать туда и все выяснить.

Скотт Лагерквист стоит на краю «Универмага Мотоциклов Марка Нормана 24/7» и ждет тягач доставки, когда из-за угла вдруг выходит решительно шагающий по тротуару парень с мечами. Пешеход в Л.А. — диковинное зрелище, намного более диковинное, чем человек с мечами. Но желанное. Все, кто приезжает в контору по продаже мотоциклов, уже, по определению, имеют машину, поэтому им ничего не навяжешь. А вот пешеход — просто подарок судьбы.

— Скотт Уилсон Лагерквист! — вопит мужик с мечами с расстояния в пятьдесят ярдов. — Как дела?!

— Замечательно! — орет в ответ несколько сбитый с толку Лагерквист. Проблема в том, что имени мужика он не помнит. Где же он его видел?

— Рад тебя видеть! — говорит Скотт, подбегая к мужику, чтобы пожать ему руку. — Не видел тебя с самого…

— Мизинчик сегодня на месте?

— Мизинчик?

— Ну да. Марк. Марк Норман. Мизинчиком его прозвали в колледже. Думаю, он теперь не слишком жаждет, чтобы об этом вспоминали, раз уж он заправляет полудюжиной представительств агентств, тройкой «Макдональдсов» и «Холлидей-инном», а?

— Я не знал, что мистер Норман держит еще и закусочные.

— Ага. У него же три франшизы на Лонг-Бич. Правда, он владеет ими на правах партнерства с ограниченной ответственностью. Он сегодня на месте?

— Нет, он в отпуске.

— Ах да. На Корсике. В «Аяччьо Хайятт». Номер 504. Все правильно, у меня совсем из головы вылетело.

— Ну, вы просто так заглянули или…

— Не-а. Собирался купить мотоцикл.

— О! И мотоцикл какой модели вы ищете?

— Как насчет новой «ямахи»? С «умноколесами» нового поколения?

Скотт мужественно улыбается, пытаясь сохранить лицо при том ужасном факте, который он вот-вот объявит.

— Я прекрасно знаю, о чем вы говорите. Но, к сожалению, у нас сегодня такой нет на складе.

— Нет?

— Нет. Это самая последняя модель. Ни у кого ее нет.

— Вы уверены? Ведь вы одну такую заказали.

— Да?

— Ага. Еще месяц назад. — Внезапно малый тянет шею, заглядывая за плечо Скотта. — Ну да, помяни черта, а он тут как

тут. Вот ее везут.

На стоянку въезжает тягач с последней поставкой мотоциклов на платформе-прицепе.

— Она вон в том тягаче, — говорит малый. — Если дадите мне одну из ваших визиток, я вобью идентификационный номер байка на обратной стороне, а вы тогда сможете мне ее снять.

— Особый заказ, отправленный мистером Норманом?

— Сами понимаете, он утверждал, будто заказал его для витрины как образец. Но на нем значится мое имя.

— Да, сэр. Понятно, сэр.

И разумеется, байк съезжает с прицепа платформы, в точности такой, каким описал его малый, указав верную цветовую гамму (черный) и идентификационный номер мотоцикла. Байк — просто загляденье. Он всего лишь стоит на автостоянке, а вокруг уже собралась толпа зевак: остальные коммивояжеры и менеджеры оставили кружки с кофе и сняли со столов ноги, чтобы выйти на него поглазеть. Он похож на черную сухопутную торпеду. Привод на оба колеса. Сами колеса настолько продвинутые, что они уже даже не колеса, это огромные промышленные версии «умноколес», так любимых скейтерами-скоростниками, — с независимо выдвигающимися шипами и толстыми подушками сцепления на «ступнях». По переду над носовым конусом свисает сенсорный блок, отслеживающий состояние дороги и решающий, куда именно поставить каждую из ступней катящегося байка, насколько далеко — ее шип и как повернуть ступню для максимального сцепления с поверхностью. И всем управляет биос: у байка собственный бортовой компьютер с плоским экраном, встроенным в верхнюю панель топливного бака.

Говорят, эта детка бегает со скоростью сто двадцать миль по гравию. Биос подключается к сводкам погоды ЦРК и поэтому знает, чего ожидать. Аэродинамический обтекатель полностью гибкий и сам рассчитывает наиболее эффективную форму для данной скорости и ветра, изменяет соответственно свои изгибы, оборачивается вокруг водителя, будто гимнастка-нимфоманка.

Скотт думает, что этот малый намерен заскочить за инвойсом от дилера, раз уж он доверенный друг мистера Нормана. Любому активному продавцу мало радости составлять контракт на продажу такой сексуальной зверушки с дилерской скидкой. Скотт с мгновение мнется. Спрашивает себя, что с ним станется, если тут какая-то ошибка.

Малый внимательно за ним наблюдает и будто угадывает его нервозность, словно способен слышать сердцебиение Скотта. Поэтому в последнюю минуту он смягчается, можно сказать,

проявляет благородство — Скотт страсть как любит таких мотов, — решив добавить несколько сотен конгбаксов поверх инвойса, чтобы Скотт мог получить хотя бы мизерные комиссионные. Чаевые, по сути.

И в довершение всего — вот он, подарок судьбы! — малый вовсю разворачивается во «Все для байкера». Просто голову теряет. Покупает полный комбинезон. И все примочки. И самые лучшие. Самый лучший полный комбинезон, закрывающий все тело с головы до пят, с дышащей пуленепробиваемой бронетканью, с бронепрокладками во всех положенных местах и воздушными подушками вокруг шеи. Даже маньяки, помешанные на безопасности, когда у них такая одежка, не заморачиваются шлемами.

И как только малый придумывает, как повесить поверх комбинезона мечи, он собирается трогаться в путь.

— Должен сказать, — говорит Скотт, когда малый уже сидит на своем новом байке, пристраивает поудобнее мечи и делает с биосом что-то невероятно запрещенное, — выглядишь ты как чертовски крутой сукин сын.

— Спасибо. — Малый дает по газам, и Скотт не слышит, но чувствует мощь мотора. Эта детка настолько умна, что не тратит лошадиных сил на шум. — Передай привет новорожденной племяннице, — говорит малый и отпускает сцепление.

Шипы сгибаются, втягиваются внутрь, и байк вылетает со стоянки, будто берет старт со всех своих электронных лап. Пролетев насквозь парковку соседней франшизы «Храма Нового Водолея», он выезжает на дорогу. Через полсекунды малый с мечами — уже просто точка на горизонте. А потом и вовсе пропал. Направляясь на север.

36

Пока тебе не исполнилось двадцать пять, ты время от времени думаешь, что, сложись твоя жизнь по-иному, ты стал бы самым крутым сукиным сыном в мире. Если бы я поселился в китайском монастыре, где есть своя школа боевых искусств, и десять лет трудился бы до седьмого пота. Если бы мою семью перестреляли торговцы наркотиками из Колумбии и я бы поклялся отомстить. Если бы я был смертельно болен, жить мне оставалось один год и я посвятил бы его борьбе с уличной преступностью. Если бы я просто все бросил и всю жизнь посвятил тому, чтобы стать плохим.

Хиро тоже так думал, а потом столкнулся с Вороном. Отчасти это освобождает. Ему уже нечего мечтать быть самым крутым сукиным сыном в мире. Это место уже занято. Последняя капля — из-за которой первое место крутейшего сукин-сынства уплывает из-под носа, — это, разумеется, водородная бомба. Если бы не водородная бомба, можно было бы еще потягаться. Скажем, найти ахиллесову пяту Ворона. Подкрасться, свалить, надрать задницу. Но из-за ядерного зонтика Ворона титул мирового чемпионства стал недосягаемым.

Что не так уж и плохо. Иногда даже хорошо, что ты лишь немного крут. Хорошо знать, где граница твоих возможностей. Научиться использовать то, что имеешь.

Как только Хиро выезжает на бесплатную трассу и поворачивает байк носом к горам, он входит в виртуальность своего офиса. «Земля» по-прежнему висит на своем месте, держа Плот как бы под лупой. Несясь в Орегон со скоростью сто сорок миль в час, Хиро размышляет над изображением Плота, которое призрачными полутонами накладывается на трассу.

Издали Плот кажется больше, чем на самом деле. Приблизив изображение, Хиро понимает, что эту иллюзию создает обволакивающее Плот и им же порожденное облако нечистот, постепенно растворяющееся в воде и в атмосфере.

Тихий океан он обходит по часовой стрелке. Когда на «Интерпрайз» разводят пары, он может отчасти контролировать свой курс, но настоящая навигация, учитывая весь налепившийся на него мусор, практически невозможна. По большей части Плот идет туда, куда несут его ветер и кориолисово ускорение. Несколько лет назад он, набирая беженцев, проходил мимо Филиппин, Вьетнама, Китая и Сибири. Потом повернул к цепи Алеутских островов, обогнул выступ Аляски и теперь медленно скользит мимо небольшого городка Порт-Шерман, штат Орегон, у

границы Калифорнии.

Двигаясь по Тихому океану в основном за счет течений, Плот время от времени сбрасывает часть своей чешуи. Эти фрагменты в конечном итоге вымывает на побережье, скажем, Санта-Барбары — связанные воедино обломки с грузом скелетов и обглоданных костей.

Добравшись до Калифорнии, Плот вступит в новую фазу своего жизненного цикла. Он сбросит большую часть импровизированного объема, когда сотни тысяч беженцев отрубят свои лодчонки от ядра и погребут к берегу. Те беженцы, которые продержались так долго, это, по определению, те, кто изначально были достаточно расторопны, чтобы добраться с родины до Плота, достаточно изобретательны, чтобы выжить в мучительно медленном плавании по арктическим водам, и достаточно ожесточены, чтобы не стать убитыми другими беженцами. Исключительно приятные джентльмены. Именно таким вы будете рады, когда они объявятся на вашем частном пляже в количестве пары-тройки тысяч.

Ободранный до нескольких основных кораблей и потому более маневренный, «Интерпрайз» снова пересечет Тихий океан, направляясь в Индонезию, где опять повернет на север и начнет следующий цикл плавания.

Армии муравьев пересекают бурные реки, забираясь на головы впереди идущих; так скапливается способный держаться на воде шар. Многие отпадают и тонут, и, разумеется, те, кто оказался внизу, — тоже. Те же, кто бы достаточно быстр и решителен, чтобы постоянно карабкаться наверх, выживают. Очень многие перебираются через реки, вот почему армии муравьев нельзя остановить, взрывая мосты. Именно так беженцы пересекают Тихий океан, пусть они даже слишком бедны, чтобы заказать билет на настоящий корабль или купить пригодную для плавания лодку. Приблизительно раз в пять лет новая волна набегает на Западное побережье, когда океанские течения приносят домой «Интерпрайз».

Последние несколько месяцев владельцы земельных участков вдоль пляжей Калифорнии нанимают охрану, устанавливают прожекторы и противопехотные заграждения вдоль линии прилива, монтируют на свои яхты пулеметы. Все они подписаны на круглосуточный «Отчет о Плоте» ЦРК, чтобы получать последние сводки прямо со спутника о том, когда очередной контингент из двадцати пяти тысяч голодающих евразийцев оторвется от «Интерпрайз» и опустит мириады весел в Тихий океан — точно муравьиные лапки.

— Пора еще покопаться, — говорит Хиро Библиотекарю. —

Но теперь сведи все к вербальному уровню, потому что в настоящий момент я гоню на огромной скорости по I-5 и приходится держать ухо востро: присматривать за тащащимися грузовиками и прочим.

— Буду иметь в виду, — произносит у него в наушниках голос Библиотекаря. — К югу от Санта-Клариты была авария, остов грузовика еще на дороге. А на съезде к Туларе — большая выбоина в левом ряду.

— Спасибо. Кстати, а кто вообще были эти боги? У Лагоса было какое-то мнение на этот счет?

— Лагос полагал, что они могли быть магами, иными словами, нормальными людьми с особыми способностями, или же инопланетянами.

— Черт меня побери, не так быстро. Давай по одному за раз. Что Лагос имел в виду, говоря о «нормальных людях с особыми способностями»?

— Предположим, нам-шуб Энки действительно функционировал как вирус. Предположим, его изобрел некто по имени Энки. Тогда Энки должен был обладать лингвистическими способностями, которые выходят далеко за пределы нашего представления о нормальном.

— И как проявлялись эти способности? Каков был механизм?

— Я могу только изложить связи, какие установил Лагос.

— Ладно. Валяй.

— Вера в магическую силу языка часто встречается как в мистической, так и в научной литературе. Каббалисты, иудейские мистики в Испании и Палестине, полагали, будто, комбинируя буквы имени божества, можно обрести сверхъестественные озарение и силу. К примеру, говорят, будто Абу Аарон, ранний каббалист, эмигрировавший из Багдада в Италию, совершал чудеса силой Священных Имен.

— О какой именно силе мы сейчас говорим?

— Большинство каббалистов были теоретиками и интересовались лишь чистой медитацией. Но существовала также «прикладная Каббала», адепты которой пытались применить это учение в повседневной жизни.

— Иными словами, колдуны.

— Да. Эти прикладные каббалисты использовали так называемый «архангельский алфавит», выведенный из греческого и арамейского теургического алфавита первого века нашей эры, внешне похожего на клинопись. Каббалисты называли этот алфавит «глазным письмом», поскольку буквы составлялись из линий и небольших окружностей, походивших на глаза.

— Единицы и нули.

— Некоторые каббалисты разделили буквы алфавита по месту произведения звуков органами речи.

— О'кей. Как сказали бы мы сегодня, они связывали печатную букву на странице с нейролингвистическими связями, которые следовало задействовать, чтобы эту букву произнести.

— Да. Анализируя произношение и написание различных слов, они считали, что могут прийти к выводу об их истинных, внутренних, значении и смысле.

— Ладно. Как скажешь.

— Выводы научной литературы, разумеется, не столь фантастичны. Но предпринималось немало попыток объяснить Вавилон. Не само событие Вавилона, которое большинство ученых считают мифическим, а тот факт, что существует тенденция к дивергенции языков. В попытке связать все языки воедино был выдвинут ряд лингвистических теорий.

— И эти теории Лагос попытался применить к своей гипотезе о вирусе.

— Да. Существуют две школы: релятивисты и универсалисты. Как объясняет вкратце Джордж Стейнер, релятивисты обычно полагают, что язык является не носителем мысли, а определяющим ее средством выражения. Язык — общая структура, в рамках которой осуществляется познание. Наше восприятие реальности систематизируется потоком ощущений, выраженных и преобразованных этой структурой. Следовательно, изучение эволюции языка есть изучение эволюции самого человеческого разума.

— Общий смысл понятен. А как насчет универсалистов?

— В противоположность релятивистам, которые полагают, что для возникновения в языках общих черт нет причин, универсалисты считают, что если достаточно долго анализировать языки, можно обнаружить, что у всех есть общие характерные особенности. Поэтому они анализируют языки в поисках этих особенностей.

— Ну и как, нашли?

— Нет. Пока как будто на каждое правило находится исключение.

— Что сводит на нет весь универсализм.

— Не обязательно. Эту проблему они объясняют, утверждая, что общие особенности слишком глубоко погребены и потому не поддаются анализу.

— Ловко вывернулись.

— Они правы в том, что на определенном уровне язык должен происходить в человеческом мозгу. А поскольку человеческий мозг более или менее для всех одинаков…

— Железо одно и то же. Но не софт.

— Вы используете метафору, которую я не в состоянии понять.

Хиро проносится мимо огромного двухэтажного автобуса «айэстрим», который покачивается из стороны в сторону на дующем по долине штормовом ветре.

— Ну, франкоговорящий мозг вначале такой же, как англоговорящий. Пока они растут, они программируются разными программами — выучивают разные языки.

— Да. Следовательно, согласно универсалистам, французский и английский, или любой другой язык, должны иметь общие характерные черты, коренящиеся в «глубинных структурах» человеческого мозга. Согласно теории Хомского, глубинные структуры есть врожденные составляющие мозга, позволяющие ему выполнять определенные формальные разновидности операций по цепочке символов. Или, как перефразирует Стейнер Эммона Баха, «эти глубинные структуры со временем приводят к действительному закладыванию моделей в кору головного мозга, бесконечно разветвленной и одновременно „запрограммированной“ сети электрохимических и нейрофизиологических каналов».

— Но эти глубинные структуры настолько глубоки, что распознать их мы не можем?

— Универсалисты помещают активные ноды лингвистической жизни — глубинные структуры — на такую глубину, что они не поддаются описанию и изучению. Или, используя аналогию Стейнера, «попытайся извлечь существо из моря, и оно разложится или чудовищно изменит форму».

— Ну вот, опять эта змея. Так какой теории придерживался Лагос? Релятивистов или универсалистов?

— Он, кажется, полагал, что между ними не существует большой разницы. В конечном итоге они обе ударяются в мистику. Лагос считал, что обе школы, по сути, различными путями пришли к одному и тому же.

— Но, на мой взгляд, тут есть ключевое различие, — возражает Хиро. — Универсалисты считают, что мы детерминированы нейронными связями в коре головного мозга. Релятивисты не верят, что у нас есть какие-либо ограничения.

— Лагос модифицировал строгое хомскианство, предположив, что изучение языка равносильно внесению кода в PROM, аналогия, какую я не в состоянии истолковать.

— Аналогия ясна. PROM — это программируемое одностороннее устройство памяти, — говорит Хиро. — Поступая с завода, эти чипы не имеют содержания. На них можно нанести

информацию один, и только один раз, а потом ее заморозить: информация, программное обеспечение, теперь вмонтировано в чип и превращается в железо. После занесения кода в PROM код можно считать, но записать новый на него нельзя. Иными словами, Лагос пытался сказать, что мозг новорожденного не имеет глубинных структур, как и утверждают релятивисты, а по мере того как ребенок усваивает язык, соответственным образом развиваются и структуры самого мозга, язык «наносится» на железо и становится неотъемлемой частью глубинной структуры мозга, как утверждают универсалисты.

— Да. Такова была и его интерпретация.

— Ладно. Выходит, говоря об Энки как о реальном человеке с магическими способностями, Лагос подразумевал, что Энки каким-то образом понимал связь между языком и мозгом и знал, как ею манипулировать. Сходным образом хакер, зная секреты компьютерной системы, может написать код для ее контроля — цифровой нам-шуб.

— Лагос говорил, что Энки обладал способностью восходить во вселенную языка и видеть его перед своими глазами. Так же, как люди посещают Метавселенную. Это дало ему силу творить различные нам-шуб. А нам-шуб обладало способностью изменять функционирование тела и мозга.

— Так почему сегодня никто ничего подобного не делает? Почему нет никаких нам-шуб на английском?

— Как указывает Стейнер, не все языки одинаковы. Одним языкам метафора свойственна в большей мере, нежели другим. Иврит, арамейский, греческий и китайский более приспособлены для игры слов и достигли прочной связи с реальностью: «В Палестине был Квириат Сефер, „Город букв“, в Сирии имелся Библос, „Башня книг“. В противоположность им другие культуры представляются „безъязыкими“ или, по меньшей мере, как это было в случае Египта, не полностью сознающими творящую и трансформирующую силу языка». Лагос полагал, что шумерский был крайне мощным языком, во всяком случае, в Шумере пять тысяч лет назад.

— Язык, подходящий для нейролингвистического программирования Энки.

— Так же как и каббалисты, ранние лингвисты верили в существование фиктивного языка, называемого «Райское наречие», язык Адама. Он позволял всем людям понимать друг друга, минуя взаимонепонимание. Это был Логос того мгновения, в которое Бог создал мир словом. На Райском наречии назвать предмет было равносильно тому, чтобы его сотворить. Цитируя снова Стейнера: «Наша речь стоит между пониманием и истиной,

будто пыльное стекло или кривое зеркало. Райское наречие было сродни прозрачному стеклу, через которое лился свет абсолютного понимания. Тем самым Вавилон был вторым Падением». А Исаак Слепой, ранний каббалист, сказал, что (цитируя перевод Гершома Шолема): «Речь человеческая связана с речью божественной, и всякий язык, будь то небесный или человеческий, происходит из одного корня: Божественного Имени». Прикладные каббалисты носили титул «ба'ал шем», что означает «овладевший божественным именем».

— Машинный язык мира, — говорит Хиро.

— Это еще одна аналогия? — осведомляется Библиотекарь.

— Компьютеры оперируют машинным языком, — отвечает Хиро, — который записывается единицами и нулями, бинарным кодом. На самом низком уровне все компьютеры программируются чередой единиц и нулей. Программируя на машинном языке, ты контролируешь компьютер на уровне ствола мозга, самой основы его существования. Это — Райское наречие машин. Но работать на машинном языке очень тяжело, потому что через некоторое время начинаешь просто сходить с ума от возни на микроуровне. Поэтому для программистов был создан целый Вавилон компьютерных языков: ФОРТРАН, Бейсик, КОБОЛ, ЛИСП, Паскаль, ПРОЛОГ, ФОРТ. Ты обращаешься к компьютеру на этом языке, а программка под названием компилятор конвертирует команды в машинный язык. Но никогда нельзя с точностью сказать, что именно делает компьютер. Не всегда все выходит так, как ты задумал. Как пыльное стекло или кривое зеркало. По-настоящему продвинутый хакер рано или поздно начинает понимать внутреннее функционирование машины, видит сквозь язык, на котором работает, и угадывает тайное функционирование бинарного кода — становится вроде как «ба'ал шем».

— Лагос считал, что легенды о Райском наречии были приукрашенным рассказом об истинных событиях, — говорит Библиотекарь. — Эти легенды отразили ностальгию по тому времени, когда люди говорили на шумерском наречии, превосходившем все, что пришли ему на смену.

— Шумерский действительно так хорош?

— Нет, насколько могут судить сегодняшние лингвисты, — отвечает Библиотекарь. — Как я уже упоминал, он по большей части недоступен нашему пониманию. Лагос подозревал, что слова в то время функционировали иначе. Если родной язык воздействует на физическую структуру развивающегося мозга, то будет правильным сказать, что шумеры, говорившие на языке, радикально отличном от всех, существующих сегодня, имели

мозг, фундаментально отличающийся от вашего. Лагос полагал, что по этой причине шумерский идеально подходил для создания и распространения вирусов. Что, однажды выпущенный в шумерский язык, вирус распространялся очень быстро, пока не поражал всех.

— Возможно, и Энки тоже это знал, — говорит Хиро. — Возможно, нам-шуб Энки — не такая уж плохая штука. Может, Вавилон — вообще самое лучшее, что когда-либо с нами случалось.

37

Мама И. В. работает в Федземле. Припарковав крохотную малолитражку на своем пронумерованном месте на стоянке, за которое федералы требуют с нее десять процентов жалованья (если ей это не нравится, она может ездить на такси или ходить пешком), она поднимается по пролетам ослепительно освещенной винтовой железобетонной лестницы, где большинство мест — хороших мест поближе к поверхности — зарезервировано для тех, кто лучше нее; впрочем, сейчас они пустуют. Мама И. В. всегда идет посередине парковки, между рядов машин, чтобы ребята из ИОГКО не сочли, будто она прячется, мешкает, крадется, притворяется больной или курит.

Подойдя к подземному входу в свое здание, она вынимает из карманов все металлические предметы и снимает те немногие украшения, какие на ней надеты, и, сложив все в пластмассовый лоток, проходит через металлоискатель. Показывает бэдж. Расписывается, указав время на электронных часах. Подвергается обыску, который проводит девушка ИОГКО. Приятного мало, но ничто в сравнении с обыском полостей тела. У них есть право и на такой обыск, стоит им только пожелать. Однажды ее подвергали таким обыскам каждый день на протяжении месяца: как раз после того, как на совещании она рискнула предположить вслух, что в работе над крупным проектом ее начальница, возможно, идет по ложному пути. Она знает, это было мелочное наказание, но ей всегда хотелось сделать что-то для своей страны, и если ты работаешь на федералов, то приходится смириться с фактом, что без интриг тут не обойдется. А поскольку ты в самом низу, тебе и нести основную тяжесть. Вот когда поднимешься на несколько ступенек в карьере «неавторизованного персонала», тогда тебя от этого избавят. Мама И. В. вовсе не собирается спорить с начальницей. У ее начальницы, Мариэтты, позиция в общем табеле тоже не блестящая, зато есть небольшие связи. Множество разных знакомых. Мариэтта знакома со многими, кто знает нужных людей, а те, в свою очередь, знают еще новых. Мариэтту приглашали на вечеринки с коктейлями, куда захаживают такие люди… ну, у тебя просто глаза на лоб полезут.

Обыск она прошла на все «пять». Распихала свое имущество по карманам. Поднялась по полудюжине лестниц на свой этаж. Лифты работают, но очень высокопоставленные в Федземле люди дали знать (разумеется, неофициально, но у них свои методы доводить желаемое до сведения сотрудников), что их долг — экономить электроэнергию. А федералы воспринимают долг

всерьез. Долг, лояльность, ответственность. Коллаген, который цементирует нас в Соединенные Штаты Америки. Поэтому лестничные пролеты полны пропотевшей шерсти и скрипящей кожи. Если поедешь на лифте, никто тебе ничего вслух не скажет, но и без внимания это не оставят. Заметят, запишут, учтут. На тебя станут смотреть, меряя взглядом с головы до ног — мол, что с тобой, растянула лодыжку? Не так уж и трудно подняться по лестнице.

Федералы не курят. Федералы обычно не переедают. План здорового образа жизни — воплощенная конкретность и содержит серьезные стимулы. А кроме того, если станешь слишком толстой или начнешь страдать одышкой, никто тебе, конечно, ничего не скажет, ведь это бестактно, но ты почувствуешь определенное давление, тебе дадут понять, что ты не вписываешься в коллектив: когда ты будешь проходить мимо сотен столов, тебя проводят внимательные взгляды, оценивающие массу твоих ягодиц, эти взгляды зашныряют по всей комнате, и в единодушном согласии твои коллеги станут спрашивать про себя: интересно, насколько она или он увеличивает нам страховые взносы по плану здорового образа жизни? Поэтому мама И. В. цокает каблучками черных лодочек по лестницам и наконец входит в свой офис, огромное помещение, в шахматном порядке заставленное компьютерными терминалами. Раньше оно было подразделено на ячейки, отсеки, но ребятам из ИОГКО это не нравилось; они говорили: а что случится, если придется экстренно эвакуироваться? Перегородки помешают беспрепятственному распространению беспорядочной паники. Поэтому больше никаких перегородок. Только терминалы и стулья. Даже столов как таковых нет. Столы поощряют использование бумаги, что архаично и отражает неадекватный командный дух. Что в твоей работе такого особенного, что это нужно записывать на клочке бумаги, который ты один только и видишь? Зачем тебе надо запирать его в стол? Когда работаешь на федералов, все, что бы ты ни делал, — собственность Соединенных Штатов Америки. Выполняй свою работу на компьютере. А он делает копию всего, и потому, если ты заболеешь или еще что-нибудь случится, твои сотрудники и начальство смогут получить к ней доступ. А если хочешь делать заметки или чертить каракули, ты волен делать это дома — в свободное время.

А еще проблема взаимозаменяемости. Федеральным служащим, как и военным, полагается быть взаимозаменяемыми колесиками. Что, если твой терминал сломается? Будешь бить баклуши, пока его не починят? Нет, дружок, пересядешь к

свободному терминалу и на нем продолжишь работу. А такой гибкости у тебя не будет, если по ящикам у тебя распихано полтонны всяких бумажек и еще столько же разбросано по столу.

Поэтому бумаги в федеральном офисе нет. Все терминалы одинаковые. Приходишь утром, выбираешь наугад, садишься — и за работу. Можешь, конечно, выбрать себе какой-нибудь один, попытаться садиться за него изо дня в день, но это заметят. Обычно выбираешь тот, что поближе к двери. Поэтому те, кто пришли раньше, сидят ближе к дверям, а припозднившиеся — у самой стены в дальнем конце, и на протяжении всего дня с первого взгляда видно, кто в этом офисе расторопен, а у кого, как перешептываются в уборных, проблемы.

Впрочем, кто приходит первым, и так ни для кого не секрет. Когда утром со своего терминала входишь в систему, компьютер фиксирует время. Центральный компьютер все подмечает: целый день отслеживает все клавиши, которые ты нажимаешь на клавиатуре, в какое время ты какую нажала (с точностью до миллисекунды), была это верная клавиша или нет, сколько и когда ошибок ты допускаешь. От тебя требуют быть на рабочем месте только с восьми до пяти с получасовым перерывом на обед и двумя десятиминутными перерывами на кофе, но если ты придерживаешься такого расписания, это, безусловно, заметят; вот почему мама И. В. садится за первый же незанятый терминал и входит в систему без четверти семь. Полдюжины служащих уже на местах, сидят за машинами еще ближе к двери, но и это неплохо. Если она сумеет и дальше так держать, может рассчитывать на вполне стабильную карьеру.

Федералы все еще работают в Плоскомире. Никаких там трехмерных экивоков, никаких гоглов, никакого стереозвука. Все компьютеры — с базовыми плоскими двухмерными мониторами. На рабочем столе появляются окна, а в них — маленькие текстовые документы. Все — составляющие программы жестокой экономии. Вскоре принесет крупные дивиденды.

Войдя в систему, мама И. В. проверяет свою почту. Никаких личных сообщений, только пара официальных заявлений Мариэтты для массового всеобщего распространения.

НОВЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕСУРСОВ ТБ

Меня просили распространить новые предписания по факту объединения ресурсов в пределах офиса.

Прилагаемая памятная записка — новый подраздел Руководства производственного процесса ИГКО, заменяющий старый подраздел, озаглавленный ФИЗИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ/КАЛИФОРНИЯ/ЛОС-АНДЖЕЛЕС/ЗДАНИЯ/ОФИСНЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ/ ПРЕДПИСАНИЯ ПО ПЛАНИРОВКЕ/ВКЛАД СОТРУДНИКОВ/ГРУППОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Старый подраздел безоговорочно воспрещал использование офисного пространства или офисного времени в целях объединения ресурсов любого рода, будь то постоянного (т. е. «кофейный котел») или разовых (к примеру, вечеринки по случаю дней рождений).

Запрет остается в силе, однако теперь было сделано разовое исключение для любого офиса, пожелавшего прибегнуть к совместной стратегии туалетной бумаги.

В качестве введения позвольте сделать несколько общих замечаний по этому вопросу. Проблема распределения среди сотрудников туалетной бумаги создает неизбежные трудности для любой системы менеджмента персонала в связи с неизбежной непредсказуемостью утилизации: не каждое использование уборных помещений ведет к утилизации туалетной бумаги, и когда она утилизируется, требуемый объем (число квадратов) может значительно варьироваться от человека к человеку и для каждого данного человека от одного раза посещения к другому. Это даже не учитывает случайную утилизацию туалетной бумаги для непредсказуемых/творческих целей, как то: накладывание/снятие макияжа, устранение последствий пролития жидкостей и т. п. Поэтому вместо того, чтобы упаковывать туалетную бумагу в разовые упаковки (как это делается, к примеру, в случае влажных салфеток), что может вести к ненужному расходу в одних случаях и сковывать активность в других, этот продукт традиционно упаковывают в оптовые единицы, размер которых превышает максимальное число квадратов, которые один индивидуум предположительно способен утилизировать за один раз (исключая форсмажор). Это до минимума сокращает число обращений, в которых упаковка исчерпывается (заканчивается рулон), способных привести к эмоциональному стрессу затронутого сотрудника. Однако это создает определенные затруднения для менеджера, поскольку

фабричная упаковка довольно объемна и, чтобы избежать ненужной растраты, должна находиться в пользовании некоторого числа различных индивидуумов.

С началом введения Фазы XVII Программы Экономии сотрудникам было позволено приносить собственную туалетную бумагу. Подобный подход излишен, ведь каждый сотрудник обычно приносит собственный рулон.

Ряд офисов попытался разрешить эту проблему, введя объединение ресурсов туалетной бумаги.

Избегая излишних обобщений, можно указать, что ввиду неподдающейся модернизации особенности любого объединения ресурсов туалетной бумаги, введенного на уровне офиса, в среде окружения (т. е. в здании), в котором объекты личной гигиены располагаются поэтажно (т. е. одним объектом пользуются несколько офисов), обязательным условием должно стать создание на территории каждого отдельного офиса временного хранения фабричных упаковок туалетной бумаги (т. е. рулонов). Это следует из того обстоятельства, что означенные ФУТБы (рулоны) расположены в неактивном состоянии вне поля зрения контролирующего офиса (т. е. офиса, коллективно купившего ФУТБ). Иными словами, если ФУТБы хранятся, например, в коридоре или на объекте, где происходит их утилизация, они становятся предметом хищения и «сокращения» при утилизации их неправомочным персоналом в результате или сознательного расхищения, или честного взаимонедопонимания, проистекающего из уверенности в том, что данные ФУТБы предоставляются бесплатно головной организацией (в данном случае — правительством Соединенных Штатов), или вследствие необходимости, как в случае с пролитием жидкости, подступающей к чувствительному электронному оборудованию и требующей незамедлительного устранения. Этот факт заставил ряд офисов (которые останутся неназванными — сами знаете, ребята, кто это) установить импровизированные хранилища ФУТБов, служащие также точками сбора взносов в общий фонд. Обычно эти хранилища имеют форму стола возле двери, ближайшей к объекту, на котором стопками или иным образом размещены ФУТБы, а также лоток или иной

сосуд, в который участники фонда могут опускать свои взносы, и обычно табличка или иное устройство привлечения внимания (к примеру, мягкая игрушка или шарж) в целях взимания взноса. Из беглого просмотра вышеуказанных предписаний ясно, что помещение подобной выставки/хранилища нарушает процедурное производственное руководство. Однако в интересах гигиены служащих, морали и поднятия группового духа, вышестоящее руководство согласилось сделать разовое исключение в инструкциях специально для этой цели.

Как в случае любой части Руководства производственного процесса, будь то в старой или в новой редакции, ваша обязанность — досконально ознакомиться с данным материалом. Плановое время прочтения данного документа — пятнадцать и шестьдесят две сотых минуты (не думайте, мы проверим). Пожалуйста, обратите внимание на следующие основные моменты в этом документе, а именно:

1) Выставки/хранилища ФУТБов сейчас разрешены на пробной основе, настоящая стратегия будет пересмотрена через шесть месяцев.

2) Действовать они должны на добровольной основе объединения ресурсов, как описано в подразделе об объединении ресурсов сотрудниками. (NB: Это означает вести учет и сводить все финансовые сделки.)

3) ФУТБы должны покупаться сотрудниками (а не доставляться через службу почты) и подвергаться всем обычным предписаниям по досмотру и обыску.

4) Ароматизированные ФУТБы недопустимы, поскольку могут вызвать у некоторых сотрудников аллергическую реакцию, удушье и т. п.

5) Взносы в денежный фонд, как и все прочие валютные операции в рамках правительства США, должны производиться в официальной валюте США. Иены или конгбаксы недопустимы!

Разумеется, это приведет к проблеме объема, если сотрудники попытаются использовать сосуд для взносов в качестве свалки для пачек старых банкнот в миллион и миллиард долларов. Хозяйственный отдел обеспокоен проблемой вывоза отходов и потенциальной угрозой пожара, которая может возникнуть, если будут скапливаться большие объемы миллиардов и триллионов. Соответственно, основной особенностью

настоящего предписания становится то, что сосуд для взносов должен опорожняться ежедневно и чаще, если ситуация с накапливанием будет обостряться.

В этом ключе хозяйственные службы просили меня также указать, что многие из вас, у кого на руках находятся излишки валюты США, желая убить двух зайцев разом в попытке избавиться от означенных излишков, использовали старые миллиарды в качестве туалетной бумаги. Несмотря на творческий характер такого подхода, он имеет два недостатка:

1) засоряет трубы и

2) является надругательством над валютой США, что квалифицируется по федеральному уголовному праву как преступление.

НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО!

Присоединяйтесь к фонду туалетной бумаги своего офиса. Это просто, это гигиенично, это законно.

Счастливого фонда!

Мариэтта

Подтянув к себе новую памятную записку, мама И. В. сверяется со временем и начинает читать. Плановое время прочтения — пятнадцать и шестьдесят две сотых минуты. Позже, когда Мариэтта в 9 вечера в своем личном отдельном офисе будет просматривать статистику по офису за день, она увидит имя каждого сотрудника, а рядом с ним — время, которое он потратил на чтение этой памятной записки, и ее реакция, основанная на потраченном времени, будет выглядеть приблизительно так:

Меньше 10 минут. Время для собеседования и, возможно, рекомендаций по изменению отношения к работе.

10–14 минут. Присмотреться к этому сотруднику; возможны проявления небрежности.

14–15.61. Квалифицирован, свое дело знает, но иногда может пропустить важную деталь.

Ровно 15.62. Умник. Рекомендации по изменению отношения к работе.

15.63–16 минут. Лизоблюд. Ненадежен.

16–18. Методичный работник, иногда может погрязнуть в незначительных деталях.

Больше 18 минут. Просмотреть видеопленку камеры наблюдения, проверить, чем занимался данный

сотрудник (т.е. возможен несанкционированный выход в туалет).

Мама И. В. решает потратить на чтение памятной записки от четырнадцати до пятнадцати минут. Сотрудникам помладше лучше провести за чтением подольше, чтобы проявить тщательность, а не самоуверенность. Старшим сотрудникам лучше читать побыстрее, чтобы выказать хороший потенциал управленца. Маме И. В. под сорок. Она просматривает памятную записку, через равные интервалы нажимая кнопку «PgDn», иногда возвращаясь на страницу вверх, чтобы сделать вид, будто перечитывает какой-то абзац выше. Начальство одобряет повторное чтение. Мелочь, но лет за десять такое накапливается и много что дает в обзоре твоих рабочих привычек.

Покончив с памятной запиской, она берется за работу. Мама И. В. — разработчик приложений у федералов. В былые времена она зарабатывала бы написанием компьютерных программ. Сегодня она пишет фрагменты компьютерных программ. Эти программы разрабатывают на длительных совещаниях во весь уик-энд Мариэтта и начальники Мариэтты на верхнем этаже. Как только они разработают какую-то программу, то начинают дробить проблему на все более мелкие и мелкие сегменты, расписывая их начальникам групп, а те, в свою очередь, дробят полученное на еще меньшие фрагменты и сбрасывают крохи работы индивидуальным программистам. Для того чтобы работа отдельных кодировщиков согласовывалась друг с другом, все нужно делать согласно правилам и предписаниям, еще более пространным и цветистым, чем правительственное Руководство производственного процесса.

Поэтому первым делом — по прочтении нового подраздела о фонде туалетной бумаги — мама И. В. входит на сервер главного компьютера, отвечающий за проект программирования, над которым она работает. Она не знает, что это за проект — это засекреченная информация — или как он называется. Это просто ее проект. Вместе с ней над ним трудятся еще несколько сотен других программистов, она даже не знает точно, кто именно. И каждый день, когда она входит на сервер, ее ждет папка памятных записок, содержащих новые предписания и изменения правил, которым все они должны следовать в написании кодов к проекту. По сравнению с этими предписаниями история с туалетной бумагой кажется такой же простой и изысканной, как Десять Заповедей.

Поэтому до одиннадцати утра она читает, перечитывает и старается понять новые изменения в Проекте. Их так много

потому, что сегодня утро понедельника, и Мариэтта и ее вышестоящие целый уик-энд просидели, запершись на верхнем этаже, ссорясь в пух и прах и все изменяя.

Потом она берется просматривать код к Проекту, который написала до того, и составляет список всего, что следует изменить, чтобы написанное было совместимо с новыми спецификациями. По сути, ей придется все начинать с нуля. В третий раз за три месяца.

Да ладно, это ведь ее работа.

Около половины двенадцатого она удивленно поднимает глаза и видит, что у ее терминала столпились полдюжины человек. Мариэтта. И надзиратель. И парочка агентов-мужчин. И Леон, врач, отвечающий за полиграф.

— Я же во вторник проходила, — говорит она.

— Время для нового, — отвечает Мариэтта. — Пойдем, давай поскорей с этим покончим.

— Руки от тела, так, чтобы я мог их видеть, — приказывает надзиратель.

38

Мама И. В. встает, руки по швам, и идет прямо из офиса, самым коротким путем к выходу. Никто из ее коллег глаз не поднимает. Не положено. Бестактно по отношению к коллеге. Проверяемый от этого чувствует себя неловким, выделенным из коллектива, а ведь на самом деле проверки на полиграфе — просто часть образа жизни Федземли. За спиной она слышит тяжелую поступь надзирателя, который, держась в двух шагах позади нее, не спускает глаз с ее рук: вдруг она что-нибудь задумала, например, тайком положить в рот таблетку валиума или чего-то другого, что могло бы сбить результаты теста.

Она останавливается перед дверью в туалет. Зайдя вперед, надзиратель открывает перед ней дверь, придерживает ее, пока она пройдет, потом входит следом.

Последняя кабинка слева — вдвое больше других, чтобы в нее могли зайти двое. Мама И. В. входит внутрь, следом — надзиратель, который тут же закрывает и запирает дверь. Мама И. В. снимает трусы, подбирает юбку и, присев над судном, мочится. Пристально следивший за падением каждой капли в судно надзиратель выливает жидкость из судна в пробирку, на которой уже наклеен ярлычок с ее именем и сегодняшней датой.

Потом надо выйти назад в коридор — и снова за ней следует надзиратель. По пути в полиграфкомнату можно подняться на лифте, чтобы не прийти туда потным и запыхавшимся.

Раньше это был обычный офис с креслом и инструментами на столе. Потом они обзавелись новой, чудной полиграф-системой. Будто идешь на продвинутое медицинское обследование. Комнату целиком перестроили, в ней не осталось и следа от первоначального назначения: окно заложено, все гладкое, бежевое, и пахнет здесь больницей. Кресло тут только одно — посреди комнаты. Мама И. В. подходит к нему и, сев, кладет руки на подлокотники, опускает ладони в специальные ложбинки, а подушечки пальцев вжимает в особые углубления. Роботизированная рука с манжетой тонометра на конце, слепо пошарив, находит ее руку и зажимает в тиски. Тем временем свет в комнате тускнеет, дверь закрывается, мама И. В. совсем одна. Терновый венец смыкается у нее на голове, она чувствует покалывание: это ей в кожу входят электроды-датчики. Плечи ей обдувает холодом от устройства сверхпроводимого квантового интерфейса, которое станет радаром прощупывать ее мозг. Мама И. В. знает, что где-то по ту сторону стены в центре управления сидит десяток техников, рассматривает огромные, увеличенные

во весь экран ее зрачки.

Потом руку ей обжигает инъекция; мама И. В. понимает, что ей что-то ввели. Значит, это не обычная проверка на полиграфе, иными словами, на детекторе лжи. Сегодня ее привели ради чего-то особенного. Жжение распространяется по всему телу, сердце глухо ухает, глаза наполняются слезами. Ей вкололи кофеин, чтобы вызвать сверхактивность мозга, чтобы заставить ее говорить.

С надеждой поработать сегодня можно распрощаться. Иногда такие проверки затягиваются часов на двенадцать.

— Назовите свое имя, — произносит голос. Голос неестественно спокойный и плавный. Сгенерированный компьютером. Поэтому все, что ей говорят, беспристрастно, лишено эмоционального содержания, и у нее нет возможности догадаться, как проходит допрос.

Кофеин и другие препараты, которые ей вкололи, искажают восприятие времени.

Она ненавидит эти допросы, но время от времени такое случается со всеми, и когда идешь работать на федералов, то подписываешься по пунктирной линии, давая свое разрешение. Отчасти это знак гордости и чести. Те, кто работает на федералов, отдают им всю душу. Потому что, будь это не так, когда пришел бы их черед сидеть в кресле полиграфа, все вышло бы на свет.

Вопросы все продолжаются и продолжаются. По большей части бессмысленные.

— Вы когда-нибудь посещали Шотландию? Белый хлеб дороже ржаного?

Это для того, чтобы она расслабилась, чтобы все системы работали гладко. Все, что получают с первого часа допроса, обычно выбрасывают, — все равно оно потерялось за шумами.

Мама И. В. невольно успокаивается. Говорят, после пары проверок на детекторе лжи научаешься расслабляться и все проходит как будто скорее. Кресло удерживает ее на месте, кофеин не дает задремать, сенсорная депривация очищает мысли.

— Назовите имя вашей дочери.

— И. В.

— Как вы обращаетесь к свой дочери?

— Я обращаюсь к ней по прозвищу. И. В. на этом настаивает.

— У И. В. есть работа?

— Да. Она работает курьером. Она работает в «РадиКС».

— Сколько зарабатывает И. В. как курьер?

— Не знаю. Несколько долларов тут, несколько долларов там.

— Как часто она покупает новое снаряжение для своей

работы?

— Не могу сказать. Я не слежу за этим.

— Делала ли И. В. в последнее время что-либо необычное?

— Это зависит от того, что вы имеете в виду. — Мама И. В. знает, что это увертка. — Она всегда делает что-то, что люди могут обозвать необычным. — И это не слишком хорошо звучит, почти как одобрение нонконформизма. — Думаю, я хочу сказать, она всегда делает что-то необычное.

— И. В. в последнее время разбила в доме что-нибудь?

— Да. — Она сдается. Федералы все равно уже это знают, ее дом прослушивается и просматривается, просто чудо, что проводка не вырубается, столько на нее навешано всяких приборов. — Она разбила мой компьютер.

— Она объяснила, почему она разбила компьютер?

— Да. Вроде бы да. Если чушь можно считать объяснением.

— Каково было ее объяснение?

— Она боялась… это так нелепо… она боялась, что я подхвачу от компьютера вирус.

— И. В. тоже боялась заразиться вирусом?

— Нет. Она сказала, им могут заразиться только программисты.

Зачем они задают все эти вопросы? У них же есть все в видеозаписи.

— Вы поверили объяснению И. В.?

Вот оно. Вот что им нужно.

Им нужно то единственное, чего они не могут подслушать или подсмотреть сами, то, что происходит у нее в голове. Они хотят знать, верит ли она в историю И. В. о вирусе.

Мама И. В. знает, что совершает ошибку, даже думая об этом. Потому что сверхохлажденные датчики вокруг ее головы это улавливают. Они не могут распознать, что она думает. Но могут определить, что что-то происходит у нее в мозгу, что она в данный момент задействует те части своего мозга, которые не использовала, когда ей задавали бессмысленные вопросы.

Иными словами, они знают наверняка, что она анализирует ситуацию, пытается выяснить, чего от нее хотят. А она бы этого не делала, если бы ей нечего было скрывать.

— Что именно вы хотите знать? — спрашивает она. — Почему бы вам не выйти и не поговорить со мной напрямую? Давайте поговорим лицом к лицу. Просто сядем как взрослые и все обсудим.

Она чувствует новый укол, чувствует, как по ее телу с интервалом в несколько секунд расходятся волны холода и оцепенения, это в ее кровь поступает новый наркотик.

Поддерживать разговор становится все труднее.

— Назовите свое имя, — произносит голос.

39

Алкан, трасса на Аляску — самое длинное франшизное гетто, город в одну улицу, растянувшийся на две тысячи миль и растущий со скоростью сто миль в год, иными словами, настолько быстро, насколько быстро новые люди способны приехать на край пустоши и припарковать свои фургончики на ближайшем же свободном участке. Это единственный выход для тех, кто хочет покинуть Америку, но не имеет возможности попасть на корабль или самолет.

Двухполосное шоссе заасфальтировано кое-как и запружено домами на колесах, семейными миниванами и пикапами с трейлерами. Начинается трасса где-то посреди Британской Колумбии на перекрестке Принца Георга, где сливаются несколько притоков, создавая единый поток, непрерывно движущийся на север. К югу от перекрестка притоки распадаются на дельту рукавов, которые, после того как пересекают в дюжине мест канадско-американскую границу, разбегаются на пятьсот миль из фьордов Британской Колумбии по бескрайним выработанным житницам центральной Монтаны. Тут притоки впадают в систему американских дорог, которая служит главным водозаборником миграции. Этот пятисотмильный тракт заполонили будущие исследователи Арктики, которые в отличных домах на колесах с оптимизмом катят на север, а навстречу тащится чуть менее плотный поток неудачников, которые, побросав в северных землях свои машины, упросили подвезти их назад на юг.

Неспешно плетущиеся трейлеры и доверху груженные четырехколесные платформы создают движущийся слалом для Хиро и его черного мотоцикла.

Ох уж эти белые здоровяки с пушками! Стоит сойтись троим-четверым, и они начинают искать Америку, в которой, как им кажется, они выросли. Они лепятся друг к другу, точно переваренный рис, склеиваются в гомогенные комья-отряды, экипированные электроинструментами, переносными генераторами, оружием, четырехприводными джипами и компьютерами. Эти люди — все равно что бобры, накачавшиеся чистейшим метилоранжем, сумасшедшие инженеры без чертежей. Они поглощают неосвоенные пространства, возводят и бросают строения, изменяют русла могучих рек, а потом снимаются с места — ведь оно уже не то, что было прежде.

Побочный продукт их жизнедеятельности — загрязненные реки, парниковый эффект, избиение супругов, телеевангелисты и

убийцы-маньяки. Но пока у вас есть джип с приводом на все четыре колеса и вы в состоянии катить на север, то можете жить, как жили, надо только ехать так быстро, чтобы всегда оставаться на шаг впереди извержения собственных отходов. Через двадцать лет десять миллионов белых сойдутся на Северном полюсе и там припаркуют свои тачки. Слабый жар от их термодинамически интенсивной жизнедеятельности размягчит, сделав ненадежным, кристаллический ледяной покров. Он прожжет дыру в покрове, и весь металл уйдет на дно, утянув за собой биомассу.

За плату можно заехать во «Вздремни и Кати» и установить на свою тачку трубопровод-пуповину. Надо только произнести волшебные слова «У нас есть втяжка-вытяжка», что означает, что вы можете заехать во франшизу, подключиться, поспать и отсоединиться, даже не разворачивая свой наземный дирижабль.

Раньше персонал твердил: дескать, «Вздремни и Кати» — это кемпинги, пытался спроектировать франшизу в сельском духе, но клиенты то и дело срубали на растопку дощатые указатели и столики для пикников. Сегодня указателями тут служат электрические шары из поликарбоната, от всего несет корпоративным духом: все гладко отшлифовано с той же целью, что и унитаз, — помешать мусору скапливаться в трещинах по краям. Ведь что это за кемпинг, если у вас нет дома, куда можно было бы вернуться?

Через шестнадцать часов после границы Калифорнии Хиро въезжает во «Вздремни и Кати» на восточном предгорье Каскадных гор в северном Орегоне. От Плота его отделяет несколько сотен миль и горная гряда. Но тут есть один тип, с которым ему надо побеседовать.

Автостоянки тут три. Одна, невидимая с трассы, стоит в конце изрытого выбоинами шоссе и отмечена облупившимся указателем. Другая — чуть ближе, но на задах там ошиваются жутковатые обросшие мужики, в лунном свете хлопают и поблескивают серебристые диски — это бомжи запускают в небо расплющенные пивные банки. А еще одна прямо перед «Ратушей», при ней — размахивающие пушками охранники. Хочешь оставить свою машину здесь — плати. Хиро решает, что лучше заплатить. Байк он оставляет, развернув носом к выходу, переводит биос на приостановку работы системы, чтобы при необходимости запустить без загрузки, и бросает служителю пару конгбаксов. Потом водит головой из стороны в сторону, точно пес, нюхающий неподвижный воздух, пытаясь сообразить, где здесь «Полянка».

В сотне футов от него лунный свет льется на площадку, где несколько отчаянных смельчаков рискнули поставить палатку; такие люди обычно вооружены до зубов или им просто нечего

терять. Хиро направляется к палатке и уже довольно скоро видит раскидистый тент над «Полянкой».

В просторечии такие места зовут «Парковки для тел». Попросту говоря, это ровная площадка, некогда поросшая травой, на которую вывалили несколько самосвалов песка, а тот потом перемешался с мусором, битым стеклом и человеческими испражнениями. Над площадкой натянут тент для защиты от дождя, и каждые несколько метров из горы мусора, как мухоморы, торчат колпаки труб, из которых холодными ночами вырывается пар. Спать на «Полянке» сравнительно дешево. Не так давно это изобретенное южными франшизами новшество распространилось на север, следуя за клиентурой.

Десяток таких клиентов жмется, завернувшись в тонкие армейские одеяла, к теплым вентиляционным шахтам. Парочка разожгла костер и в его свете играет в карты. Не обращая на них внимания, Хиро обходит остальных.

— Чак Райтсон, — окликает он. — Господин президент? Вы здесь?

Стоит ему произнести эти слова, как куча шерсти слева начинает извиваться и биться. Наконец из нее высовывается голова. Поворачиваясь в ту сторону, Хиро поднимает руки, показывая, что он не вооружен.

— Кто тут? — спрашивает голова. Похоже, этот человек униженно напуган. — Ворон?

— Нет, не Ворон, — успокаивает его Хиро. — Не бойтесь. Вы Чак Райтсон? Бывший президент Временной Республики Кенайя и Кадьяка?

— Ну да. Что вам надо? Денег у меня нет.

— Просто поговорить. Я работаю на ЦРК, и моя работа — собирать сведения.

— Мне надо выпить, мать твою, — отвечает Чак Райтсон.

«Ратуша» представляет собой большое надувное здание посреди «Вздремни и Кати». Это Лас-Вегас Отверженных: супермаркет с удобствами, игровые автоматы, прачечная самообслуживания, бар, винный магазин, блошиный рынок, бордель. Кажется, всем тут верховодит тот небольшой процент человечества, который способен веселиться до пяти утра каждую ночь и других функций не имеет.

В большинстве «Ратуш» имеется несколько внутренних франшиз. Увидев «Пивную Келли», пожалуй, лучшее, что можно найти во «Вздремни и Кати», Хиро ведет Чака Райтсона туда. На Чаке множество слоев одежды, некогда разноцветных. Теперь они все того же цвета, что и его кожа, — а именно цвета хаки.

Все заведения в «Ратуше», включая и этот бар, выглядят как

декорация к фильму о корабле-тюрьме: все прикручено к поверхностям, ярко освещено двадцать четыре часа в сутки, персонал герметично укрыт за толстыми стеклянными барьерами, пожелтевшими и мутными от времени. Безопасность в этой «Ратуше» обеспечивают Стражи Порядка, поэтому тут уйма стероидных нарков в черных формах из бронегеля, которые по двое-трое патрулируют лабиринт игровых автоматов, с упоением нарушая права человека.

Хиро и Чак занимают угловой столик или, во всяком случае, подобие оного. Нажатием кнопки вызвав официанта, Хиро тайком заказывает кувшин «Фирменного», смешанного в пропорции один к одному с безалкогольным пивом. Так Чак не сразу отрубится.

Чтобы разговорить бывшего президента, много не потребовалось. Чак — один из тех стариков из опозоренной президентской администрации, выброшенных после скандала, которые остаток жизни посвящают тому, чтобы отыскать тех, кто согласится его выслушать.

— Да, я два года был президентом ВРКиК. И по сей день считаю себя главой правительства в изгнании.

Хиро с трудом справляется с собой, и ему все же удается не закатить глаза. Чак это как будто замечает.

— Ну ладно, ладно, не так уж это и много. Но пусть недолго, ВРКиК была процветающей страной. Есть немало людей, кто хочет, чтобы она вновь стала на ноги. Я хочу сказать, единственное, что нас вытеснило… единственный способ, которым эти маньяки смогли захватить власть… абсолютно… ну, в общем, сами знаете… — Он, похоже, не в состоянии подыскать нужное слово. — Ну, как такого можно ожидать?

— Как вас вытеснили? Гражданская война?

— Поначалу были незначительные беспорядки. И в ряде отдаленных областей Кадьяка наше правительство никогда не было особенно сильно. Но гражданской войны как таковой не было. Понимаете, американцам наше правительство нравится. У американцев было какое угодно оружие, боевая техника, инфраструктура. А Правосы? Просто банда бородачей, бегавших по лесам.

— Правосы?

— Русская православная церковь. Поначалу они были крохотным меньшинством. В основном индейцы, понимаете? Тлингиты и алеуты, которых русские обратили две сотни лет назад. Но когда в России все полетело в тартарары, они на лодках повалили к нам.

— И что, им не понравилась конституционная демократия?

— В точку.

— А чего они хотели? Царя?

— Нет. Царисты и традиционалисты остались в России. Те правосы, которые явились в ВРКиК, сущее отребье. Их выгнала даже православная церковь.

— За что?

— За ересь. Правосы, явившиеся к нам в ВРКиК, были все как один из новой секты, пятидесятники. Как-то связанные с «Жемчужными вратами преподобного Уэйна». К ним то и дело приезжали миссионеры из Техаса. И все они без конца бормотали что-то на непонятном языке. Ортодоксальное православие сочло, что это дело рук дьявола.

— А сколько этих пятидесятников из России явились в ВРКиК?

— Господи, целая уйма. По меньшей мере пятьдесят тысяч.

— А сколько было в ВРКиК американцев?

— Почти сто тысяч.

— Так как же правосам удалось вас захватить?

— Ну, однажды мы проснулись, а посреди трейлеров на Правительственной Площади в Новом Вашингтоне — мы там поместили правительство — стоит двухэтажный автобус. Правосы притащили его туда среди ночи и сняли колеса, чтобы его нельзя было убрать. Мы решили, что это акция протеста, и потребовали, чтобы к вечеру его тут не было. Они отказались сдвинуться с места и к тому же выпустили прокламацию на русском. А когда мы наконец перевели эту чертову брехню, оказалось, нам приказывают собрать манатки и валить, а власть отдать правосам. Глупости какие! Поэтому мы попытались подступиться к автобусу, а там нас уже ждал, гадко улыбаясь, Гуров.

— Гуров?

— Ага. Один из беженцев, перебравшихся к нам из Советского Союза. Бывший генерал КГБ, заделавшийся религиозным фанатиком. Он вроде был министром обороны в правительстве, которое создали себе правосы. Ну, так вот, подходим мы к автобусу, а Гуров открывает боковую дверь и показывает, что у них там внутри.

— А что там было внутри?

— По большей части какое-то оборудование, ну, портативный генератор, всякие там провода, панель управления и все такое. А посреди трейлера стоит такой большой черный конус. По форме похож на рожок для мороженого, только пять футов в высоту, черный, совсем гладкий. Я спрашиваю, что это, черт побери, за штуковина. А Гуров говорит — мол, это водородная бомба в десять мегатонн, которую они сняли с баллистической ракеты. Такая штука город может разнести. Еще вопросы есть?

— Поэтому вы капитулировали?

— А что нам еще оставалось?

— А вы знаете, откуда у правосов водородная бомба?

Чак Райтсон явно знает. Сделав самый долгий за время разговора, почти мучительный вдох, выпускает воздух, качает головой, глядя поверх плеча Хиро. А потом пару раз основательно прикладывается к кувшину.

— Была одна советская ядерная подлодка. Командовал ею Овчинников. Он был верующим человеком, но не фанатиком, вроде правосов. Я хочу сказать, будь он фанатиком, его ведь не поставили бы командовать ядерной подводной лодкой, так ведь?

— Надо думать.

— Такой человек должен быть психологически уравновешенным, что бы ни значило это выражение. Ну, так вот, когда в России начался развал, у него на руках оказалось крайне опасное оружие. Он решил высадить весь экипаж на берег, а потом затопить судно в Мариинской впадине, раз и навсегда избавиться от всего оружия. Но каким-то образом его уговорили помочь бежать на Аляску группе правосов. Беженцы самого разного толка начали в то время стекаться на побережье Берингова пролива. И ситуация в этих лагерях беженцев была совершенно безнадежная. Сами понимаете, в тех краях особо ничего не вырастишь. Они мерли тысячами. Просто стояли на пляже и умирали от голода в ожидании корабля. Овчинникова уговорили использовать подлодку, надо сказать, очень большую и очень быстроходную, чтобы эвакуировать часть этих несчастных в ВРКиК. Но он, разумеется, сходил с ума от одной только мысли, что ему придется пустить на свой корабль множество непроверенных людей. Капитаны атомных подлодок прямо-таки помешаны на безопасности, нужно ли говорить почему? Поэтому была разработана очень жесткая система контроля. Все беженцы, желающие попасть на борт, должны были пройти через металлоискатели и подвергнуться досмотру. Всю дорогу до Аляски они были под стражей — вооруженной стражей. Так вот, у правосов был один малый парень по имени Ворон…

— Имя мне знакомо.

— Ну… Ворон проник на атомную подлодку.

— О боже.

— Он каким-то образом перебрался на побережье Сибири, вероятно, поймал волну на своем треклятом каяке.

— Поймал волну?

— Так алеуты добираются от одного острова к другому.

— Ворон — алеут?

— Ага. Алеутский китобой. Знаете, кто такие алеуты?

— Ну да. Мой отец знал одного в Японии, — говорит Хиро. В памяти Хиро начинают оживать старые отцовские басни о лагерях военнопленных, медленно пробиваясь на поверхность из глубокого-глубокого хранилища.

— Алеуты гребут одним веслом, ловят на каяках волны. Могут даже обогнать пароход.

— Я этого не знал.

— Ну, так вот, пробравшись в лагерь беженцев, Ворон выдал себя за выходца из какого-то малого народа Сибири. Этих типов от наших индейцев не отличишь. У правосов, по-видимому, были сообщники в лагерях; они протолкнули Ворона в начало очереди, и он попал на подлодку.

— Но вы говорили, там был металлоискатель.

— Не помогло. Он пользуется стеклянными ножами. Затачивает кусок стекла. Самые острые клинки во всем мире.

— И этого я тоже не знал.

— Н-да. Лезвие всего в молекулу толщиной. Врачи используют их в глазной хирургии — ими можно надрезать роговицу, да так, что и шрама не останется. Некоторые индейцы на жизнь себе этим зарабатывают: затачивают глазные скальпели.

— Век живи, век учись, — задумчиво отзывается Хиро. — Надо думать, такой нож способен пройти сквозь бронированную ткань.

Чак Райтсон пожимает плечами:

— Я уже потерял счет, скольких громил в бронекомбинезонах Ворон пришил.

— А я думал, при нем какой-то лазерный нож или еще что.

— Сам подумай. Стеклянный нож. У него был такой на борту подлодки. Он или тайком его пронес с собой, или уже там нашел осколок стекла и его заточил.

— И что?

Глядя в пустоту перед собой, Чак отпивает еще один долгий глоток пива.

— На подводной лодке, знаешь ли, жидкостям некуда стекать. Выжившие утверждали, будто на подлодке все было по колено в крови. Ворон убил всех. Всех, кроме костяка экипажа и еще десятка беженцев, которые успели забаррикадироваться в мелких отсеках. Те, кто выжил, говорили, — Чак не может продолжать и должен приложиться снова, — та еще была ночка. Потом он заставил экипаж отвести подлодку прямо к правосам. Они стали на якорь недалеко у побережья Кодьяка, — продолжает Чак. — Правосы их уже ждали. Они подобрали новый экипаж из бывших моряков, типов, которые уже служили на атомных подлодках, — их еще называют рентгеноизлучатели, — а те

поднялись на борт и захватили судно. Что до нас, мы ничего об этом не знали. Пока одна из боеголовок не появилась прямо у нас на пороге.

Чак поднимает голову, очевидно, заметив что-то за спиной у Хиро. А тот чувствует, как кто-то легонько хлопает его по плечу.

— Прошу прощения, сэр, — произносит мужской голос. — Можно вас на минуточку?

40

Хиро оборачивается. Голос принадлежит жирному белому здоровяку с зализанными назад вьющимися волосами и вьющейся же бородой. На голове у него сдвинутая на затылок бейсболка, так чтобы видны были слова, печатными буквами вытатуированные у него на лбу:

ПЕРЕПАДЫ НАСТРОЕНИЯ

РАДИКАЛЬНО БЕСЧУВСТВЕННЫЙ

Все это Хиро, подняв взгляд, видит поверх обтянутого фланелью выпирающего брюха.

— В чем дело? — спрашивает Хиро.

— Гм, сэр, прошу прощения, что вмешиваюсь в ваш разговор с вот этим джентльменом. Но мы с друзьями поспорили. Вы ленивый, бестолковый, арбузожрущий черножопый ниггер или пронырливый больной СПИДом узкоглазый?

С этими словами здоровяк натягивает бейсболку на лоб. И теперь Хиро виден флаг конфедератов — над вышитыми словами «Представительство Новой ЮАР номер 153».

Перемахнув на стол, Хиро разворачивается и скользит задом к Чаку, стараясь, чтобы между ним и новоафриканцем оказался стол. Чак своевременно исчез, и через долю секунды Хиро уже удобно примостился спиной к стене и оглядывает бар.

В то же время из-за других столов встает еще десяток мужчин, образуя позади первого усмехающуюся загорелую фалангу флагов Конфедерации и коротких баков.

— Дайте-ка подумать, — тянет время Хиро. — Это что, вопрос с подвохом?

Во многих франшизах «Вздремни и Кати» есть «Ратуши», где на входе надо сдавать оружие. Эта не из таких.

Хиро не знает наверняка, хорошо это или плохо. Без оружия новые юаровцы просто его изобьют. С оружием Хиро может дать сдачи, но ставки становятся выше. Бронекомбинезон закрывает его до горла, но это значит только, что все новые юаровцы станут целить в голову. А они кичатся меткостью. Идеал у них такой.

— Разве франшиза «Новой ЮАР» не дальше по коридору? —

спрашивает Хиро.

— Ага, — снисходит заводила, у которого длинное и широкое туловище и короткие кривые ноги. — Это рай. Честное слово, рай. На всем белом свете нет такого места, как «Новая ЮАР».

— Тогда можно мне спросить, — говорит Хиро, — если там так замечательно — почему бы вам не вернуться в свою скорлупу и не тусоваться там?

— У «Новой ЮАР» есть только одна проблема, — отвечает заводила. — Неприятно быть непатриотичным, но это правда.

— И в чем проблема? — спрашивает Хиро.

— Там нет ниггеров, жидов и косоглазых, которых можно было бы отметелить.

— Вот как? Действительно, проблема, — говорит Хиро. — Спасибо.

— За что?

— За то, что объявили свои намерения — и тем самым дали мне право это сделать.

Тут Хиро отрубает ему голову.

А что еще он может сделать? Их как минимум двенадцать. Они открыто загородили единственный выход. Они только что объявили о своих намерениях. И предположительно у них по пушке на каждого. А кроме того, когда он окажется на Плоту, такое будет случаться с ним раз в десять секунд.

Новый юаровец понятия не имеет, что его ждет, но начинает реагировать, когда Хиро замахивается катаной, и поэтому в момент обезглавливания летит назад. Это неплохо, поскольку половина его кровяного запаса извергается из шеи. Два фонтана — по одному из каждой сонной артерии. На Хиро и капли не попадает.

В Метавселенной, если вы наносите достаточно быстрый удар, клинок проходит насквозь. Здесь, в Реальности, Хиро думает, что когда клинок опустится на шею нового юаровца, его основательно встряхнет, как встряхивает иногда, когда нечаянно ударишь о землю бейсбольной битой, но он почти ничего не ощущает. Катана просто проходит сквозь шею и, продолжая опускаться, едва не застревает в стене. Хиро повезло: он, наверное, попал в щель между позвонками. Как это ни странно, часы тренировок вернулись к нему сторицей. Но он забыл поворот кистей, забыл остановить клинок — а это дурной тон.

Несмотря на то что он ожидал такого результата, Хиро на мгновение ошеломленно застывает. Ничего подобного с аватарами не происходит. Поразительно долгое время он только стоит и смотрит на труп здоровяка. А тем временем кровавое облако ищет, куда осесть, кровь капает с подвесного потолка,

забрызгивая полки позади барной стоки. Попивавший свою двойную водку пьянчуга в углу дрожит и трясется, глядя, как у него в стакане в этиловом спирте умирает галактический вихрь из триллиона красных телец.

Хиро обменивается парой долгих взглядов с новыми юаровцами; такое впечатление, будто все в баре пытаются прийти к соглашению: а что, собственно, произойдет теперь? Им надо рассмеяться? Сделать фотоснимок? Бежать? Вызывать «скорую»?

К выходу Хиро пробирается кружным путем — пробегая по столам. Это с его стороны невежливо, и остальные выпивохи отскакивают, кое-кто даже насколько ловок, что выхватывает пиво у него из-под ног, но никто не пытается его остановить. Вид обнаженной катаны вдохновляет всех на практически японский уровень вежливости. На пути у Хиро стоят еще двое новых юаровцев, но не потому, что желают кого-либо задержать. Просто, когда они впали в ступор, они случайно оказались у выхода. Рефлекторно Хиро решает их не убивать.

Вот Хиро уже вылетел на залитую свинцовым светом главную авеню «Ратуши» — туннель мигающих и пульсирующих логотипов, по которому уже бегут, точно отсталая, застигнутая темнотой сперма по старым фаллопиевым трубам, черные существа, сжимая в руках острые угловатые штуки. Это Стражи Порядка. Рядом с ними средний метакоп покажется Рейнджером Риком.

Пора превращаться в горгулью. Хиро включает все, что у него есть: инфракрасный, радар миллиметровой волны, обработку внешнего звука. Инфракрасный в данных обстоятельствах мало что дает, но радар вылавливает все оружие, подсвечивает его в руках Стражей Порядка, идентифицирует марку, модель и тип боеприпасов. Пистолеты все как один автоматические.

Но Стражам Порядка и новым юаровцам, чтобы увидеть обнаженную катану, по клинку которой сбегает кровь и лимфа, радар совсем не нужен.

Из дешевых колонок вокруг ревет музыка Виталия Чернобыля и «Ядерных расплавцев». Это их первый сингл-хит в национальном рейтинге, и называется он «Мое сердце — дымящаяся дыра в земле». Процессор внешнего звука снижает децибелы до разумного уровня, выравнивает отвратительное искажение колонок, поэтому пение соседа Хиро слышит ясно. Отчего все становится еще более сюрреальным. Это просто показывает, что он не в своей стихии. Ему тут не место. Он тут чужой. Он затерян в биомассе. Была бы на свете справедливость, он бы смог просто запрыгнуть в эти колонки и по проводам, будто цифровой сильф, вернуться в Л.А., на вершину мира, откуда

исходит все, купить Виталию выпивку и забраться спать на собственный футон.

Тут он спотыкается — с его спиной случилось что-то ужасное, — и делает неловкий шаг вперед. Ему словно делают массаж сотней бойков размером с шарик авторучки. Одновременно брызги желтого света подавляют горение вывесок. В гоглах начинает мигать ярко-красный дисплей, указывая, что миллиметровый радар засек струю пуль, направляющихся к нему, и хотите знать их источник, сэр?

Хиро только что прошила очередь из автомата. Попав в бронежилет, все пули попадали на пол, но успели сломать половину ребер и повредить несколько внутренних органов. Хиро поворачивается — больно.

Оставив автомат, Страж Порядка выхватывает другое оружие. В правой части гоглов Хиро загорается надпись: «УСМИРИТЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО, СТРАЖ ПОРЯДКА ИНКОРПОРЕЙТЕД. МОДЕЛЬ SX-29. ВЫСТРЕЛИВАЮЩИЙ КЛЕЙКОЙ СЕТЬЮ ПИСТОЛЕТ (СЕТЕБРОС)». С этого ему и следовало начинать.

Обнаженный меч попусту при себе не носят. Не стоит обнажать его или оставлять обнаженным, если не собираешься никого убивать. Хиро бежит на Стража Порядка, занося для удара катану. Страж Порядка делает самое мудрое в его положении, а именно убирается с дороги. Клинок серебряной лентой сверкает над толпой. Как магнит, он притягивает Стражей Порядка и отталкивает всех прочих, поэтому пока Хиро бежит через середину «Ратуши», перед ним — никого, а за ним — множество блестящих черных существ.

Хиро отключает всю технодрянь в гоглах. Она только сбивает его с толку; он мешкает, читая статистические данные своей смерти в тот момент, когда эта самая смерть происходит. Полный постмодернизм. Пора окунуться в Реальность, где обитают все прочие.

Даже Стражи Порядка не станут палить из крупнокалиберных пушек в толпе, разве только в упор или если настроение у них совсем уж скверное. Мимо Хиро просвистывают два плевка из соплепушки, уже растянувшиеся настолько, что способны только досадить, и шмякаются о прохожих, оборачивая их клейкой паутиной.

Примерно между залом трехмерных видеоигр и витриной, населенной смертельно заскучавшими проститутками, перед глазами у Хиро проясняется, и он видит чудо: выход из надувного купола, где двери выдыхают в прохладную ночь вонь синтетического пива и атомизированных телесных испарений.

А за этим чудным зрелищем стремительно следует и дурная новость: на дверь опускается стальная решетка.

А, какого черта! Это же надувное здание. Хиро на мгновение включает радар, и стены словно испаряются, становятся невидимыми. Хиро теперь смотрит сквозь них на лес металла снаружи. Ему не нужно много времени, чтобы отыскать стоянку, где он оставил свой байк, предположительно под защитой вооруженных служителей.

Сделав обманный рывок в сторону борделя, Хиро вдруг круто меняет направление, бросаясь прямо к открытому участку стены. Ткань здания крепкая, но катана единым скользящим ударом прорезает шестифутовую брешь — и вот Хиро уже на улице, выброшен из дыры струей зловонного воздуха.

А потом — после того, как Хиро вскакивает на свой мотоцикл, новые юаровцы — в джипы, а Стражи Порядка — в черный обтекаемый мобиль, и все это выносится на трассу, — это просто погоня.

41

За свою карьеру И. В. побывала в паре-тройке крайне необычных мест. На груди у нее заламинированы визы трех десятков стран. А помимо настоящих стран она доставляла или забирала посылки на таких чудесных курортах, как «Убыточная Зона» на Терминал-Айленд и лагерь Фалабалы в Гриффит-парке. Но это последнее задание — самое странное из всех: кто-то хочет, чтобы она доставила что-то в Соединенные Штаты Америки. Прямо так и говорится в постановке задания.

Не такая уж большая посылка, просто плотный конверт.

— Вы уверены, что не хотите отправить по почте? — спрашивает она парня, забирая посылку. Дело происходит в жутковатом офис-парке в одном из ЖЭКов. Ну прямо-таки заповедник ни на что не годного бизнеса, где есть офисы, телефоны и все такое, но где ничего на самом деле, похоже, не делают.

Разумеется, это саркастический вопрос. Почта не работает, разве что в Федземле. Почтовые ящики давно уже исчезли с заборов и украшают теперь квартиры помешавшегося на ностальгии старичья. Но с другой стороны, это и шутка, поскольку доставить конверт, как выяснилось, надо в здание в самой середине Федземли. Поэтому шутка такая: если хотите иметь дело с федералами, почему бы не воспользоваться их испоганенной почтовой службой? Разве вы не боитесь, что, имея дело с чем-то невероятно крутым, вроде курьера, вы раз и навсегда позорите себя в их глазах?

— Ну, почту вроде как отсюда не вывозят, ведь так?

Нет смысла описывать этот офис. Нет смысла даже давать этому офису отпечататься в ее зрачках и занимать ценный кусочек памяти у нее в мозгу. Флуоресцентные лампы и оклеенные ковролином перегородки. Нет уж, спасибо, я предпочитаю ковер на полу. Цветовая гамма. Эргономическое дерьмо. Цыпки с губной помадой. Запах ксерокса. Все довольно новое, решает И. В.

Коричневый конверт лежит на столе у типа. И его нет смысла описывать. Следы южного или техасского акцента. Нижний край конверта параллелен краю стола, на расстоянии ровно одной четверти дюйма и на равном расстоянии от обоих углов. Словно врач положил конверт щипцами. Адресован он в «ОФИС 968А. ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС MS-1569835Б, ЗДАНИЕ ЛА-6, СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ».

— Обратный адрес на нем напишете? — спрашивает она.

— В этом нет необходимости.

— Если я не смогу его доставить, я никак не сумею его вам вернуть, потому что все ваши офисы для меня на одно лицо.

— Это не так важно, — говорит он. — Когда, по-вашему, вы там будете?

— Через два часа самое позднее.

— Почему так долго?

— Таможня, приятель. Федералы не модернизировали свои КПП, как все остальное.

Вот почему большинство курьеров сделает все, что угодно, чтобы избежать доставки в Федземлю. Но день сегодня выдался пустой, и И. В. еще не вызвали на секретное задание для мафии, к тому же, может, удастся поймать маму во время перерыва на ленч.

— Ваше имя?

— Мы имен не называем.

— Мне нужно знать, кто осуществляет доставку.

— Почему? Вы же сказали, это не важно.

Тут парень начинает волноваться.

— О'кей, — сдается он. — Забудьте об этом. Просто доставьте, пожалуйста.

Ладно, будь по-вашему, мысленно говорит она. Впрочем, она мысленно много чего еще говорит. Парень — явный извращенец. Так просто, так открыто: «Ваше имя?» Да отвали, мужик.

Имена не важны. Все знают, что курьеры — взаимозаменяемые винтики. Просто кое-кто случайно оказался намного проворнее.

Поэтому она выкатывает из офиса. Все анонимно. Нигде никаких корпоративных логотипов. Ожидая лифта, она звонит в «РадиКС», чтобы выяснить, от кого исходило задание.

Ответ приходит несколько минут спустя, когда она уже выезжает с автостоянки при офисе, запунив отличный «мерседес»: «Научно-исследовательский институт новейших технологий Райфа» НИИ НТР. Похоже, какая-то продвинутая лаборатория. Наверно, пытаются заполучить правительственный контракт. Может, пытаются продать федералам сфигмо-манометры или еще что.

А, ладно, она ведь только доставляет посылки. Тут ей кажется, будто «мерс» специально притормаживает, вынуждая ее загарпунить кого-нибудь еще, поэтому так она и делает. На сей раз ее жертва — фургон доставки. Судя по тому, как высоко он сидит на рессорах, он, наверное, пуст, так что двигаться будет довольно быстро.

Как и следовало ожидать, несколько секунд спустя «мерс»

проносится по левому ряду, поэтому она запунивает его и пару миль выжимает из него все, что можно.

Поездка в Федземлю — сущее мучение. Большинство федералов ездит на крохотных пластмассово-алюминиевых машинках, которые трудно пунить. Но наконец она пришпиливает одну, крохотную мармеладку с наклеенными окнами и трехцилиндровым мотором, и та довозит ее до границы Соединенных Штатов.

Чем меньше страна, тем больше паранойя ее правительства. Теперь таможенники стали распоследними сволочами. Ей приходится подписать десятистраничный документ — и они действительно заставляют ее его читать. Утверждают, что ей понадобится, как минимум, полчаса, чтобы все прочесть.

— Но я две недели назад его читала.

— Он мог измениться, — говорит охранник, — поэтому вам нужно прочесть его снова.

Расписываясь, И. В., по сути, ручается, что она не террорист, не коммунист (что бы это ни было), не гомосексуалист, не осквернитель государственных символов, не торговец наркотиками, не паразит на государственном пособии, не носитель инфекционных заболеваний или сторонник какой-либо идеологии, ниспровергающей традиционные семейные ценности. Большая часть документа состоит из определений к словам, упомянутым на первой странице.

Поэтому И. В. полчаса сидит в маленькой комнатке, занимаясь домашним хозяйством: осматривает снарягу, меняет батарейки во всех своих мелких приборчиках, чистит ногти, прогоняет скейтборд через все процедуры самодиагностики. Потом подписывает чертов документ и отдает его парню. И вот она в Федземле.

Найти нужное место нетрудно. Типично федеральные постройки — миллион ступеней. Словно каждое возведено на вершине горы из лестниц. Колонны. В этом — федтипов гораздо больше обычного. Кругом коренастые мужики с зализанными волосами. Наверное, гнездо копов. Охранник у двери — коп до мозга костей, собирается приставать к ней, мол, внутрь с доской нельзя. Как будто у них перед входом есть безопасное место для хранения скейтов.

А коп не унимается. Ничего: И. В. все равно ему не по зубам.

— Вот конверт, — говорит она. — В свой обеденный перерыв можете сами отнести его на девятый этаж. Как жаль, что вам придется подниматься по лестницам.

— Послушай. — Он уже совершенно выходит из себя. — Это же ИОГКО. Штаб-квартира ИОГКО. Ты это понимаешь? Все, что

происходит, записывается на видеопленку. В пределах видимости этого здания люди даже не плюют на тротуар. Даже не ругаются. Никто твой скейт не украдет.

— Это еще хуже. Тогда его точно украдут. А потом скажут, дескать, не крали, а конфисковали. Знаю я вас, федералов, вы всегда вечно все конфискуете.

Коп вздыхает. Потом его взгляд теряет осмысленность, а сам он на мгновение затыкается. И. В. понимает, что его вызвали по рации, крохотный наушник которой заткнут ему в ухо — клеймо истинного федерала.

— Ладно, проходи, — говорит он. — Но надо расписаться.

— Разумеется, — отзывается И. В.

Коп протягивает ей книгу росписей, на самом деле ноутбук с электронной ручкой. На экране она пишет «И. В.», после чего эти буквы конвертируются в цифровое изображение, автоматически получают штамп времени и отправляются в большой компьютер штаб-квартиры. И. В. понимает, что ей не пройти через металлоискатель, разве что догола раздеться, поэтому просто перемахивает через стол копа — а что он сделает, застрелит ее? — и со скейтом под мышкой направляется в здание.

— Эй! — слабо протестует он.

— Что, многих агентов ИОГКО ограбили и изнасиловали курьерши? — бросает она через плечо, яростно вдавливая кнопку вызова лифта.

Ждать его приходится вечность. Потеряв терпение, И. В. вместе с остальными федералами тащится по лестнице.

Коп прав: на девятом этаже, похоже, и впрямь штаб-квартира, а может, Центральное полицейское управление. Тут, кажется, все на свете жутковатые мужики в солнечных очках и с зализанными хайерами, за ухом у каждого свисает спиралька телесного цвета. Тут есть даже женщины-федералы. Эти выглядят еще страшнее мужиков. Что женщина готова сделать со своими волосами, чтобы выглядеть профессионально — срань господня! Почему бы просто не надеть мотоциклетный шлем? Его-то по крайней мере снять можно.

И все федералы — и мужчины, и женщины — носят солнечные очки. Без них они кажутся голыми. С тем же успехом могли бы просто без штанов ходить. Увидеть федералов без их стеклышек — все равно что случайно ворваться в мужскую раздевалку.

Офис 968А она находит без труда. Большая часть этажа — море столов. Пронумерованные офисы тянутся вдоль стен и снабжены дверьми с матированными стеклами. У каждого жутковатого мужика, похоже, есть собственный стол, кое-кто

ошивается возле своего, остальные бегают по залу или устраивают экспромт-конференции у чужих столов. Белые рубашки у них болезненно чистые. А вот наплечных кобур меньше, чем она ожидала; большинство вооруженных федералов, наверное, послано туда, где раньше были Алабама и Чикаго, конфисковывать у «Купи и Кати» лоскутки бывшей территории Соединенных Штатов или свалки токсических отходов.

Она входит в Офис 968А. В нем — четыре федерала, вот только эти чуточку постарше остальных, лет, наверное, под сорок — пятьдесят.

— У меня посылка в этот офис, — говорит И. В.

— Ты И. В.? — спрашивает сидящий за столом главный федерал.

— Вам не полагается знать мое имя, — отвечает И. В. — Откуда вы его знаете?

— Я тебя узнал, — говорит главный федерал. — Я знаком с твоей матерью.

И. В. ему не верит. Но у федералов множество каналов получения информации.

— У вас есть родственники в Афганистане? — спрашивает она.

Мужики обмениваются взглядами, будто говоря: кто-нибудь понимает, что мелет эта девчонка? Но эта фраза не из тех, какие следует понимать. Вообще-то говоря, в комбинезон и доску И. В. загнано множество программ распознавания голоса. «У вас есть родственники в Афганистане?» — кодовая фраза, которая приказывает всей снаряге приготовиться, встряхнуться, проверить себя и навострить электронные уши.

— Вам этот конверт нужен или нет? — спрашивает она.

— Я его возьму, — говорит главный федерал и, встав из-за стола, протягивает руку.

Пройдя до середины комнаты, И. В. протягивает ему конверт. Но вместо того, чтобы взять его, он в последнюю минуту бросается вперед и хватает ее за предплечье.

В другой его руке она видит разомкнутые наручники. Ловким движением мужик надевает И. В. на запястье браслет, который со щелчком смыкается поверх манжеты комбинезона.

— Мне очень жать, что так вышло, И. В., но я должен тебя арестовать, — говорит он.

— Что, черт побери, вы делаете? — произносит И. В. Вторую руку она держит подальше от стола, чтобы он не смог сковать ей обе руки вместе, но за эту вторую руку ее уже хватает другой федерал, поэтому теперь она точно канат растянута между двух громил.

— Вы трупы, ребята, — говорит она.

Мужики как один улыбаются, будто рады поглядеть на дерзкую девчонку.

— Вы трупы, ребята, — повторяет она.

Это ключевая фраза, которую только и ждет ее снаряга. Когда она произносит ее во второй раз, все устройства самозащиты включаются, что среди прочего означает, что по внешней стороне манжет бежит электрический ток напряжением в несколько тысяч вольт.

Главный федерал, до того сидевший за столом, бурчит что-то невнятное. Его отбрасывает назад, вся правая сторона его тела спазматически дергается, он спотыкается о собственный стул и падает спиной на стену, ударясь головой о мраморный подоконник. Придурок, схвативший ее за вторую руку, растягивается, будто на невидимой дыбе, и нечаянно ударяет по лицу еще одного мужика, основательно шарахнув его по голове током. Оба они валятся на пол, будто мешок очумелых кошек. Остался только один из четырех, и он запускает руку под полу пиджака. Сделав к нему один шаг, И. В. размахивается, и свободный браслет наручников ударяет его в шею. Просто ласковое прикосновение, но с тем же успехом это мог бы быть удар с двух рук электрическим топором Сатаны. Разряды, потрескивая, пробегают вверх-вниз у него по спине, и внезапно он растягивается на двух дрянных деревянных стульях, а его пистолет вертится на полу, будто детская вертушка.

И. В. особым образом поворачивает запястье, и из рукава ей в руку падает шокер. Наручники, свисающие с другой руки, окажут сходный эффект с другого бока. Еще она вытаскивает баллончик «Жидкого кастета», щелчком открывает крышку и устанавливает распылитель на максимальный угол охвата.

Один из федеральных жутиков настолько добр, что открыл перед ней дверь: он врывается в офис с пушкой наголо, а сзади его подпирает еще дюжина других, сбежавшихся со всего этажа. Всю эту свору она огревает «Жидким кастетом».

ФРШШШШШ! Словно тараканов дустом полили! Тела падают на пол с гулким боем большого барабана. Ее доска без проблем катит по поваленным телам, и вот она уже во внешнем офисе. Жутики наступают со всех сторон, их тут просто немыслимое число. Поэтому И. В. просто не отпускает кнопку, держит баллончик прямо перед собой, отталкивается ногой от пола, набирая скорость. «Жидкий кастет» образует летящий химический клин — она катит по ковру тел. У нескольких агентов хватило ума зайти сзади, но у нее наготове шокер, который на пару минут превращает их нервную систему в мотки раскаленной

колючей проволоки, но, предполагается, побочных эффектов не имеет.

Она проделывает три четверти пути из холла, когда «Жидкий кастет» вдруг заканчивается. Но еще секунду-другую срабатывает, потому что мужики боятся баллончика и удирают с дороги, хотя из сопла ничего не идет. Потом парочка, догадавшись, в чем дело, совершает ошибку, хватая ее за запястья. Одного из них она вырубает шокером, другого — электрическими наручниками. Потом — бух! — в дверной проем, и вот она уже на лестнице, оставляет в кильватере четыре десятка павших. Так им и надо, они даже не попытались при аресте вести себя как джентльмены.

Для пешака лестницы — препятствие. Но для «умноколес» они — просто пандус под углом в сорок пять градусов. Немного штормит, особенно когда на уровне второго этажа она разгоняется слишком быстро, но справиться можно.

Повезло: на первом этаже один из копов как раз открывает дверь на лестницу; без сомнения, его оповестила симфония аварийных сигналов и гудков, уплотнившаяся в стену истерического воя. И. В. пролетает мимо мужика, тот протягивает руку, пытаясь ее остановить, в результате как ремнем ударяет ее по талии, чем лишает равновесия, но такие, как ее, доски, к трэшнику снисходительны. Эта умная доска, когда центр тяжести И. В. смещается, слегка тормозит, давая хозяйке возможность обрести равновесие. И. В. круто поворачивает в нижний вестибюль, целясь прямиком в арку металлоискателя, за которой сияет яркий свет свободы — улица.

Ее старый дружок-охранник вскочил на ноги, у него даже хватило сноровки закрыть собой металлоискатель, как амбразуру. И. В. делает вид, будто вот-вот в него вмажется, но в последнюю минуту ударяет ступней по краю доски, нажимает большим пальцем клавишу и, подобрав ноги, подпрыгивает. Она перелетает прямо через небольшой столик, а ее доска тем временем проезжает под ним, и уже через секунду И. В. приземляется на доску, восстанавливает равновесие. Вот они — двери.

Здание старое. Большинство дверей стальные. Но есть и пара вращающихся, по сути, просто огромные стеклянные панели.

Первые трэшники, бывало, по невнимательности время от времени въезжали на скейтах в стеклянные стены, чем создавали проблемы себе и полиции. А потом эти проблемы разрослись еще больше, когда возникла служба курьерской доставки и трэшникам пришлось подолгу лавировать в офисных зданиях, где стеклянные стены — самый писк моды. Вот почему на дорогую доску без сомнения можно поставить — как дополнительную меру

безопасности — «Узконаправленный Проектор Ударной Волны РадиКС». Срабатывает он незамедлительно, но использовать его можно лишь однажды (он получает импульсы от заряда взрывчатки), а потом придется нести доску в мастерскую и его заменять.

Это оружие на крайний случай. Исключительно аварийная кнопка. Но ведь круто же. Удостоверившись, что целит прямо во вращающуюся дверь, И. В. нажимает соответствующий ножной переключатель.

Боже ты мой! Такое впечатление, что над целым стадионом натянули брезент, превратив его в гигантский батут, а потом обрушили в него 747-й. Она, правда, чувствует, что внутренние органы у нее смещаются на пару дюймов. Сердце меняется местами с печенкой. Ступни ног зудят, ноги словно онемели. А ведь она даже не стояла на пути ударной волны.

Стекло безопасности во вращающейся двери не просто раскололось и упало на пол. Оно вылетело из креплений и потоком извергается теперь на лестницу. Мгновение спустя за ним следует И. В.

Нелепый каскад беломраморных ступеней у фасада здания дает ей новый разгон. К тому времени, когда она вылетает на тротуар, у нее достаточная скорость, чтобы докатить до самой Мексики.

Когда она заворачивает, пересекая широкую авеню, и наводит мишень в гоглах на КПП, до которого еще четверть мили и через который она собирается перепрыгнуть, что-то подсказывает ей поднять глаза.

Потому что у нее за спиной высится здание, из которого она сбежала, десятки этажей, полных жутиков, и все сирены в нем воют. Большинство окон открыть нельзя, поэтому федералы только таращат глаза. Но на крыше — боевики. Сама крыша щетинится лесом антенн. Если это лес, то эти парни — жутковатые гномы, живущие среди деревьев. Они готовы действовать, у них солнечные очки на носу, у них оружие, они смотрят на нее.

Но целится только один. Наводит на нее огромную штуковину. Приклад размером с бейсбольную биту. Она успевает увидеть, как из дула вырывается вспышка, обрамленная бубликом белого дыма. Штуковина была направлена не прямо на нее. А чуть впереди.

Прямо перед ней приземляется оглушающая граната и, подпрыгнув в воздух, взрывается на высоте двадцати футов.

Следующие четверть секунды: не было никакой яркой вспышки, которая бы ее ослепила, поэтому она своими глазами

видит, как из места взрыва во все стороны сферой распространяется ударная волна, плотная и ощутимая, будто ледяной шар. Там, где сфера касается улицы, она создает круглый фронт, заставляя подпрыгивать камешки, переворачивая давным-давно раздавленные коробки из «Макдональдса» и взвихряя тонкую как мука пыль изо всех трещинок в тротуаре, и гонит эту пургу прямо на И. В. А над землей ударная волна висит в воздухе, несется на И. В. со скоростью звука, воздушная линза, все расплющивающая и все преломляющая. И. В. проходит сквозь нее.

42

Когда Хиро на своем мотоцикле в пять утра поднимается на перевал, городок Порт-Шерман, штат Орегон, внезапно раскидывается перед ним во всей своей красе: сполох желтого логло, зажатый в узкой подковообразной долине, в незапамятные времена выдолбленной в скальной породе огромным ледником в эпоху геологического куннилингуса. По окраинам, где город переходит во влажный лес, он лишь слабо присыпан золотом, которое густеет и становится все ярче по мере приближения к гавани — узкому и длинному фьорду, похожему на зазубрину, глубоко врезавшуюся в береговую линию Орегона. Тут берет начало черная океанская впадина, которая тянется до самой Японии.

Приятно снова вернуться в цивилизованные земли после ночной гонки по северным дорогам. Слишком много там вооруженных бейсбольными битами тупиц, слишком много придурков, Стражей Порядка и конных канадских копов.

Даже с расстояния в десять миль и с высоты в еще милю зрелище ему открывается малоприятное. На небольшом расстоянии от гавани Хиро различает несколько красных пятен. Лучше бы на их месте были желтые. Ему ужасно хочется увидеть что-нибудь зеленое, голубое или пурпурное, но здесь, похоже, нет кварталов, омытых столь изысканным неоном.

Впрочем, ему будет не до изысков.

Съехав с трассы подальше, Хиро отыскивает плоский камень на открытом пространстве, что должно исключить внезапное нападение, и, натянув гоглы, входит в Метавселенную.

— Библиотекарь?

— Да, сэр.

— Инанна.

— Персонаж шумерской мифологии. В более поздних культурах известна как Иштар или Эстер.

— Добрая богиня или злая?

— Добрая. Любимая богиня.

— Она имела какие-либо дела с Энки или Ашерой?

— В основном с Энки. В разное время она и Энки были то в дурных, то в хороших дружеских отношениях. Инанна также известна как хозяйка всех великих *ме*.

— Я думал, *ме* принадлежали Энки.

— Принадлежали. Но Инанна отправилась в Абзу, крепость на воде в городе Эриду, где Энки хранил *ме*, и заставила Энки отдать ей все *ме*. Именно так *ме* и были выпущены в мир.

— Крепость на воде, говоришь?

— Да, сэр.

— И как отнесся к этому Энки?

— Он с радостью ей их отдал, по всей видимости, потому, что был пьян и одурманен красотой Инанны. Протрезвев, он попытался погнаться за ней и отобрать *ме*, но она его перехитрила.

— Давай попробуем семиотический подход, — бормочет Хиро. — Плот — крепость на воде Л. Боба Райфа. Именно там он хранит все свое добро. Все свои *ме*. Пару дней назад Хуанита поехала в Асторию, откуда было проще всего попасть на Плот. Думаю, она пытается провернуть аферу Инанны.

— В другом известном шумерском мифе, — говорит Библиотекарь, — Инанна спускается в подземный мир.

— Продолжай.

— Она собирает воедино все свои *ме* и достигает храма, в котором правит Эрешкигаль, богиня Смерти. Инанна путешествует под чужим именем и проникает в храм обманным путем, но всевидящая Эрешкигаль легко разгадывает обман. И все же Эрешкигаль позволяет Инанне войти в свой чертог. Когда Инанна вступает в храм, с нее срывают одежды, украшения и *ме*, а саму ее нагую приводят пред очи Эрешкигаль и семи судей подземного мира. Судьи «обращают на нее свой взор, взор смерти; по их слову, слову, которое терзает дух, Инанна обращается в труп, гниющее мясо, которое подвешивают на крюк на стене», перевод Кремера.

— Великолепно. А за каким чертом ее туда понесло?

— Как пишет Диана Волькштейн, «Инанна отбросила… все, что совершила в жизни, пока не была обнажена, и при ней не осталось ничего, кроме воли к возрождению… благодаря своему путешествию в подземный мир она приобрела познания в мистериях смерти и возрождения».

— Ах вот как. Надо думать, у истории есть продолжение.

— Гонец Инанны ждет три дня, а когда по истечении этого срока она не возвращается из подземного мира, отправляется просить помощи у богов. Никто из них не соглашается ей помочь, кроме Энки.

— Выходит, нашему приятелю Энки, богу-хакеру, приходится вытаскивать ее задницу из ада.

— Энки создает двух людей и отправляет их в подземный мир спасти Инанну. Посредством их магии Инанна возвращается к жизни. Она возвращается из подземного мира, а за ней следует воинство мертвецов.

— Хуанита отправилась на Плот три дня назад, — говорит

Хиро. — Время ломать коды.

«Земля» все еще висит так, как он ее оставил, держит «под лупой» Плот. В свете вчерашнего разговора с Чаком Райтсоном не так трудно распознать участок, присоединенный правосами, когда «Интерпрайз» пару недель назад проходил мимо ВРКиКа. В центре — пара огромных советских сухогрузов, притертых друг к другу, а вокруг — кораблики поменьше. Большая часть плота — мертво-бурая, органическая, но эта секция — сплошь белый стеклопластик: прогулочные яхты, угнанные у богатых пенсионеров-отдыхающих ВРКиКа. И таких тут сотни.

Сейчас Плот уже отошел от Порт-Шермана, поэтому, решает Хиро, там и обретаются верховные жрецы Ашеры. Через несколько дней Плот подойдет к Эврике, потом пройдет мимо Сан-Франциско, потом мимо Л.А. А яхты правосов служат связующим звеном между штаб-квартирой культа и материком.

Отвернувшись от Плота, Хиро скользит взглядом по океанским волнам к Порт-Шерману, чтобы там произвести рекогносцировку.

Вдоль всей береговой линии протянулся полумесяц дешевых мотелей с желтыми логотипами. Хиро просматривает их в поисках русских названий.

Ничего сложного. Вот прямо посреди полумесяца — «Спектр 2000». Как подразумевает название, в нем есть весь спектр номеров — от шкафчиков, в которых закрываешься, бросив монетку в щель, до роскошных апартаментов в пентхаусе. И множество номеров снято людьми, чьи фамилии оканчиваются на выдающие славян с головой «ов» и «овский». Солдаты спят в вестибюле — разложены по шкафчикам подле своих АК-47, а жрецы и генералы поселились в просторных номерах повыше. Хиро на мгновение задумывается, что может делать с «Волшебными секс-пальцами» священник Русской православной церкви Пятидесятницы.

Апартаменты в пентхаусе сняты неким джентльменом по фамилии Гуров. Мистер КГБ собственной персоной. Вероятно, слишком большой трус, чтобы оставаться на самом Плоту.

Но как он попал с Плота в Порт-Шерман? Если для этого требуется проплыть несколько сотен миль северного Тихого океана, это должно быть порядочное судно.

В Порт-Шермане с полдюжины пристаней. В настоящее время все они закупорены маленькими коричневыми лодками. Напоминает последствия тайфуна, очистившего несколько сотен квадратных миль океана от сампанов и прибившего их к первому же препятствию. Вот только здесь этот мусор выглядит упорядоченным.

Беженцы уже сходят на берег. Если они умны и агрессивны, то, вероятно, знают, что отсюда пешком или стопом можно добраться до Калифорнии.

Это объясняет, почему причалы забиты утлыми лодчонками. Но один причал производит впечатление частного. У него стоит десяток чистеньких белых судов, аккуратно выстроившихся на своих стапелях, отребью сюда хода нет. Разрешение настолько высоко, что Хиро даже видит, что этот причал усеян небольшими пончиками — вероятно, заградительные кольца из мешков с песком. Это единственный способ сохранить частные швартовы частными, когда неподалеку дрейфует Плот.

Номерные знаки, флаги и прочие идентификационные мелочи различить труднее: спутникам очень трудно их фиксировать.

Хиро проверяет, есть ли у ЦРК свой стрингер в Порт-Шермане. Разумеется, есть, ведь здесь Плот, а ЦРК надеется сделать большие деньги на продаже сведений о Плоте всем встревоженным обитателям береговой линии между Скагуэем и Тьера дель Фуэго.

Ну, конечно. В городе болтается с десяток человек, сгружая «самые последние репортажи» из Порт-Шермана. Один из них — просто понтер с видеокамерой, снимающий все, что под руку попадется.

Хиро просматривает его материал на быстрой перемотке. Многое снято из окна гостиничного номера понтера: многие часы метража, отмечающего приближение ползущих в гавань лодчонок, которые образуют перед Порт-Шерманом собственный мини-Плот.

Но этот поток хотя бы отчасти организован, вокруг снуют, по всей видимости, самозваные копы на быстроходных катерах, грозят пушками, кричат в мегафоны. Теперь понятно, почему, какая бы ни возникала неразбериха в гавани, посреди фьорда всегда остается чистая протока. А конечная точка этой беговой дорожки — чистый пирс с дорогими кораблями.

Больших судов тут два. Одно — крупное рыболовецкое судно под флагом с эмблемой правосов, герб довольно прост: крест и пламя. Это явно трофей из ВРКиКа, на корме выведено «КОРОЛЕВА КОДЬЯКА», и правосы пока не удосужились поменять название. Другое судно — небольшая яхта, призванная развозить богачей по курортам. Флаг на ней — зеленый, и она, похоже, связана с «Великим Гонконгом мистера Ли».

Хиро еще немного рыщет по улицам Порт-Шермана, пока не находит сравнительно обширную франшизу «Великого Гонконга мистера Ли». Это не единое здание в типично гонконгском стиле,

а россыпь строений и офисов по всему городу. Но густая россыпь. Настолько густая, что «Гонконг» держит тут несколько служащих на полную ставку, в том числе проконсула. Хиро вытаскивает из ЦРК его фотографию, чтобы при случае узнать в лицо: сварливого вида китайско-американский господин лет пятидесяти. Значит, это не автоматизированная франшиза из тех, что обычно встречаются в Нижнем 48.

43

И. В. приходит в себя. Она все еще в своем комбинезоне «РадиКС», но лежит, мумифицированная промышленной изолентой на полу дрянного старенького «форда», несущегося неизвестно куда. Это настроило ее далеко не благосклонно. От удара шоковой волны у нее не переставая идет носом кровь и голова звенит адской пульсирующей болью, к тому же всякий раз, когда машина подпрыгивает на рытвине, она ударяется затылком о рифленый стальной пол.

Сперва она злилась. Потом на краткие мгновения начал накатывать страх — ей хотелось домой. После восьми часов в миниване у нее уже не осталось сомнений, что ей хочется домой. Сдаться ей мешало одно лишь любопытство. По ее разумению, которое, однако, не помешало ей попасть в гадкий переплет, на операцию федералов это никак не походило.

Потом миниван, судя по звуку, съехал с трассы на подъездную дорогу и, наконец, на автостоянку. Задние двери минивана распахнулись, и внутрь забрались две женщины. В открытые двери И. В. заметила готическую арку логотипа «Жемчужных врат преподобного Уэйна».

— Ох, бедная девочка! — запричитала одна. Другая только ахнула от ужаса при виде крови на полу. Первая просто положила ее голову к себе на колени и, гладя по волосам, дала напиться сладкого «Кул эйд» из кружки, а вторая тем временем принялась осторожно снимать изоленту.

Кроссовок на ней не было уже тогда, когда она очнулась в миниване, и другую пару ей никто не предложил. С ее комбинезона тоже все поснимали. Вся ее классная снаряга исчезла. Но под комбинезон они не залезли. Личные номерные знаки остались при ней. И еще одно, такая штука у нее между ног, под названием дентата. Ее-то они уж никак не могли обнаружить.

Она с самого начала подозревала, что номерные таблички — подделка. Не может же Дядюшка Энцо раздавать военные сувениры четырнадцатилетним девчонкам. Но, может, на кого-то они все же подействуют?

Женщин зовут Марла и Бонни, и они не отходят от нее ни на шаг. Не только сидят с ней рядом, но и все время ее касаются. Обнимают, сжимают локоть, держат за руку, ерошат волосы. В первый же раз, когда И. В. идет в туалет, Бонни отправляется с ней. И. В. решает, что Бонни беспокоится, что она отключится на унитазе или еще что. Но в следующий раз, когда ей надо по-

маленькому, с ней идет Марла. Никакой личной жизни.

Единственная проблема: она не может отрицать, что ей это отчасти нравится. После поездки в миниване у нее все болит. Очень в нем было худо. Она никогда не чувствовала себя такой одинокой. А теперь она боса и беззащитна, в незнакомом месте, а ей дают то, что ей нужно.

После того как ей дали пару минут освежиться — что бы это ни значило — в «Жемчужных вратах преподобного Уэйна», они втроем забрались в длинный фургон без окон. На полу — ковролин, но никаких сидений, поэтому все устроились на полу. Когда открылись задние двери, фургон оказался битком набит. Их встретили двадцать молодых, энергичных, сияющих улыбками лиц. И. В. это показалось невозможным, и она отпрянула, упершись спиной прямо в Бонни и Марлу. Но из фургона раздался веселый хор приветствий, в полумраке засверкали улыбки, и народ потеснился, чтобы выделить им места.

Следующие два дня она провела в фургоне, зажатая между Бонни и Марлой, которые постоянно держали ее за руки, поэтому она и в носу не могла поковырять без разрешения. Веселые песни здесь распевали до тех пор, пока мозги у нее не превратились в тапиоку. А еще играли в дурацкие игры.

Пару раз в час кто-нибудь в фургоне начинал иноязычить, совсем как психи в лагере Фалабалы. Или евангелисты в «Жемчужных вратах преподобного Уэйна». Бормотание распространялось по всему фургону будто заразная болезнь, и вскоре уже все до единого иноязычили.

За исключением И. В. Она никак не могла взять в толк, откуда это берется. И вообще стыдно нести такую тарабарщину. Поэтому она только вид делала, что бормочет.

Трижды в день им выпадала возможность поесть и оправиться. Останавливался фургон только в ЖЭКах. И. В. чувствовала, как он съезжает с трассы, петляет по шоссе между строящихся домов, по дворам и проулкам. Автоматически поднималась дверь гаража, фургон въезжал, и дверь опускалась снова. Все гурьбой валили в зажиточный дом, вот только такие дома всегда были лишены мебели и какой-либо семейной мелочовки. Там их уже ждали, и они ели торты и печенья. Это всегда происходило в совершенно пустой комнате, но обои менялись: в одном месте — цветочные обои в цветочек в стиле кантри и застоявшийся запах прогорклого освежителя «глейд». В другом — обои с хоккеистами, футболистами, баскетболистами. А еще в одном — просто гладкие белые стены со старыми каракулями цветными мелками. Сидя в этих комнатах, И. В. рассматривала царапины на полу от когда-то передвинутой

мебели, точно впадины геологических пород, созерцала их, будто археолог, выдумывала истории о когда-то живших здесь, но давно уехавших семьях. Но к концу путешествия она уже и на это не обращала внимания.

В фургоне она не слышала ничего, кроме счастливых песен и хоралов, не видела ничего, кроме притиснутых друг к другу лиц своих спутников. Заправляться они всегда останавливались на бензоколонках для грузовиков в самых глухих местах, причем подъезжали к самому дальнему насосу, чтобы никого больше и близко не было. За исключением таких коротких остановок фургон все ехал и ехал, только водители сменялись.

Наконец они приехали на побережье. И. В. узнала его по запаху. Несколько минут фургон стоял, мотор урчал на холостом ходу, но наконец И. В. встряхнуло: преодолев какой-то порог, фургон пополз вверх — сперва по одному пандусу, потом по другому и вот уже остановился. Раздался щелчок, водитель поставил машину на ручник.

Тут послышался рокот, похожий на шум мотора, только намного громче. Поначалу И. В. даже не почувствовала движения, а потом сообразила, что все мягко покачивается. Фургон стоял на корабле, а тот вышел в море.

Этот настоящий океанский корабль, правда, старый, дрянной и проржавевший, стоил на свалке, наверное, целых пять баксов. Но он еще способен перевозить машины и держится на плаву.

Корабль — такой же, как фургон, только больше, и народу тут тоже больше. Но едят они ту же еду, поют те же песни и все так же почти не спят. К тому времени И. В. находит в этом извращенное утешение. Она знает, что вокруг уйма таких же, как она, и что она в безопасности. Она свыклась с заведенным порядком, она знает, где ее место.

И так, наконец, они попадают на Плот. Никто не сказал И. В., куда они едут, но именно туда они направляются — теперь это уже совершенно очевидно. Ей следовало бы испугаться. Но они бы не ехали на Плот, будь там так плохо, как о нем говорят.

Когда он еще только показывается на горизонте, И. В. почти ждет, что ее снова обмотают промышленной изолентой. А потом она догадывается, что в этом нет необходимости. Она же никому не чинила неприятностей. Ее приняли как свою, ей доверяют. Отчасти это пробуждает гордость.

И она не будет создавать проблемы на Плоту, потому что сбежать из их сектора лодчонок она может только на Плот per se. На настоящий Плот. Плот из сотен дешевых гонконгских фильмов и комиксов с реками крови. Не нужно большого воображения, чтобы представить себе, что случается на Плоту с

пятнадцатилетними американскими блондинками, и здешним людям это известно.

Иногда она тревожится за мать, а потом ожесточается и думает: может, случившееся пойдет ей на пользу. Немного ее встряхнет. А именно это ей и нужно. После того как папа ушел, она замкнулась в себе, съежилась, будто брошенная в огонь птичка-оригами.

На расстоянии нескольких миль Плот окружает внешнее облако мелких судов. Почти все они рыболовецкие. На кое-каких — парни с автоматами, но этот паром они не трогают. Пройдя через внешнюю зону, паром берет курс на белый квартал с краю Плота. В буквальном смысле белый. Все корабли здесь новые и чистые. Есть парочка огромных ржавых судов с русскими надписями по борту, и паром причаливает к одному из них. Перебрасывают швартовы, потом на борт парома ложатся сети, утяжеленные сотнями отслуживших свое шин.

Никаких условий для скейтинга.

Интересно, есть ли вообще на борту скейтеры. Маловероятно. И вообще все это не ее люди. Она всегда была из грязных отбросов хайвеев, а не из этих, что вечно распевают, взявшись за руки. Может быть, Плот для нее — самое место.

И. В. отводят в трюм русского корабля и ставят на самую тупую работу всех времен и народов: чистить рыбу. Она этой работы не хочет, она о ней не просила. Но получила именно ее. И все это время никто с ней не разговаривает, ничего не объясняет, и поэтому она боится спрашивать. Ее только что накрыла массивная волна культурного шока, поскольку большинство людей на этом корабле — старые и толстые русские и по-английски они не говорят.

Несколько дней она спит за работой, тогда ее тычками будят здоровенные русские матроны, работающие за соседними столами. А еще она ест. Кое-какая рыба, проходящая через этот трюм, порядком протухла, но и свежего лосося здесь достаточное количество. Узнает она его только потому, что ела суси в универмаге: лосось — это нечто красновато-оранжевое. Поэтому она готовит себе суси, жует потихоньку свежую лососину, а та хороша на вкус, что само по себе неплохо. Немного проясняет мозги.

Как только И. В. преодолевает шок и свыкается с заведенным порядком, то начинает обращать внимание на окружающих, наблюдать за чистящими рыбу матронами и тут понимает, что такова, должно быть, жизнь для девяноста девяти процентов населения планеты. Ты в таком-то месте. Вокруг тебя другие люди, но они тебя не понимают, а ты не понимаешь их, но они все

равно непрестанно что-то бормочут. Для того чтобы выжить, весь день и каждый день делаешь глупую бессмысленную работу. А единственный путь бегства — остановиться, броситься очертя голову в жестокий мир, который тебя поглотит, и никто больше о тебе и не вспомнит.

Она малопригодна для чистки рыбы. Крепкие русские тетки — топающие плосколицые бабушки — то и дело на нее наезжают. Они все время слоняются у нее за спиной, смотрят, как она работает, с таким выражением на лицах, будто не в силах поверить, как можно быть такой нескладехой. Пытаются показать ей, как правильно, и все равно у нее плохо получается. Это нелегкая работа, а руки у нее все время мерзнут и едва слушаются.

Через несколько дней этой доводящей до исступления работы ей дают новую, чуть дальше по конвейеру: на раздаче в столовой. Все равно, что девица с половником в школьном кафетерии. Она работает в камбузе одного из больших русских кораблей, подтаскивает к стойке чаны с уже готовой рыбной похлебкой, разливает ее по мискам, которые толкает через стойку к нескончаемой очереди религиозных фанатиков, религиозных фанатиков и снова религиозных фанатиков. Только на сей раз тут гораздо больше азиатов и почти нет американцев.

Здесь есть еще одна, новая разновидность: люди с антеннами в головах. Антенны вроде тех, какие бывают у переносных полицейских раций: короткие пруты из черной резины с тупыми концами. Поднимаются они из-за уха. Увидев их впервые, она решает, что это какой-то новый плейер, ей хочется спросить, где этот тип такое взял и что он слушает. Но тип слишком уж странный, еще более странный, чем все остальные: пялится в никуда пустым взором и иноязычит почище прочих. В конце концов у нее даже мурашки по коже бегут, поэтому она только наливает ему побольше похлебки и поскорей отводит взгляд, чтобы плюхнуть жижу в следующую миску.

Время от времени она узнает кого-нибудь, кто был с ней в фургоне. Но они, похоже, ее не узнают, смотрят прямо сквозь нее. Стеклянные взгляды. Словно им промыли мозги.

Словно ей, И. В., промыли мозги.

Она даже поверить не может, что прошло столько времени, пока она сообразила, что с ней делают. И от этого только еще больше злится.

44

В Реальности Порт-Шерман — на удивление крохотный городишко, по правде сказать, всего несколько кварталов. Пока не подошел Плот, его население составляло всего пару тысяч человек. Теперь оно, наверное, приближается к пятидесяти тысячам. На въезде Хиро приходится сбросить скорость, потому что беженцы спят прямо на мостовой, перегородив уличное движение.

Но это и неплохо — спасает ему жизнь. Ведь вскоре после того, как он въезжает в Порт-Шерман, колеса на его мотоцикле заклинивает, шипы теряют гибкость, ехать становится тряско. Через несколько секунд сдыхает и сам байк, превращаясь в груду инертного металла. Даже мотор не работает. Хиро смотрит в плоский экран над баком горючего в надежде увидеть отчет о состоянии системы, но видит только пургу. Биос облавинился. Его байк подцепил Ашеру.

Поэтому, бросив байк посреди улицы, Хиро продолжает путь к береговой линии пешком. Он слышит, как за спиной у него просыпаются беженцы и, выбравшись из одеял и спальных мешков, набрасываются на павший байк — каждый старается захватить его первым.

Он не слышит, а скорее нутром чует странный вибрирующий звук и на мгновение вспоминает мотоцикл Ворона в Л.А., как услышал его впервые и слышал еще раз позже. Но кругом нет ни одного мотоцикла. Звук доносится сверху. Это вертолет. Хиро подошел к воде так близко, что уже чувствует запах гниющих на пляже водорослей. Завернув за угол, он оказывается на набережной, прямо перед ним — фасад «Спектра 2000». По другую руку — вода.

Вертолет летит со стороны фьорда, следуя курсом в гавань, направляется прямиком к «Спектру 2000». Это подвижная стрекоза со стеклянной кабиной. Там, где когда-то красовались звезды, выведены кресты. В прохладном голубоватом свете раннего утра вертолет кажется ослепительно ярким, потому что оставляет за собой хвост звездочек: раз в несколько секунд из него вываливаются голубовато-белые магниевые сигнальные ракеты, которые, опустившись в воду, продолжают гореть и там, оставляя пепельную дорожку на всю гавань. Они тут не для красоты, а для того, чтобы сбить со следа ракеты с тепловой системой самонаведения.

Хиро смотрит на фасад здания, и потому крыша отеля ему не видна. Но интуиция подсказывает ему, что на крыше этого самого

высокого здания в Порт-Шермане, наверное, ждет Гуров. Стоит в ожидании предрассветного эвакуатора, который унесет его в фарфоровое небо, подальше отсюда, на Плот.

Вопрос: почему его эвакуируют? И почему они опасаются ракет с тепловой системой самонаведения? Тут Хиро запоздало догадывается, что тут, наверное, происходит что-то очень серьезное.

Будь у него байк, он мог бы въехать прямо по пожарной лестнице и выяснить, что там происходит. Но байка у него больше нет.

С крыши здания справа от него что-то глухо ухает. Здание старое, построенное, наверное, еще сто лет назад первопроходцами. Колени у Хиро подкашиваются, рот открывается, плечи непроизвольно подаются вперед. Он поворачивается на звук. И что-то притягивает его взгляд: маленьким черным воробьем с крыши вспархивает нечто. Но, пронесясь сто ярдов над водой, воробей вдруг загорается, выплевывает огромное облако липкого желтого дыма и превращается в белый огненный шар, который взмывает вперед и вверх. Шар летит все быстрее и быстрее, прокатываясь ударной волной по центру гавани, пока не догоняет маленький вертолет, который прошивает насквозь от лобового стекла до хвоста. Вертолетик, в свою очередь, обращается в облако пламени, из которого сыпятся темные обломки металла — будто феникс вылупляется из яйца.

По всей видимости, Хиро не единственный в этом городке, кто ненавидит Гурова. Теперь генералу придется спуститься и сесть на корабль.

Вестибюль «Спектра 2000» — просто вооруженный лагерь, полный бородачей с пушками. И все они укрепляют периметр; заспанные солдаты выбираются из шкафчиков-клетушек, натягивают куртки, хватают автоматы. Смуглый сержант в модифицированной форме советских моряков, очевидно, татарин, оставшийся еще со времен Красной Армии, мечется по вестибюлю, орет на людей, гоня их кого в одну, кого в другую сторону.

Гуров, возможно, и святой, но по воде ходить не умеет. Ему придется выйти на набережную, пробраться через две заставы к воротам, ведущим на защищенный пирс, и подняться на борт «Королевы Кодьяка», которая уже ждет его, выкашливая из труб черный дым и зажигая прожекторы. Чуть дальше от города возле «Королевы» стоит «Каулун», судно «Великого Гонконга мистера Ли».

Повернувшись спиной к «Спектру 2000», Хиро бежит вдоль

набережной, пока не находит нужный логотип: «Великий Гонконг мистера Ли».

Его не хотят пускать. Он размахивает паспортом, и двери открываются. Охранник — китаец, но немного говорит по-английски. Это показательно, насколько тяжела обстановка в Порт-Шермане: на дверях стоит охранник. Обычно «Великий Гонконг мистера Ли» — открытая страна, всегда ищущая новых граждан, пусть даже они нищие беженцы.

— Прошу прощения, — пронзительно и неискренне верещит охранник, — я не знал… — Он указывает на паспорт Хиро.

Франшиза — в буквальном смысле глоток свежего воздуха. Тут нет атмосферы «третьего мира» и мочой совсем не пахнет. А это означает, что здесь местная штаб-квартира, потому что большая часть владений «Гонконга» в Порт-Шермане, вероятно, состоит из человека с пушкой, околачивающегося возле телефонной будки в вестибюле. Но здесь просторно, чисто и обставлено совсем неплохо. Несколько сотен беженцев пристально следят за ним в окна. Сдерживает их не столько бронированное стекло, сколько красноречиво выстроившиеся вдоль стены бункеры трех Крысопсов. Судя по виду, двух сюда перевезли совсем недавно. Усилить охрану никогда не помешает, особенно если мимо проходит Плот.

Хиро шествует к стойке. Мужчина за ней говорит в телефон по-кантонски, иными словами, кричит. Присмотревшись, Хиро узнает в нем проконсула. Проконсул явно поглощен этой светской беседой, но, видимо, заметил мечи Хиро и потому внимательно за ним наблюдает.

— Мы очень заняты, — говорит проконсул, кладя наконец трубку на рычаг.

— И будете заняты намного больше, — откликается Хиро. — Мне бы хотелось зафрахтовать ваше судно, «Каулун».

— Это очень дорого, — цедит проконсул.

— Я только что бросил посреди улицы новенький байк последней модели, потому что мне не хотелось толкать его полквартала до гаража, — говорит Хиро. — За мной такая фирма, что у вас глаза на лоб полезут.

— Корабль сломан.

— Я очень ценю вашу вежливость, ведь вы не желаете отказывать мне напрямую, — говорит Хиро, — но по чистой случайности я знаю, что на самом деле он в полном порядке, поэтому буду вынужден считать ваши слова эквивалентом отказу.

— Сейчас судно занято, — отвечает проконсул. — Им уже пользуются.

— Оно еще не отдало швартовы, — настаивает Хиро, —

поэтому вы можете расторгнуть этот контракт — под одним из предлогов, какие вы мне только что назвали, и тогда я уплачу вам намного больше.

— Мы не можем этого сделать.

— Тогда я выйду на улицу и сообщу беженцам, что «Каулун» ровно через час отплывает в Л.А. и что на нем достаточно места, чтобы взять на борт двадцать человек. Кто придет первым, тот и получит койку, — говорит Хиро.

— Нет, — отвечает проконсул.

— Я скажу им, чтобы они связывались лично с вами.

— Куда вы собираетесь отправиться на «Каулуне»?

— На Плот.

— О, что же вы сразу не сказали, — говорит проконсул. — Зафрахтовавший его пассажир отправляется туда же.

— Есть еще кто-то, кто желает побывать на Плоту?

— Именно это я и сказал. Ваш паспорт, пожалуйста.

Хиро протягивает паспорт. Проконсул опускает его в щель.

Имя Хиро, его личные данные и фото для документов цифровым образом передаются в биос франшизы, и, стремительно нажав десяток клавиш, проконсул уговаривает компьютер выплюнуть заламинированый пропуск с фотографией.

— С этим вам нужно пойти на пирс, — объясняет он. — Пропуск действителен в течение шести часов. С другим пассажиром договоритесь сами. После этого чтобы я вас больше не видел.

— А что, если мне снова понадобятся услуги консульской службы?

— Ну, я всегда могу выйти на улицу и сказать, что ниггер с мечами насилует китайских беженцев, — отвечает проконсул.

— Хм. Не самое лучшее обслуживание, с каким я сталкивался в «Великом Гонконге мистера Ли».

— У нас налицо чрезвычайная ситуация, — говорит проконсул. — Взгляни в окно, кретин.

На набережной, по всей видимости, мало что изменилось. Правосы укрепили периметр и организовали оборону вестибюля «Спектра 2000»: попереворачивали мебель на баррикады. В недрах самого отеля, как предполагает Хиро, царит бешеная активность.

Однако все еще неясно, от кого защищаются правосы. Пробираясь по прибрежным улочкам, Хиро видит только китайских беженцев в мешковатой одежде. Вот только кое-кто из них выглядит более настороженными, чем прочие. И впечатление они производят совсем иное. Большинство китайцев рассматривают грязь у себя под ногами и размышляет о своем. Но

есть и такие, кто расхаживает по улице, настороженно оглядываясь по сторонам. В основном это молодые люди в объемных куртках. И прически у них словно из иной стилистической вселенной. Явные следы геля для укладки волос.

Вход на причал для богачей заложен мешками с песком, затянут колючей проволокой и охраняется. Хиро медленно подходит, держа руки на виду, и показывает свой пропуск старшему охраннику, единственному белому человеку, которого Хиро встретил в Порт-Шермане.

Это открывает ему путь на причал. Вот так. Как и представительство «Гонконга», пирс пуст, тут тихо и не воняет. Пирс мягко покачивается на приливных волнах, что действует на Хиро успокаивающе. Вообще-то пирс — всего лишь череда плотиков, дощатые платформы, построенные на кусках плавучего пенопласта, и не будь охранников, его, вероятно, утащили бы в океан, чтобы привязать к Плоту.

В отличие от обычных причалов пирс не пуст. Как правило, пришвартовавшись, владельцы запирают свои катера и уходят. А здесь на каждом суденышке по меньшей мере по одному человеку: сторожа пьют кофе, держа наготове оружие, и настороженными взглядами провожают идущего по пирсу Хиро. Раз в несколько секунд по пирсу гремят шаги и мимо Хиро пробегают русские, стремящиеся успеть на «Королеву Кодьяка». Это все молодые люди, типичные матросы. И они рвутся на «Королеву», словно это последний корабль из ада, на них кричат офицеры, они разбегаются по своим местам и в отчаянии принимаются за свои обязанности.

На «Каулуне» все гораздо спокойнее. Он тоже охраняется, но, похоже, стюардами, учитывая щеголеватые формы с медными пуговицами и белые перчатки. Предполагается, что такую форму будут носить в закрытых помещениях, в уютных кондиционированных столовых и гостиных. Кое-где на палубе видны и члены экипажа — с черными набриолиненными волосами, в черных же ветровках для защиты от ветра и водяной пыли. Среди них Хиро замечает лишь одного, кого можно счесть пассажиром: высокого худощавого белого мужчину в темном костюме, который разгуливает взад-вперед, непрерывно треща по сотовому телефону. Вероятно, какой-то тип от шоу-биза, пожелавший прокатиться по морю и поглядеть на беженцев на Плоту, сидя при этом в столовой за роскошным обедом.

Хиро проходит почти половину пирса, как вдруг на берегу у «Спектра 2000» начинается настоящее светопреставление. Сперва — серия длинных автоматных очередей, которые вроде бы не причиняют особого ущерба, зато довольно быстро очищают

улицу. Девяносто девять процентов беженцев просто испаряется. Остальные, молодые парни, которых Хиро подметил раньше, вытаскивают из-под курток любопытное хай-тек оружие и скрываются в дверных проемах. Хиро несколько убыстряет шаг, при этом пятится, следя, чтобы между ним и перестрелкой всегда оставалось какое-нибудь судно и его не задело случайной очередью.

С воды дует свежий бриз. Пролетев над «Каулун», он приносит запах жарящегося бекона и свежесваренного кофе, и Хиро невольно думает о том, что его последней едой были полпинты дешевого пива в «Пивной Келли» во «Вздремни и Кати».

Улица перед «Спектром 2000» потерялась в грохоте и клубах белого дыма: это все, кто были снаружи и внутри отеля, принялись беспорядочно палить друг в друга.

Что-то касается его плеча. Хиро хочет отмахнуться и, вынужденно опустив взгляд, видит перед собой крохотную китаяночку-официантку, спустившуюся на пирс с «Каулуна». Завладев его вниманием, она возвращает руки на место — а именно зажимает ими уши.

— Вы Хиро Протагонист? — гримасничает она: Хиро приходится читать по губам, ведь ее голос теряется в нелепом шуме перестрелки.

Хиро кивает. Кивнув в ответ, официантка делает шаг назад и кивает на «Каулун». Оттого что ее руки прижаты к ушам, все движение напоминает фигуру фольклорного танца.

Хиро следует за ней по пирсу. Может быть, ему все же позволят зафрахтовать «Каулун». Девушка указывает ему на алюминиевый трап.

Проходя по нему, Хиро поднимает глаза на верхнюю палубу, где у перил стоит пара членов экипажа в черных ветровках. Один из них опирается на перила, наблюдая за перестрелкой в бинокль. Другой, постарше, подходит сзади, наклоняется, чтобы рассмотреть его спину, и дважды хлопает между лопаток.

Малый опускает бинокль и смотрит, кто бьет его по спине. Глаза у него не китайские. Старший что-то говорит ему, потом жестом указывает на горло. И он тоже не китаец.

Кивнув, парень с биноклем нажимает кнопку на лацкане. Когда он поворачивается, на спине у него неоново-зеленым электропигментом на черном фоне написано: «МАФИЯ».

Старший отворачивается; на его ветровке значится то же самое.

Уже поднявшись на борт, Хиро оглядывается по сторонам. Вокруг он насчитывает человек двадцать матросов, стоящих на борту. Внезапно все черные ветровки кричат: «МАФИЯ». Внезапно

во всех руках появляется оружие.

45

— Я собирался подать жалобу в «Великий Гонконг мистера Ли» на их проконсула в Порт-Шермане, — шутит Хиро. — Он сегодня утром никак не желал мне посодействовать, когда я настаивал на том, чтобы увести этот корабль у вас из-под носа.

Хиро сидит в столовой первого класса. По ту сторону накрытого белой льняной скатертью стола — мужчина, которого Хиро поначалу счел собравшимся в круиз придурком от шоу-биза. Он одет в безупречный черный костюм, и один глаз у него стеклянный. Он даже не представился, будто полагал, что Хиро и так известно его имя.

И этого человека шутка Хиро, похоже, совсем не забавляет. Он, скорее, в замешательстве.

— И?..

— Теперь не вижу причин для жалобы, — улыбается Хиро.

— Почему?

— Ну, потому что сейчас мне понятно его нежелание лишать вас корабля, ребята.

— Почему? У вас ведь есть деньги, так?

— Ага, но…

— О! — говорит стеклянноглазый и позволяет себе натянуто улыбнуться. — Вы хотите сказать, потому что мы мафия.

— Ага, — откликается Хиро, чувствуя, как заливается краской. Ничто не сравнится с тем, когда ты выставляешь себя полным идиотом.

Орудийная канонада снаружи доносится сюда лишь глухим ревом. Эта гостиная звукоизолирована, а также защищена от воды, ветра и летящего раскаленного свинца двойным слоем замечательно толстого стекла, а пространство между стеклами заполнено каким-то прозрачным гелем. Рев теперь, кажется, не такой равномерный, как раньше.

— Чертовы пулеметы, — говорит стеклянноглазый. — Ненавижу их. Может, одна очередь из тысячи и попадает во что-нибудь стоящее. Но мои уши они просто убивают. Выпьете кофе?

— Было бы неплохо.

— Скоро будет небольшой шведский стол. Бекон, яйца, фрукты, вы даже не поверите, что у нас тут есть.

В кабинку засовывает голову мужик, который на верхней палубе бил по лопаткам парня с биноклем.

— Прошу прощения, босс, но мы вроде как вступаем в третью фазу плана. Просто подумал, вы захотите узнать.

— Спасибо, Ливио. Дайте мне знать, когда Иваны доберутся

до пирса. — Стеклянноглазый прихлебывает кофе, замечает растерянность Хиро. — Видите ли, у нас есть план, и этот план подразделен на различные фазы.

— Н-да, это я понял.

— Первая фаза — обездвиживание. Мы сбили их вертолет. Фаза вторая: заставить их думать, будто мы собираемся перестрелять их в отеле. Думаю, эта фаза завершилась существенным успехом.

— Я тоже.

— Спасибо. Важной составляющей этого плана было перетащить сюда вашу задницу, что тоже было проделано.

— Я — часть этого плана?

Стеклянноглазый энергично улыбается.

— Не будь вы частью плана, вы бы были уже трупом.

— Так вы знали, что я приеду в Порт-Шерман?

— Знаете девчонку И. В.? Ту, которую вы использовали, чтобы шпионить за нами?

— Ага. — Нет смысла запираться.

— Ну так вот, мы в свою очередь использовали ее для того, чтобы шпионить за вами.

— Почему? С чего это вдруг вам есть до меня дело?

— Ответ отвлек бы нас от основной темы, а именно от фаз плана.

— О'кей. Мы только что покончили со второй.

— Так вот, в третьей фазе, в которую мы сейчас вступили, мы позволяем им думать, будто они совершают невероятно героический прорыв, когда бегут по улице к пирсу.

— Четвертая фаза! — кричит лейтенант Ливио.

— Скузи, — говорит стеклянноглазый и, отодвинув стул, кладет на стол салфетку. Встав, он выходит из столовой. Хиро следует за ним на палубу.

Сотни две русских пытаются с боем пробиться через ворота заграждения на пирс. Ворота узкие, и за раз пройти могут только двое, поэтому подход к воротам забивается на сотню метров: все бегут к спасительному убежищу «Королевы Кодьяка».

Но человек десять движутся плотной группой: отряд солдат, образовавших человеческий щит вокруг небольшой кучки людей в центре.

— Крупные шишки, — говорит, философски качая головой, стеклянноглазый.

Эта группа зигзагами бежит по пирсу, пригибаясь насколько возможно, и время от времени разражается очередями автоматного огня прикрытия в сторону Порт-Шермана.

Стеклянноглазый щурится на внезапно налетевшем

прохладном ветерке. Потом с намеком на улыбку поворачивается к Хиро.

— Ну что, посмотрим, — говорит он и нажимает на кнопку небольшой черной коробочки, которую держит в руке.

Взрыв напоминает одинокий удар в барабан: звук несется со всех сторон одновременно. Хиро чувствует, как звук идет из-под воды, отдается вибрацией в ступнях. Нет ни вспышки пламени, ни облака дыма, только из-под «Королевы Кодьяка» вдруг вырываются два гейзера, выбрасывая широкие волны белой от пара воды, точь-в-точь разворачивающиеся крылья. Крылья опадают внезапным каскадом, а «Королева Кодьяка» страшно оседает в воде. Оседает и продолжает опускаться.

Все, кто бежал по пирсу, застывают как громом пораженные.

— Давай, — бормочет себе в лацкан парень с биноклем.

Дальше по пирсу гремит взрыв послабее. Весь пирс прогибается и начинает извиваться, будто змея. Один сегмент, тот, на котором стоят большие бонзы, качает особенно сильно, он яростно ходит вверх-вниз, с обоих его концов поднимается дым. Взрыв оторвал этот кусок от остального пирса.

Все стоявшие на нем разом валятся набок, когда он резко дергается и, сорвавшись с места, начинает двигаться. Хиро видит, как из воды поднимается и натягивается трос, идущий к небольшому открытому катеру с мощным мотором. Катер тащит за собой кусок пирса в открытое море. На сегменте осталось еще с десяток телохранителей. Один из них, оценив ситуацию, нацеливает свой АК-47 на катер и вдруг лишается головы. На верхней палубе «Каулуна» засел снайпер.

Остальные телохранители бросают автоматы в воду.

— Настало время для фазы пять, — говорит стеклянноглазый. — Чертовски большой завтрак.

К тому времени, когда они с Хиро снова садятся за стол в столовой, «Каулун» уже отдал швартовы и движется по фьорду, следуя параллельным курсом с катером, который тащит кусок пирса. За едой они могут смотреть в окна, за которыми на расстоянии нескольких сотен метров двигается вровень с ними эта «льдина». Все шишки и их телохранители сидят теперь на пятой точке, как можно ниже опуская центр тяжести на этом гадко дергающемся плотике.

— Когда отойдем подальше от земли, волны станут выше, — говорит стеклянноглазый. — Ненавижу это дерьмо. Хотелось бы удержать в желудке завтрак, чтобы придавить его ленчем.

— Аминь, — откликается Ливио, накладывая себе яичницу.

— Вы собираетесь подобрать этих людей? — спрашивает Хиро. — Или просто на время оставите их там?

— А пошли они. Пусть отморозят себе задницы. К тому времени, когда мы поднимем их на борт, они будут готовы. Не станут особо артачиться. Черт, может быть, даже согласятся на переговоры.

Все, похоже, основательно проголодались, поэтому некоторое время налегают на завтрак. Вскоре стеклянноглазый нарушает молчание, объявляя, что еда была отличная, и все соглашаются. Хиро решает, что теперь можно заговорить.

— Я все спрашиваю себя: с чего это вы, ребята, так мной интересуетесь? — На взгляд Хиро, это всегда неплохо знать, когда имеешь дело с мафией.

— Все мы одна дружная команда, — отвечает стеклянноглазый.

— И что это за команда?

— Команда Лагоса.

— А?

— Ну, не совсем его команда. Но он — тот парень, кто ее собрал. Ядро, вокруг которого она сформировалась.

— Как и почему? И вообще, о чем вы говорите?

— Ладно. — Стеклянноглазый отодвигает тарелку и, аккуратно сложив, кладет салфетку на стол. — У Лагоса было множество всяких идей. Идей обо всем на свете.

— Это я уже заметил.

— У него было полно тайников, папок, куда он собирал материал на самые разные темы. В эти тайники он собирал сведения по всей, мать ее растак, ЦРК и все увязывал вместе. Сведения у него были распиханы тут и там по всей Метавселенной, тайники дожидались, когда понадобятся.

— Так тайников было много? — переспрашивает Хиро.

— Надо думать. Несколько лет назад Лагос обратился к Л. Бобу Райфу.

— Правда?

— Ага. Понимаете, на Райфа работает миллион программистов. Он до смерти боялся, что они крадут его информацию.

— Я знаю, что он прослушивал их дома и все такое.

— Вы знаете это только по той причине, что нашли материал в папке Лагоса. А Лагос взялся это откопать потому, что проводил маркетинговое исследование. Искал того, кто мог бы заплатить ему в твердой валюте за то, что он накопал и спрятал в папке «Вавилон/Инфокалипсис».

— Он думал, — говорит Хиро, — что Л. Бобу Райфу могут пригодиться кое-какие вирусы.

— Вот именно. Видите ли, я всего этого дерьма не понимаю.

Но надо думать, что он отыскал старый вирус или что-то подобное, который был нацелен против интеллектуальной элиты.

— Технологического жречества, — говорит Хиро. — Инфократов. Вирус уничтожил всю инфократию Шумера.

— Как скажете.

— Но это же безумие, — говорит Хиро. — Это то же самое, как если бы вы, узнав, что служащие крадут у вас авторучки, поставили бы всех к стенке. Райф не смог бы использовать вирус, не уничтожив мозги своих программистов.

— В его изначальной форме — да, — продолжает стеклянноглазый. — Но все дело в том, что Лагос хотел этот вирус исследовать.

— Исследования в области информационной войны.

— В точку. Он хотел изолировать эту штуку и модифицировать так, чтобы с ее помощью контролировать программистов, не выбивая им при этом мозги.

— И у него получилось?

— Кто знает? Райф украл идею Лагоса. Просто взял и украл. И Лагос понятия не имел, что Райф с ней потом сделал. Но через несколько лет он начал беспокоиться: слишком много странного происходило у него на глазах.

— Например, бурный рост паствы в «Жемчужных вратах преподобного Уэйна».

— И эти русские пятидесятники, которые все иноязычат. И тот факт, что Райф принялся выкапывать древний город…

— Эриду.

— Ага. И вся затея с радиоастрономией. Лагосу было о чем волноваться. Он обратился к той девушке, с которой у вас был роман…

— К Хуаните.

— Ага. Милая женщина. Еще он обратился к мистеру Ли. И поэтому можно сказать, над этим небольшим проектом работают самые разные люди.

46

— Куда они подевались? — вдруг спрашивает Хиро.

Все выискивают глазами поплавок с русскими, будто разом заметили, что его нет на месте. Наконец они его видят: обломок замер в четверти мили позади них. Крупные шишки и телохранители теперь стоят и смотрят в одну и ту же сторону. Вокруг кружит быстроходный катер, чтобы подобрать конец.

— Они, наверное, нашли способ отсоединить буксирный трос, — говорит Хиро.

— Маловероятно, — отвечает стеклянноглазый. — Он был закреплен на днище, под водой. И это стальной трос, поэтому им было его никак не перерезать.

Хиро замечает еще одно суденышко, покачивающееся в волнах на полпути между русскими и буксировавшим их катером. Суденышко настолько мало, так низко сидит в воде, выкрашено в такие тусклые естественные цвета, что почти неразличимо. Каяк. А в нем — длинноволосый человек.

— Вот черт, — бросает Ливио. — Откуда он, черт побери, взялся?

Человек в каяке оглядывается назад, оценивая волны, потом вдруг поворачивается и начинает усиленно грести, разгоняясь и каждые несколько гребков оглядываясь назад. Сзади его нагоняет большая волна, и в тот самый момент, когда она набухает под каяком, скорость лодчонки достигает ее. Каяк остается на гребне волны и летит вперед, будто ракета, летит на самом гребне, внезапно развивает скорость вдвое большую всего, что держится на воде.

Упираясь в воду концом весла, человек в каяке слегка отклоняется, потом опускает весло на пересечку курса и, запустив руку на дно каяка, достает небольшой темный предмет, трубочку длиной в четыре фута, которую укладывает себе на плечо.

Он и катер проходят друг подле друга, направляясь в противоположные стороны, их разделяет не более двадцати футов воды. А потом катер взрывается.

«Каулун» отошел от места действия на добрую сотню ярдов. Он разворачивается настолько круто, насколько вообще способно судно таких габаритов, пытается совершить поворот на сто восемьдесят градусов, чтобы вернуться и разобраться с русскими и — что более проблематично — с Вороном.

А Ворон гребет к своим дружкам.

— Ну и сволочь, — бормочет Ливио. — Что он собирается сделать? Отбуксировать их на Плот на своем чертовом каяке?

— У меня мурашки по спине, — говорит стеклянноглазый. — Проверьте, есть ли у нас наверху ребята со «стингерами». За ними, наверное, вертолет прилетит.

— Никаких других кораблей на радаре, — рапортует вошедший с мостика солдат. — Только мы и они. И никаких вертолетов.

— Вам известно, что Ворон таскает за собой боеголовку, да? — спрашивает Хиро.

— Слышал. Но в каяке места для нее не хватит, он слишком мал. Не могу поверить, что кто-то согласится выйти в море на таком корыте.

Из моря вырастает гора. Пузырь черной воды, который все поднимается и расширяется. Позади от бешено раскачивающегося на волнах плотика возникает черная башня, вертикально поднимающаяся из воды, на ее вершине распростерлась пара крыльев. Башня все растет, крылья все поднимаются над водой, а по обе стороны от них гора поднимается и обретает очертания. Красные звезды и несколько цифр. Но никому не нужно разбирать цифры, чтобы понять, что это подводная лодка. Подводная лодка с ядерными боеголовками.

А потом она останавливается. Так близко к плотику, что Гуров и компания практически могут на нее перепрыгнуть. Ворон гребет к ним, точно стеклянный нож прорезая волны.

— Черт меня побери! — говорит стеклянноглазый. Он совершенно поражен. — Черт меня побери, черт меня побери, черт меня побери! Дядюшка Энцо будет недоволен.

— Откуда вы могли знать? — говорит Ливио. — Может быть, нам открыть по ним огонь?

Не успевает стеклянноглазый принять стратегическое решение, как на батарейной палубе ядерной подлодки открываются люки. Первый снаряд падает в каких-то нескольких ярдах от «Каулуна».

— Ладно, ситуация развивается слишком быстро. Хиро, пойдете со мной.

Весь экипаж «Каулуна» уже оценил ситуацию и отдал пальму первенства ядерной подлодке. Матросы бегают по леерам, сбрасывая на воду большие стеклопластиковые капсулы. Капсулы раскрываются ярко-оранжевыми складками, расправляясь в небольшие спасательные плоты.

Как только стрелки на батарейной палубе соображают, как попасть в «Каулун», ситуация развивается еще быстрее. «Каулун» никак не может решить, утонуть ли ему, сгореть или просто развалиться на части, поэтому делает все разом. К тому времени все, кто был на нем, перебрались на спасательные плоты. Теперь

они болтаются посреди океана, застегивают оранжевые спасательные комбинезоны и наблюдают за ядерной подлодкой.

Ворон спускается в подлодку последним. Минуту-другую он тратит на то, чтобы забрать с каяка свое снаряжение: какие-то мешки и восьмифутовое копье с прозрачным листовидным наконечником. Но прежде чем скрыться в люке, он поворачивается к обломкам «Каулуна» и поднимает над головой копье — жестом одновременно победным и многообещающим. А потом исчезает. Несколько минут спустя исчезает и подлодка.

— От этого парня меня жуть берет, — резюмирует мужик со стеклянным глазом.

47

Как только ей снова становится ясно, что все кругом как один — чокнутые извращенцы, И. В. начинает замечать и другие странности. К примеру, за все это время никто ни разу не посмотрел ей в глаза. Особенно мужчины. В них вообще не чувствуется секса, так глубоко они его задавили. Она еще может понять, почему они не смотрят на толстых бабушек. Но она же пятнадцатилетняя американка и привыкла, что временами на нее обращают внимание. Но только не здесь.

Пока однажды она не поднимает глаза от огромного чана с рыбой и не обнаруживает, что упирается взглядом в чью-то грудь. А когда ведет им вверх до шеи, а потом — по шее до лица, то видит темные глаза, которые смотрят прямо на нее поверх стойки.

На лбу у человека что-то написано. «ПОНИЖЕННЫЙ САМОКОНТРОЛЬ». Что несколько пугает. Но ведь сексуально же. А еще придает ему некую романтичность, которой у всех прочих нет и в помине. Она ожидала, что Плот будет опасным и таинственным, а он ничем не отличается от того места, где работает мама. Этот парень — первый из всех, кого она встречала, кто действительно выглядит так, словно на загадочном Плоту ему самое место. И к тому же он ощупывает ее взглядом с головы до ног. Отвратительные манеры. И клочковатые висячие усы ему не идут, никак не выделяют черты лица.

— Ты будешь эту дрянь? Одну рыбью голову или две? — спрашивает она, картинно помахивая половником. Она всегда ехидничает над едоками, все равно ни один из них ее слов не понимает.

— Возьму все, что предложишь, — говорит парень. По-английски, с резким акцентом.

— Я-то ничего не предлагаю, — отзывается она, — но если хочешь стоять тут и любоваться, никаких возражений.

Некоторое время он стоит и разглядывает стойку. Так долго, что люди в очереди начинают подниматься на цыпочки, чтобы посмотреть, в чем дело. Но когда видят, что дело именно в этом индивидууме, то поспешно приседают, втягивают головы в плечи, пытаясь затеряться в массе воняющей рыбой шерсти.

— А что сегодня на десерт? — спрашивает малый. — Есть для меня что-нибудь сладенькое?

— Мы в десерты не веруем, — отвечает И. В. — Это же грех, черт побери, не забыл?

— Зависит от твоей культурной ориентации.

— Вот как? И на какую культуру ты ориентируешься?

— Я алеут.

— Да? Никогда о них не слышала.

— Это потому что нас затрахали, — говорит большой страшный алеут, — хуже, чем любой другой народ за всю историю.

— Прискорбно слышать, — говорит И. В. — Так что, положить тебе рыбы или так и будешь ходить голодным?

Огромный алеут несколько минут просто смотрит на нее, а потом резко дергает головой в сторону и говорит:

— Давай. Пошли отсюда, черт побери.

— Что, и профилонить такую клевую работу?

Он возмутительно улыбается.

— Я могу найти тебе получше.

— А на той работе одежда останется на мне?

— Да ладно тебе. Мы уходим. — Его глаза просто прожигают в ней дыры. А она пытается игнорировать внезапное жаркое напряжение между ног.

И. В. идет за ним вдоль стойки, направляясь к проему, через который можно выйти в обеденный зал. Тут, топоча, из кухни вылетает главная сука бабушка и начинает орать на нее на каком-то непонятном языке.

И. В. оглядывается. Чувствует, как пара огромных ладоней поднимаются по ее бокам, останавливаются в подмышках, и прижимает локти, стараясь остановить чужие руки. Но все без пользы, руки поднимаются до конца, а потом все выше и выше, поднимаются в воздух, унося и ее с собой. Огромный алеут переносит ее прямо через стойку, будто бебика трех лет, и опускает на пол рядом с собой.

И. В. поворачивается посмотреть на самую главную суку из всех бабушек, но та застыла от удивления и ужаса, к тому же на лице ее читается явно сексуальное возмущение. Но в конечном итоге страх побеждает, она отводит взгляд и занимает место И. В. у чана номер девять.

— Спасибо, что подбросил, — говорит И. В. Голос ее звучит взволнованно, с нелепым восхищением. — Э, а разве ты не собирался поесть?

— Я все равно собирался поесть в баре, — отвечает он.

— Поесть в баре? И в какие же бары ходят на Плоту?

— Пошли, я тебе покажу.

Он ведет ее по петляющим коридорам, потом вверх по крутой стальной лестнице, по которой они попадают на палубу. Спускаются сумерки, диспетчерская вышка «Интерпрайза» маячит черным силуэтом на фоне темно-серого неба, которое становится

таким черным и мрачным, что кажется сейчас еще темнее, чем будет ночью. Но сейчас огни еще не зажжены, и И. В. окружают черный металл и аспидное небо.

Дальше алеут ведет ее на нос корабля. За перилами — тридцатифутовый обрыв к воде, отсюда виден процветающий, чисто-белый район русских, отделенный от запущенного убого-темного клубка самого Плота широким каналом, который патрулируют чернорясники с оружием наготове. Тут нет ни железной, ни веревочной лестницы, но с перил свисает толстый канат. Вытянув часть каната, алеут ловким движением перебрасывает его себе под руку и поверх ноги. Потом одной рукой обнимает И. В. за талию, так что И. В. повисает у него на сгибе локтя, откидывается и падает с корабля.

И. В. решительно, ну абсолютно отказывается кричать. Она чувствует, как канат останавливает их падение, чувствует, как его рука сжимает ее так крепко, что на мгновение словно выдавливает весь воздух из легких, а потом И. В. понимает, что просто висит у него на сгибе локтя.

И. В. с вызовом опускает руки по швам. А потом так, прикола ради, прислоняется к нему, обнимает руками за шею и, положив голову ему на плечо, держится изо всех сил. Он спускается по канату, и вскоре они уже стоят на облагороженной, зажиточной, процветающей версии Плота.

— А как, кстати, тебя зовут? — спрашивает И. В.

— Дмитрий Воронов, — отвечает он. — Более известен как Ворон.

Вот черт!

Переходы меж кораблями запутанные и непредсказуемые. Для того чтобы попасть из пункта А в пункт Б, приходится плутать по всему Плоту. Но Ворон дорогу знает. Время от времени он берет ее за руку, но не тащит ее за собой, хотя она и двигается намного медленнее, чем он. А еще он оглядывается на нее с ухмылкой: мол, я мог бы тебя покалечить, но такого не сделаю.

Они подходят к тому месту, где русский район соединен с остальным Плотом широким дощатым мостом-перемычкой. Мост охраняют мужики с «узи». Не обращая на них внимания, Ворон берет И. В. за руку и идет прямо по мосткам. И. В. едва успевает задуматься, в чем тут скрытый смысл, как вдруг въезжает. Оглядываясь по сторонам, она видит, как все эти исхудалые азиаты пожирают ее глазами, словно обед из пяти блюд, и думает: «Я на Плоту. Взаправду на Плоту».

— Это гонконгские вьетнамцы, — объясняет Ворон. — Выехали из Вьетнама, когда там началась война, в Гонконг

прибыли уже как речной народ. Так что на сампанах они живут уже несколько поколений. Не бойся, для тебя они не опасны.

— Пожалуй, мне самой дорогу назад не найти, — говорит И. В.

— Расслабься, — усмехается он. — Подруг я еще никогда не терял.

— А у тебя вообще-то были подруги?

Ворон хохочет, запрокинув голову.

— В старые времена — хоть отбавляй. В последние пару лет — не так много.

— Вот как? В старые времена? Это тогда у тебя появилась татуировка?

— Ага. Я алкоголик. Вечно ввязывался в драки. Последние восемь лет я трезв как стекло.

— Тогда почему все тебя боятся?

Ворон поворачивается к ней и с широкой улыбкой пожимает плечами.

— Да просто потому, что я невероятно безжалостный, квалифицированный и хладнокровный убийца.

И. В. смеется. И Ворон тоже.

— И что у тебя за работа? — спрашивает И. В.

— Я гарпунщик, — отвечает он.

— Как в «Моби Дике»?

Эта мысль И. В. нравится. Она читала этот роман в школе. Большинство ребят в классе, даже самые крутые, считали, что книга совершенно замшелая. Но ей нравится читать об охоте с гарпуном.

— Не-а. По сравнению со мной эти горе-охотники — просто дети.

— И какие штуки ты гарпунишь?

— Да все, что хочешь.

С этого момента она смотрит только на него. Или на неодушевленные предметы. Потому что иначе она не увидит ничего, кроме тысяч уставившихся на нее темных глаз. Большая перемена с тех пор, как она была черпальщицей помоев для мужиков с подавленным либидо.

Отчасти на нее пялятся потому, что она слишком уж отличается от остальных. Но с другой стороны, на Плоту нет частной жизни, пробираешься по нему, перепрыгивая с корабля на корабль. А ведь каждый корабль служит домом трем десяткам людей, поэтому ходить по ним — все равно что ходить через чужие гостиные. И ванные. И спальни. Разумеется, на тебя пялятся.

Их шаги гулко отдаются по импровизированной платформе,

настеленной на нефтяные бочки. Парочка вьетнамцев пререкается из-за чего-то, очень похожего на брикет мороженой рыбы. Тот, что стоит к ним лицом, видит, как они подходят. Его взгляд без остановки скользит по И. В. и упирается в Ворона. Глаза вьетнамца расширяются. Мужик, который стоит к ним спиной, поворачивается и со сдавленным уханьем буквально подпрыгивает в воздух. Оба они убираются с дороги Ворона.

И тут до нее доходит кое-что важное: люди смотрят не на нее. Они даже не задерживаются на ней взглядом. Все смотрят на Ворона. И это не фанаты, провожающие взглядами знаменитость. Все эти обитатели Плота, эти крепкие и страшные старожилы моря, до дрожи боятся этого парня.

И у нее с ним свидание.

Только что началось.

Внезапно, когда она идет через очередную вьетнамскую гостиную, И. В. на мгновение вспоминает самый мучительный разговор, какой был у нее с мамой. Это было год назад; мама пыталась советовать ей, что делать, если мальчик станет к ней приставать. Да, мам, конечно. Я запомню. Ага, обязательно запомню. И. В. и тогда знала, что мамины советы совершенно бесполезны, а происходящее только подтверждает, насколько она была права.

48

На спасательном плоту — четверо.

Хиро Протагонист, стрингер Центральной Разведывательной Корпорации, деятельность которого до недавнего времени ограничивалась так называемыми «сухими» операциями. Иными словами, он работал в Метавселенной: сидя дома, собирал информацию, а потом сгружал в базу данных ЦРК, ничего не предпринимая в Реальности. Сейчас все определенно стало «мокрым». Хиро вооружен двумя мечами, автоматическим пистолетом, в просторечии известным как девятый калибр, с двумя обоймами к нему по одиннадцать патронов каждая.

Вик, фамилия не обозначена. Если бы по сей день существовала такая вещь, как налог на доходы, то каждый год, заполняя декларацию, в графе «род занятий» Вик указывал бы «снайпер». В лучших традициях классических снайперов Вик молчалив и ненавязчив. Он вооружен длинной крупнокалиберной винтовкой с громоздким механизмом, установленным над стволом. Не будь Вик лучшим из лучших, там находился бы оптический прицел. Точная природа этого устройства не ясна, но Хиро предполагает, что это крайне чувствительный сенсор, на середину которого наложено перекрестие мишени. Довольно уверенно можно предположить, что Вик имеет при себе дополнительное оружие.

Элиот Чанг. Раньше Элиот был шкипером корабля под названием «Каулун». В настоящее время он временно безработный. Элиот Чанг вырос в Уоттсе, и когда он открывает рот, создается впечатление, будто с вами разговаривает негр. С точки зрения генетики, он стопроцентный китаец. Элиот бегло говорит как на белом, так и на черном английском, а также на кантонезском, на таксилигве, плюс на вьетнамском, испанском и на мандаринском наречии китайского. Вооружен он «магнумом» сорок четвертого калибра, который пронес на борт «Каулуна» «просто на палтуса», иначе говоря, для казни белокорых палтусов до того, как пассажиры втаскивали их на борт. Палтусы вырастают до огромных размеров и, когда бьются, легко могут хвостом убить людей, их выловивших; следовательно, в целях предосторожности не помешает выпустить им в голову пару пуль прежде, чем втаскивать на борт. Оружие у Элиота оказалось только по этой причине; за остальные оборонительные нужды «Каулуна» отвечали специалисты, взятые для этого на борт.

Рыбий Глаз. Это мужик со стеклянным глазом. Он отзывается только на это прозвище. Вооружен большим черным чемоданом.

Явно увесистый, с усиленными стенками чемодан снабжен встроенными колесиками и весит от трех сотен фунтов до метрической тонны; в этом Хиро убеждается на собственном опыте, когда пытается сдвинуть его с места. Вес чемодана проминает обычно плоское дно спасательного плота, превращая его в морщинистый, собранный складками конус. У чемодана есть одна примечательная приставка: гибкий, трехдюймовый в диаметре кабель или шланг длиной в несколько метров, который выходит из одного угла, тянется в складках плота и, переброшенный через край, уходит под воду. На конце этого таинственного щупальца — металлическая блямба размером с корзинку для мусора, но у этой «корзинки» столько крохотных лопастей, что общая площадь ее поверхности равна, наверное, территории штата Делавэр. Над водой эту штуковину Хиро видел лишь в те краткие мгновения хаоса, когда чемодан переносили на спасательный плот. Тогда она светилась раскаленно-красным. С тех пор она скрывается под поверхностью, светло-серая и трудноразличимая, поскольку вода вокруг нее постоянно пузырится и кипит. От дробного узора раскаленных лопастей на поверхность беспрестанно поднимаются пузыри пара с кулак величиной. Безмоторный спасательный плот, болтающийся на волнах северных вод Тихого океана, испускает огромный, расходящийся в стороны плюмаж пара: такой, наверное, тянулся от «Стального Коня», на всех парах несшегося по границе двух тектонических плато к Скалистым горам. Ни Элиот, ни Хиро старательно его не замечают, даже не обращают внимания на ставший очевидным факт, что Рыбий Глаз путешествует с небольшим автономным ядерным реактором: с почти полной уверенностью можно утверждать, что эта штука работает на радиотермальных изотопах, вроде тех, какие снабжают энергией Крысопсов. Пока Рыбий Глаз отказывается упоминать о нем, с их стороны было бы бестактно заговаривать первыми.

Все участники облачены в ярко-оранжевые утепленные комбинезоны, которые закрывают их с головы до ног, этакую разновидность спасжилетов для северных широт. Они громоздкие и неуклюжие, но, как любит приговаривать Элиот Чанг, спасжилет в северных водах годен лишь на то, чтобы не дать трупу утонуть.

Их спасательное средство представляет собой надувной плот приблизительно десять футов длиной, мотор к которому не предусмотрен. У него имеется непромокаемый полог, который можно застегнуть на молнию вокруг всего плота, создав импровизированную палатку, которая защищает от воды даже в самый яростный шторм.

Несколько дней сильный холодный ветер, дующий с гор, гонит их от побережья Орегона в открытый океан. Элиот весело объясняет, что спасательный плот был изобретен в те времена, когда еще имелись флоты и береговая охрана, которые могли бы спасти застрявших на нем пассажиров. Надо было только держаться на воде и привлечь внимание цветом комбинезонов. У Рыбьего Глаза есть ручная рация, но у этого устройства крайне малый радиус действия. Компьютер Хиро можно подключить в сеть, но в данных обстоятельствах он функционирует почти как сотовый телефон. Посреди моря он не работает.

Когда льет дождь, они сидят под тентом. Когда только моросит, сидят на нем. Все нашли себе способы проводить время.

Хиро, разумеется, возится с компьютером. Спасательный плот посреди Тихого океана — для хакера лучше места и не придумаешь.

Вик читает и перечитывает промокший роман в мягком переплете, который был у него в кармане ветровки «МАФИЯ», когда у них из-под ног взорвали «Каулун». Дни ожидания даются ему легче, чем остальным. Будучи профессиональным снайпером, он знает, как убивать время.

Элиот рассматривает в бинокль океан, пусть даже рассматривать в нем особо нечего. Он проводит много времени, возясь с плотом, причитая над ним, как умеют только морские капитаны. И он много ловит рыбу. На плоту достаточно консервов, но приятно иногда съесть свежего лосося или палтуса.

Рыбий Глаз, по всей видимости, поглощен руководством по эксплуатации к тяжелому черному чемодану. Это миниатюрная папка о трех кольцах с десятком страниц отпечатанного на лазернике текста. Такие дешевые немаркированные папки водятся во всех канцелярских магазинах. В этом отношении она Хиро до боли знакома: на ней все приметы замусоленного хай-тек продукта, находящегося на стадии разработки. Всем техническим устройствам требуется хоть какая-то документация, но эти вещи способны написать только технари, которые разрабатывают продукт, а они до смерти ненавидят писанину и всегда откладывают ее до последней минуты. Потом загоняют какой-нибудь материал в «электронный редактор», выводят на лазерник, гонят секретаря отдела покупать дешевую папку — и дело с концом.

Но вскоре Рыбьему Глазу надоедает читать. Остальное время он проводит, рассматривая горизонт, словно ожидая, что из океанских вод перед ним вот-вот поднимется Сицилия. Остров не поднимается. Рыбий Глаз подавлен из-за провала своей миссии и проводит много времени за тем, что часами бормочет себе под

нос, пытаясь отыскать способ хоть что-то спасти.

— Если вы не против, можно ли спросить, — отвлекает его Хиро, — в чем, собственно, заключалась ваша миссия?

Рыбий Глаз ненадолго задумывается.

— Ну, зависит от того, с какой стороны посмотреть. Номинально моя задача — вызволить из плена этих гадов пятнадцатилетнюю девушку. Поэтому моей тактикой было взять в заложники компанию их воротил и договориться об обмене.

— Кто эта пятнадцатилетняя девушка?

Рыбий Глаз пожимает плечами.

— Вы ее знаете. Это И. В.

— Это действительно вся ваша задача?

— Самое главное, Хиро, вам нужно понять образ мыслей мафии. А заключается он в том, что мы преследуем более крупные цели под видом личных отношений. Поэтому когда вы, к примеру, развозили пиццу, то старались доставить ее побыстрее не потому, что так вы заработаете больше денег, или потому, что это какая-то там чертова политика корпорации. Вы делали это потому, что проводили в жизнь личный договор между Дядюшкой Энцо и каждым клиентом. Так мы избегаем ловушки бесконечно самосохраняющейся идеологии. Идеология — это вирус. Потому вернуть девчонку — нечто большее, чем просто вернуть девчонку. Это конкретная актуализация абстрактной стратегии. А мы руками и ногами за конкретику, правда, Вик?

Вик позволяет себе благоразумно хмыкнуть и скрипуче рассмеяться.

— А какая в данном случае абстрактная стратегия? — спрашивает Хиро.

— Не по моей части, — пожимает плечами Рыбий Глаз. — Но думаю, Дядюшка Энцо сильно зол на Л. Боба Райфа.

Хиро ковыряется в Плоскомире. Делает он это отчасти для того, чтобы сэкономить энергию в батареях компьютера: чтобы сгенерировать трехмерное пространство его офиса, требуется множество процессоров, работающих на полную мощность, а вот простой двухмерный рабочий стол можно получить, работая лишь на самом минимуме.

Но истинная причина его пребывания в Плоскомире в том, что Хиро Протагонист, последний из независимых хакеров, ломает коды. А когда хакер ломает коды, то ему нет дела до кажущегося мира Метавселенной и аватар. Он спускается ниже поверхности, в подземный мир кодов и перепутанных нам-шуб, которые его поддерживают, мир, в котором все, что вы видите, каким бы правдоподобным, красивым и трехмерным оно ни было, сокращается до простого системного файла, до серии букв на

электронной странице. Это — возвращение к тем временам, когда люди программировали компьютеры примитивными перфолентами и перфокартами.

С тех пор были разработаны элегантные и ориентированные на пользователя средства программирования. Теперь можно запрограммировать компьютер, сидя у себя за столом в Метавселенной и вручную соединяя мелкие препрограммированные блоки, будто кубики в конструкторе. Но настоящий хакер никогда до такого не опустится, как никакой настоящий механик-ас не станет пытаться починить машину, сев за рулевое колесо и наблюдая за миганием индикаторов на приборной доске.

Хиро не знает, что делает, к чему готовится. Но это не важно. Программирование — это по большей части закладывание основ, выстраивание конструкций, которые на первый взгляд не имеют никакого отношения к насущной проблеме.

Он знает одно: отныне Метавселенная стала местом, где тебя могут убить. Или по меньшей мере так поджарить тебе мозги, что превратишься в овощ. Это радикальная перемена в самой природе Метавселенной. В рай пришли пушки.

И поделом им, вдруг осеняет его. Они сделали это место слишком уязвимым. Они считали: самое худшее, что может случиться, — это в твой компьютер попадает вирус и тебе придется снимать гоглы и перезагружать всю систему. Может быть, кое-какая информация будет утрачена, если ты настолько глуп, что не поставил антивирус. Следовательно, Метавселенная открыта и не защищена, точно аэропорты в эру до бомб и металлоискателей, точно начальная школа в эпоху до маньяков со штурмовыми винтовками. Входи кто хочешь, делай что хочешь. Никаких копов. Ты не можешь защитить себя, не можешь погнаться за плохими парнями. Понадобится немало труда, чтобы все это изменить, — фундаментальная перестройка всей Метавселенной на планетарном, корпоративном уровне.

А пока в этой пьесе еще есть роль для отдельных личностей, которые умеют обходиться с реквизитом. В такой ситуации несколько подпрограмм способны изменить очень многое. Независимый хакер много всего может сделать, причем можно успеть снять сливки за годы до того, как гигантские фабрики софта пошевелятся, чтобы справиться с этой проблемой.

Вирус, пожравший мозги Да5ида, представлял собой некоторый объем информации в бинарном коде, и эту информацию спроецировали ему в лицо в форме битового массива, серии черных и белых пикселей, где белым цветом представлен ноль, а черным — единица. Такой массив поместили

на свитки, раздали свитки аватарам и отправили их разгуливать по Метавселенной в поисках жертв.

«Клинт», попытавшийся заразить Хиро в «Черном Солнце», сбежал, но оставил свиток — он же не рассчитывал, что ему отрубят руки, — а Хиро сбросил этот свиток в систему туннелей под полом, туда, где обитают демоны-могильщики. Потом Хиро приказал демону оттащить свиток к нему в мастерскую. А все, что находится в доме Хиро, по определению, хранится в его компьютере. Ему не надо подключаться к всемирной сети, чтобы получить к нему доступ.

Не так-то просто работать с массивом данных, который может тебя убить. Ну да ладно. В Реальности люди то и дело имеют дело с опасными веществами — радиоактивными изотопами и ядами. Просто нужно иметь соответствующие инструменты: автоматизированный манипулятор, рукавицы, защитные очки, свинцованное стекло. Если тебе нужен инструмент в Плоскомире, ты просто его пишешь. Поэтому для начала Хиро пишет несколько простеньких программ, которые позволят ему манипулировать содержимым свитка, даже на него не глядя.

Свиток, как и любой другой видимый предмет в Метавселенной, — программа. Она содержит код, описывающий его внешний вид — чтобы ваш компьютер знал, как ему его нарисовать, — и некоторые обычные команды, управляющие тем, как он сворачивается и разворачивается. И где-то внутри притаился ресурс, сгусток данных, цифровая версия вируса «Сноукрэш», он же «Лавина».

Как только вирус извлечен и изолирован, Хиро не составляет труда написать новую программу под названием «Сноускан». «Сноускан» — антивирус. Иными словами, код, который защищает систему Хиро — и его железо, и, по выражению Лагоса, биологический компонент — от цифрового вируса «Сноукрэш». Как только Хиро инсталлирует программку в свою систему, она начинает постоянно сканировать поступающую извне информацию, выискивая данные, совпадающие с содержимым свитка. Если она такую информацию засекает, то блокирует.

Есть и еще кое-что, что можно сделать в Плоскомире. Хиро классно пишет аватары, поэтому создает себе невидимую аватару: в новой и опасной Метавселенной такая вещь может оказаться весьма кстати. Сделать это плохо — нет проблем, а вот прописать хорошо — на удивление трудно. Написать аватару, которая ни на что не похожа, может почти кто угодно, но при использовании это может привести ко множеству проблем. Здания в Метавселенной, включая «Черное Солнце», желают знать размеры вашей аватары, чтобы вычислить, не столкнется ли она с кем-либо еще или не

налетит ли на какое-нибудь препятствие. Если в ответ на подобный запрос системы вы ответите «ноль», то есть сделаете свою аватару бесконечно малой, программа здания или рухнет, или будет считать, что произошла ошибка. Ты будешь невидимым, но куда бы в Метавселенной ты ни пошел, ты станешь оставлять за собой колею разрушений и хаоса в милю шириной. Есть места, где невидимые аватары вне закона. Если твоя аватара прозрачна и вообще не отражает никакого света — такие писать проще всего, — система тут же распознает ее как нелегальную и повсюду завоют сирены. Аватару надо написать так, чтобы ее не видели другие люди, но софт недвижимости не догадывался о том, что она невидима.

Есть около сотни мелких трюков, о которых Хиро не знал бы, если бы последние пару лет не программировал аватары для таких, как Виталий Чернобыль. Для написания с нуля по-настоящему хорошей невидимой аватары понадобилось бы немало времени, но Хиро собирает себе такую за пару часов, переработав кусочки старых проектов, завалявшиеся в его корзине. Вот как обычно поступают хакеры.

Занимаясь этим делом, он натыкается на довольно старую папку с программным обеспечением транспорта. Она осталась с былых времен, еще до появления монорельса, когда добраться куда-либо можно было, только отправившись на своих двоих или написав симуляцию средства передвижения.

В те давние времена, когда Метавселенная представляла собой совершенно ровный невыразительный черный шар, это было обычным делом. Позднее, когда вырос Стрит и народ начал строить недвижимость, все несколько усложнилось. На Стриту можно проходить сквозь чужие аватары, но нельзя проходить сквозь стены. Нельзя входить в чужие здания, и нельзя проходить сквозь чужой транспорт или через такие постоянные Стрита, как Порты и опоры монорельса. Если попытаешься врезаться в одно из них, то, конечно, не умрешь и из Метавселенной тебя не выкинет, но ты просто застынешь на месте, точно персонаж из мультика, вмазавшийся в бетонную стену.

Иными словами, как только Метавселенная начала заполняться препятствиями, на которые можно наткнуться, передвигаться по ней с большой скоростью стало вдруг намного интереснее. На первый план вышла маневренность. И размер тоже. Тогда Да5ид, Хиро и все прочие стали пересаживаться с огромных причудливых повозок, которые все так любили поначалу: викторианских особняков на гусеничном ходу, океанских лайнеров на колесах, хрустальных сфер диаметром в милю, пламенных колесниц, запряженных драконами, — на

средства малогабаритные и маневренные. В основном мотоциклы.

Транспортное средство в Метавселенной может обладать скоростью и проворством кварка. Не надо думать о законах физики, об ограничениях по ускорению, о сопротивлении воздуха. Покрышки никогда не визжат, и тормоза не отказывают. Единственная загвоздка — в быстроте реакции пользователя. Поэтому, гоняя со скоростью света по Центру на самых новых своих симуляциях, они не беспокоились о мощности моторов. Они беспокоились о пользовательском интерфейсе, управлении, позволяющем гонщику передавать свои реакции в машину, которая должна была поворачивать, ускорять или тормозить байк со скоростью мысли водителя. Потому что когда ты в своре байкеров на такой скорости пролетаешь через запруженный аватарами сектор и вдруг, врезавшись, позволяешь скорости упасть до нуля, можешь забыть о том, чтобы нагнать своих. Одна ошибка — и ты пропал.

У Хиро был довольно приличный мотоцикл. Он, вероятно, мог бы быть лучшим на Стриту просто потому, что рефлексы у Хиро неземные. Но тогда его больше занимали бои на мечах, чем гонки на мотоциклах.

Открыв самую последнюю версию симуляции своего байка, Хиро заново знакомится с интерфейсом. Потом поднимается из Плоскомира в трехмерную Метавселенную и немного практикуется на своем байке на заднем дворе. За границами двора нет ничего, кроме черноты, потому что к сети он не подключен. От этой черноты возникает ощущение потерянности и заброшенности, будто дрейфуешь на спасательном плоту посреди Тихого океана.

49

Иногда в отдалении они видят корабли. Парочка даже поворачивает, чтобы подойти поближе и посмотреть, кто это, но никто, похоже, не в настроении их спасать. Вблизи Плота альтруистов немного, и вполне очевидно, что красть с плотика нечего.

Время от времени они видят старое океанское рыболовецкое судно от пятидесяти до ста футов в длину, вокруг которого сгрудились небольшие катера.

Когда Элиот сообщает, что это пиратские суда, Вик и Рыбий Глаз навостряют уши. Вик достает свою винтовку из множества полиэтиленовых пакетов, которыми замотал ее, чтобы защитить от водяной пыли, и отсоединяет громоздкое устройство. В это устройство он смотрит, как в подзорную трубу. Хиро не понимает, зачем снимать с винтовки оптический прицел, впрочем, если ты этого не сделаешь, создается впечатление, будто целишься в то, на что смотришь.

Когда бы ни появилось пиратское судно, они по очереди рассматривают его в объектив, варьируя установки сенсоров: видимый, инфракрасный и так далее. Элиот достаточно долго болтался по Тихому океану, чтобы хорошо разбираться в цветах различных пиратских группировок, поэтому, разглядев их в трубу, может сказать, кто они. Клинт Иствуд и его ватага из любопытства несколько минут идут параллельным с ними курсом, и Великолепная Семерка посылает катерок поискать потенциальной добычи. Хиро почти надеется, что Семерка возьмет их в плен, потому что у них самый симпатичный на вид пиратский корабль: в прошлом — роскошная яхта с размещенными на носовой палубе пусковыми установками противотанковых ракет. Но эта рекогносцировка кончается ничем. Пираты, не натасканные в термодинамике, не просекают смысла вечного султана пара, выходящего из воды возле спасательного плота.

Однажды утром почти рядом с ними материализуется большой старый траулер: появляется из ниоткуда, когда поднимается туман. Хиро уже довольно давно слышал гул моторов, но не сознавал, насколько он близко.

— Кто это? — спрашивает Рыбий Глаз, давясь растворимым кофе, который он так презирает. Завернувшись в спас-одеяло, он пристроился под непромокаемым тентом, так что видны только лицо и руки.

Элиот оглядывает их в объектив. Он не из тех, кто проявляет

эмоции, но ясно одно: увиденное ему совсем не нравится.

— Это Брюс Ли, — отвечает он.

— Что это для нас значит? — спрашивает Рыбий Глаз.

— Ну, сами цвета проверьте, — отзывается Элиот.

Траулер подошел достаточно близко, чтобы был ясно виден флаг. Это красное знамя с серебряным кулаком посередине, парой нунчаков под ним и буквами «Б» и «Л» по бокам.

— И что в них такого? — спрашивает Рыбий Глаз.

— Ну, их предводитель называет себя Брюсом Ли. У него есть жилетка с точно таким же флагом на спине.

— И?..

— Флаг не просто вышит или раскрашен, он сшит из скальпов. Как лоскутное одеяло.

— И что с того? — интересуется Хиро.

— Да так. Есть один слух. Просто слух, приятель. Будто он прочесал корабли беженцев в поисках людей с седыми или рыжими волосами, чтобы собрать нужные скальпы.

Хиро еще только усваивает сказанное, когда Рыбий Глаз внезапно принимает решение.

— Надо поговорить с этим Брюсом Ли, — заявляет он. — Он меня заинтересовал.

— О чем, черт побери, вы собираетесь разговаривать с этим психопатом? — спрашивает Элиот.

— Ага, — поддерживает его Хиро. — Разве вы не смотрели сериал «Глаз Шпиона»? Он же маньяк.

Рыбий Глаз воздевает руки к небесам, словно показывает, что ответ, как в католической теологии, лежит за пределами человеческого разумения.

— Таково мое решение, — отрезает он.

— Да кто ты такой, мать твою? — взрывается Элиот.

— Президент этого чертового Плота, — отвечает тот. — Я только что себя назначил. Меня кто-нибудь поддерживает?

— Угу, — впервые за последние сорок восемь часов подает голос Вик.

— Все, кто за, скажите «да», — продолжает Рыбий Глаз.

— Да, — разражается цветистой тирадой Вик.

— Победа за мной, — объявляет Рыбий Глаз. — Так как нам заставить банду Брюса Ли подплыть поближе?

— А зачем им? — спрашивает Элиот. — У нас нет ничего, что бы их заинтересовало, кроме задниц.

— Ты хочешь сказать, эти ребята — гомики? — переспрашивает, поморщившись, Рыбий Глаз.

— Да брось, мужик, — говорит Элиот. — Ты же глазом не моргнул, когда я рассказывал о скальпах.

— Так я и знал, что мне этот траулер не понравится, — отзывается Рыбий Глаз.

— Если для тебя это имеет значение, они не голубые в обычном смысле этого слова, — объясняет Элиот. — Они гетеросексуалы, но они же пираты. Они уцепятся за любую теплую дырку.

Рыбий Глаз принимает скоропалительное решение.

— Так, ребята. Хиро, вы с Элиотом китайцы, раздевайтесь.

— Что?

— Давайте. Я тут президент, не забыли? Хотите, чтобы Вик это сделал?

Хиро и Элиот непроизвольно смотрят на Вика, который просто сидит как куль с мукой. Есть в его выражении пресыщенности что-то, что внушает страх.

— Раздевайтесь, не то убью, мать вашу, — наконец напрямик заявляет Рыбий Глаз.

Неуклюже подпрыгивая на шатком полу плота, Хиро и Элиот стаскивают комбинезоны. Потом снимают остальную одежду, впервые за несколько дней подставляя воздуху гладкую голую кожу.

Траулер подходит прямо к ним и глушит моторы. До него уже не более двадцати футов. У них неплохое снаряжение: полдюжины надувных моторок, противотанковые ракеты, два радара и по пулемету пятидесятого калибра на каждом корабле, в настоящий момент канониров за ними нет. За траулером тащатся на тросах два быстроходных катера, на каждом из которых — тяжелый пулемет. Есть тут и тридцатишестифутовая моторная яхта, идущая за флагманом своим ходом.

Весь экипаж из нескольких десятков человек выстроился вдоль перил траулера: пираты ржут, свистят, подвывают и размахивают неразвернутыми кондомами.

— Не волнуйтесь, ребята, я не собираюсь вас им отдавать, — усмехается Рыбий Глаз.

— А что вы собираетесь сделать? — интересуется Элиот. — Передать им папскую энциклику?

— Я уверен, к доводам разума они прислушаются, — отвечает Рыбий Глаз.

— Эти ребята, видишь ли, мафии не боятся, — возражает Элиот.

— Это потому, что они плохо нас знают.

Наконец выходит главарь, Брюс Ли собственной персоной, малый лет сорока в кевларовом жилете с нагрудным патронташем поверх него, с самурайским мечом. Хиро не прочь вызвать его на бой, какие бы там ни были у него нунчаки на

жилетке из скальпов.

Сверкнув ярко-белыми зубами, он осматривает Хиро и Элиота, многозначительно тыкает вверх большим пальцем, а потом прохаживается вдоль перил, хлопая по плечам своих весельчаков. Время от времени он выбирает наугад одного из пиратов и указывает на его кондом. Приложив презерватив к губам, тот его надувает, превращая в скользкую ребристую дубинку. Тогда Брюс Ли его осматривает, проверяя на наличие дырок. По всей видимости, на корабле у него жесткая дисциплина.

Хиро непроизвольно рассматривает скальпы на жилетке Брюса Ли. Заметив его интерес, пираты корчат рожи, кивают, указывая на скальпы и глядя на него с издевательски наивно распахнутыми глазами. Цвета на жилетке слишком однородные — никакого перехода между лоскутами красного. Хиро заключает, что, вопреки своей репутации, Брюс Ли просто собрал имевшиеся под рукой скальпы и их покрасил. Ну и придурок.

Завершив инспекцию, Брюс Ли наконец возвращается на середину палубы и снова оскаливает сверкающие зубы. Улыбка у него и впрямь ослепительная, и ее обладатель это знает; может, правду говорят, что он налепил на передние зубы бриллианты.

— Пробка-корабль, может, ты, я, обменяемся, а? Ха-ха!

Все на спасательном плоту, кроме Вика, натянуто улыбаются.

— Куда путь держите? В Кей-Уэст? Ха-ха-ха!

Некоторое время Брюс Ли осматривает Хиро и Элиота, описывает указательным пальцем круг, приказывая им развернуться и показать рабочую часть. Они подчиняются.

— Кванто? — орет Брюс Ли, и все его пираты громко хохочут, пуще всех он сам. Хиро чувствует, как его анальный сфинктер сжимается до размеров поры.

— Он спрашивает, сколько мы стоим, — углом рта говорит Элиот. — Это шутка, понимаете? Они ведь знают, что могут захватить Плот и получить наши задницы даром.

— О, уморительно, — отвечает Рыбий Глаз. Пока Хиро и Элиот буквально отмораживают себе задницы, он все так же уютно сидит под тентом — вот гад.

— Пун-ракеты, да? — Брюс Ли указывает на означенные противокорабельные ракеты на палубе. — Баги чипы? Моторолы?

— Пун-ракета — это противокорабельная ракета «Гарпун», очень дорогая, — поясняет Элиот. — Баг — микрочип. «Моторола» — марка, как «форд» или «шевроле». Брюс Ли приторговывает электроникой, сами понимаете, типичный азиатский пират.

— Он даст нам противокорабельную ракету за вас, ребята? — переспрашивает Рыбий Глаз.

— Нет! Это сарказм, дурья башка! — взрывается Элиот.

— Скажи ему, нам нужна лодка с подвесным мотором, — приказывает Рыбий Глаз.

— Одна надувка, один мотор, полный бак, — кричит Элиот. Внезапно лицо Брюса Ли становится серьезным, он словно бы задумывается.

— Товар смотреть, а чё? Калибр да кляп?

— Он подумает, если сможет сперва проверить товар, — говорит Элиот. — Они хотят проверить, насколько мы упругие и способны ли мы подавить рвотный рефлекс. Это стандартные условия бордельной экономики на Плоту.

— Гомики аж на двенадцатый тянут.

— Эти мальчики, то есть мы, выглядят так, словно у нас задницы двенадцатого калибра, — переводит Элиот. — Иными словами, мы подержанный товар и почти ничего не стоим.

Тут Рыбий Глаз сам вступает в переговоры:

— Нет, нет. Четыре на десять, абсолют.

Вся палуба пиратского корабля за животы хватается от смеха.

— Не выйдет, — отвечает Брюс Ли.

— Да эти мальчики еще девственность не потеряли! — кричит Рыбий Глаз.

Вся палуба похабно свистит и гогочет. Один пират вскарабкивается на перила, где, рубанув кулаком воздух, разражается вдруг ором: «Ба ка на зу ма лей га но ма ла ариа ма на по но а аб зу…». Теперь уже все остальные пираты перестали смеяться и, посерьезнев лицами, присоединились к нему, сотрясая воздух самой настоящей какофонией криков.

Ноги Хиро неожиданно подкашиваются: внезапно под ногами у него двигается плот. Он успевает увидеть, как рядом с ним валится на пятую точку Элиот.

Подняв взгляд на корабль Брюса Ли, Хиро непроизвольно морщится: переливаясь через перила, на него извергается темная волна, омывающая шеренгу пиратов на палубе. Начавшись на носу, эта волна перекатывается к корме. Но это какая-то оптическая иллюзия. И не волна это вовсе. Внезапно их отбрасывает на тридцать метров от траулера. По мере того как смех у перил стихает, Хиро различает новый звук: негромкое жужжание, исходящее от Рыбьего Глаза. Воздух вокруг них вдруг прорезает свист, какой бывает иногда в момент удара молнии или когда рвут надвое простыню.

Переводя взгляд назад на траулер Брюса Ли, Хиро видит, что на самом деле через перила извергается волна крови, будто кто-

то полил палубу из гигантской разрезанной аорты. Но полил не извне. Кровь вырывается из тел пиратов по одному за раз, и этот феномен перемещается от носа к корме. На палубе флагмана Брюса Ли теперь совершенно тихо, никто не шевелится, только течет кровь и превращенные в желе внутренние органы, скользнув по ржавому железу, с тихим плеском шлепаются в воду.

Рыбий Глаз стоит на коленях — он уже сорвал спасодеяло и тент, до сих пор скрывавшие его тело. В одной руке он держит продолговатое устройство, от которого и исходит жужжание. Это округлая вязанка трубок, расположенных параллельно друг другу, толщиной, наверное, с карандаш и фута в два длиной — ни дать ни взять «гатлинг» в миниатюре. Трубки вращаются так быстро, что почти неразличимы; когда устройство работает, движение делает его фактически призрачным — поблескивающее, полупрозрачное облако, выросшее из руки Рыбьего Глаза. Устройство подсоединено к толстому, как запястье, пучку черных проводов и кабелей, которые, змеясь, уходят в большой черный чемодан, который сейчас, открытый, лежит на дне спасательного плота. В чемодане имеется встроенный монитор, где бегают эквалайзеры, отражая состояние системы: сколько осталось зарядов, статус различных подсистем. Хиро успевает мельком на него глянуть. Но тут все боеприпасы на борту траулера начинают взрываться.

— Видите, я же сказал, что они прислушаются к доводам «Разума», — говорит Рыбий Глаз, выключая жужжащее оружие.

Теперь Хиро замечает табличку с названием, прикрепленную к пульту управления:

> **РАЗУМ**
> Версия 1.0B7
> Трехмиллиметровая суперскоростная рельсовая пушка типа Гатлинг Нг Секьюритиз Индастриз, Инк.
> ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ВЕРСИЯ — НЕ ДЛЯ ПОЛЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
> НЕ ТЕСТИРОВАТЬ В НАСЕЛЕННЫХ ОБЛАСТЯХ
> – ULTIMA RATIO REGNUM –

— Чертова отдача отбросила нас до самого Китая, — с удовлетворением констатирует Рыбий Глаз.

— Это ваших рук дело? Что там стряслось? — спрашивает Элиот.

— Моих. С помощью «Разума». Видите ли, устройство стреляет крохотной металлической стружкой. Снаряды движутся очень быстро, скорость у них выше, чем у винтовочной пули. Обедненный уран.

Вращающиеся дула теперь уже почти остановились. Такое впечатление, что их в связке штук двадцать.

— А я думал, вы ненавидите пулеметы, — говорит Хиро.

— Этот треклятый Плот я ненавижу еще больше. Давайте перебираться на что-нибудь, что может двигаться. Что-нибудь с мотором.

Поскольку на пиратском корабле Брюса Ли полыхает пожар и то и дело гремят мелкие взрывы, у них уходит минута на то, чтобы сообразить, что несколько человек еще живы и ведут по ним огонь. Когда Рыбий Глаз это замечает, то снова нажимает на курок. Закрутившись, дула превращаются в прозрачный цилиндр, и режущее уши шипение возобновляется.

Когда Рыбий Глаз, водя взад-вперед пушкой, поливает цель сверхзвуковым душем обедненного урана, весь корабль Брюса Ли начинает как будто искриться и блестеть, точно между носом и кормой пролетает фея-эльф, посыпая все магической ядерной пылью.

Малая яхта Брюса Ли совершает ошибку: подходит слишком быстро, чтобы посмотреть, что происходит. На мгновение Рыбий Глаз поворачивает пушку в ее сторону, и высокий мостик яхты соскальзывает в воду.

Основные палубные надстройки траулера разваливаются на куски. Изнутри его раздаются ужасные хлопки, чиханье и скрежет: это прогибаются огромные секции и палубные надстройки медленно опадают в трюм, точно наспех состряпанное суфле. Заметив это, Рыбий Глаз прекращает палить.

— Хватит вам, босс, — говорит Вик.

— Я тащусь! — радостно вопит Рыбий Глаз.

— Нам нужен был траулер, кретин, — мстительно говорит Элиот, рывком натягивая штаны.

— Я не собирался совсем его взрывать. Пожалуй, эти мелкие пульки проходят через все, что угодно.

— Додумался, — бормочет Хиро.

— Что ж, очень жаль, что я предпринял кое-какие меры для спасения наших задниц. Пошли, заберем какой-нибудь катер, пока все не сгорели.

Они на веслах гребут в сторону обезглавленной яхты. К тому времени, когда они туда добираются, от траулера Брюса Ли остается всего лишь кренящийся набок пустой стальной остов, из которого рвутся языки пламени и клубы дыма, приправленные случайным взрывом.

В уцелевшей секции яхты множество мелких дырочек, а еще она усыпана россыпью взорвавшегося фибергласа. Шкипер и члены экипажа, или тушенка, в которую они превратились, когда

мостик, по которому прошелся «Разум», с прочими обломками соскользнули в океан, не оставив никаких следов своего существования, если не считать пары длинных параллельных мазков, уходящих в воду. Но на камбузе есть мальчик-филиппинец; сам камбуз находится настолько низко, что его обитатель не только цел и невредим, но и лишь смутно представляет себе, что произошло.

Несколько электрических проводов распилило пополам. Выкопав в трюме ящик с инструментами, Элиот на протяжении следующих двенадцати часов пытается залатать все настолько, чтобы можно было снова запустить двигатель и управлять яхтой. Хиро, обладающий элементарными познаниями в электричестве, играет роль мальчика на побегушках и никчемного советчика.

— Слышали, как говорили пираты до того, как Рыбий Глаз их пострелял? — спрашивает Хиро Элиота, пока они работают.

— Вы имеете в виду туземный язык?

— Нет, в самом конце. Когда они стали нести полную околесицу.

— А, это. На Плоту все так говорят.

— Вот как?

— Ага. Один начинает, и остальные следом. Думаю, мода у них такая.

— Но на Плоту это распространено?

— Ага. Понимаете, там все говорят на разных языках, там столько разных этнических групп. Все равно что Вавилонское столпотворение. Наверное, когда они издают эти звуки, бормочут невесть что, то просто подражают незнакомой речи.

Филиппинец готовит им еду. Рыбий Глаз и Вик садятся есть в главной кабине в трюме, листают за едой китайские журналы, рассматривая азиатских цыпок, и временами поглядывают в навигационные карты. Когда Элиот снова врубает электричество, Хиро подключает в розетку свой личный компьютер, чтобы перезарядить батареи.

К тому времени, когда яхта снова на ходу, уже стемнело. На юго-востоке по низкому нависшему небу колыхается зарево.

— Это Плот там? — спрашивает, указывая на сноп, Рыбий Глаз, когда вся команда собирается в импровизированном центре управления Элиота.

— Да, — отвечает Элиот. — Они освещают его всю ночь, чтобы рыболовецкие суда смогли найти дорогу домой.

— Как, по-вашему, сколько до него? — спрашивает Рыбий Глаз.

Элиот пожимает плечами:

— Миль двадцать.

— А до земли сколько?

— Понятия не имею. Шкипер Брюса Ли, вероятно, знал, но был превращен в пюре вместе со всеми остальными.

— Вы правы, — отзывается Рыбий Глаз. — Следовало поставить пушку на «хлестать» или «рубить».

— Плот обычно держится милях в ста от берега, — вставляет Хиро, — чтобы ни на что случайно не наткнуться.

— Как у нас с топливом?

— Я замерил бак лотом, — отвечает Элиот, — по правде говоря, боюсь, не слишком хорошо.

— Что вы имеете ввиду: «не слишком хорошо»?

— Когда ты в море, уровень определить непросто, — снова пожимает плечами Элиот. — Я не знаю, сколько жрут эти моторы. Если до берега нам действительно сто или даже восемьдесят миль, мы можем и не дотянуть.

— Значит, плывем на Плот, — решает Рыбий Глаз. — А там уговорим кого-нибудь, что в его же интересах поделиться с нами топливом. А потом вернемся на материк.

Никто не верит, что все случится именно так, и меньше всех сам Рыбий Глаз.

— И, — продолжает он, — раз уж мы все равно двигаем на Плот, то после того, как обзаведемся топливом, но перед тем как поплывем назад, мало ли что еще может случиться, знаете ли. Жизнь — штука непредсказуемая.

— Если вы что-то задумали, — говорит Хиро, — почему бы вам не сказать нам об этом прямо?

— Ладно. Вернемся к стратегическим задачам. Тактика взятия заложников провалилась. Поэтому на повестке дня извлечение.

— Извлечение чего?

— Не чего, а кого. И. В.

— Я целиком за, — говорит Хиро, — но там есть еще один человек, которого я хотел бы извлечь, раз уж мы взялись за извлечение.

— Кого?

— Хуаниту. Помните, вы же сами сказали, что она милая женщина.

— Если она на Плоту, то, возможно, не такая уж милая, — говорит Рыбий Глаз.

— Я все равно хочу ее извлечь. Вы все тут заодно, верно? Мы все из команды Лагоса.

— У Брюса Ли есть на Плоту свои люди, — говорит Элиот.

— Поправка. Были.

— Я хочу сказать, что они будут вне себя.

— Это вы думаете, что они будут вне себя. А я думаю, они в штаны от страха наложат, — улыбается Рыбий Глаз. — А теперь, Элиот, к штурвалу. Давай, меня уже тошнит от этой треклятой воды.

50

Ворон заводит И. В. на плоскодонку под тентом. Это какое-то речное судно, превращенное во вьетнамское/американское/тайское/китайское заведение, одновременно бар, ресторан, публичный дом и казино. Тут несколько больших комнат наверху, в которых уйма народу просто спускает пар, и множество маленьких комнаток со стальными стенами внизу, где творится бог весть что.

Главный зал битком забит гуляющим отребьем. Дым связывает бронхи И. В. морскими узлами. Тут установлена оглушительная, в духе «третьего мира», звуковая система: чистейшее искажение эхом отдается от крашеных стальных стен на трехстах децибелах. Прикрученный к стене телевизор показывает иностранные мультики: выдержанные в двух цветах, поблекший пурпур и яркий лайм, в которых омерзительного волка, отчасти похожего на Уайла Э. Койота, но страдающего бешенством, казнят настолько жестокими казнями, что до них не додумались и «Уорнер Бразерс». Это черные мультфильмы. Саундтрек то ли выключен, то ли совершенно заглушен визгливой мелодией, льющейся из динамиков. В конце комнаты извивается несколько эротических танцовщиц.

Здесь невероятно людно, им ни за что не сесть. Но вскоре после того, как Ворон входит в зал, с полдюжины ребят в углу внезапно вскакивают на ноги и врассыпную бросаются от стола, с запозданием прихватив сигареты и напитки. Ворон толкает И. В. перед собой, будто она фигура на носу его каяка, и куда бы они ни шли, везде перед ними расчищает дорогу почти осязаемое силовое поле Ворона.

Нагнувшись, Ворон заглядывает под стол, перевернув стул, осматривает сиденье — никогда нельзя забывать о бомбах на стуле, — задвигает стул в самый угол, где сходятся две стены, и садится. Потом жестом предлагает И. В. сделать то же самое, и она садится — спиной к залу. Так ей видно лицо Ворона, освещаемое только случайными бликами света, пропущенными через толпу от зеркального шара над эротическими танцовщицами, и сочащейся из телевизора пурпурно-зеленой дымкой, которую прорезают случайные вспышки, когда волк по ошибке глотает очередную водородную бомбу или его — вот незадача! — снова поливают из огнемета.

Немедленно появляется официантка. Ворон снисходит до того, чтобы прореветь ей что-то через стол. Она его не слышит, но он, наверное, спрашивает, что она будет есть.

— Чизбургер! — кричит она в ответ. Ворон со смехом качает головой:

— Ты что, видела тут коров?

— Что угодно, только не рыбу! — орет она.

Ворон что-то объясняет официантке на разновидности таксилингвы.

— Я заказал тебе кальмара, — ревет он. — Это такой моллюск.

Великолепно. Ворон — последний истинный джентльмен.

Дальше они с час перекрикиваются, поддерживая разговор. По большей части кричит Ворон. И. В. только слушает, улыбается и кивает. Хотелось бы надеяться, что он не говорит чего-то вроде: «Мне нравится по-настоящему бурный секс с насилием».

Впрочем, на ее взгляд, он говорит вообще не о сексе. Он говорит о политике. Она выслушивает отрывочную историю алеутского народа: кусочек тут, кусочек там, когда Ворон не заталкивает в рот кальмара и музыка не слишком громкая.

— Русские нам жизнь испоганили… смертность от оспы девяносто процентов… работали как рабы, охотясь на тюленей… глупость Сьюарда… Сраные япошки забрали моего отца в двадцать два года, сослали в лагерь для перемещенных лиц на… А потом по нам шандарахнули ядерной бомбой американцы. Можешь в такое поверить? — спрашивает Ворон. В музыке временное затишье, и внезапно до нее доносятся полные фразы. — Японцы твердят: они единственные, кого разбомбили. Но у каждой ядерной державы была своя группа аборигенов, на чьей территории они испытывали ядерные боеголовки. В Америке они сбрасывали бомбы на алеутов. Амчитка. По моему отцу, — с гордой улыбкой продолжает Ворон, — вмазали дважды: первый раз в Нагасаки, он тогда ослеп, а второй раз в семьдесят втором, когда американцы сбросили ядерную бомбу на нашу родину.

«Класс! — думает И. В. — Выходит, мой новый парень — мутант. Что ж, это кое-что объясняет».

— Я родился несколько месяцев спустя, — продолжает Ворон, чтобы уж окончательно расставить все точки над «i».

— А как ты связался с этими правосами?

— Порвал с нашими традициями и в конце концов оказался в Солдотне, работал там на буровых, — говорит Ворон так, будто И. В. полагается знать, где, собственно, эта Солдотна. — Вот там-то я запил, оттуда у меня и вот это. — Он указывает на татуировку у себя на лбу. — Там же я научился заниматься любовью с женщиной — это единственное, что я умею лучше, чем охотиться с гарпуном.

И. В. не может не думать, что трахаться и гарпунить в

сознании Ворона — сходные виды деятельности. Но каким бы неотесанным он ни был, она ничего не может поделать с тем, что в его присутствии ее слишком уж разбирает.

— Работал и на рыболовецких судах, подрабатывал на стороне. Мы, бывало, возвращались с сорокавосьмичасового открытия сезона на палтуса — это было еще в те дни, когда имелись ограничения по рыбной ловле, — натягивали спаскомбинезоны, распихивали по карманам пиво и прыгали в воду, а там просто дрейфовали и пили всю ночь напролет. Однажды я напился так, что попросту отрубился. Очнулся на следующий день или пару дней спустя, уже даже не помню. И оказалось, я плаваю в своем скафандре посреди залива Кука — совсем один. Остальные ребята с моего корабля просто-напросто обо мне забыли.

«Надо же, как удобно», — думает И. В.

— Дрейфовал так пару дней. Очень хотелось пить. В конце концов меня выбросило на берег на Кодьяке. К тому времени у меня уже была белая горячка и еще много чего другого. Но меня вымыло возле русской православной церкви, они нашли меня, взяли к себе, привели в порядок. Вот тогда я и понял, что западная, американская, жизнь едва меня не прикончила.

«Ну вот, сейчас будет проповедь».

— И я понял, что выжить нам поможет только вера, только желание жить простой жизнью. Никакого спиртного. Никакого телевизора. Никакой дряни.

— А что ты тут делаешь?

К столу подходит официант. Глаза у него расширены от страха, движения нерешительные. Он идет не принять заказ, он идет, чтобы передать дурные вести.

— Прошу прощения, сэр. Вас спрашивают по радио.

— Кто это? — рычит Ворон.

Официант только оглядывается, будто даже произнести на людях это боится.

— Это очень важно, — только и говорит он.

С тяжелым вздохом Ворон запихивает в рот последний кусок моллюска. Потом встает, и не успевает еще И. В. хоть как-то среагировать, целует ее в щеку.

— Милая, на меня работка свалилась, или вроде того. Подожди меня здесь, ладно?

— Здесь?!!

— Никто тут тебя не тронет, — говорит Ворон в равной степени официанту, и залу, и И. В.

51

Издалека Плот кажется жутковато веселым. Десяток прожекторов и как минимум столько же лазеров, установленных на высоченных судовых надстройках «Интерпрайза», гуляют по облакам, будто на голливудской премьере. Вблизи Плот уже не такой яркий и четкий. От огромного скопления лодок и лодочек исходит мутное облако желтоватого света, стирающего контрасты.

Несколько лоскутов Плота горит. Это не уютный костер в ночи, а высокое беспорядочное пламя, из которого ползет черный дым, как это бывает, когда выгорает большое количество бензина.

— Наверное, банды воюют, — размышляет вслух Элиот.

— Источники энергии, — гадает Хиро.

— Развлечение, — говорит Рыбий Глаз. — На треклятом Плоту нет кабельного канала.

Прежде чем они действительно вступают в Ад, Элиот откручивает крышку топливного бака и опускает в него измерительный стержень, проверяя запасы топлива. Вынув стержень, он не говорит ничего, но вид у него не особенно радостный.

— Погасите свет, — говорит он, когда до Плота еще несколько миль. — Помните, нас уже рассматривают в бинокли несколько сотен, а то и тысяч человек, притом вооруженных и голодных.

Вик уже обходит яхту, гася огни. Его метод прост: он бьет лампочки молотком. Рыбий Глаз остается стоять на месте, только, проникнувшись внезапно уважением, внимательно слушает Элиота, а тот продолжает:

— Снимайте всю ярко-оранжевую одежду, пусть даже это означает, что мы замерзнем. С настоящего момента все лежат на палубе и не высовываются, даже не разговаривают без крайней необходимости. Вик, вы с винтовкой останетесь посреди корабля и будете ждать, когда нас осветят прожектором. Как только луч пройдет по яхте, расстреляйте прожектор. Это касается и фонариков с мелких судов. Хиро, ваша задача — патрулировать планшир. Просто обходите яхту по кругу везде, где пловец мог бы забраться через перила на борт, и если такое случится, обрубайте ему руки. Ищите все, что похоже на крюк или кошку. Рыбий Глаз, если какой-либо плавучий объект подойдет к нам ближе чем на сотню футов, топите его. Если увидите людей с антеннами в головах, попытайтесь сперва снять антенны, потому что они способны переговариваться друг с другом.

— У них что, антенны из голов торчат? — переспрашивает Хиро.

— Да, местная разновидность горгулий, — отвечает Элиот.

— Кто они?

— Откуда мне, черт побери, знать! Я просто видел их пару раз, но с большого расстояния. Итак, я собираюсь повести как можно ближе, потом ляжем на правый борт и пойдем против часовой стрелки вокруг Плота в поисках кого-нибудь, кто согласится продать нам топливо. Если случится наихудшее и мы окажемся на самом Плоту, будем держаться вместе, наймем себе проводника, потому что если мы попытаемся пройти по Плоту без помощи того, кто разбирается в этой паутине, можем попасть в переплет.

— И что это может быть за переплет? — интересуется Рыбий Глаз.

— Скажем, повиснем в прогнившей, осклизлой грузовой сети между двух расходящихся кораблей, а под нами не будет ничего, кроме ледяной воды, полной чумных крыс, токсичных отходов и касаток. Еще вопросы есть?

— Ага, — отзывается Рыбий Глаз. — Можно мне к маме?

Отлично. Если Рыбий Глаз напуган, то и Хиро тоже.

— Помните, что случилось с пиратом по имени Брюс Ли, — предостерегает их Элиот. — Он был хорошо вооружен и уверен в себе. Однажды он подошел к спасательному плоту с беженцами в поисках добычи и подох, так и не успев понять, что с ним произошло. Так вот, там полно людей, желающих проделать с нами то же самое.

— Разве у них тут нет какой-нибудь полиции или еще чего-то такого? — спрашивает Вик. — Я слышал, что есть.

Иными словами, Вик посмотрел множество фильмов о Плоте на Таймс-сквер.

— Обитатели «Интерпрайза» действуют по методу «Божьего гнева», — отвечает Элиот. — По краю полетной палубы «Интерпрайза» установлены крупнокалиберные пушки. Модели Гатлинга. Вроде «Разума», только пули у них покрупнее. Изначально они предназначались для перехвата противокорабельных ракет. Снаряд летит со скоростью метеорита и попадает в цель с ней же. Если на Плоту кто-то создает проблемы, по ним стреляют из пушек. Но мелкого убийства или даже восстания недостаточно, чтобы привлечь внимание крутых парней. А вот если это дуэль на ракетах двух конкурирующих пиратских организаций — тогда другое дело.

Внезапно яхту пришпиливает свет прожектора, такого большого и мощного, что всем приходится отвернуться.

Потом снова воцаряется тьма: это, свистя, пролетела над водой пуля из винтовки Вика.

— Недурной выстрел, Вик, — говорит Рыбий Глаз.

— Похоже, там лодка наркоторговцев, — говорит Вик, глядя в свой магический глаз. — На ней пятеро. Направляется к нам. — Он снова стреляет. — Поправка: четверо. — Ба-а-бах! — Поправка: больше к нам не направляется. — Ба-а-бах! В океане в паре сотен футов вырастает огненный шар. — Поправка: никакой лодки.

Рыбий Глаз со смехом хлопает себя по коленке.

— Вы все это снимаете, Хиро?

— Нет, — отзывается тот. — Плохо получится.

— О! — Рыбий Глаз, похоже захвачен врасплох, словно это все меняет.

— Это первая волна, — говорит Элиот. — Богатые пираты, ищущие легкой наживы. Но им есть что терять, поэтому их нетрудно отпугнуть.

— Еще одно судно класса яхты, — рапортует Вик, — но оно уже поворачивает прочь.

На фоне низкого фырканья большого дизеля их яхты они слышат пронзительный вой навесных моторов.

— Вторая волна, — говорит Элиот. — Эти в пираты еще не пробились, поэтому гораздо проворнее. Будьте настороже.

— У этой штуки миллиметровая волна, — говорит Рыбий Глаз, и, обернувшись к нему, Хиро видит, что его лицо подкрашено снизу зеленоватым свечением монитора «Разума». — Я этих ребят вижу, будто белый день на дворе, мать твою.

Сделав несколько выстрелов, Вик рывком выдергивает из винтовки обойму, вставляет новую.

Мимо, подпрыгивая на волнах, проносится надувная моторка, атакуя яхту огнями слабых фонарей. Рыбий Глаз выпускает пару коротких очередей из «Разума», взметая в холодный ночной воздух облака горячего пара, но промахивается.

— Побереги заряды, — говорит Элиот. — Из «узи» они в нас не попадут, пока немного не сбросят скорость. А ты даже с радаром не достанешь.

С другой стороны проносится вторая моторка, ближе, чем первая. Вик и Рыбий Глаз огонь не открывают. Слышно, как, описав круг, моторка возвращается восвояси.

— Две моторки сошлись, — сообщает Вик. — К ним подходят еще две. Всего четыре. Люди переговариваются.

— Это была разведка, — говорит Элиот. — Сейчас они договариваются о тактике. В следующий раз все будет всерьез.

Секунду спустя позади яхты, где занял пост Элиот, раздаются два фантастически громких взрыва, сопровождаемые краткими

вспышками. Повернувшись, Хиро видит, что это не Элиот. Элиот присел рядом, сжимая свой «магнум»-переросток.

Бегом вернувшись назад, в тусклом свете, отбрасываемом облаками, Хиро видит мертвого пловца. Тот совершенно голый, если не считать покрывающего все его тело мазута и пояса с ножом и кобурой. В руке он все еще сжимает веревку, по которой вскарабкался на борт. Веревка крепится к кошке, застрявшей в обломках фибергласа на противоположном борту яхты.

— Третья волна пошла чуть раньше. — Голос у Элиота стал сипло-высоким и дрожит. Он так старается говорить спокойно, что это производит обратное впечатление. — Хиро, в этой пушке осталось три патрона, и последний я приберегу для тебя, если ты пустишь на борт хотя бы еще одного гада.

— Извини, — бормочет Хиро.

Он вынимает из ножен короткий вакизаси. Он чувствовал бы себя уверенней, если бы в другую руку мог взять пистолет, но ему нужна свободная рука, чтобы за что-нибудь цепляться и не упасть за борт. Совершая быстрый обход, он специально выискивает абордажные крючья и действительно находит один, засевший в опоре перил: тугой канат тянется за яхтой в море.

Поправка: это натянутый трос. Мечом его не перерубить. И трос так натянут, что Хиро не может отцепить его от опоры.

Пока он, сидя на корточках, возится с крюком, из воды поднимается испачканная в мазуте рука и хватает его за запястье. Вторая рука пытается ухватить Хиро за другую руку, но вместо этого хватает меч. Вырвав оружие и чувствуя, как поддаются кожа и кости, Хиро острием тыкает в пространство между двумя руками как раз в тот момент, когда кто-то впивается зубами ему в пах. Но пах Хиро защищен: у мотоциклетного комбинезона имеется жесткий пластмассовой гульфик, поэтому в рот человеку-акуле набивается пуленепробиваемая материя. Потом его хватка ослабевает, и он падает в воду. Отцепив абордажный крюк, Хиро бросает его следом.

В быстрой последовательности Вик стреляет трижды, и одну сторону яхты освещает внезапно расцветший огненный шар. На мгновение они видят все вокруг на расстоянии ста ярдов: впечатление такое же, как, когда, войдя среди ночи на кухню, включаешь свет и видишь, как по столу толкутся крысы. Яхту окружили по меньшей мере десяток лодок.

— У них есть «молотов-коктейль», — рапортует Вик.

Люди на лодках тоже их видят. Трассирующие пули летят со всех сторон. Хиро замечает вспышки по меньшей мере в трех местах. Рыбий Глаз пару раз поливает их «Разумом», короткими очередями по нескольку десятков пуль каждая, и порождает еще

один огненный шар, теперь уже чуть дальше от яхты.

Вот уже пять секунд Хиро стоит на месте, поэтому решает снова проверить свой участок на предмет кошек и крючьев и двигается в обход. На сей раз все чисто. Наверное, те два грязнюка работали совместно.

Из темноты по высокой дуге прилетает бутылка с «молотов-коктейлем» и шлепается о правый борт, где огонь не сможет причинить большого вреда. Упади она в трюм, было бы намного хуже. Рыбий Глаз поливает из «Разума» тот сектор, откуда она прилетела, но теперь, когда пламя освещает всю яхту, по ним открывают пистолетный огонь. В свете пожара Хиро видит струйки крови, бегущие из того места, где укрылся Вик.

Тут он замечает по левому борту что-то узкое и длинное. Это нечто сидит на воде очень низко, а из него поднимается торс мужчины с длинными, распущенными по плечам волосами. В руке он держит восьмифутовый шест. И в тот момент, когда Хиро его замечает, он размахивается.

Гарпун летит через двадцать футов открытой воды. Миллион отточенных граней стекла преломляют свет пожара, превращая копье в метеор. Оно попадает Рыбьему Глазу в спину и, без труда пройдя через бронебойную рубаху, которую он носит под костюмом, выходит из груди. Силой удара Рыбьего Глаза поднимает в воздух и выбрасывает за борт. В воду он приземлятся лицом вниз, уже мертвый.

Зарубка на память: оружия Ворона на радаре не видно.

Хиро оглядывается на Ворона, но тот уже исчез. Еще парочка грязнюков бок о бок перемахивают через перила футах в десяти от Хиро, но они пока ослеплены пламенем пожара. Выхватив пистолет, Хиро целится приблизительно в их сторону и нажимает на курок, пока оба они не валятся назад в воду. Теперь он не знает, сколько пуль осталось в обойме.

Раздаются шипенье и кашель, и зарево сперва тускнеет, потом исчезает совсем. Элиот залил наконец пожар из огнетушителя.

Яхта внезапно дергается, палуба уходит у Хиро из-под ног, и он падает, приземлившись на голову и плечо. Вставая, он понимает, что они только что врезались (или в них только что врезалось) во что-то большое. Затем до него доносится глухой перестук многих ног, бегущих по палубе. Услышав, что шаги совсем рядом, Хиро бросает вакизаси, вытаскивает катану, разворачиваясь при этом так, что клинок останавливается в чьем-то брюхе. Тем временем кто-то пытается вскрыть ему спину разделочным ножом. Нож не может прорезать бронеткань, но все равно больно. Из тела неизвестного катана выходит легко, что, по

сути, чистое везенье, ведь Хиро забыл остановить удар и клинок мог застрять. Он поворачивается, инстинктивно парируя удар ножом еще одного грязнюка, после чего заносит катану и врубает ему по черепушке. На сей раз он все делает правильно: убивает противника, не заклинив меч. Теперь по обе стороны от него по грязнюку. Выбрав одного, он с одного маха лишает противника головы. Потом оборачивается. Второй грязнюк, спотыкаясь, наступает на него по наклонной палубе, размахивая шипастой дубинкой, но, в отличие от Хиро, не сохраняет равновесия. Хиро шаркает к нему навстречу, держа центр тяжести над ногами, и насаживает его на свою катану.

Третий грязнюк потрясенно смотрит на происходящее с носа. Хиро его пристреливает, и он валится на палубу. Еще двое прыгают за борт по собственной воле.

Яхта запуталась в паутине старых гнилых канатов и грузовых сетей, натянутой ниже уровня воды, как силок для таких незадачливых простаков, как Рыбий Глаз и его команда. Мотор яхты еще гудит, но лопасти не двигаются, кажется, что-то намоталось на винт.

Ворона и след простыл. Возможно, это был разовый контракт: убрать Рыбьего Глаза. Возможно, он сам боялся запутаться в паутине. Возможно, счел, что как только он разделается с «Разумом», об остальном позаботятся грязнюки.

Элиота уже нет в рубке. Его вообще нет на яхте. Хиро окликает его по имени — никакого ответа. Нет даже плеска в воде. Когда Хиро видел его в последний раз, Элиот, перегнувшись через перила, поливал борт яхты из огнетушителя. Очевидно, когда судно резко остановилось, его выбросило за борт.

Они гораздо ближе к «Интерпрайзу», чем он поначалу думал. Во время боя яхта прошла приличное расстояние, подошла ближе, чем следовало. На данный момент Плот, по сути, окружает Хиро со всех сторон. Скудный, колеблющийся свет исходит от привезших «молотов-коктейль» моторок, запутавшихся в сетях бок о бок с яхтой.

Хиро решает, что выводить яхту назад на открытое пространство неразумно. Слишком уж большая там конкуренция. Посреди палубы лежит открытый чемодан, служащий источником энергии и местом хранения зарядов «Разума», на цветном мониторе — надпись: «Просим прощения, неустранимая ошибка системы. Пожалуйста, перезагрузите и попробуйте снова».

Потом, прямо на глазах у Хиро, «Разум» окончательно облавинивается.

Вика прошило автоматной очередью, он тоже мертв. В паутине вокруг качается еще с десяток судов, все как одно — на

вид чистенькие яхты. Впрочем, теперь это пустые остовы, лишенные моторов и всего остального. Просто манки перед засадой охотника. На бакене поблизости — выведенная от руки надпись на нескольких языках: «ТОПЛИВО».

Чуть дальше к морю несколько судов, которые до того гнались за ними, мешкают, держась подальше от паутины. Они знают, что сюда им путь заказан. Здесь охотничьи угодья черных от мазута пловцов, этаких пауков в паутине; правда, почти все они теперь мертвы.

Если он отправится на сам Плот, хуже уже не будет. Ведь так?

У яхты имеется собственная шлюпка, крохотная надувная лодочка с навесным моторчиком. Хиро спускает ее на воду.

— Я пойду с тобой, — говорит голос у него за спиной. Резко поворачиваясь, Хиро выхватывает пистолет и вдруг понимает, что целится в лицо юнге-филиппинцу. Мальчик моргает: он несколько удивлен, но не слишком испуган. Если уж на то пошло, мертвецы на яхте его вроде бы тоже не смущают.

— Я буду твоим проводником, — говорит он. — Ба ла зн ка ну па ра та…

52

И. В. ждет так долго, что ей кажется, что, наверное, уже солнце взошло, но при этом понимает, что прошло-то не больше двух часов. Отчасти это и не важно. Ничто не меняется: музыка играет, кассета с мультиком перематывается и начинается по новой, мужчины приходят, пьют и стараются не смотреть на нее иначе как украдкой. С тем же успехом она могла бы быть прикована к столу. Одной ей ни за что не найти дорогу назад. Поэтому она ждет.

Внезапно перед ней возникает Ворон. Он одет в другую одежду, в какой-то мокрый, скользкий балахон, сшитый, кажется, из звериных шкур. Лицо у него красное и мокрое — наверное, на воде был.

— Сделал свою работу?

— Вроде как, — отвечает Ворон. — Я сделал достаточно.

— Что значит «достаточно»?

— А это значит, что я не люблю, когда меня выдергивают со свидания по пустякам, — говорит Ворон. — Я там навел порядок, и по мне, пусть о деталях мелкая сошка заботится.

— Что ж, а я тут отлично повеселилась.

— Извини, детка. Пойдем отсюда, — говорит он напряженным, натянутым тоном мужика с эрекцией.

— Пошли на Ядро, — говорит он, как только они поднимаются на палубу.

— А там что?

— Все. Люди, которые всем этим заправляют. Большинство людишек вон там, — он обводит рукой Плот, — туда пойти не может. А я могу. Хочешь посмотреть Ядро?

— Ладно, почему бы и нет, — говорит она, ненавидя себя за то, что ведет себя как сладкая идиотка. А что еще тут можно сказать?

Он ведет ее по длинной череде сходней, залитых лунным светом, к огромным кораблям в середине Плота. Тут почти можно катить на скейте, но нужно быть настоящим асом.

— Почему ты отличаешься от других людей? — спрашивает И. В. Вопрос вырывается у нее прежде, чем она сумела его обдумать. Но, кажется, задает она его своевременно.

Он смеется:

— Я алеут. Я во многом не такой, как все…

— Не в том дело. Я хочу сказать, у тебя мозги по-другому устроены, — прерывает его И. В. — Ты не псих. Понимаешь, о чем я? Ты за весь вечер не упомянул Слово.

— Есть кое-что, что мы делаем в каяках. Это как лететь на волне, — говорит Ворон.

— Правда? Я тоже летаю. По трассе, — отзывается И. В.

— Мы делаем это не ради забавы, — возражает Ворон. — Это часть нашей жизни. Мы перебираемся с острова на остров, оседлав волну.

— То же самое, — говорит И. В. — только мы добираемся от франшизы к франшизе, оседлав машины.

— Понимаешь, в мире полно существ, которые намного сильнее нас. Но если знаешь, как оседлать волну, далеко можно зайти, — говорит Ворон.

— Вот именно. В самую точку.

— Вот поэтому я с православными. Кое с чем в их религии я согласен. Но не со всем. А у них огромное ускорение. У них полно людей, денег, кораблей.

— И ты летишь на этой волне.

— Ага.

— Круто, отпадное чувство. Но чего ты добиваешься? Какая у тебя настоящая цель?

Они пересекают огромную платформу. Внезапно он оказывается прямо позади нее, обнимает, притягивает к себе. Она теперь едва-едва касается земли и чувствует, как его холодный нос прижимается к ее виску, а жаркое дыхание щекочет ухо. От него ее до кончиков волос пробирает дрожь.

— Краткосрочная или долгосрочная? — шепчет Ворон.

— Хм… долгосрочная.

— Был у меня один план… я собирался шарахнуть ядерной ракетой по Америке.

— Ну, может, это уж слишком, — говорит она.

— Может быть. Зависит от того, в каком я буду настроении. Помимо этой, долгосрочных целей никаких. — С каждым словом его дыхание щекочет ей ухо.

— Тогда как насчет промежуточной?

— Через несколько часов Плот развалится, — говорит Ворон. — Мы направляемся в Калифорнию. Искать приличное место для жизни. Кое-кто попытается нас остановить. Моя задача — помочь людям целыми и невредимыми добраться до берега. Так что, можно сказать, я отправляюсь на войну.

— Какая жалость, — бормочет И. В.

— Поэтому трудно думать о чем-нибудь, кроме здесь и сейчас.

— Н-да, знаю.

— Я снял номер на последнюю ночь, — говорит Ворон. — Там чистые простыни.

«Ну, это ненадолго», — думает она.

Она думала, губы у него будут жесткие и холодные, точно рыба. И ее шокирует, насколько они горячие. Все его тело кажется горячим, словно это единственный для него способ не замерзнуть посреди Арктики.

Через полминуты поцелуя он огромными ручищами обхватывает ее за талию и вздергивает в воздух, так что ноги у нее отрываются от земли.

Она боялась, что он заведет ее в какое-нибудь гадкое место, но, как выясняется, он снял целый транспортный контейнер, расположенный высоко над палубой одного из контейнеровозов Ядра. Местный эквивалент роскошного отеля для крутых воротил.

И. В. пытается решить, что ей делать с ногами, которые теперь бессмысленно болтаются в воздухе. Она еще не готова обхватить его ногами за талию — свидание ведь только начинается. Потом чувствует, как они расходятся — широко расходятся, — бедра у Ворона, наверное, еще шире талии. Он поднял ногу ей в пах, оперся ступней о стул, так что она теперь сидит у него на ноге и беспомощно раскачивается взад-вперед, всем своим весом давя на пах. Тут верхняя часть его четырехглавой мышцы поднимается под углом от того места, где крепится к тазу, а он притягивает ее ближе, так что И. В. оказывается теперь на этом бугре, прижатая так тесно, что чувствует швы в паху своего комбинезона, монетки в кармане черных джинсов Ворона. А он опускает руки вниз, вдавливая ее в себя, и обеими руками сжимает ей зад — руки у него такие, что для него, наверное, это все равно что сжимать абрикос, пальцы такие длинные, что обхватывают ягодицы, проникают в щель между ними, — и она подается вперед, чтобы уйти от них, но деться ей некуда, только в его тело; ее лицо отрывается от поцелуя, скользит по пленке пота на гладкой шее. И. В. невольно сдавленно охает, оханье перерастает в стон, и тут она понимает, что попалась. Потому что она никогда не шумит во время секса, но на сей раз она ничего не может с собой поделать.

А как только она приходит к такому выводу, ей не терпится перейти к делу. Она может двигать руками, она может шевелить ногами, но нижняя часть ее тела обездвижена и такой и останется, пока не поддастся Ворон. А он этого не сделает, пока она его к этому не подтолкнет. Поэтому она принимается за его ухо. Это обычно срабатывает.

Он пытается отстраниться. Ну надо же, Ворон пытается от чего-то отпрянуть. Эта мысль ей нравится. Руки у нее сильные, как у мужчины, не зря же она так долго висела за тачками на гарпуне, поэтому она обвивает ими его голову, точно в тиски

зажимает, прислоняет лоб к его виску и начинает водить кончиком языка по ободу уха.

Несколько минут он стоит как парализованный и прерывисто дышит, а она тем временем пробирается все дальше, и когда она наконец запускает язык в его слуховой канал, он ухает и выгибается, будто его загарпунили, и, подняв ее с ноги, отталкивает стул, так что тот с грохотом ударяется о железную стенку контейнера. Она чувствует, как падает на футон, думает, что он вот-вот раздавит ее своим весом, но он перенес весь вес на локти — кроме нижней части туловища, которая со всей силы ударяет в нее, посылая новую волну наслаждения вверх к плечам и вниз по ногам. Бедра и голени у нее напряглись, будто под действием электричества, ни за что их не расслабить. А он, приподнявшись на локте, на мгновение отстраняется, прижимается губами к ее рту, чтобы не терять контакт, заполняет ей рот своим языком, пригвождает им ее к месту, а сам тем временем одной рукой расстегивает крючок на вороте комбинезона и рывком открывает молнию до самого паха. Теперь ткань разошлась, открывая широкий треугольник плоти. Снова на нее перекатившись, он обеими руками хватает верх комбинезона и стягивает его вниз и назад, прижимая ей руки к бокам, заталкивая массу ткани и прокладок ей под поясницу, так что она вынуждена выгнуться. Вот он уже меж ее ног, все натренированные скейтингом мышцы напряжены до предела, а его руки возвращаются, чтобы снова сжать ей ягодицы, только на сей раз это его горячая кожа трется о ее. Кажется, будто сидишь на горячей намасленной решетке, все тело от этого согревается.

Есть что-то, о чем ей в этот момент следует вспомнить. О чем-то ей надо позаботиться. О чем-то важном. Какая-то скучная мелочь, которая кажется логичной, когда думаешь об этом отвлеченно, но так она не к месту, что начисто о ней забываешь.

Наверное, что-то связанное с предохранением. Или еще с чем-то. Но от желания И. В. потеряла голову, поэтому у нее есть извинение. Поэтому она извивается, сучит ногами, пока комбинезон и трусы не соскальзывают с лодыжек.

Ворон раздевается секунды за три. Стащив через голову рубашку, он не глядя кидает ее куда-то, стягивает джинсы, отбрасывает на пол. Кожа у него такая же гладкая, как у нее, будто шкура млекопитающего, плавающего в море, но на ощупь он горячий, а вовсе не холодный, как рыба. Члена его она не видит, да и не хочет, зачем ей это, правда?

Тут И. В. делает нечто, чего никогда не делала прежде: кончает, как только он в нее входит. Это как удар молнии, который вылетает из середины, проносится по напряженным

ногам, поднимается по позвоночнику в соски, и она втягивает в себя воздух, пока вся ее грудная клетка не проступает через кожу, и выкрикивает все разом. Неистово вопит. Ворон, должно быть, оглох. Ну и ладно, это его проблема.

Она обмякает. И он тоже. Кончил, наверное, одновременно с ней. Впрочем, неплохо. Ночь еще только началась, а бедного Ворона после моря, похоже, крепко разобрало. Позже она ожидает от него большей выдержки.

Прямо сейчас она вполне довольна и готова лежать под ним, впитывая тепло его тела. Она целую вечность мерзла. Ногам все еще холодно, они же висят в воздухе, но и это неплохо: остальному телу как будто только теплее.

И Ворон, похоже, доволен. Нетипично доволен. И говори после этого о блаженстве. Большинство парней уже начало бы щелкать пультом телевизора. Но не Ворон. Он готов лежать тут всю ночь, дышать тихонько ей в шею. Если уж на то пошло, он уснул прямо на ней. Совсем как женщина.

Она тоже дремлет. Просто лежит, а в голове крутятся разные мысли.

А тут неплохо. Как в отеле средней руки в Долине. Она даже не думала, что на Плоту может существовать что-то подобное. Но, как и на всем белом свете, тут тоже есть богатые и бедные.

Однажды на подходе к первому кораблю Ядра дорогу им заступил вооруженный охранник. Ворона он пропустил, а Ворон провел с собой И. В., держа ее за руку, и охранник только глянул на нее неодобрительно, но ни слова не сказал, и вообще смотрел только на Ворона.

Дальше идти по крытому переходу стало куда приятнее. Он был широкий, как шоссе вдоль пляжа, и не так запруженный старыми китаянками с огромными узлами за спиной. И дерьмом тут пахло не так сильно.

От уровня моря на палубу первого корабля Ядра они поднимались по стальной лестнице. А с этой палубы спустились по сходням в машинное отделение сухогруза; Ворон вел ее так, будто миллион раз тут ходил, и наконец еще по одним сходням они перешли на этот контейнеровоз. А тут прямо как в отеле, черт бы его побрал: коридорные в белых перчатках несут багаж перед мужиками в костюмах, стойка портье и все прочее. Это все равно корабль, все стальное и покрыто ста слоями краски, но такого она совсем не ожидала. Тут была даже крохотная посадочная площадка для вертолета, чтобы пиджаки могли прилетать и улетать, когда вздумается. На площадке стоял вертолет с логотипом, который она уже где-то видела раньше. «Научно-исследовательский институт новейших технологий

Райфа». НИИ НТР. Ах да, это те, кто передал ей конверт для доставки в штаб-квартиру ИОГКО. Так, картинка складывается: федералы, Л. Боб Райф, «Жемчужные врата преподобного Уэйна» и Плот — все это части единого целого.

— Кто это такие, черт побери? — спросила она Ворона, первый раз увидев логотип. Но он только приложил палец к губам.

Позже, когда они бродили по коридорам, разыскивая свой номер, она повторила свой вопрос, и он ответил: все эти люди работают на Л. Боба Райфа. Программисты и инженеры, а еще специалисты по коммуникациям связи. Райф — очень важный человек. Ему надо заправлять монополией.

— А Райф тут? — спросила она. Для виду, разумеется, поскольку к тому времени сама уже догадалась.

— Шшшш, — отозвался Ворон.

Отличная инфа. Вот порадуется Хиро, если только ей удастся с ним связаться. Но даже это будет нетрудно. Она никогда бы не подумала, что на Плоту есть терминалы Метавселенной, но на контейнеровозе их оказался целый этаж — чтобы пиджаки могли связаться с цивилизацией. Ей надо только добраться до терминала, не разбудив Ворона. Что может быть проблематично. Жаль, что она не может одурманить его чем-нибудь, как в кино про Плот.

И тут до нее доходит. Как кошмар всплывает из подсознания. Или словно выходишь из дому и только через полчаса вспоминаешь, что оставила чайник на включенной плите. Это холодная и липкая реальность, с которой она решительно ничего не может поделать.

Она наконец вспомнила, какая докучная мелочь уколола ее на мгновение, как раз перед тем, как они, собственно, стали трахаться.

Дело не в предохранении. И не в гигиене.

Это все ее дентата. Последняя линия личной самообороны. Помимо номерных знаков Дядюшки Энцо, единственное, что не отобрали у нее правосы. А не забрали они ее потому, что не верят в обыск полостей тела.

А значит, в тот самый момент, когда Ворон вошел в нее, совсем крохотная игла незаметно скользнула в набухшую фронтальную вену его пениса, автоматически вогнав ему крепкий коктейль из наркотиков и транквилизаторов.

Гарпун попал Ворону туда, куда он совсем не ждал. Теперь Ворон проспит как минимум четыре часа.

Ох и зол же он будет, когда проснется!

53

Хиро вспоминает предостережение Элиота: не идите на Плот без местного проводника. Брюс Ли, наверное, рекрутировал кока из какого-то филиппинского квартала. Зовут мальчишку Трансубстансиасьон. Транни для краткости.

Транни забирается в надувную моторку еще прежде, чем Хиро ему приказывает.

— Подожди-ка, — говорит Хиро, — нам нужно прихватить кое-какой багаж.

Он рискует зажечь небольшой фонарик и в его свете обшаривает яхту, собирая ценные вещи: несколько бутылок (предположительно) питьевой воды, немного еды, дополнительный боезапас для своего девятого. Прихватывает он и абордажный крюк, аккуратно свернув привязанную к нему веревку. Сдается, как раз такая мелочь на Плоту пригодится.

Остается еще одно неприятное дело, заканчивать которое ему совсем не улыбается.

Хиро жил во многих местах, наводненных мышами или даже крысами. Поначалу он пытался бороться с ними с помощью мышеловок. Но вскоре ему везти перестало. Среди ночи он слышал вдруг лязг, с которым захлопывалась мышеловка, но вместо тишины дом наполнялся жалобным писком и резкими шорохами и перестуком — это пойманный грызун пытался дотащиться до норы, а мышеловка держалась на какой-нибудь части его тела, обычно на голове. Когда, встав в три утра, находишь живую мышь, оставляющую след из собственных мозгов на кухонном столе, потом уже не заснешь, поэтому теперь Хиро предпочитает яд.

Эта ситуация в том же духе: тяжело раненный грязнюк — последний, в кого стрелял Хиро, — бьется на палубе яхты, почти у самой кормы, и иноязычит.

Больше всего на свете Хиро хочется сейчас спуститься в моторку и сбежать от этого несчастного подальше. Совершенно очевидно, что, для того чтобы помочь ему или избавить его от страданий, придется осветить его фонариком, а когда он сделает это, то увидит нечто, чего никогда ни за что не сможет забыть.

Но он должен это сделать. Он сглатывает пару раз, потому что его уже тошнит, но все же следует за лучом фонаря на корму.

Все гораздо хуже, чем он ожидал.

Пуля, по всей видимости, попала грязнюку в переносицу. Пройдя вверх в мозг, она снесла ему черепную коробку. Теперь Хиро смотрит на поперечное сечение нижней части его мозга.

Что-то торчит из его головы. Хиро решает, что это фрагменты черепа или еще что-нибудь. Но для этого штуковина слишком прямая и гладкая.

Теперь, когда Хиро поборол первый приступ тошноты, смотреть ему легче. Помогает и сознание того, что грязнюк больше не страдает: у него нет половины мозга. И тем не менее он продолжает говорить — слова выходят со свистом, будто вырывается газ, как испорченная органная трубка, — но это просто все еще функционирует спинной мозг, заставляя подергиваться голосовые связки. На самом деле из его головы торчит антенна длиной приблизительно в фут. Антенна запаяна в черный пластик, как на полицейских рациях, и закреплена над левым ухом грязнюка. Это один из антенноголовых, о которых предостерегал его Элиот.

Схватив за конец антенны, Хиро тянет ее на себя. Стоит, пожалуй, прихватить с собой рацию, наверное, она имеет какое-то отношение к управлению Плотом.

Антенна не отделяется. Хиро дергает сильнее, и остатки головы поворачиваются, но антенна остается на месте. Вот почему Хиро догадывается, что это вовсе не рация. Антенна раз и навсегда приращена к основанию черепа.

Переключив гоглы на миллиметровый радар, Хиро всматривается в развороченным мозг.

Антенна крепится к черепу с помощью крохотных коротких шурупчиков, которые входят в кость и прошивают ее насквозь. В основании антенны — несколько микрочипов, назначение которых Хиро не может определить, в них не покопавшись. Но сегодня на один-единственный чип можно запихнуть суперкомпьютер, поэтому всякий раз, когда видишь больше одного чипа, понимаешь, что перед тобой серьезное железо. Из основания антенны тянется и уходит прямо в череп одна-единственная проволока в волос толщиной, которая, войдя в начало спинного столба, разветвляется на сеть тоненьких, почти невидимых проводков, вмурованных в ткани мозга — будто змея свилась у подножия дерева.

Что объясняет, почему этот малый продолжает выдавать непрерывный поток иноязыченья Плота, пусть даже самого мозга у него уже нет. Похоже, Л. Боб Райф нашел способ вступить в электронный контакт с той частью мозга, где обитает Ашера. Но произносимые мертвецом слова генерируются не в мертвом мозгу. Это несется радиопередача пятидесятников из антенны.

«Разум» все еще лежит на верхней палубе, и его монитор излучает синюю статику в небеса. Найдя кнопку отключения питания, Хиро ее нажимает. Предполагается, что такие мощные

компьютеры, получив соответствующую команду, сами себя отключают. Нажимать кнопку отключения питания — все равно что убаюкивать кого-то, сломав ему хребет. Но зараженная «Сноукрэшем» система теряет даже способность к самоотключению, и потому необходимы примитивные методы. Уложив пушки «гатлинга» назад в чемодан, Хиро щелкает замками.

Возможно, чемодан не такой тяжелый, как думал Хиро, а возможно, сказывается выброс адреналина. Потом он догадывается, почему чемодан кажется намного легче: большую часть его веса составляли заряды, а Рыбий глаз основательно их расстрелял. Хиро наполовину несет, наполовину волочит чемодан на нос яхты, следя, чтобы теплообменник все время оставался в воде, и сбрасывает его в моторку.

Хиро спрыгивает следом и, присоединившись к Транни, берется за мотор.

— Нет мотор, — говорит Транни. — Сильно путаться.

Верно. Пропеллер запутается в паутине канатов. Транни показывает Хиро, как вставить весла в уключины.

Некоторое время Хиро гребет, пока не оказывается в свободной зоне, зигзагом проходящей через весь Плот, точно водораздел между плавучими льдинами в Арктике.

— Мотор можно, — говорит Транни.

Хиро спускает мотор на воду. Транни нагоняет топливо, дергает за шнур. Мотор заводится с первого же раза; да, дисциплина у Брюса Ли была на высоте.

Выводя надувную лодку в свободную зону, Хиро боится, что перед ним откроется всего лишь небольшая бухта. Но это просто игра света и тени. Повернув за угол, он видит, что протока тянется вдаль. Это как бы кольцевая автодорога внутри Плота. Небольшие улочки и еще меньшие проулки отходят от этого кольца в различные гетто. Через бинокль Хиро видит, что входы в них охраняются. Любой волен плавать по кольцу, но свои кварталы жители предпочитают защищать.

Самое страшное, что может случиться с вами на Плоту, это то, что ваш квартал оторвется. Вот почему Плот превратился в такой клубок. Каждый квартал боится, что соседи ополчатся против него и, отрубив, бросят умирать с голоду посреди океана. Поэтому все обитатели Плота постоянно изыскивают способы протягивать тросы над, под и вокруг соседей, сцепляясь с более отдаленными районами, а еще лучше — с одним из кораблей Ядра.

Стоит ли говорить, что охранники вооружены. Похоже, излюбленное оружие здесь — небольшие китайские АК-47, чьи

металлические корпуса отлично высвечиваются на радаре. Китайское правительство, наверное, наштамповало просто невообразимое количество этих штук, тот режим еще всерьез подумывал о возможной сухопутной войне с Советским Союзом.

Большинство охранников выглядит как наглые отряды охраны порядка в странах «третьего мира». Но у входа в один из кварталов Хиро замечает, что у главного из головы торчит антенна.

Несколько минут спустя они выплывают к тому месту, где кольцевую протоку пересекает широкая улица, ведущая прямо к середине Плота, где стоят большие корабли, там — Ядро. Ближе всего к ним японский контейнеровоз — низко сидящая в воде баржа с плоской палубой и высоким мостиком, нагруженная стальными контейнерами. Контейнеровоз опутан целой сетью веревочных лестниц и импровизированных переходов, позволяющих людям забираться в тот или иной контейнер. Во многих горит свет.

— Многоквартирный дом, — шутит Транни, заметив интерес Хиро. Потом встряхивает головой, закатывает глаза и потирает подушечки больших и указательных пальцев. По всей видимости, это развеселое место.

Их прогулка подходит к концу, когда они замечают, что из темного и задымленного квартала вылетели несколько быстрых скиффов.

— Вьетнамская банда, — говорит Транни. Положив руку поверх ладони Хиро, он мягко снимает ее с навесного мотора лодки. Хиро проверяет вьетнамцев на радаре. Пара этих парней имеет при себе маленькие АК-47, но большинство вооружено ножами и пистолетами и, по всей видимости, жаждет ближнего, лицом к лицу, боя. Эти ребята в скиффах — разумеется, пеоны. По краю кварталов выстроились более важные с виду господа, покуривая, наблюдают за происходящим. Некоторые из них — антенноголовые.

Дернув за шнур, Транни заводит мотор, а потом резко сворачивает в анклав неплотно стоящих арабских дау, потом недолго лавирует в темноте, время от времени кладет руку на затылок Хиро, заставляя его пригнуться, чтобы натянутая веревка не перерезала ему шею.

Когда они выходят из флота дау, от вьетнамской банды не осталось и следа. Случись такое днем, гангстеры могли бы выследить их по пару от «Разума». Транни проводит лодку через средней величины улицу и в самое скопление рыболовецких лодок. Посреди этого квартала дрейфует старый траулер, который как раз разрезают на части: сварочные горелки освещают

черную воду на несколько ярдов вокруг. Но большую часть работы проделывают молотками и холодными зубилами, которые издают ужасающий грохот, эхом отдающийся от водной глади.

— Дом, — говорит с улыбкой Транни и указывает на пару связанных бок о бок плавучих домов. Свет там еще горит, и двое мужчин сидят на палубе, покуривая толстые самодельные сигары; в окна видны работающие в кухне женщины.

Когда они подплывают, мужчины садятся прямее, достают из-за пояса пистолеты. А потом Транни испускает поток радостных возгласов на тагалоге. И все меняется.

Транни получает «Встречу блудного сына» по полной программе: плач, истерика толстых дам, вопли роя ребятишек, которые выскочили из гамаков и, затолкав в рот большие пальцы, прыгают вокруг. Старики лучатся улыбками, открывая черные провалы отсутствующих зубов, смотрят, кивают и временами протискиваются обнять мальчонку.

И на краю толпы, в темноте среди теней притаился еще один антенноголовый.

— И вы тоже входите, — говорит по-английски одна из женщин, толстуха лет сорока.

— Да ладно, — отвечает Хиро. — Не хочу вас обременять.

Это заявление переводят, и оно распространяется, словно волна, по восьмистам девяноста шести филиппинцам, собравшимся у этих кораблей. Встречают его крайним шоком и потрясением. Обременять? Немыслимо! Чушь! Как вы можете так нас оскорблять?

Один из гнилозубых мужчин, миниатюрный старик и, вероятно, ветеран Второй мировой, спрыгивает в раскачивающуюся моторку, обнимает Хиро за плечи и сует ему в рот косяк.

Выглядит он ушлым, и Хиро наклоняется к нему поближе.

— Дружище, а кто этот малый с антенной? Ваш друг?

— Не-а, — шепчет в ответ старик, — это гад.

А потом театрально прикладывает палец к губам и шепчет:

— Шшшш.

54

Все дело во взгляде. Наряду с открыванием наручников отмычкой, перемахиванием через бетонные заграждения, посыланием извращенцев, ходить, где вздумается, не вызывая подозрений, — одно из главных умений курьера «РадиКС». А расхаживать по-свойски в офисах и отелях можно, если ни на кого не смотришь. Что бы ни происходило, гляди прямо перед собой, не открывай глаза слишком широко, держись спокойно. А кроме того, она ведь пришла сюда с парнем, которого все боятся. Поэтому И. В. беспрепятственно проходит через весь контейнеровоз к ресепшн.

— Мне нужно воспользоваться терминалом Стрита, — говорит она парню за стойкой. — Можете занести на счет номера?

— Да, мэм, — отвечает портье. Ему незачем спрашивать, в каком она номере. Он — сплошь улыбки, сплошь нижайшее почтение. Курьерам такое не часто перепадает.

Она, пожалуй, смогла бы порадоваться роману с Вороном, если бы не тот факт, что он мутант с манией убийства.

55

С праздничного обеда в честь возвращения Транни Хиро сваливает довольно рано и, втащив «Разум» из моторки на веранду плавучего дома, подключает в его биос свой персональный компьютер.

«Разум» перезагружается без проблем. Чего и следовало ожидать. Следует также ожидать, что потом, когда он больше всего будет нужен Хиро, он снова рухнет, как тогда, когда он подвел Рыбьего Глаза. Конечно, можно выключать его и снова включать всякий раз, когда он такое выкинет, но в пылу схватки это несколько затруднительно, и от таких решений хакеры обычно не в восторге. Гораздо разумнее было бы просто отладить программу.

Будь у него время, он сделал бы это сам. Но, вероятно, есть гораздо лучший способ. Вполне возможно, что «Нг Секьюрити Индастриз» уже прошлась по системе дебаггером или разработала новую версию софта. Если так, то копию этой версии можно попытаться получить на Стриту.

Хиро материализуется в своем офисе. Из соседней комнаты высовывает голову Библиотекарь — так, на случай, если у Хиро есть к нему вопрос.

— Что означают слова «ultima ratio regnum»?

— «Последний довод королей», — отвечает Библиотекарь. — Людовик Четырнадцатый приказал выбивать эти слова на жерлах всех пушек, отлитых за время его правления.

Встав, Хиро выходит в свой садик. Мотоцикл ждет его на гравиевой дорожке, ведущей к воротам. За забором Хиро видит, как вдали вновь сияют огни Центра. Его компьютер благополучно подсоединился к глобальной сети Л. Боба Райфа; теперь у Хиро есть доступ к Стриту. Этого он и ожидал. У Райфа на «Интерпрайзе», наверное, множество каналов спутниковой связи, увязанных в сотовую сеть, которая охватывает весь Плот. В противном случае из собственной плавучей крепости он не мог бы попасть в Метавселенную, а такого Райф не снесет.

Оседлав байк, Хиро осторожно выводит его из своего квартала на Стрит, а потом разгоняет до нескольких сотен миль в час, с резкими виражами проносясь между опор монорельса — ради практики. В парочку опор он врезается и останавливается, но и этого следовало ожидать.

«Нг Секьюрити Индастриз» занимает целый этаж неонового небоскреба в милю вышиной возле Порта 1, в самом центре. Как и все в Метавселенной, он открыт двадцать четыре часа в сутки,

поскольку где-нибудь в мире всегда приемные часы. Оставив байк на Стриту, Хиро поднимается на лифте на 397-й этаж, где оказывается лицом к лицу с демоном-секретарем. С минуту он не может решить, к какой расе ее отнести, а потом соображает, что эта демон — наполовину негритянка, наполовину азиатка — в точности как и он сам. Если бы из лифта вышел белый, она, вероятно, была бы блондинкой. А японского бизнесмена встретила бы бойкая секретарша-японочка.

— Добрый день, сэр, — говорит она. — Вы пришли по вопросу продаж или технической поддержки клиентов?

— Технической поддержки.

— На кого вы работаете?

— Назовите, и окажется, что я на них работаю.

— Прошу прощения? — Как и от большинства секретарей-людей, ирония от демона ускользает.

— В настоящий момент, полагаю, я работаю на Центральную Разведывательную Корпорацию, мафию и «Великий Гонконг мистера Ли».

— Понимаю, — говорит, помечая что-то, секретарь. Как и на секретаршу-человека, на нее нелегко произвести впечатление. — И по поводу какого из наших продуктов вы пришли?

— «Разум».

— Сэр! Добро пожаловать в «Нг Секьюрити Индастриз», — произносит другой голос.

Это еще один демон, привлекательная афроазиатка в дорогом деловом костюме, материализовавшаяся из недр офиса.

Она проводит Хиро по длинному, обшитому деревянными панелями коридору, потом по еще одному обшитому деревянными панелями коридору, а потом еще по обшитому деревянными панелями коридору. Каждые несколько метров он проходит мимо очередной приемной, где, убивая время, сидят в креслах аватары со всего света. Но Хиро ждать не приходится. Демон проводит его прямо в просторный, обшитый деревом офис, где за столом, заваленным моделями вертолетов, сидит азиат. Это мистер Нг собственной персоной. Он встает. Они с Хиро обмениваются поклонами. Демон-ассистентка выходит.

— Вы работаете на Рыбьего Глаза? — спрашивает Нг, раскуривая сигару. Дым нарочито свивается в воздухе кольцами. Для того чтобы реалистично смоделировать дым, выходящий изо рта Нг, требуется столько же компьютерной мощности, сколько для моделирования метеорологической системы всей планеты.

— Он мертв, — отвечает Хиро. — «Разум» в критический момент отказал, и Рыбьего Глаза загарпунили.

Нг никак не реагирует. Вместо этого он просто застывает на

несколько секунд, усваивая эту информацию, точно его клиентов то и дело убивают гарпуном. Вероятно, у него есть база данных на всех, кто когда-либо использовал его игрушки, и о том, что с ними сталось.

— Я говорил ему, что это бета-версия, — наконец произносит он. — И ему следовало бы знать, что «Разум» нельзя использовать в ближнем бою. Двухдолларовый выкидной нож сослужил бы ему лучшую службу.

— Согласен. Но Рыбий Глаз был о нем очень высокого мнения.

Нг снова выпускает дым, размышляя.

— Как мы убедились во Вьетнаме, высокотехнологическое оружие настолько подавляет рациональное мышление, что может считаться сродни психостимуляторам. Как ЛСД, который способен убедить наркоманов, будто они умеют летать, заставляя их выпрыгивать из окон, так оружие может внушить людям излишнюю самоуверенность. Исказить их оценку ситуации. Как это показал случай с Рыбьим Глазом.

— Я постараюсь это запомнить, — говорит Хиро.

— В какой именно боевой обстановке вы намереваетесь использовать «Разум»? — спрашивает Нг.

— Завтра утром мне потребуется захватить авианосец.

— «Интерпрайз»?

— Да.

— Знаете, — Нг, по всей видимости, в настроении побеседовать, — есть один малый, который и вправду захватил подводную лодку с ядерными боеголовками, будучи вооружен всего лишь осколком стекла…

— Ага, это он убил Рыбьего Глаза. Мне, возможно, придется иметь дело и с ним.

Нг смеется.

— Какова ваша конечная цель? Как вам известно, мы все тут заодно, поэтому можете без опаски поделиться со мной вашими соображениями.

— В данном случае я предпочел бы о них умолчать…

— Для этого уже слишком поздно, Хиро, — произносит другой голос. Хиро поворачивается. Секретарь — поразительно красивая итальянка — вводит в кабинет Дядюшку Энцо. Через пару минут за ним следует крохотный азиатский бизнесмен в сопровождении секретаря-азиатки.

— Когда вы прибыли, я взял на себя смелость пригласить сюда этих джентльменов, — говорит Нг, — чтобы мы могли обговорить все по-дружески.

— Мое почтение. — Дядюшка Энцо отвешивает Хиро

полупоклон.

Хиро кланяется в ответ.

— Примите мои извинения, что так вышло с машиной, сэр.

— Забудем об этом, — отзывается Дядюшка Энцо. Крохотный азиат подходит ближе, и лишь теперь Хиро узнает его. Его фотография висит на стене каждого «Великого Гонконга мистера Ли» в мире.

Всеобщие представления и поклоны. Внезапно в офисе материализуются дополнительные кресла, поэтому каждый подтягивает свое к столу. Сам Нг выходит из-за стола, и они сдвигают кресла в круг.

— Давайте сразу перейдем к делу, поскольку, как я полагаю, ваша ситуация, Хиро, может быть более рискованной, нежели наша, — начинает Дядюшка Энцо.

— Вы совершенно верно обрисовали ситуацию, сэр.

— Нам всем хотелось бы знать, что, черт побери, происходит, — говорит мистер Ли. Его речь практически лишена китайского акцента; совершенно очевидно, что имидж бесшабашного симпатяги — только для публики.

— Как много вы, ребята, уже знаете?

— Кое-что, — отвечает Дядюшка Энцо. — А до чего докопались вы?

— Мне известно почти все, — говорит Хиро. — Как только я поговорю с Хуанитой, буду знать остальное.

— В таком случае вы обладаете крайне важной информацией, — говорит Дядюшка Энцо и достает из кармана гиперкарточку, которую протягивает Хиро.

На карточке значится:

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ
МИЛЛИОНОВ
ГОНКОНГСКИХ
ДОЛЛАРОВ

Протянув руку, Хиро забирает у него карточку.

Где-то в Реальности два компьютера обмениваются очередями электронного шума, и деньги переводятся со счета мафии на счет Хиро.

— Не забудьте поделиться с И. В., — говорит Дядюшка Энцо.

Хиро кивает. Будьте уверены, он не забудет.

56

— Я на Плоту, ищу программу, а если точнее, антивирусную программу, написанную пять тысяч лет назад неким шумером по имени Энки, который был нейролингвистическим хакером.

— Что это значит? — спрашивает мистер Ли.

— Этим термином можно обозначить человека, способного программировать разум других людей потоками вербальных данных, известных как нам-шуб.

Лицо Нг совершенно бесстрастно. Он снова затягивается сигарой, гейзером выпускает дым над головой, смотрит, как облако распластывается под потолком.

— Каков механизм?

— В голове у каждого из нас существует два вида языка. Тот, которым все мы пользуемся, — благоприобретенный. Пока мы его усваиваем в детстве, он структурирует наш мозг. Но существует также общее для всех наречие, базирующееся на глубинных структурах мозга. Эти структуры заключаются в базовых нейронных цепях, которые должны существовать, чтобы позволить нашему мозгу приобрести высший язык.

— Лингвистическая инфраструктура, — говорит Дядюшка Энцо.

— Да. Полагаю, «глубинная структура» и «инфраструктура» в данном случае означают одно и то же. Как бы то ни было, при определенных условиях мы можем обращаться к частям мозга, где хранится это наречие. Глоссолалия или говорение на неизвестных языках — данные на выходе этого процесса, когда глубинные лингвистические структуры выходят на поверхность в обход более высших, усвоенных языков.

— Вы хотите сказать, существуют и данные на входе? — спрашивает Нг.

— Вот именно. Это работает в обратном направлении. При определенных условиях наши уши или глаза могут получить прямой доступ к глубинным структурам в обход функций высших языков. Иными словами, тот, кто знает нужные слова, может произнести эти слова или продемонстрировать вам визуальные символы, которые обходят всю вашу защиту и попадают прямо в спинной мозг. Точно так же хакер, который, взламывая компьютерную систему, обходит все степени защиты и подрубается к ядру, что дает ему абсолютный контроль над машиной.

— В такой ситуации владельцы компьютера оказываются беспомощны, — говорит Нг.

— Верно. Потому что в машину они входят на более высоком уровне, который уже был изолирован первичным кодом. Сходным образом, как только нейролингвистический хакер проникает в глубинные структуры нашего мозга, нам его уже оттуда не выкурить. Потому что мы не в состоянии даже контролировать собственный мозг на столь базовом уровне.

— Какое это имеет отношение к глиняной таблице на «Интерпрайзе»? — спрашивает мистер Ли.

— Имейте терпение. Это наречие, назовем его праязык, — рудимент ранней стадии развития человеческого общества. Примитивные общества контролировались вербальными программами, называвшимися *ме*, которые более всего походили на небольшую программу для людей. *Ме* были необходимой частью перехода от сообщества пещерных людей к организованному сельскохозяйственному обществу. К примеру, существовала программа для распахивания борозды и сеяния зерна. Существовала программа для выпекания хлеба и еще одна — для строительства дома. Существовали также *ме* для отправления функций более высокого уровня, таких как война, дипломатия и религиозный ритуал. Все навыки, необходимые для функционирования самоподдерживающейся культуры, содержались в этих *ме*, которые записывались на таблицах или передавались в изустной традиции. Хранилищем *ме* служил местный храм, который представлял собой базу данных *ме* и контролировался царем/жрецом, называвшемся эн. Когда кому-то требовалось испечь хлеб, он обращался к эну или одному из его подчиненных и «скачивал» из храма *ме* для выпекания хлеба. Затем исполнял инструкции — прогонял программу, — и когда последний шаг был выполнен, у него оказывался каравай хлеба.

Центральная база данных была необходима среди всего прочего потому, что некоторые *ме* следовало выполнять в строго определенное время. Если люди выполняли *ме* по распахиванию земли и сеянию зерна в неверное время года, урожай погибал и всем грозил голод. Единственным способом гарантировать, что *ме* будут выполнены в нужное время, было построить астрономические обсерватории для наблюдения за сменой времен года. Поэтому шумеры строили свои башни с «вершинами с небесами» — с нанесенными на верхушки картами звездного неба. Для поддержания экономики эн наблюдал за небесами и в нужное время года выдавал соответствующие *ме*.

— Думаю, у вас проблема курицы и яйца, — говорит Дядюшка Энцо. — Как вообще изначально было создано такое общество?

— Есть информационный организм, известный как

метавирус, который побуждает информационные системы заражать себя индивидуально подогнанными вирусами. Не могу сказать с уверенностью, действует ли тут элементарный закон природы, вроде дарвиновского естественного отбора, или, может быть, действительно существует единица информации, которая скитается по Вселенной на кометах и радиоволнах. Как бы то ни было, все сводится к следующему: любая информационная система достаточной сложности рано или поздно оказывается заражена вирусами — вирусами, генерированными внутри нее самой.

В определенный момент в отдаленном прошлом метавирус заразил человеческую расу и так с нами с тех пор и остается. Первое, что он сделал, это породил целую Пандорину шкатулку вирусов ДНК: оспу, грипп и так далее. Здоровье и долголетие канули в прошлое. Смутная память об этом событии сохранилась в легендах об изгнании из Рая, в которых говорится о том, как человечество было выброшено из привольной жизни в мир, зараженный болезнями и болью.

Наконец поветрие достигло некоего плато стабилизации. Время от времени еще появляются вирусы ДНК, но наши тела в общем и целом выработали к ним иммунитет.

— Возможно, в человеческой ДНК способно функционировать лишь конечное число вирусов и метавирус создал их все, — говорит Нг.

— Может быть. Тем не менее шумерская культура, общество, основанное на *ме*, была еще одним проявлением метавируса. Только в данном случае в лингвистической, а не генетической форме.

— Прошу прощения, — говорит мистер Ли. — Вы хотите сказать, что цивилизация началась как инфекция?

— В своей примитивной форме да. Каждое *ме* было чем-то вроде вируса, работающего по принципу метавируса. Возьмем для примера *ме* выпекания хлеба. Попав в общество, *ме* становилось самоподдерживающейся единицей информации. Это простой естественный отбор: тот, кто знает, как выпекать хлеб, живет лучше и с большей вероятностью произведет потомство, чем тот, кто этого не знает. Естественно, знающие это распространят *ме*, играя роль хоста для этой самовоспроизводящейся единицы информации. Что делает ее вирусом. Шумерская культура с ее храмами, полными *ме*, была просто коллекцией успешных вирусов, накопившихся за тысячелетия. Это было франшизное предприятие, только вместо золотых ворот у нее были зиккураты, а вместо папок с документацией — глиняные таблицы.

В шумерском языке слово, обозначающее «разум» или

«мудрость», идентично слову, обозначающему «ухо». Вот чем были все эти люди — ушами с прилагавшимися к ним телами. Пассивные получатели информации. Энки был эном, который волею случая оказался истинным мастером своего дела. Он обладал необычной способностью писать новые *ме* — он был хакером. Если уж на то пошло, он был первым современным человеком, полностью сознающим себя разумным существом, в точности как мы с вами.

В какой-то момент Энки сообразил, что Шумер увяз в наезженной колее. Люди все время исполняли одни и те же старые *ме*, не изобретая новых, не думая сами по себе. Подозреваю, ему было очень одиноко: мало радости быть одним из немногих, а вероятно, даже единственным думающим человеком во всем мире. Он понял, что в целях эволюции человечество следует избавить от гнета этой вирусной цивилизации.

Поэтому он создал нам-шуб Энки, контрвирус, который распространялся теми же путями, что и *ме*-метавирус. Нам-шуб проникал в глубинные структуры мозга и их перепрограммировал. В результате люди переставали понимать шумерский язык или вообще какой-либо язык, основанный на глубинных структурах. Отрезанные от общих глубинных структур, мы стали развивать новые языки, не имевшие между собой ничего общего, *ме* перестали функционировать, сама возможность писать новые *ме* была утрачена. Дальнейшее распространение метавируса было блокировано.

— А почему с утратой *ме* для выпекания хлеба никто не умер с голоду? — поинтересовался Дядюшка Энцо.

— Кто-то, вероятно, умер. Остальным пришлось пустить в ход мозги и додуматься самим. Поэтому можно сказать, что нам-шуб Энки был исходным пунктом человеческого разума: мы тогда впервые начали думать сами. Это положило начало рациональной религии; люди впервые стали задумываться о таких абстрактных проблемах, как бог, добро и зло. От этого события происходит слово «Вавилон», которое буквально означает «Врата бога». Эти «врата» позволили богу коснуться человеческой расы. Вавилон — врата в нашем разуме, которые Энки открыл нам своим нам-шуб, избавив человечество от метавируса и дав ему способность думать, иными словами, перенес нас из материалистического мира в дуалистический, бинарный мир, имеющий и физическую, и духовную компоненты.

Вероятно, все общество тогда рухнуло. Энки или его сын Мардук попытался заново водворить порядок, заменив старую систему *ме* сводом законов — Кодексом Хаммурапи. Эта акция

имела успех, однако лишь частичный: во многих местах еще продолжалось поклонение Ашере. Представляя собой откат к Шумеру, культ Ашеры был невероятно живучим, поскольку распространялся как вербально, так и обменом выделений тела. В местах поклонения имелись культовые проститутки, жрицы также усыновляли детей, которым передавали вирус кормлением грудью.

— Подождите-ка, — вмешивается Нг. — Теперь вы снова говорите о биологическом вирусе.

— Совершенно верно. В этом весь смысл Ашеры. Она и то и другое одновременно. В качестве примера можно привести герпес симплекс. Попав в тело человека, герпес поступает прямо в нервную систему. Ряд штаммов остается в вегетативной нервной системе, но остальные пулей несутся в центральную нервную систему и оседают там в клетках головного мозга — обвивают мозговой столб, будто змея дерево. Вирус Ашеры, возможно, родственный герпесу, проникает через стенки клеток и, осев в ядре, изменяет ДНК клетки так же, как это делают стероиды. Но Ашера куда сложнее стероида.

— А когда она изменяет ДНК, каков результат?

— Никто не изучал Ашеру, кроме разве что Л. Боба Райфа. Думаю, она намеренно выводит ближе к поверхности праязык, пробуждает у людей склонность говорить на иных языках и делает их более восприимчивыми к *ме*. Я бы предположил, что она также поощряет иррациональное поведение, возможно, ослабляет защиту индивидуума против вирусных идей, а также делает хост сексуально неразборчивым.

— И у каждой вирусной идеи есть соответствующий ей биологический вирус? — спрашивает Дядюшка Энцо.

— Нет. Насколько я знаю, только у Ашеры. Вот почему изо всех *ме*, всех богов и религиозных практик, господствовавших в Шумере, только Ашера сильна и по сей день. Вирусную идею можно искоренить, как это произошло с нацизмом, брюками клеш и футболками с Бартом Симпсоном, но благодаря своему биологическому компоненту Ашера может оставаться в человеческом теле в латентной форме. После Вавилона Ашера продолжала сохраняться в человеческом мозге, передаваясь от матери к младенцу и от любовника любовнице.

Мы все восприимчивы к вирусным идеям. Таков механизм массовой истерии. По тому же принципу какая-то мелодия может засесть у вас в голове, и вы будете напевать ее весь день, пока не передадите кому-то другому. Таковы анекдоты. Городские легенды. Бредовые религии. Марксизм. Какими бы умными мы ни становились, эта глубинная иррациональная составляющая всегда

делает нас потенциальными хостами для самовоспроизводящейся информации. Но если вы заражены еще и биологической Ашерой, то становитесь гораздо восприимчивее. Фактор Вавилона — единственное, что не дает этим вирусам захватить весь мир: стены взаимонепонимания разделяют человеческую расу и останавливают распространение вируса.

Так называемое Вавилонское столпотворение привело к бурному росту числа языков, что, собственно, и входило в план Энки. Монокультуры, такие, как, к примеру, кукуруза, подвержены заражениям, но генетически различные культуры, как в прерии, исключительно устойчивы.

Через несколько тысяч лет после Вавилона возник новый язык, обладающий исключительной гибкостью и силой, — иврит. Второзаконники, радикальная группа монотеистов в шестом и седьмом веках до нашей эры, первыми обратили это себе на пользу. Они жили в период крайнего национализма и ксенофобии, что облегчало им блокирование идей, поступающих извне, таких как поклонение Ашере. Старые легенды своего народа они оформили в Тору, в которую вложили закон, призванный гарантировать ее распространение в последующих поколениях. По сути, закон гласит: «Сделай с меня копию и читай ее каждый день». И они поощряли некую разновидность информационной гигиены, веру в тщательное копирование и бережное обращение с информацией, которая, как они понимали, была потенциально опасна. Они превратили данные в контролируемую субстанцию.

Возможно, они пошли еще дальше. Существуют свидетельства о тщательно спланированной биологической войне против войска царя Сеннахирима, когда тот попытался завоевать Иерусалим. Поэтому, вероятно, у второзаконников имелся свой собственный эн. Или, может быть, они настолько хорошо разбирались в вирусах, что сумели воспользоваться естественно возникающими штаммами. Умения, совершенствованные второзаконниками, тайно передавались из поколения в поколение и снова вышли на свет две тысячи лет спустя, в Европе, в среде колдунов-каббалистов, ба'ал шемов, овладевших божественным именем.

Во всяком случае, это было рождение рациональной религии. Все последующие монотеистические религии, которые мусульмане так точно назвали религиями Книги, в той или иной степени впитали идеи второзаконников. К примеру, в Коране раз за разом указывается, что он есть воспроизведение, точная копия книги на Небесах. Естественно, всякий, кто в это верит, не посмеет как-либо изменить текст! Подобные идеи оказались настолько эффективны для предотвращения распространения

Ашеры, что в конечном итоге каждый квадратный дюйм территории, на которой некогда процветал культ Ашеры — от Индии до Испании, — оказался под пятой ислама, христианства или иудаизма.

Но вследствие латентности — виткам вокруг мозгового столба тех, кого она заразила, а потом передавалась из поколения в поколение, — Ашера всегда находит способы выйти на поверхность. В случае иудаизма это произошло в форме фарисейства. Фарисеи навязали иудеям жесточайшую юридическую теократию. Учитывая жесткую приверженность исполнению законов, хранящихся в храме, и администрацию, состоящую из жрецов, наделенных гражданской властью, их теократия весьма напоминала старую шумерскую систему и была столь же удушающей.

Пастырство Иисуса Христа стало попыткой высвободить иудаизм из этих тисков, чем-то вроде отголоска акции Энки. Евангелие Христа было новым нам-шуб, попыткой вывести религию из храма и из-под власти жрецов и принести Царство Божие всем. Это послание четко изложено во всех проповедях Христа, оно же символически воплощено в пустой гробнице. После распятия апостолы отправились к гробнице в надежде отыскать тело, но нашли пустоту. Смысл этого эпизода был совершенно ясен: нам не следует обожествлять Христа, поскольку его идеи самоценны, а его церковь не может быть централизована вокруг одной личности, но должна быть распространена на всех.

Люди, привыкшие к жесткой теократии фарисеев, не сумели воспринять идею всенародной, неиерархической церкви. Им потребовались папы, епископы и жрецы. И потому к Евангелиям был добавлен миф о Воскресении. Само послание изменилось в сторону идолопоклонства. В этой новой версии Иисус вернулся на землю и создал церковь, которая позднее стала церковью Восточной и Западной Римской империи, еще одной жесткой и рациональной теократии.

Одновременно была основана Церковь Пятидесятницы. Ранние христиане говорили на неизвестных языках. В Библии сказано: «И изумлялись все, и говорили друг другу: что это значит?» Ну, полагаю, я знаю ответ на этот вопрос. Это была вспышка вируса. Ашера никуда не исчезла, а, напротив, таилась среди людей с самой победы второзаконников. Меры информационной гигиены, которые практиковали иудеи, успешно ее подавляли. Но в первые годы христианства хаос был неизбежен, и множество радикалов и свободных мыслителей отказались от старых традиций. Это стало откатом к прерациональной религии. Откатом к Шумеру. И вот вам,

пожалуйста, все заговорили друг с другом на Райском наречии.

Ортодоксальная христианская церковь отказалась принять глоссолалию. Несколько столетий к ней относились неодобрительно, пока решением Константинопольского Собора в 381 году не подвергли порицанию и в конечном итоге чистке. Культ глоссолалии остался на периферии христианского мира.

Церковь отчасти соглашалась узаконить ксеноглосию, если та помогала обращать язычников, как это было в случае святого Луиса Бертрана, обратившего в шестнадцатом веке тысячи индейцев: скорость распространения глоссолалии по континенту тогда, вероятно, превышала скорость распространения оспы. Но как только индейцы были обращены, им предлагалось заткнуться и говорить на латыни, как и всем прочим.

Реформация открыла дверь еще шире. Но всерьез пятидесятничество стартовало только в 1900 году, когда небольшая группа студентов библейского колледжа в Канзасе начала вдруг говорить на неизвестных языках. Эту практику они распространили на Техас, где она приобрела известность как Движение Возрождения. Это движение прокатилось по Соединенным Штатам со скоростью лесного пожара, а потом перекинулось и на остальные континенты, достигнув в 1906 году Китая и Индии. Средства массовой информации двадцатого века, высокий уровень грамотности и сравнительно быстрые пассажирские перевозки служили превосходными векторами заражения. В переполненной прихожанами молельне Возрождения или в лагере беженца в стране «третьего мира» глоссолалия распространялась от человека к человеку с быстротой паники. К восьмидесятым годам число пятидесятников по всему миру достигало десяти миллионов.

А потом в игру вступили телевидение и преподобный Уэйн, за которым стоял огромный концерн Л. Боба Райфа. Поведенческую модель, которую пропагандирует преподобный Уэйн в своих телешоу, брошюрах и франшизах, можно проследить до культов Пятидесятницы в раннем христианстве и далее, вплоть до языческих культов глоссолалии. Культ Ашеры жив. «Жемчужные врата преподобного Уйэна» и есть культ Ашеры.

57

— Лагос во всем разобрался. Поначалу он был сотрудником Библиотеки Конгресса, потом перешел в ЦРК, когда та поглотила Библиотеку. Он зарабатывал на жизнь тем, что раскапывал всякую любопытную информацию в Библиотеке, факты, которые никто не удосуживался раскопать, а потом структурировал их и продавал. Как только он разобрался в истории с Энки и Ашерой, то стал искать, кому бы ее продать, и остановился на Л. Бобе Райфе, Властелине Частот, владельце оптоволоконной монополии, на которого работало в то время больше программистов, чем на кого-либо другого на свете.

Но, что типично для неделового человека, у Лагоса был один фатальный недостаток: ему не хватало размаха. Он решил, что с небольшим начальным капиталом это нейролингвистическое хакерство можно развивать как новую технологию, которая позволила бы Л. Бобу Райфу сохранять контроль над информацией, перешедшей в головы его программистов. Если закрыть глаза на моральную сторону дела, не такая уж плохая идея.

Райф же предпочитает размах. Он тут же понял, какая в этом заключена власть. Поэтому он забрал идею нашего приятеля Лагоса, а самому ему предложил отвалить. А затем стал засыпать церкви Пятидесятницы огромными дотациями. Небольшую церквушку в Бейвью, Техас, Райф превратил в университет. Из мелкого проповедника, преподобного Уэйна Бедфорда сделал фигуру более значительную, чем сам Папа Римский. Он запустил сеть самостоятельных франшиз по всему миру и использовал свой университет и студенческий городок в Метавселенной, чтобы строгать тысячи миссионеров, которые, разбредясь по всему «третьему миру», стали обращать людей десятками тысяч, в точности как святой Луис Бертран. Глоссолалический культ Л. Боба Райфа — самая успешная религия со времен ислама. Они много талдычат об Иисусе, но, как многие самозваные христианские церкви, помимо названия не имеют с христианством ничего общего. Это пострациональная религия.

Райф также хотел распространять биологический вирус как активатор и усилитель культа, но не мог прибегнуть к культовой проституции, ведь это слишком уж противоречит доктрине христианства. Но одной из основных задач его миссионеров в странах «третьего мира» было забраться в глухомань и вакцинировать людей, а в их шприцах содержалась не только вакцина.

Здесь, в развитых странах, все уже вакцинированы, и мы не позволяем делать нам уколы религиозным фанатикам. Но мы принимаем много наркотиков. Поэтому для нас Райф изобрел способ извлечь вирус из сыворотки крови и продавать его под видом наркотика, известного как «Лавина».

Тем временем он создал Плот как метод для транспортировки последователей культа из обнищавших областей Азии в Соединенные Штаты. СМИ преподносят Плот как сосредоточение тотального хаоса, где говорят на тысячах различных языков и где нет определенной власти или администрации. Но на деле это не так. Плот — жестко контролируемая организация. Все эти люди говорят друг с другом на иных языках. Да, тех самых, о которых идет речь в истории о Вавилонском столпотворении. Л. Боб Райф довел ксеноглосию до совершенства, превратив ее в науку.

Он способен контролировать своих людей, так как приказал вживить им в мозг радиоприемники, на которые передаются инструкции — *ме* — прямо в мозговой столб. Если такой приемник есть у одного человека из ста, этот человек может функционировать как эн и распространять *ме* Л. Боба Райфа на всех остальных. Они выполняют инструкции Л. Боба Райфа, словно были для этого запрограммированы. А в настоящий момент около миллиона его людей находятся неподалеку от побережья Калифорнии.

У Райфа также имеется метавирус в бинарном коде, способный заражать компьютеры или хакеров через оптический нерв.

— Как он перевел его в бинарную форму? — спрашивает Нг.

— Думаю, он этого не делал. Я бы предположил, что он нашел его в космосе. Райфу принадлежит крупнейшая сеть радиообсерваторий, разбросанных по всему миру. С ее помощью он занимается вовсе не астрономией, он просто слушает сигналы с других планет. Разумно предположить, что одна из его тарелок поймала метавирус.

— Почему разумно?

— Метавирус повсюду. Везде, где существует жизнь, существует и метавирус, размножающийся посредством ее. Изначально он распространялся на кометах. Вот как, по всей видимости, появилась жизнь на Земле, и вот как, вероятно, к нам попал и метавирус. Но кометы движутся медленно, а радиоволны быстро. В двоичной форме вирус может перемещаться по Вселенной со скоростью света. Заразив цивилизованную планету, он проникает в ее компьютеры, размножается, и рано или поздно его передают дальше по телевидению, радио, чему угодно. Эти

передачи не останавливаются у границы атмосферы, они уходят в космос, где продолжают двигаться вечно. Если они наталкиваются на еще одну цивилизацию, где люди слушают звезды, наподобие Л. Боба Райфа, то заражают и эту планету. Думаю, таков и был план Райфа, и, похоже, этот план сработал. Вот только Райф оказался хитрым, он поймал метавирус и смог контролировать. Посадил джинна в бутылку, так сказать. Вирус стал агентом информационной войны, который Райф смог использовать по своему усмотрению. Помещенный в компьютер, метавирус приводит к лавинообразному краху системы, заставляя ее заражать себя все новыми и новыми вирусами. Но еще более опустошительный эффект он оказывает, когда проникает в разум хакера, человека, у которого знание бинарного кода увязано на глубинные структуры мозга. Бинарный метавирус разрушает разум хакера.

— Значит, Райф способен контролировать два типа людей, — говорит Нг. — Он может контролировать пятидесятников с помощью *ме,* написанных на праязыке. И он может контролировать хакеров, угрожая уничтожить их мозг бинарным вирусом «Сноукрэш», фактически той же «Лавиной».

— Точно.

— Чего, по-вашему, хочет Райф? — спрашивает Нг.

— Он желает быть Озимандиасом, царем царей. Смотрите, все очень просто: стоит ему обратить вас в свою веру, он может контролировать вас *ме*. И он в состоянии обращать в свою веру миллионы, поскольку эта вера распространяется, как чертов вирус. У людей нет к нему иммунитета, поскольку все отвыкли думать о религии, потому что все не настолько рациональны, чтобы спорить о таких вещах. Иными словами, очень просто обратить всех, кто читает «Нэшнл Инквайрэр» или смотрит профессиональный матч по борьбе по телевизору. А имея в качестве подспорья «Лавину», приобрести неофитов еще проще.

Главным озарением Райфа было то, что нет никакой разницы между нашей современной культурой и древним Шумером.

У нас имеется огромная рабочая сила, которая или вообще неграмотна, или отказывается пользоваться письменностью, полагаясь на телевидение, этакую разновидность изустной традиции. У нас имеется крайне незначительная образованная элита — в основном те, кто посещает Метавселенную, — которая понимает, что информация есть власть, и которая контролирует общество, потому что обладает той самой полумистической способностью говорить на магических компьютерных языках.

Это делает нас огромным камнем преткновения на пути Райфа. Люди, подобные Л. Бобу Райфу, ничего не могут сделать

без нас, хакеров. Даже если он сможет обратить нас, то не сумеет использовать, поскольку то, что мы делаем, носит творческий характер и не может быть продублировано людьми, работающими на *ме*. Но он может угрожать нам «Лавиной». Вот что, на мой взгляд, произошло с Да5идом. Возможно, это был эксперимент, попытка посмотреть, как подействует «Лавина» на настоящего хакера, а возможно, это был предостерегающий выстрел, чтобы продемонстрировать всей общине хакеров силу Райфа. Иными словами: смотрите, что с вами станет, если обрушить Ашеру на технологическое жречество.

— Все равно что полить полевые цветы напалмом, — говорит Нг.

— Насколько мне известно, остановить бинарный вирус невозможно. Но псевдорелигии Райфа есть противоядие. Нам-шуб Энки существует до сих пор. Копию этого нам-шуб Энки отдал своему сыну Мардуку, который, в свою очередь, передал ее Хаммурапи. Так вот, Мардук мог быть, а мог и не быть реальным человеком. Дело в том, что Энки из кожи вон вылез, чтобы создать впечатление, будто он в той или иной форме передал свой нам-шуб. Иными словами, он оставил послание, которое, как предполагалось, должны декодировать последующие поколения хакеров, если Ашера снова вырвется на свободу.

Я почти уверен, что необходимая информация содержится в глиняном конверте, извлеченном десять лет назад из раскопок древнего шумерского города Эриду на юге Ирака. Эриду был столицей Энки; Энки был местным эном Эриду, и храм Эриду содержал его *ме*, включая нам-шуб, который мы ищем.

— Кто выкопал глиняный конверт?

— Раскопки в Эриду целиком и полностью спонсировал Библейский колледж Бейвью, штат Техас.

— Университет Л. Боба Райфа?

— Вот именно. Он создал факультет археологии с единственной целью раскопать город Эриду, установить, где находится храм, в котором Энки хранил все свои *ме*, и заполучить их себе. Л. Боб Райф хотел восстановить навыки, которыми владел Энки; он желал, проанализировав его *ме*, создать собственных нейролингвистических хакеров, которые могли бы писать новые *ме*, а тем, в свою очередь, предстояло стать основными правилами, программой нового общества, которое желает построить Райф.

— Но среди этих *ме* есть копия нам-шуб Энки, — говорит Нг, — крайне опасная для плана Райфа.

— Верно. Он хотел заполучить таблицу, но не для того, чтобы ее проанализировать, а для того, чтобы оставить ее у себя, дабы

никто не смог обратить ее против него.

— Если вы сумеете добыть копию этого нам-шуб, — говорит Нг, — какое воздействие она окажет?

— Если мы сможем передать по радио нам-шуб Энки всем эн на Плоту, они передадут его всем людям Плота. Это заклинит нейроны праязыка и помешает Райфу программировать их новыми *ме*, — отвечает Хиро. — Но сделать это надо до того, как Плот распадется, до того, как все беженцы выйдут на берег. Райф обращается к своим эн через центральный передатчик на «Интерпрайзе», радиус действия которого, надо думать, крайне мал, в пределах видимости, не более. Очень скоро он передаст большое *ме*, которое стройными рядами погонит всех беженцев на берег, как единую армию с координированным приказом идти в атаку. Иными словами, если Плот распадется, охватить всех беженцев единой передачей станет невозможно. Поэтому сделать это надо как можно скорее.

— Мистер Райф будет крайне недоволен, — предсказывает Нг. — Он попытается нанести ответный удар, обрушив на техножречество «Лавину».

— Это я знаю, — отвечает Хиро, — но не в состоянии решать больше одной проблемы за раз. Тут мне может понадобиться кое-какая помощь.

— Проще сказать, чем сделать, — возражает Нг. — Чтобы достигнуть Ядра, нужно пролететь над Плотом. У Райфа там миллион людей с винтовками и ракетными установками. Даже высокотехнологичная система не в состоянии подавить организованный огонь из ручного оружия, ведущийся в большом масштабе.

— Тогда выведите к Плоту вертолеты, — говорит Хиро. — Что-нибудь. Все, что угодно. Если я смогу добраться до нам-шуб Энки и заразить им всех на плоту, то никакая опасность вам при приближении не грозит.

— Мы подумаем, что тут можно предпринять, — говорит Дядюшка Энцо.

— Прекрасно, — отвечает Хиро. — А теперь, как насчет «Разума»?

Нг что-то бормочет, и в его руке возникает карточка.

— Это новая версия софта, — говорит он. — Глюков в ней должно быть чуть меньше.

— Чуть меньше?

— Нет на свете программы без глюков, — отвечает Нг.

— Думаю, во всех нас есть немного Ашеры, — качает головой Дядюшка Энцо.

58

Выбравшись без помощи секретаря из офисного лабиринта, Хиро на лифте спускается на Стрит. А выйдя из неонового небоскреба, он видит, что на его мотоцикле сидит, возясь с управлением, черно-белая девочка.

— Ты где? — спрашивает она.

— Тоже на Плоту. Слушай, мы только что заработали двадцать пять миллионов долларов.

Он уверен, что уж на этот-то раз его слова произведут на И. В. впечатление. Но нет.

— Этого, наверное, хватит на концерт на моих похоронах после того, как меня доставят домой в цинковом контейнере, — отзывается она.

— А с чего это?

— Я попала в переплет, — признается она — впервые в жизни. — Думаю, мой новый парень собирается меня убить.

— А кто твой новый парень?

— Ворон.

Если бы аватары умели бледнеть, у них кружилась бы голова и им приходилось бы сесть на тротуар, Хиро бы так и сделал.

— Теперь я знаю, почему у него на лбу вытатуировано «ПОНИЖЕННЫЙ САМОКОНТРОЛЬ».

— Великолепно. Но я надеялась на некоторое содействие или хотя бы совет, — говорит она.

— Если ты думаешь, что он собирается тебя убить, то ошибаешься. Будь ты права, ты была бы уже мертвая, — говорит Хиро.

— Это как посмотреть, — отвечает она и рассказывает крайне забавную историю с дентатой.

— Я попытаюсь тебя вытащить, — говорит Хиро. — Но сейчас я, пожалуй, тоже не самая лучшая компания на Плоту, со мной небезопасно.

— Ты уже повидался со своей подругой?

— Нет. Но очень надеюсь. Если предположить, что останусь жив.

— На что очень надеешься?

— На возобновление отношений.

— Почему? — спрашивает она. — Что с тех пор изменилось?

Это один из тех исключительно простых и очевидных вопросов, которые так действуют на нервы, потому что в ответе Хиро не уверен.

— Ну, мне кажется, я сообразил, что она делает. Зачем она

сюда приехала.

— И что с того?

Еще один простой и очевидный вопрос.

— Мне кажется, теперь я ее понимаю.

— Правда?

— Ну да, вроде бы.

— И это, по-твоему, хорошо?

— Ну да, конечно.

— Ну и недотепа же ты, Хиро. Она женщина, а ты — ты мужчина. Тебе и не положено ее понимать. Она не этого хочет.

— Ну и чего же, по-твоему, она хочет? Учитывая, что ты сама эту женщину в глаза не видела, и к тому же сама ты встречаешься не с кем-нибудь, а с Вороном?

— Она не хочет, чтобы ты понимал ее. Она знает, что вот это-то невозможно. Она хочет, чтобы ты самого себя понял. Об остальном можно договориться.

— Ты так думаешь?

— Определенно.

— А с чего ты взяла, что я себя самого не понимаю?

— Это просто в глаза бросается. Ты крутой хакер и лучший в мире боец на мечах, а развозишь пиццу и продюсируешь концерты, которые не приносят тебе денег. Как, по-твоему, она…

Остальное тонет в шуме, рвущемся в наушники из Реальности: визгливый скрип венчает волну грохота от столкновения тяжелых предметов. Затем слышны только крики перепуганных соседских детей, мужские возгласы на тагалоге и скрежет и треск стального рыболовецкого траулера, складывающегося под давлением воды.

— Что это было? — спрашивает И. В.

— Метеорит, — отвечает Хиро.

— Что-что? — переспрашивает она.

— Оставайся на связи, — говорит Хиро. — Кажется, я только что ввязался в дуэль на «гатлингах».

— Ты собираешься выходить из сети?

— Просто заткнись на секундочку.

Этот квартал имеет форму подковы и «выстроен» вокруг небольшой бухточки внутри Плота, вокруг которой связан десяток ржавых рыболовецких судов. По внутренней стороне подковы тянется плавучий пирс из разномастных понтонов.

Пустой траулер, который еще недавно резали на металлолом, подбило снарядом из крупнокалиберного орудия с палубы «Интерпрайза». Такое впечатление, будто кораблик подхватила большая волна и пытается теперь обернуть вокруг невидимой колонны: один борт целиком вмялся вовнутрь, а нос и корма

смотрят теперь друг на друга. Хребет у него сломан. Пустые трюмы жадно заглатывают потоки бурой воды, всасывая с ней разнообразные отходы, точно утопающий, втягивающий в себя воздух. Траулер стремительно опускается на дно.

Столкнув «Разум» в моторку, Хиро прыгает следом и запускает мотор. У него нет времени отвязать лодку от понтона, поэтому он просто перерезает линь вакизаси и стартует.

Швартовы тонущего корабля уже утягивают за собой понтоны. Траулер уходит под воду, стремясь, точно черная дыра, утащить за собой весь квартал.

Вооружившись короткими ножами, два филиппинца рубят веревки, оплетающие квартал, пытаются отделить те его части, которые уже не удастся спасти. Подплыв к понтону, уже по колено залитому водой, Хиро отыскивает веревки, связывающие его с соседним, ушедшим еще глубже, и испытывает их на прочность катаной. От удара веревки расходятся со звуком винтовочных выстрелов, и понтон вырывается на поверхность так быстро, что едва не переворачивает моторку.

Целую секцию понтонного пирса вдоль борта траулера уже не спасти. Мужчины с тяжелыми тесаками и женщины с кухонными ножами, стоя на коленях в воде, которая уже доходит им до подбородка, пытаются высвободить свой квартал. Веревки расходятся по одной, и мелкие понтоны непредсказуемо подбрасывают филиппинцев в воздух. Мальчик с мачете перерубает последний канат, и концы, вырвавшись, ударяют его по лицу. Наконец пирс снова свободен и подвижно выравнивается, покачиваясь на волнах, а на месте траулера не осталось уже ничего: там бушует пенящийся водоворот и время от времени выплевывает какой-нибудь мусор.

Кое-кто уже забрался на рыболовецкую шхуну, пришвартованную возле траулера. Выстрел не пощадил и ее: несколько сгрудившихся у перил мужчин заглядывают вниз, рассматривая пару крупных пробоин в борту. Вокруг каждой пробоины поблескивает окантовка: это снарядом сорвало наслоения краски и ржавчины. В центре этого блестящего круга — дыра диаметром с шар для гольфа.

Хиро решает, что настало время сматываться.

Но перед стартом он вытаскивает из кармана комбинезона зажим с банкнотами, отсчитывает пару тысяч конгбаксов. Положив купюры на палубу, он придавливает их уголком красного заправочного бака, а затем выезжает из «подковы».

Канал, ведущий в следующий квартал, он находит без труда. Индикатор паранойи снова зашкаливает, поэтому, проходя по каналу, Хиро то и дело оборачивается назад, заглядывает в

каждый боковой переулок. В одной из таких ниш он видит антенноголового, который бормочет что-то себе под нос. Следующий район принадлежит малайзийцам. На шум к мосту уже сбежалось несколько десятков мужчин. Въезжая в их район, Хиро видит, как по качающемуся понтонному мосту, служащему главной улицей, бегают взад-вперед мужчины с пушками и ножами. Местная милиция. С улочек, со скиффов и сампанов выбираются, чтобы присоединиться к ним, люди сходной наружности.

Прямо рядом с Хиро раздается ужасный грохот, от которого, кажется, сейчас лопнут барабанные перепонки, будто в кирпичную стену только что врезался лесовоз. С ног до головы Хиро окатывает водой, в лицо ему летят пар и водяная пыль. Потом все снова стихает. Медленно и неохотно он оборачивается. Понтонный мост исчез, на его месте бурлит суп из щепок и человеческой тушенки.

Хиро поворачивается посмотреть, что происходит у него за спиной. Антенноголовый, которого он заметил несколько секунд назад, теперь стоит на открытом месте — совсем один на самом краю понтона. Все остальные разбежались. Хиро даже видно, как двигаются губы этого гада. Круто развернув лодку, он возвращается назад, свободной рукой на ходу выхватывая вакизаси, — и, проезжая мимо антенноголового, срубает его.

Но на его место придут другие. Хиро знает, что теперь все антенноголовые вышли на охоту. А стрелкам на «Интерпрайзе» наплевать, сколько еще беженцев они прикончат, пока не попадут в Хиро.

Из малайзийского района он выплывает в китайский. Этот «застроен» намного лучше, тут есть даже несколько стальных кораблей и барж. Насколько видно Хиро с его никчемной точки обзора на уровне моря, район тянется куда-то прочь от Ядра.

Еще один наблюдатель стоит у перил рубки одного из китайских кораблей — еще один антенноголовый. Хиро видит, как он щелкает челюстями, отправляя последние сводки в Диспетчерскую Ядра.

Большая пушка-«гатлинг» на палубе «Интерпрайза» снова открывает огонь, посылая еще один метеорит из осколков обедненного урана в борт нежилой баржи футах в двадцати от Хиро. Весь борт баржи вминается внутрь, точно сталь, став жидкой, сбегает в водосток, металл становится ярким, когда ударные волны превращают толстые наслоения ржавчины в аэрозоль, отрывают их от стали на настолько мощной звуковой волне, что у Хиро болит в груди и начинает кружиться голова.

Пушка управляется радаром. Она очень точна, когда огонь

ведется по стальным предметам. И гораздо менее точна, когда мишенью ей служат плоть и кровь.

— Хиро? Что, черт побери, там происходит? — кричит у него в наушниках И. В.

— Не могу говорить. Доберись до моего офиса, — говорит Хиро. — Втащи меня на мотоцикл и поезжай туда.

— Я не умею водить мотоцикл, — отвечает она.

— Там только одна рукоять. Поверни ее, и он поедет.

Тут Хиро поворачивает свою моторку носом в открытое море и дергает шнур мотора. На Реальность накладывается тусклая картинка Метавселенной: он видит спину черно-белой И. В., сидящей перед ним на мотоцикле; вот она дергает дроссель, и они срываются с места — и тут же на скорости света врезаются в стену небоскреба.

Он совсем отключает картинку Метавселенной, и гоглы становятся совершенно прозрачными. Потом переключает свою систему на режим горгульи: увеличенное разрешение в видимом свете, фальшивые цвета инфракрасного видения плюс миллиметровой радар.

Мир видится ему в зернистом черно-белом, но куда ярче, чем раньше. То тут, то там размытым розовым и красным светятся отдельные предметы. Это работает инфракрасное видение, иными словами, эти предметы — теплые или горячие: люди розовые, моторы и костры красные.

Данные миллиметрового радара наложены поверх этой картинки более четким неоново-зеленым. Они показывают все, что тут есть металлического. Теперь Хиро лавирует по зернистой антрацитовой водной авеню, обрамленной зернистыми светло-серыми понтонными мостами, привязанными к четко очерченным неоново-зеленым баржам и кораблям, которые в некоторых местах светятся красным — там они излучают жар. Не слишком красивое зрелище. Напротив, настолько отвратительное, что само по себе служит достаточным объяснением тому факту, почему горгульи становятся отщепенцами. Но для выживания это намного полезнее, чем рисунок углем по эбониту, каким виделась ему Реальность раньше.

И это спасает ему жизнь.

Когда он с шумом несется по узкому извилистому каналу, над водой перед ним повисает узкая зеленая парабола, внезапно появляясь из воды и рывком распрямляясь в прямую линию на уровне шеи. Фортепьянная струна. Поднырнув под ней, Хиро машет китайским юнцам, поставившим эту ловушку-сюрприз, и продолжает путь.

Радар засекает трех размыто-розовых индивидуумов с

китайскими АК-47, стоящих на краю канала. Свернув в боковой канал, Хиро от них ускользает. Но этот новый канал намного уже, к тому же Хиро не знает наверняка, куда он ведет.

— И. В. — окликает он, — где мы, черт побери?

— Едем по улице к твоему дому. Мы уже раз шесть его проскакивали.

Впереди — тупик. Хиро разворачивается на сто восемьдесят градусов. С тащащимся позади теплообменником моторка далеко не столь маневренная и быстрая, как хотелось бы Хиро. Он подныривает под еще одну ловушку-сюрприз и начинает исследовать другой узкий канал, который проскочил раньше.

— Ну вот, мы дома. Ты сидишь за рабочим столом, — говорит И. В.

— О'кей, — отзывается Хиро. — Вот сейчас будет самое трудное.

Затормозив, он останавливается прямо посреди канала, осматривает окружающие лодки в поисках милиции и антенноголовых, но никого не видит. В соседней лодке крохотная китаяночка рубит что-то квадратным тесаком. Хиро решает, что на этот риск он может пойти, поэтому, отключив Реальность, возвращается в Метавселенную.

Он сидит за столом. Рядом стоит И. В., сложив руки на груди и излучая возмущение/нетерпение/отвращение.

— Библиотекарь?

— Да, сэр. — Мягко ступая, в комнату входит Библиотекарь.

— Мне нужны чертежи авианосца «Интерпрайз». Быстро. Если сможешь добыть какую-нибудь трехмерную проекцию, еще лучше.

— Да, сэр, — отвечает Библиотекарь. Протянув руку, Хиро подтягивает к себе «Землю».

— «ВЫ ЗДЕСЬ», — говорит он.

«Земля» поворачивается так, что он смотрит прямо на Плот. Который вдруг наезжает на него с ужасающей скоростью. Всего три секунды — и он на месте.

Будь он где-нибудь в нормальной, стабильной части света, например в Манхэттене, то действительно увидел бы трехмерное изображение. Вместо этого ему приходится мириться с двухмерной записью со спутника. Перед ним красная точка, наложенная на черно-белую фотографию Плота. Красная точка сидит посреди узкой черной протоки: «ВЫ ЗДЕСЬ».

И все равно это невероятный лабиринт. Но разрешить головоломку лабиринта куда проще, если смотришь на него сверху. Через шестьдесят секунд он уже в Тихом океане. А там серый туманный рассвет. Клубы дыма, исходящие от теплообменника «Разума», только немного его сгущают.

— Где ты, мать твою? — спрашивает И. В.

— Уплываю с Плота.

— Черт. Ну, спасибо, что помог.

— Через минуту вернусь. Мне просто нужно пару секунд, чтобы все подготовить.

— Тут кругом полно жутковатых типов, — говорит И. В. — И они за мной наблюдают.

— Не волнуйся, — отвечает Хиро. — Уверен, к доводам «Разума» они прислушаются.

59

Он открывает большой чемодан. Экран все еще горит, а на нем светится плоское окно рабочего стола с линейкой меню наверху. Хиро трогает тач-пад, и выползает меню.

ПОМОЩЬ
Подготовка
Огонь
Тактические подсказки
Техническое обслуживание
Перезарядка
Выявление неисправностей
Разное

Под заголовком «Подготовка» информации даже больше, чем требуется, в том числе часовой видеофильм, звезда в котором — приземистый азиат с испещренным шрамами лицом, которое словно парализовало в тот момент, когда оно выражало величайшее пренебрежение. Он одевается. Он выполняет специальные упражнения на растяжку конечностей. Он проверяет дула на предмет повреждений или грязи. Все это Хиро просматривает на ускоренной перемотке.

Наконец коренастый азиат надевает на себя пушку.

Оказывается, Рыбий Глаз использовал «Разум» неправильно; у пушки имеется собственный лафет, который на ремнях крепится к телу, так что отдачу принимаешь на таз, иначе говоря, импульс приходится прямо в твой центр тяжести. Лафет снабжен амортизаторами и миниатюрными гидравлическими прокладками для компенсации веса и отдачи. Если правильно все это надеть, вести прицельный огонь намного проще. А если надеть гоглы и подключиться к компьютеру, «Разум» будет очень удобно накладывать перекрестие мишени на все, во что бы ты ни целился.

— Ваша информация, сэр, — говорит Библиотекарь.

— Сможешь увязать эту информацию с утилитой «ВЫ ЗДЕСЬ»?

— Я посмотрю, что можно сделать, сэр. Форматы представляются совместимыми. Сэр?

— Да?

— Эти чертежи устарели на несколько лет. С тех пор как они были изготовлены, «Интерпрайз» был куплен частным лицом…

— Который мог внести какие-то изменения. Усек.

Хиро возвращается в Реальность.

Находит открытый «бульвар» воды, ведущий к Ядру. Вдоль него тянется подвесной мостик для пешеходов: связанная воедино, похоже, бесконечная череда разномастных трапов, понтонов, бревен, брошенных скиффов, алюминиевых каноэ, железных бочек из-под нефти. В любом другом месте планеты это было бы полосой препятствий, как в учебке; здесь, в этом конгломерате «пятого мира», — это настоящий суперхайвей.

Хиро ведет лодку прямо посередине и не слишком быстро. Если он на что-нибудь наткнется, моторка может перевернуться. «Разум» пойдет ко дну. А ведь «Разум» ремнями привязан к Хиро.

Перейдя в режим горгульи, Хиро ясно различает неплотную пикетную линию из полукруглых куполов, которые идут по краю взлетной палубы «Интерпрайза». Радар услужливо идентифицирует и выводит на экран данные о радарных антеннах антиракетных установок «фаланга». Из-под каждого купола высовывается многоствольная пушка.

Хиро замедляет ход и несколько раз поводит взад-вперед дулом «Разума», пока через поле зрения у него не проносится перекрестие мишени. Это точка прицеливания. Установив перекрестие посередине, прямо на одну из «фаланг», он полсекунды давит на курок.

Большой купол превращается в фонтан зазубренных чешуйчатых обломков. Под ним еще видны дула пушки, усеянные красными отметинами. Хиро чуть-чуть опускает перекрестие и выпускает еще одну очередь, которая срезает пушку с лафета. Тут ее патронная лента начинает спорадически взрываться, и Хиро приходится отвести взгляд.

Переведя взгляд на следующую «фалангу», Хиро обнаруживает, что смотрит прямо в дула пушки. Это настолько страшное зрелище, что он непроизвольно нажимает на спусковой крючок и выпускает длинную очередь, которая не дает вообще никакого результата. Тут обзор ему загораживает нечто очень близкое. Отдача оттолкнула его за обветшалую яхту, пришвартованную к краю канала.

Он знает, что сейчас произойдет, ведь из-за пара найти его совсем непросто, поэтому поскорей уносит ноги. Секунду спустя выстрел из крупнокалиберной пушки просто загоняет яхту под воду. Несколько минут Хиро удирает, потом находит понтон, за который можно зацепиться, и снова выпускает длинную очередь. Когда он отпускает спуск, в палубе «Интерпрайза» выеден полукруглый зазубренный кусок — там была раньше «фаланга».

Хиро снова сворачивает в главный канал, плывет по нему, пока тот не заканчивается у борта одного из кораблей Ядра,

контейнеровоза, превращенного в многоэтажный комплекс апартаментов. Трапом с одного уровня на другой служит сеть для подъема грузов. Она же, вероятно, играет роль и разводного моста, когда из гетто сюда пытаются залезть нежелательные элементы. Хиро нежелателен более кого-либо на Плоту, но грузовую сеть тут для него оставили.

Что очень даже неплохо. Впрочем, пока он останется на своей моторке. Проплыв вдоль борта контейнеровоза, он разворачивается у носа. Следующее крупное судно — нефтяной танкер, почти что пустой и потому высоко сидящий в воде. Заглянув в стальной каньон между двумя кораблями, Хиро не видит никаких соединяющих их сетей. Владельцы не хотят, чтобы на танкер пробрались воры или террористы, которые могли бы выкачать из него нефть.

Следующий корабль — «Интерпрайз».

Два гигантских суда, нефтяной танкер и авианосец, покачивающиеся параллельно на расстоянии от десяти до пятидесяти футов, соединены целым рядом толстенных канатов, а разделяют их огромные баллонеты: словно пару дирижаблей зажали, чтобы корабли не терлись один о другой. Тяжелые канаты не просто связывают два корабля, нет, кто-то постарался, придумывая систему гирь и шкивов, чтобы дать канатам слабину на случай, если шторм потянет корабли в разные стороны.

Хиро проплывает через каньон на собственном крохотном баллонете. По сравнению с остальным Плотом этот серый стальной туннель кажется тихим и изолированным; кроме Хиро, ни у кого нет причин сюда забираться. Ему хочется задержаться тут минутку, расслабиться.

На что, если вдуматься, надежды мало.

— «ВЫ ЗДЕСЬ», — произносит он.

И обшивка «Интерпрайза» перед ним, эта мягко загибающаяся стена серой стали, превращается в трехмерный проволочный рисунок, который показывает ему нутро корабля за броней.

Вдоль всей ватерлинии «Интерпрайз» снабжен толстой антиторпедной броней. Выглядит малообещающе. Выше броня становится тоньше, а за ней — хорошие новости: не баки с горючим и склады боеприпасов, а настоящие каюты.

Выбрав отсек, маркированный «ГАРДЕРОБНАЯ», Хиро открывает огонь.

Обшивка у «Интерпрайза» на удивление прочная. «Разум» не пробивает в ней кратер с первого раза: прежде чем очередь прошивает ее насквозь, проходит несколько минут. А когда все сделано, то в обшивке остается дыра всего в шесть дюймов в диаметре. Отдача отбрасывает Хиро к ржавой обшивке нефтяного

танкера.

Он все равно не может взять пушку с собой, поэтому просто жмет на спусковой крючок и старается удерживать «Разум» так, чтобы очереди шли в одно и то же место, пока не заканчиваются боеприпасы. Тогда он расстегивает ремни и просто сбрасывает все устройство за борт. «Разум» идет на дно, отмечая свое местонахождение колонной пара. Пусть потом как-нибудь «Великий Гонконг мистера Ли» отправляет одну из своих экологических бригад быстрого реагирования, чтобы его поднять. Если захочет, сможет даже потащить Хиро в Трибунал по преступлениям против окружающей среды. В настоящий момент Хиро плевать.

С десятой попытки Хиро все же закрепляет абордажный крюк в зияющей дыре на высоте двадцати футов над уровнем воды.

Пока он протискивается в дыру, его комбинезон издает хлопки и шипенье: это горячий металл расплавляет и рвет синтетическую ткань. В конце концов, целые лоскуты комбинезона Хиро привариваются к обшивке. На некогда прикрытых ими участках тела теперь ожоги первой и второй степени, но они пока не причиняют боли. Вот как Хиро завелся. Больно будет потом. Подошвы его сапог плавятся и шипят, когда он осторожно ступает по раскаленной шрапнели. Отсек полон дыма, но проектировщики авианосца явно учитывали опасность пожара, и вообще тут нет ничего, способного загореться. Пробравшись через дымовую завесу, Хиро подходит к двери, которую «Разум» превратил в ажурную стальную салфетку. Выбив ее ногой, он выходит в проход, который на чертежах обозначен просто как «КОРИДОР». А потом — поскольку ему кажется, что сейчас самое время, — достает из ножен катану.

60

Когда ее партнер отправился по каким-то делам в Реальность, его аватара как будто обмякла, утратив анимацию. Тело еще сидит за столом, точно надувная секс-кукла, а лицо все проделывает всевозможные упражнения на растяжку. И. В. не знает, чем он занят, но, судя по всему, чем-то увлекательным, поскольку большую часть времени он или крайне удивлен, или напуган до чертиков.

Вскоре после того, как он заканчивает болтать с библиотечным типом об авианосце, она слышит низкий рокот снаружи — шум из Реальности. По звуку нечто среднее между автоматными очередями и бензопилой. Как только она слышит этот шум, на лице Хиро возникает потрясенное выражение: мол, я что, сейчас умру?

Кто-то хлопает ее по плечу. Какой-то пиджак, условившийся об утренней деловой встрече в Метавселенной, наверное, считает, будто что бы тут ни делал этот курьер, это не так уж и важно. С минуту она не обращает на него внимания.

Тут офис Хиро теряет очертания, вспархивает вверх, будто нарисованный на жалюзи, и перед И. В. возникает лицо. Азиата. Жутика. Антенноголового. Одного из страшных типов с антеннами в голове.

— Ну, — говорит она, — и что вам надо?

Схватив ее за руку, антенноголовый вытаскивает ее из кабинки. Снаружи стоит его напарник, который хватает И. В. за вторую руку. А потом оба они выводят ее из зала.

— Отпусти мою руку, мать твою, — говорит она. — Я и так с вами пойду. Ладно вам.

Не в первый раз ее вышвыривают из здания, полного пиджаков. Впрочем, на сей раз все несколько иначе. На этот раз вышибалы — пара пластмассовых солдатиков в натуральную величину.

И не в том дело, что эти типы, вероятно, не говорят по-английски. Они ведут себя ненормально. Ей в самом деле удается вырвать одну руку, а тип не дает ей оплеуху, даже не ругается, а просто поворачивается к ней всем телом и механически ощупывает ее, пока снова не хватает за руку. Лицо у него при этом остается совершенно неподвижным. Глаза смотрят прямо перед собой, точно разбитые фары. Рот открыт ровно настолько, чтобы он мог им дышать, но губы не шевелятся.

Они в комплексе корабельных кают и развороченных контейнеров, выполняющем роль вестибюля отеля.

Антенноголовые тащат ее за дверь, по грубому кресту посадочной площадки вертолета. И самое время, поскольку тот как раз заходит на посадку. Меры безопасности на Плоту оставляют желать лучшего: им троим вполне могло снести лопастями головы. Это тот самый обтекаемый корпоративный вертолетик с логотипом «НИИ НТР», который она уже видела раньше.

Антенноголовые пытаются протащить ее по каким-то сходням, которые ведут через открытую воду на соседний корабль. И. В. удается развернуться на сто восемьдесят градусов, после чего она обеими руками хватается за перила, коленями обнимает опору и держится изо всех сил. Один из охранников хватает ее поперек тела и пытается просто сорвать с шеста, а второй тем временем заходит спереди, чтобы по одному разжать ей пальцы.

Из вертолетика «НИИ НТР» выпрыгивают несколько типов. Все они в комбинезонах, по карманам которых распиханы разнообразные устройства, среди которых она замечает по крайней мере один стетоскоп. Еще из вертолетика выгружают огромные фибергласовые коробки с красными крестами на боку, которые бегом заносят в контейнеровоз. И. В. знает, что делается это не ради какого-нибудь толстого бизнесмена, которого хватил удар, когда он подавился разваренным черносливом. Они бегут туда, чтобы реанимировать ее парня. Ворон на амфетаминах: именно то, что сейчас нужно Америке.

Оторвав И. В. от перил, антенноголовые все же тащат ее на соседний корабль, а оттуда по новым сходням переходят на еще один, совсем уже огромный. И. В. решает, что это нефтяной танкер. За лабиринтом труб, на которых сквозь белую краску проступает ржавчина, ей виден стоящий по другую сторону «Интерпрайз». Вот куда ее волокут.

Прямого перехода тут нет. Кран на палубе «Интерпрайза» поворачивается, перенося на танкер небольшую проволочную клетку, которая повисает всего в нескольких футах над палубой. Клетка подпрыгивает, скользит из стороны в сторону, качается на тросе, как маятник, — это волны раскачивают корабли. В одном боку клетки — открытая и болтающаяся на петлях дверь.

Антенноголовые забрасывают ее туда головой вперед, все это время прижимая ей руки к бокам, чтобы она не смогла уцепиться за дверь или оттолкнуть от себя клетку, а потом несколько секунд тратят на то, чтобы затолкать за телом ноги. Совершенно очевидно, что от слов толку мало, поэтому теперь она сопротивляется молча. Ей удается хорошенько въехать пяткой одному антенноголовому по переносице, она и чувствует, и слышит, как ломается кость, но тот никак не реагирует, только

голова у него откидывается назад от удара. И. В. так занята тем, что наблюдает, когда же он сообразит, что у него сломан нос и кто в этом виноват, что перестает брыкаться и размахивать руками ровно настолько, чтобы второй сумел затолкать ее в клетку. Потом дверца захлопывается.

Клетку сумел бы открыть даже опытный енот. А для перевозки людей она вообще не годится. Но когда И. В. удается развернуться и дотянуться до шпингалета, она уже висит в двадцати футах над уровнем палубы и под ней зияет полоса черной воды между танкером и «Интерпрайзом». Еще она успевает увидеть крохотную моторку, беспомощно болтающуюся между двух стальных стен.

На «Интерпрайзе», похоже, не все ладно. Что-то где-то горит. Слышны автоматные очереди. И. В. не слишком уверена, хочет ли она там находиться. Но, вися в воздухе, на всякий случай осматривает корабль и убеждается, что с него не улизнуть: никаких тебе удобных трапов или веревочных лестниц.

Ее опускают на «Интерпрайз». Клетка дико кренится, раскачиваясь из стороны в сторону, царапает углом доски, а когда наконец касается палубы, то проезжает по ней несколько метров, прежде чем окончательно остановиться. Отодвинув шпингалет, И. В. выбирается наружу. Ну и теперь что?

Посреди палубы краской нарисована мишень посадочной площадки, вокруг которой на приколе стоит несколько вертолетов. А еще один, мастодонт с двумя реактивными турбинами, точно летающая ванна, ощетинившаяся пушками и ракетными установками, стоит прямо посреди мишени, полыхая огнями, скуля мотором и уныло вращая лопастями. Возле него сгрудилась небольшая группа мужчин.

За неимением лучшего И. В. направляется к нему. Как она все это ненавидит: ведь именно такого от нее и ждут. Но, по правде, сказать, у нее нет другого выбора. Ей отчаянно жаль, что при ней нет доски. Палуба авианосца — едва ли не лучшая территория для скейтинга, какую ей вообще доводилось видеть. В кино она видела, что у авианосцев есть большие паровые катапульты для забрасывания в небо самолетов. Вот бы вылететь из паровой катапульты на доске.

Пока она идет к вертолету, от группки отделяется мужчина и направляется к ней. Крупный, тело у него размером с пятидесятипятигаллоновую бочку, а еще закрученные на концах усы. Надвигаясь на нее, он довольно смеется, что выводит ее из себя.

— Ну и вид у тебя, совсем как у потерянной девочки! — говорит он. — Черт, дорогуша, ты выглядишь как утонувшая

крыса, которую только что просушили.

— Спасибо, — отзывается она. — А ты выглядишь как раскатанный фарш.

— Очень смешно, — отзывается он.

— Тогда почему ты не смеешься? Боишься, что это правда?

— Послушай, — говорит он, — у меня нет времени на подростковые перепалки. Я как раз для того вырос и состарился, чтобы от них избавиться.

— Дело не в том, что у тебя нет времени, — говорит она. — Дело в том, что ты плохо это умеешь.

— Знаешь, кто я? — спрашивает он.

— Ага, знаю. А знаешь, кто я?

— И. В. Пятнадцатилетний курьер.

— Личный друг Дядюшки Энцо, — говорит она, вытаскивая личные номерные знаки и бросая их ему.

Он удивленно протягивает руку, и цепочка обвивается вокруг его пальцев. Поднеся их поближе, он читает надпись на табличках.

— Ну, надо же, — хмыкает он. — Тот еще сувенир. — Он бросает таблички ей назад. — Я знаю, что ты в приятелях у Дядюшки Энцо. Иначе я бы просто утопил тебя, а не тащил сюда на банкет. И, откровенно говоря, мне глубоко плевать, потому что к концу дня или Дядюшка Энцо отойдет от дел, или от меня, как ты выражаешься, останется раскатанный фарш. Но думаю, Большой Дядя призадумается, пускать ли «стингер» в турбину моего вертолета, узнав, что на борту его маленькая чикита.

— Ты все не так понял, — отрезает И. В. — Секс ни при чем.

И все же она раздосадована: ведь в конечном итоге личные номерные знаки не совершили чуда и не превратили дурных парней в камень.

Повернувшись на каблуках, Райф направляется к вертолету. Сделав несколько шагов, он останавливается и оглядывается через плечо на И. В., которая так старается не заплакать.

— Ты идешь?

Она смотрит на вертолет. Билет с Плота.

— Можно мне оставить записку Ворону?

— Что касается Ворона, ты уже свое дело сделала, ха, ха, ха. Пойдем, девочка, не будем тратить горючее вертолета — вредно для, мать ее, окружающей среды.

Она тащится за ним к вертолету, залезает внутрь. Внутри тепло и светло, мягкие кресла. Словно после тяжелого февральского дня, проколесив много часов по самым тяжелым, присыпанным песком грунтовкам, усаживаешься в мягкое кресло.

— Я велел переоборудовать интерьер, — объясняет Райф. —

Это старый советский военный вертолет, спроектированный без учета комфорта. Но такова цена, какую приходится платить за отличную броню.

В вертолете кроме них еще двое. Одному лет пятьдесят, он — исхудалый, с большими порами, в бифокальных очках в проволочной оправе, а на коленях у него — лэптоп. Технарь. Другой — массивный негр с пушкой.

— И. В., — говорит, как всегда, вежливый Л. Боб Райф, — познакомься с Фрэнком Фростом, моим техническим директором, и Тони Майклсом, главой моей службы безопасности.

— Мэм, — тянет Тони.

— Как поживаете, — бормочет Фрэнк.

— Пососи мне пальцы на ногах, — отрезает И. В.

— Не наступайте на это, пожалуйста, — просит Фрэнк.

И. В. опускает взгляд. Забираясь на самое ближнее к двери пустое кресло, она наступила на лежащий на полу сверток. Размером он с телефонный справочник, но неровной формы, очень тяжелый и замотан в пузырчатую упаковку и прозрачный пластик. Она лишь с трудом может различить его содержимое. Что-то светло-красно-коричневое. Покрытое куриными царапинами. Твердое как камень.

— Что это? — спрашивает И. В. — Домашний хлеб от мамочки?

— Древний артефакт. — Голос Фрэнка звучит раздраженно. Райф с облегчением хмыкает, довольный тем, что И. В. взялась оскорблять кого-то другого.

Через взлетную палубу бежит, пригибаясь, еще один мужчина, который явно до смерти боится вращающихся с воем лопастей. Новоприбывшему около шестидесяти, а на голове у него красуется уложенная шапочкой шевелюра, которую ветер от винта, кажется, не в силах взлохматить.

— Всем привет, — весело говорит он. — Не уверен, что со всеми тут знаком. Прибыл только сегодня утром и уже назад!

— Кто вы такой? — бурчит Тони.

Лицо новоприбывшего становится удрученным.

— Грег Ричи, — отвечает он.

Потом, когда никто как будто не реагирует, подсказывает:

— Президент Соединенных Штатов.

— О! Извините. Приятно познакомиться, мистер президент. — Тони протягивает ему руку. — Тони Майклс.

— Фрэнк Фрост. — Со скучающим видом Фрэнк тоже протягивает руку.

— На меня внимания не обращайте, — говорит И. В., когда Ричи смотрит в ее сторону. — Я заложница.

— Поднимай эту малышку, — приказывает Райф пилоту. — Полетели в Л.А. Сделаем «Миссия невыполнима» выполнимой.

Лицо у пилота угловатое — проведя несколько дней на Плоту, И. В. научилась распознавать, что это типично для русских. Он начинает возиться с рукоятями. Моторы воют громче, и шлепанье лопастей убыстряется. И. В. чувствует, но не слышит несколько маломощных взрывов. Все остальные их тоже почувствовали, но реагирует только Тони: присев на корточки на полу вертолета, он вытаскивает из-за пазухи пушку и осторожно открывает дверь. Тем временем моторы несколько умеряют громкость, и винт, перестав хлюпать, переходит на холостой режим.

И. В. видит его из окна. Это Хиро. Он весь в копоти и в крови, в одной руке у него пистолет. Он только что пару раз выстрелил в воздух, чтобы привлечь к себе внимание, а теперь отступает, чтобы укрыться за одним из припаркованных вертолетов.

— Ты труп, — орет ему Райф. — Ты застрял на Плоту, придурок. У меня тут миллион мирмидонцев. Ты что, всех их собираешься убить?

— У мечей боеприпасы не кончаются, — кричит в ответ Хиро.

— Ну и чего тебе надо?

— Таблицу. Отдай мне таблицу, тогда можешь взлетать и оставить меня миллиону своих антенноголовых. Если не отдашь мне таблицу, я весь магазин выпущу тебе в ветровое стекло.

— А оно пуленепробиваемое! Ха! — гогочет Райф.

— А вот и нет! — кричит Хиро. — Афганские повстанцы на собственном опыте убедились.

— Он прав, — говорит пилот.

— Треклятое советское дерьмо! — взрывается Райф. — Столько стали пустить на брюхо, а лобовое стекло действительно сделать из стекла?

— Отдай мне таблицу, — говорит Хиро, — иначе и вы здесь останетесь.

— Ты не выстрелишь, — отвечает Райф, — ведь у меня тут феечка.

В последнюю минуту И. В. пытается пригнуться, чтобы Хиро ее не увидел. Ей стыдно. Но на мгновение Хиро встречается с ней взглядом, и на лице его она видит поражение.

Рванувшись к двери, она высовывается на самый ураган от лопастей винтов. Схватив за воротник комбинезона, Тони втаскивает И. В. внутрь, а потом, перевернув на живот, придавливает ей поясницу коленом, чтобы удержать на месте.

Тем временем мотор снова набирает обороты, и через открытую дверь ей видно, как клонится и исчезает из виду

горизонт палубы авианосца.

Столько всего пришлось вынести, а она сорвала план. Теперь она в долгу перед Хиро.

А может, и нет.

Упершись основанием ладони в край глиняной таблицы, она изо всех сил толкает. Сверток скользит по полу, долю секунды качается на пороге и наконец, кувыркаясь, вылетает из вертолета.

Еще один доставленный сверток, еще один удовлетворенный клиент.

61

С минуту или две вертолет висит в двадцати футах над палубой. Все внутри смотрят вниз на таблицу, которая выпала из упаковки посреди посадочной мишени. Пластик по углам разорвался, и куски, крупные фрагменты таблицы разлетелись на несколько футов во все стороны.

Хиро тоже пялится на нее из безопасного укрытия за вертолетом. Он смотрит на нее так пристально, что не замечает ничего вокруг. Пара антенноголовых приземляется Хиро на спину, ударяя его лицом о вертолет. Он сползает по боку вертолета и падает ничком. Рука с пушкой у него все еще свободна, но тут же на нее наваливаются антенноголовые. И на ноги тоже. Он вообще теперь не способен двигаться. Не видит ничего, кроме разбитой таблицы в двадцати футах от себя. Звук и ветер вертолета Райфа стихают в приглушенный «ух-ух», который еще долго звучит в отдалении.

Он ощущает щекотку за ухом: прикосновение скальпеля, а за ним дрели.

Эти антенноголовые подчиняются дистанционному управлению откуда-то еще. Нг, кажется, думал, что на Плоту имеется организованная система обороны. Возможно, тут есть заправляющий всем хакер, эн, который с диспетчерской вышки перемещает этих типов, точно шахматные фигуры.

В любом случае спонтанности у них ни на грош. Несколько минут они сидят на нем, решая, что им делать дальше. Потом руки хватают его за запястья и лодыжки, за колени и локти. Антенноголовые волокут его по взлетной палубе, точно несут гроб на похоронной процессии — лицом вверх. Повернув голову, Хиро видит диспетчерскую вышку и глядящие на него сверху вниз лица. Один — эн — говорит в микрофон.

Наконец носильщики заходят на большой подъемник, который опускается в нутро корабля, диспетчерской вышки больше не видно. Останавливается подъемник на одной из нижних палуб, по всей видимости, тут расположены ангары, где когда-то держали самолеты.

Хиро слышит женский голос, мягко, но четко выговаривающий слоги:

— Ме лу лу му ал ну ум ме эн ки ме эн ме лу лу му ме ал ну ум ме ал ну уме ме ме му лу э ал ну ум ме дут га мк ме му лу э ао ну ум ме…

До палубы остается три фута, которые он преодолевает в свободном падении, обрушиваясь на спину и ударясь головой. Все

его конечности безвольно отскакивают от металла. Вокруг со звуком падающих с вешалки мокрых полотенец валятся антенноголовые.

Он не способен пошевелить ни рукой, ни ногой, но может контролировать взгляд. Над ним возникает лицо, которое все никак не фокусируется, но Хиро узнает посадку головы, то, как она перебрасывает волосы за плечо, когда они падают ей на подбородок. Это Хуанита. Хуанита с антенной, поднимающейся из основания черепа.

Став рядом с ним на колени, она наклоняется, приставляет ему руку к уху и что-то шепчет. Жаркий воздух щекочет ему ухо, и он пытается отстраниться, но не может. Она проговаривает новую длинную череду слогов, потом выпрямляется и легонько толкает Хиро в бок. Он рывком отстраняется.

— Вставай, лентяй, — говорит она.

Хиро встает. С ним все в порядке. Но все антенноголовые лежат вокруг совершенно неподвижно.

— Просто небольшой нам-шуб, я сама его написала, — говорит она. — Они придут в себя.

— Привет, — отвечает он.

— Привет. Рада тебя видеть, Хиро. Я сейчас тебя обниму, осторожно с антенной.

Она его обнимает. Он обнимает ее в ответ. Антенна утыкается ему в нос, но ему все равно.

— Как только мы вынем эту штуку, волосы отрастут снова, — шепчет она и наконец его отпускает. — Объятие нужно было скорее мне, чем тебе. Тут было так одиноко. Одиноко и страшно.

Хотеть обниматься в такое время — парадоксальное поведение, типичное для Хуаниты.

— Не обижайся, — говорит Хиро, — но разве ты теперь не на стороне плохих парней?

— А! Ты об этом?

— Ну да. Разве ты не на них работаешь?

— Если да, то это у меня получается не слишком хорошо. — Она со смехом указывает на кольцо поверженных антенноголовых. — Нет. На меня оно не действует. Некоторое время вроде бы действовало, но всегда есть способы с этим бороться.

— Почему? Почему на тебя это не действует?

— Последние несколько лет я провела в обществе иезуитов, — говорит она. — Слушай. У нашего мозга есть иммунная система, в точности как у тела. Чем больше ты ее используешь, чем большему количеству вирусов себя подвергаешь, тем сильнее у тебя иммунитет. А у меня он

чертовски хорош. Помнишь, я ведь одно время была атеистом, а потом тернистым путем снова вернулась к религии.

— Почему они тебя не прикончили, как Да5ида?

— Я пришла сюда добровольно.

— Как Инанна.

— Да.

— Зачем кому-то приходить сюда добровольно?

— Разве ты не понимаешь, Хиро? Это мозговой центр религии, одновременно новой и самой древней из всех. Быть здесь — все равно что ходить по пятам за Иисусом или Магометом: тебе дается шанс увидеть зарождение новой веры.

— Но это же ужасно. Райф — Антихрист.

— Разумеется, Антихрист. Но все равно интересно. И у Райфа есть еще кое-что ценное: Эриду.

— Город Энки.

— Он самый. Райф присвоил себе все таблицы, какие когда-либо составил Энки. Где еще быть человеку, который интересуется религией и хакерством? Будь эти таблицы в Аравии, я бы надела чалму, сожгла водительские права и поехала туда. Но таблицы здесь, поэтому я просто позволила им вживить мне антенну.

— Значит, все это время твоей целью было добраться до таблиц Энки?

— Заполучить *ме*, как Инанна. Зачем еще?

— И ты их исследовала?

— О да!

— И?..

Она указывает на поверженных антенноголовых.

— Я сама теперь такое могу. Я ба'ал шем. Я могу взломать спинной мозг.

— Ладно, послушай, Хуанита. Я очень рад за тебя. Но вокруг нас миллионы людей, которые желают нас убить. Ты можешь их всех парализовать?

— Да, — отвечает она, — но тогда они умрут.

— Ты ведь знаешь, что нам нужно сделать, Хуанита, правда?

— Выпустить на волю нам-шуб Энки, — отвечает она. — Повторить Вавилонское столпотворение.

— Тогда за дело, — говорит Хиро.

— Сначала главное, — напоминает она. — Диспетчерская вышка.

— Ладно, ты готовься захватить таблицу, а я возьму на себя вышку.

— И как ты собираешься это сделать? Порубить антенноголовых мечами?

— Ага. Это единственное, на что годны мечи.

— Давай сделаем по-другому, — предлагает Хуанита и, встав на ноги, уходит по ангарной палубе.

Нам-шуб Энки представляет собой таблицу внутри глиняного конверта, покрытого клинописным эквивалентом наклейки с предупредительной надписью. Весь артефакт разбился на десятки кусков. Большая их часть осталась в пластиковой упаковке, но несколько разлетелись по взлетной палубе. Собрав их с посадочной площадки вертолета, Хиро возвращается в центр.

К тому времени, когда он разрезает упаковку, Хуанита уже машет ему из окна на верхушке диспетчерской вышки.

Выбрав все куски, которые кажутся ему частями глиняного конверта, он откладывает их в отдельную кучку. Потом складывает осколки самой таблицы в сравнительно понятную последовательную группу. Пока еще не ясно, как сложить их воедино, и у него нет времени на паззлы. Поэтому, надев гоглы, он входит в свой офис и с помощью компьютера делает цифровую фотографию фрагментов, а потом вызывает Библиотекаря.

— Да, сэр?

— Эта гиперкарточка содержит изображение разбитой глиняной таблицы. Знаешь программку, которая могла бы сложить ее воедино?

— Минуту, сэр, — говорит Библиотекарь, потом у него в руках появляется гиперкарточка, которую он отдает Хиро. На ней — изображение уже сложенной таблицы. — Вот как она выглядит, сэр.

— Ты способен читать по-шумерски?

— Да, сэр.

— Можешь прочесть эту таблицу вслух?

— Да, сэр.

— Приготовься. И подожди секундочку.

Хиро подходит к основанию диспетчерской вышки. Тут есть дверь, через которую он попадает на лестницу, а по ней взбирается в центр управления, странное сочетание железного века и высоких технологий. Хуанита уже ждет тут в окружении мирно посапывающих антенноголовых. Она стучит пальцем по выступающему из коммуникационного пульта микрофону, который покачивается на своей гибкой подставке, как змея. В этот самый микрофон говорил прежде эн.

— Прямой эфир на весь Плот, — говорит она. — Давай.

Переключив свой компьютер на голосовой режим, Хиро встает возле микрофона.

— Библиотекарь, читай, — приказывает он, и из динамиков льется вереница слогов.

Посреди этой вереницы Хиро поднимает глаза на Хуаниту. Заткнув пальцами уши, та стоит в дальнем углу помещения.

Внизу, у подножия вышки подает голос антенноголовый. Глубоко в недрах «Интерпрайза» тоже слышно бормотание. Смысла в нем нет никакого. Просто пустой лепет.

Снаружи вдоль стены диспетчерской вышки тянется узкий внешний мостик. Выйдя на свежий воздух, Хиро слушает Плот. Со всех сторон на него волнами накатывает смутный рев, но не волн или ветра, а множества вырвавшихся на волю человеческих языков. Истинное смешение языков.

Хуанита тоже выходит послушать. Хиро замечает, что за ухом у нее течет красная струйка.

— У тебя кровь идет, — говорит он.

— Знаю. Небольшая примитивная операция, — отвечает она. Голос у нее напряженный, словно ей больно. — Я специально для такого случая носила при себе скальпель.

— Что ты сделала?

— Поддела скальпелем основание антенны и перерезала проволоку, уходящую мне в мозг.

— Когда?

— Пока ты был на взлетной палубе.

— Зачем?

— А ты как думаешь? — говорит она. — Чтобы нам-шуб Энки на меня не подействовал. Я теперь нейролингвистический хакер, Хиро. Ради этого знания я прошла через подземелья ада. Оно теперь — часть меня. Даже не думай, что я соглашусь на лоботомию.

— Когда мы отсюда выберемся, пообедаем вместе?

— Разумеется, — отвечает она. — А теперь давай выбираться.

62

— Я просто сделала свою работу, старик, — говорит она. — Этот малый Энки хотел, чтобы я передала послание Хиро, вот я его и доставила.

— Заткнись, — только и бросает Райф.

Но он как будто и не зол вовсе. Просто хочет, чтобы она сидела тихо. Потому что, что бы она ни сделала, теперь это не имеет значения: на Хиро навалилось слишком много антенноголовых.

И. В. выглядывает из окна. Вертолет жужжит над Тихим океаном, держась так низко, что волны практически скользят под ними. Она не знает, насколько быстро они летят, но кажется, что очень быстро. Она всегда думала, что океану полагается быть синим, а оказывается, он самого скучного серого цвета, какой только можно придумать. Миля за милей сплошной серости.

Несколько минут спустя их нагоняет другой вертолет, летит вровень с ними и довольно близко. Это один из вертолетов «НИИ НТР», набит он медиками.

В окно кабины ей видно, что в одном из кресел сидит Ворон. Поначалу ей кажется, что он все еще без сознания, поскольку он странно сгорбился и совсем не шевелится.

Потом Ворон поднимает голову, и И. В. видит, что он в гоглах, через которые, наверно, вошел в Метавселенную. Подняв руку, он на мгновение сдвигает гоглы на лоб, смотрит, прищурившись, в окно и видит, как она за ним наблюдает. Их взгляды встречаются, и сердце у И. В. начинает прыгать, точно рыба на суше или заяц в герметичном пакете. Усмехнувшись, Ворон машет ей рукой.

Откинувшись на спинку сиденья, И. В. опускает на окно экран.

63

От садика Хиро до черного куба Л. Боба Райфа у Порта 127 — ровно половина окружности Метавселенной, расстояние в 32 768 километров. Самое трудное — выбраться из Центра. Хиро, как обычно, может проезжать на байке сквозь аватары, но Стрит запружен еще и транспортом, анимарекламой, коммерческими шоу, общественными плазами и иными плотными на вид симуляциями, какие встают у него на пути.

Не говоря уже о нескольких отвлекающих моментах. Справа от него, приблизительно в километре от «Черного Солнца», в гиперманхэттенских очертаниях на фоне черного неба зияет огромная дыра. Это открытая площадь около мили шириной, парк, в котором аватары собираются послушать концерты, принять участие в конвентах и фестивалях. Большую ее часть занимает глубокая чаша амфитеатра, способная вместить почти миллион аватар за раз. На дне амфитеатра — гигантская круглая сцена.

Обычно она занята известными рок-группами. Сегодня на ней будут представлены величайшие и талантливейшие компьютерные галлюцинации, какие только способен породить человеческий разум. Над сценой висит трехмерный шатер, оповещающий о сегодняшнем представлении: благотворительный графический концерт, даваемый в честь Да5ида Мейера, который все еще лежит на больничной койке, сраженный неведомым заболеванием. Амфитеатр уже наполовину полон хакеров.

Выбравшись из Центра, Хиро тут же дает по газам, выжимая максимум, и остальные тридцать две тысячи с гаком километров покрывает минут за десять. У него над головой с шумом проносятся по рельсу экспресс-поезда с метафорической скоростью десяти тысяч миль в час. Он пролетает мимо них, словно они стоят на месте. Это срабатывает лишь потому, что он едет по абсолютно прямой линии. В симуляцию мотоцикла зашита продпрограммка, которая заставляет байк автоматически следовать линии монорельса, поэтому Хиро не нужно думать о том, чтобы действительно им управлять.

Тем временем Хуанита стоит с ним в Реальности. Она раздобыла себе еще одну пару гоглов и, подключившись к компьютеру Хиро, может видеть все, что видит он сам.

— У Райфа есть сотовый аплинк на корпоративный вертолет, точно такой же, как на коммерческих рейсах авиалиний, поэтому, находясь в воздухе, он может подключиться к Метавселенной. И пока он в полете, это единственный его доступ к Метавселенной.

Нам, возможно, надо взломать программу и, скажем, блокировать его…

— Эти коммуникационные программы нижнего уровня так нашпигованы антивирусами, что нам на это понадобится лет десять, — возражает Хиро, тормозя байк и останавливаясь. — Срань господня! Он в точности такой, каким И. В. его описывала.

Они стоят перед Портом 127. Черный куб Райфа в точности такой, как о нем рассказывала И. В. И двери в нем нет.

Хиро съезжает со Стрита к кубу. Куб не отражает света, поэтому невозможно определить, находишься ты от него на расстоянии десяти футов или десяти миль, пока не начнут материализовываться демоны секьюрити. Их тут около полудюжины: крупные, кряжистые аватары в синих комбинезонах, полувоенного вида, но без знаков различия. Знаки различия им не нужны, поскольку всеми управляет одна и та же программа. Они берут Хиро в плотное полукольцо с радиусом в десять футов, блокируя путь к кубу.

Хиро бормочет себе под нос команду и исчезает: переходит в свою невидимую аватару. Очень интересно было бы остаться и посмотреть, как отнесутся к этому демоны секьюрити, но в данный момент ему нельзя останавливаться, давая им время приспособиться.

Они и не приспосабливаются, во всяком случае, это им плохо удается. Проскользнув меж двух демонов, Хиро направляется к стене куба и наконец, с размаху врезавшись в нее, останавливается как вкопанный. Все демоны как один развернулись и кинулись в погоню. Они способны сообразить, где он: об этом компьютер их оповещает, но они ничего не могут ему сделать. Как демоны-вышибалы «Черного Солнца», которых Хиро помогал писать, они бросают аватары, применяя к ним базовые законы физики аватар. Пока Хиро невидим, бросать им, в сущности, нечего. Но если они хорошо написаны, у них в запасе могут найтись более изощренные способы испортить ему жизнь, поэтому Хиро не теряет времени даром. Воткнув катану в стенку куба, он протыкает ее насквозь и втягивается за клинком внутрь.

Это взлом. Причем основанный на очень старом трюке, дырке, которую он обнаружил много лет назад, пытаясь совместить правила боя на мечах с уже существующим софтом Метавселенной. Его клинок не может продырявить стену, это означало бы окончательное изменение параметров чужой собственности; но может протыкать насквозь. У аватар такой способности нет. В этом сам смысл существования стен в Метавселенной — не мешать аватарам куда-то проникнуть. Но, как и все остальное в Метавселенной, это правило — всего лишь

протокол, соглашение, которому условились следовать компьютеры. В теории его нельзя игнорировать. Но на практике все зависит от способности различных компьютеров точно обмениваться информацией на большой скорости и в соответствующие моменты времени. А когда подключаешься к системе по спутниковой связи, как это делает сейчас находящийся на Плоту Хиро, сигнал поднимается на спутник, а от него спускается вниз с небольшой задержкой. Этой задержкой можно воспользоваться, если двигаться быстро и не оглядываться назад. Хиро проходит сквозь стену, держась за рукоять своей всепротыкающей катаны.

Владения Райфа — обширное, ярко освещенное помещение, занятое элементарными геометрическими фигурами первичных цветов. Хиро словно попал внутрь обучающей игрушки, созданной для того, чтобы научить детишек трехмерной геометрии: кругом кубы, сферы, призмы, многоугольники, и все это опутано сетью цилиндров, линий и спиралей. Но в данном случае игрушка вышла из-под контроля, точно все на свете конструкторы «тинкертой» и «лего» налепили один на другой согласно какой-то давно позабытой схеме.

Хиро уже достаточно давно обретается в Метавселенной, чтобы знать, что, невзирая на яркий и веселый вид этой конструкции, она так же проста и утилитарна, как армейский лагерь. Перед ним — модель системы. Большой сложной системы. Геометрические предметы, по всей видимости, отображают компьютеры или центральные ноды мировой сети Райфа или франшизы «Жемчужных врат», или какие-то другие разновидности местных и региональных офисов, которые Райф организовал по всему миру. Вскарабкавшись на это сооружение и забравшись в парочку предметов, Хиро, возможно, сумел бы распознать отрывки кода, которым оперирует система Райфа. Он, вероятно, даже смог бы его взломать, как предлагала Хуанита.

Но нет смысла возиться с чем-то, чего он не понимает. Он может убить несколько часов, прорубаясь в какой-то код, а потом обнаружить, что тот контролирует автоматический спуск туалетов в Библейском колледже Райфа. Поэтому Хиро не останавливается, а идет дальше, рассматривая нагромождение предметов и пытаясь отыскать систему в их расположении. Теперь он знает, что нашел лазейку в бойлерную всей Метавселенной. Вот только он понятия не имеет, чего здесь искать.

Тут до него доходит, что вся система на самом деле состоит из нескольких раздельных сетей, перепутанных друг с другом на одном пространстве. Это исключительно сложный клубок тонких красных линий, которых тут миллионы и которые соединяют

тысячи маленьких красных шаров. Интуитивно Хиро догадывается, что они, должно быть, отображают оптоволоконную сеть Райфа с ее бесчисленными местными офисами и нодами, распространенными по всему миру. Есть тут еще несколько не таких сложных сетей, которым присвоены другие цвета и которые могут отображать коаксиальные линии, какие используют, например, для кабельного телевидения, а может быть, это даже телефонные линии.

Еще тут есть грубая, тяжеловесная и массивная сеть, прорисованная синим. Она состоит из небольшого количества крупных синих кубов — меньше десятка. Друг с другом, но ни с чем больше, их соединяют массивные синие трубки. Сами трубки прозрачные, но внутри Хиро видит множество многожильных кабелей, переплетений проволок разных цветов. Чтобы отыскать их, Хиро понадобилось некоторое время, ведь синие кубы почти скрыты красными шарами и прочими мелким нодами, точно деревья, заросшие кудзу. Такое впечатление, будто перед ним более старая, уже существовавшая сеть с собственными внутренними каналами, по большей части примитивными, как обычный телефон. Своими высокотехнологическими системами Райф основательно к ней присосался.

Хиро маневрирует, пока ему не удается подобраться поближе к синему кубу и заглянуть, как через прутья решетки, сквозь нагромождение наросших на нем линий. На каждой из шести сторон куба красуется белая звезда.

— Это правительство Соединенных Штатов, — поясняет Хуанита.

— Куда хакеры уходят умирать, — отзывается Хиро. Правительство Соединенных Штатов — самый крупный и наименее эффективный производитель программного обеспечения в мире.

Хиро и И. В. достаточно часто обедали в различных забегаловках по всему Л.А., ели пончики, буррито, пиццу, суси, что угодно, а И. В. только и говорила, что о своей маме и кошмарной работе, которую та делает для федералов. Строгий контроль и регламентация всего. Тесты на детекторе лжи. Тот факт, что, сколько бы она ни делала, она все равно не знает, над чем на самом деле работает правительство.

Для Хиро это тоже всегда было загадкой; впрочем, на то оно и правительство. Его как раз и изобрели, чтобы выполнять то, чем не утруждают себя частные предприниматели, иными словами, у них, вероятно, нет на это причин. А у федералов никогда не знаешь, что ты делаешь и зачем. Традиционно хакеры смотрели на потогонную кодировальную лавочку правительства с ужасом и

пытались поскорей забыть, что этот кошмар вообще существует.

Но у правительства тысячи программистов, которые работают по двенадцать часов в день из какой-то извращенной лояльности. Их техники разработки программ, пусть жестокие и неприглядные, очень сложны. Правительство, наверное, что-то замышляет.

— Хуанита?

— Да?

— Не спрашивай, почему я так думаю. Но, сдается, правительство работало над крупным проектом по разработке программного обеспечения для Л. Боба Райфа.

— Логично, — отзывается она. — У Райфа странное отношение любви/ненависти к своим программистам: он в них нуждается, но им не доверяет. Правительство — единственная организация, которой он доверил бы написание чего-то важного. Интересно, чего?

— Подожди-ка, — говорит Хиро. — Подожди-ка.

Теперь ему рукой подать до большого синего куба, стоящего на уровне пола. К нему тянутся выходные трубы от всех остальных кубов. А возле куба припаркован цветной мотоцикл, впрочем, от черно-белого его отделяют только полутона: крупные рваные пикселы и ограниченная цветовая гамма. Это мотоцикл с коляской. Рядом с ним стоит Ворон.

И держит что-то в руках. Это еще одна геометрическая конструкция, гладкий, сильно вытянутый эллипсоид в несколько футов длиной. Судя потому, как двигается Ворон, Хиро решает, что он только что извлек эллипсоид из синего куба. Вот Ворон относит его к мотоциклу и пристраивает в коляске.

— Бинго, — бормочет Хиро.

— Этого-то мы и боялись, — отзывается Хуанита. — Это месть Райфа.

— Направляется в амфитеатр. Туда, где в одном месте собрались все хакеры. Райф собирается заразить их всех разом. Хочет выжечь им мозги.

64

Ворон уже в седле мотоцикла. Если Хиро погонится за ним пешком, то, возможно, нагонит до того, как тот выедет на Стрит.

А может быть, и нет. Тогда Ворон полетит в Центр со скоростью десять тысяч километров в час, а Хиро все еще будет пытаться вернуться к своему байку. На таких скоростях, потеряв Ворона из виду, Хиро упустит его раз и навсегда.

Ворон заводит мотоцикл и начинает осторожно маневрировать в лабиринте труб, направляясь к выходу. Хиро срывается с места и бежит так быстро, как способны нести его невидимые ноги, направляясь прямо в стену.

Продырявив ее несколько секунд спустя, Хиро выбегает на Стрит. Его крохотная невидимая аватара не может управлять мотоциклом, поэтому он возвращает себе обычную внешность, запрыгивает на байк и разворачивается. Оглянувшись, он видит, как Ворон приближается к Стриту, логическая бомба в коляске светится нежно-синим, точно тяжелая вода в реакторе. Ворон пока еще не видит Хиро.

Вот теперь его шанс. Выхватив катану, Хиро направляет свой байк на Ворона, выжимая из мотоцикла шестьдесят миль в час. Нет смысла двигаться слишком быстро. Единственный способ убить аватару Ворона — это отрубить ей голову. Если переехать его мотоциклом, это не причинит ей ровным счетом никакого вреда.

К Ворону, размахивая руками, бежит демон секьюрити. Подняв глаза, Ворон видит надвигающегося на него Хиро и срывается с места. Меч разрубает воздух за головой Ворона.

Слишком поздно. Ворон, наверное, уже уехал. Но, разворачивая байк, Хиро видит его в самой середине Стрита. Ворон врезался в опору монорельса — извечное препятствие гонщиков на мотоциклах.

— Черт! — одновременно вырывается у обоих.

Ворон поворачивает байк носом к Центру и как раз заводит мотор, когда Хиро, выехав за ним на Стрит, делает то же самое. Уже через несколько секунд они оба несутся к Центру на скорости пятьдесят тысяч миль в час. Хиро отстал от Ворона на полмили, но ясно его видит: огни фонарей слились в две параллельные, смазанные желтые ленты, а посередине сияет Ворон: шторм дешевых цветов и крупных пикселей.

— Если я не сумею отрубить Ворону голову, — говорит Хиро, — им конец.

— Ясное дело, — отвечает Хуанита. — Ведь если ты его

убьешь, его выкинет из системы. И он не сможет снова подключиться, пока могильщики не избавятся от аватары.

— А я контролирую могильщиков. Поэтому этого гада нам нужно убить только один раз.

— Как только они снова посадят вертолеты, у них будет лучший доступ к сети. Райф тогда сможет послать в Метавселенную кого-нибудь другого, — предостерегает Хуанита.

— Неверно. На суше их уже поджидают Дядюшка Энцо и мистер Ли. Им нужно провернуть все за ближайший час. Сейчас или никогда.

65

И. В. внезапно просыпается — она сама не заметила, как заснула. Наверное, ее убаюкало шлепанье лопастей винта. Она чертовски устала, вот в чем все дело.

— Что, черт побери, происходит с моей коммуникационной сетью! — вопит Л. Боб Райф.

— Никто не отвечает, — говорит русский пилот. — Ни Плот, ни Л.А., ни Хьюстон.

— Тогда свяжите меня по телефону с ЛАКСом, — требует Райф. — Мне нужен реактивный самолет на Хьюстон. Доберемся до кампуса, а там выясним, что к чему.

Пилот нажимает кнопки на панели управления.

— Проблема, — сообщает он. — Что?!

Но пилот только с несчастным видом качает головой.

— Кто-то проник в спутниковую связь. Наш сигнал глушат.

— Может быть, мне удастся пробиться, — говорит президент Соединенных Штатов, но Райф награждает его красноречивым взглядом: мол, «ну да, конечно, придурок».

— Кто-нибудь, дайте мне чертов четвертак, — орет Райф. Тони и Фрэнк с минуту ошарашенно на него смотрят. — Придется сесть в первом же месте, где увидим платный телефон, и позвонить оттуда. — Тут он хохочет. — Можете в такое поверить? Чтобы я да использовал телефон?

Секунду спустя И. В. выглядывает в окно и просто изумляется, увидев под собой настоящую сушу и двухполосную трассу, вьющуюся вдоль теплого песчаного берега. Это Калифорния.

Вертолет замедляет ход и, снизившись, летит над трассой. Пластик и неон не слишком сильно ее изгадили, но вскоре впереди показывается краткий отрезок франшизного гетто, выстроенного по обе стороны дороги в том месте, где она немного отходит от пляжа.

Вертолет приземляется на автостоянке «Купи и Кати». Та, по счастью, пуста, поэтому они никому не сносят голову лопастями. В игорном зале двое юнцов играют в видеоигры и едва удостаивают взглядом поразительное зрелище: не часто, наверное, тут садится вертолет. Это И. В. на руку. Она бы умерла со стыда, увидь ее кто-нибудь в компании этих старых пердунов. Мотор вертолета работает на холостом ходу, а тем временем Л. Боб Райф, спрыгнув на асфальт, бежит к телефонной будке, приваренной к фасаду франшизы.

Эти типы настолько глупы, чтобы усадить ее в кресло рядом с

огнетушителем. Ну как не воспользоваться этим фактом? Сорвав огнетушитель с подставки, она одновременно выдергивает предохранительное кольцо и нажимает на спуск, направив струю прямо в лицо Тони.

Ничего не происходит.

— Черт! — вопит она и бросает в него баллоном или, точнее, тычет им в него. Он же в этот момент подается вперед, чтобы схватить ее за запястье, и огнетушитель ударяет ему в лицо с такой силой, чтобы существенно промять крутизну. А это, в свою очередь, дает ей время перебросить ноги за порог.

Все против нее. Один из карманов открылся и, когда она наполовину выпадает, наполовину выкатывается на асфальт, цепляется за подставку огнетушителя. К тому времени, когда ей удается высвободиться, Тони уже пришел в себя и, стоя на четвереньках, тянет к ней руку.

От этой руки ей удается ускользнуть. Теперь она беспрепятственно бежит по стоянке. Сзади дорогу перекрывает «Купи и Кати», а по обеим сторонам — высокий пограничный забор, который отделяет эту франшизу от «Храма Нового Водолея» с одной стороны и представительства «Великого Гонконга мистера Ли» — с другой. Единственный путь к свободе — съезд на трассу, но он заблокирован вертолетом. Пилот, Тони и Фрэнк уже выпрыгнули на асфальт и загораживают ей дорогу.

«Храм Нового Водолея» ничем ей не поможет. Если она станет валяться в ногах и умолять, они, возможно, подключат ее к своим мантрам на следующей неделе. А вот «Великий Гонконг мистера Ли» — совсем другое дело. Добежав до забора, она пытается через него перелезть. Восемь футов цепей с колючей проволокой поверху. Но комбинезон должен ее уберечь. В основном.

Она забирается примерно до половины. Потом пухлые, но сильные руки хватают ее поперек талии. Вот не везет! Л. Боб Райф стаскивает ее с забора, руки и ноги у нее беспомощно болтаются в воздухе. Не давая ей встать на ноги, он тащит ее назад к вертолету.

И. В. смотрит на франшизу «Гонконга». Свобода была так близко.

На парковке там кто-то есть. Курьер! Он как раз неспешно съехал с дороги, по всей видимости, намереваясь передохнуть.

— Эй! — кричит она и, подняв руку, нажимает на кнопку в воротнике, отчего ее комбинезон вспыхивает оранжевым и синим. — Эй! Я курьер! Меня зовут И. В.! Эти маньяки меня похитили!

— Ух ты! — восклицает курьер. — Ну и влипла!

Потом он спрашивает ее еще о чем-то, но шум лопастей вертолета заглушает его слова.

— Меня везут в ЛАКС! — что есть мочи орет она.

И тут Райф головой вперед забрасывает ее в вертолет. Тот поднимается, поворачивает, и вслед за ним послушно поворачивается аудитория антенн на крыше «Великого Гонконга мистера Ли». Курьер на стоянке пялится вслед отлетающему вертолету. Надо же, какой крутой, и отовсюду торчат пушки!

Но эти типы в вертолете круто на девчонку наехали.

Вытащив из кармана сотовый телефон, курьер набирает Центральную «РадиКС», а потом нажимает красную кнопку. Он набрал Код.

Две с половиной тысячи курьеров собрались в железобетонном каньоне Л.А. Ривер. На самом его дне Виталий Чернобыль и его «Ядерные расплавцы» только что перешли к самой крутой части своего нового сингла «Двигай застрявшим стержнем». Часть курьеров пользуются этим саундтреком, чтобы оттачивать стиль, взлетая взад-вперед по железобетонным берегам реки. Только Виталий живьем может нагнать в них столько адреналина, чтобы позволить им кататься по отвесным склонам на скорости восемьдесят миль в час, не размазываясь о бетон.

А потом темная масса фэнов «Расплавцев» вдруг превращается во вращающуюся оранжево-красную галактику: это зажигаются две с половиной тысячи новых звезд. Зрелище сногсшибательное, и поначалу все думают, будто это новые спецэффекты, спроецированные Виталием и его видеотехниками. Точно мириады зажигалок горят, вот только намного ярче и организованней. Опустив взгляд на пояс, каждый курьер видит, что на его мобильнике мигает красная лампочка. Похоже, какой-то невезучий скейтер набрал Код.

На окраине Феникса, во франшизе «Великого Гонконга мистера Ли» просыпается Крысопес, серийный номер B-782.

Фидо просыпается потому, что сегодня лают собаки.

Всегда кто-то лает, но по большей части очень далеко. Фидо знает, что далекий лай не так важен, как близкий лай, поэтому часто спит, когда лают далеко.

Но иногда в дальнем лае слышится особый звук, от которого Фидо возбуждается и не может не проснуться.

Вот и сейчас он слышит такой лай. Лай очень далекий, но очень тревожный. Какая-то хорошая собачка очень расстроена. Песик так расстроен, что его лай распространяется на всех

остальных собачек в стае.

Фидо слушает лай. И тоже возбуждается. Какие-то плохие чужаки были совсем рядом с двором хорошей собачки. Они были в летающей штуке. У них было много пушек.

Фидо не слишком любит пушки. Чужак с пушкой однажды выстрелил в него, и было очень больно. А потом пришла добрая девочка и ему помогла.

Это очень, очень плохие чужаки. Любая хорошая собачка по праву захотела бы сделать им больно, чтобы они ушли. И, слушая лай, Фидо видит, как они выглядели, слышит, как они говорили. Если кто-то из этих плохих-плохих чужаков придет в его двор, он будет расстроен-расстроен.

А потом Фидо замечает, что плохие чужаки за кем-то гонятся. По ее голосу он слышит, по тому, как она двигается, он видит, что они делают ей больно.

Плохие чужаки делают больно доброй девочке, которая его любит!

Фидо сердит куда больше, чем когда-либо был в своей жизни, еще больше, чем когда плохой человек выстрелил в него и сделал ему больно.

Его работа — не пускать в свой двор плохих чужаков. Ничего другого он не умеет.

Но еще важнее защитить добрую девочку, которая его любит. Важнее всего на свете. Ничто его не остановит. Даже забор.

Забор очень высокий. Но он помнит: было время, давным-давно, когда он прыгал через то, что было выше его головы.

Фидо вылезает из своего собачьего домика, подбирает длинные ноги и прыгает через забор, не успев даже вспомнить, что не может через него перепрыгнуть. Противоречие до него, впрочем, не доходит; поскольку он собака, самоанализ — не самая сильная его сторона.

Лай переходит в другое далекое-далекое место. Все хорошие собачки, которые живут в этом далеком месте, предупреждают друг друга: надо следить за плохими чужаками и девочкой, которая любит Фидо, потому что они туда едут. Фидо вдруг видит это место: оно большое, широкое и открытое, как поле, где бегают за палкой. И там много больших летающих штук. А по краю — несколько дворов, где живут хорошие собачки.

Фидо слышит, как хорошие собачки лают в ответ. Теперь он знает, где они. Далеко. Но туда можно попасть по улицам. Фидо знает много разных улиц. Он просто бежит по улицам, и знает, куда они ведут и где он сам.

Поначалу B-782 оставляет за собой только танцующий хвост искр посреди франшизного гетто. Но как только он выбирается на

длинный прямой отрезок трассы, он оставляет по себе другие улики: накипь рассыпавшегося бронированного стекла, разлетающегося двумя параллельными лопастями на всех четырех полосах трассы, когда вылетают из рам боковые и лобовые стекла машин, расходясь, точно волны в кильватере скоростного гоночного катера.

Один из законов доброжелательной политики мистера Ли заключается в том, что все Крысопсы запрограммированы так, чтобы никогда не нарушать звуковой барьер в населенных областях. Но Фидо слишком спешит, чтобы думать о доброжелательной политике.

Псам под хвост звуковой барьер. Да будет шум.

66

— Ворон, — говорит Хиро, — прежде чем тебя убить, позволь, я расскажу тебе сказку.

— Я слушаю, — отвечает Ворон. — Путь неблизкий.

Во все транспортные средства Метавселенной встроены мобильники. Хиро просто позвонил домой Библиотекарю, чтобы тот разыскал ему номер Ворона. Они все так же несутся друг за другом по черной поверхности воображаемой планеты, хотя Хиро метр за метром нагоняет Ворона.

— Мой отец был в армии во Вторую мировую. Солгал о своем возрасте, чтобы завербоваться. И его отправили прохлаждаться в Тихом океане. Долго ли, коротко ли — его захватили в плен японцы.

— И что?

— И отвезли его к себе в Японию. Отправили в лагерь для военнопленных. Там было полно американцев, а еще несколько англичан и несколько китайцев. И пара типов, чью национальность никто не мог определить. Внешне они походили на индейцев. Немного знали по-английски. Но по-русски они говорили намного лучше.

— Это были алеуты, — говорит Ворон. — Американские граждане. Никто о них никогда не слышал. Большинство людей даже не знает, что японцы во время войны захватили кусок американской территории — несколько островов на краю Алеутского архипелага. Островов, населенных моим народом. Они захватили двух самых важных алеутов и отправили их в тюремные лагеря в Японии. Один из них был мэром Атту, самым главным человеком в гражданской администрации. А второй для нас был еще важнее. Он был главным гарпунщиком алеутского народа.

— Мэр заболел и умер, — продолжает Хиро. — У него не было иммунитета. Но гарпунщик оказался крепким сукиным сыном. Несколько раз он болел, но все же выжил. Ходил работать на поля с остальными заключенными, растил продовольствие для войны. Работал на кухне, готовил похлебку для заключенных и охраны. Но держался особняком. Все его избегали, потому что от него жутко пахло. От его койки воняло на весь барак.

— Он варил китовую отраву из грибов и других веществ, которые находил в полях и прятал в одежде, — отзывается Ворон.

— Кроме того, все на него злились за то, что он однажды разбил окно в бараке и все заключенные мерзли до конца зимы. Как бы то ни было, однажды после ленча все охранники страшно

заболели.

— Китовая отрава в рыбной похлебке, — поясняет Ворон.

— Пленников уже вывели работать на поля, и когда охранники начали заболевать, то погнали всех назад в бараки, поскольку не могли за ними присматривать, корчась от желудочных колик. Это случилось под самый конец войны, и пополнение найти было непросто. Мой отец шел последним в цепочке пленников. А алеут шел прямо перед ним.

— И когда пленники переходили через ирригационную канаву, — берет слово Ворон, — алеут нырнул в воду и исчез.

— Мой отец не знал, что ему делать, — говорит Хиро, — пока не услышал хрюканье замыкавшего цепь охранника. Повернувшись, он увидел, что охранник насажен на бамбуковое копье, которое только что вылетело из ниоткуда. И он все еще не видел алеута. Потом упал еще один охранник с перерезанным горлом, и тут мой отец увидел алеута: тот замахивался, чтобы метнуть копье, сразившее еще одного охранника.

— Он вырезал гарпуны и прятал их под водой в ирригационных канавах, — поясняет Ворон.

— Тут мой отец понял, — продолжает Хиро, — что он обречен. Ведь что бы он ни сказал потом, охранники все равно ему не поверят, решат, будто они с алеутом совместно спланировали побег, и тогда принесут меч и отрубят ему голову. Поэтому, решив, почему бы не прикончить пару врагов прежде, чем они прикончат его, он забрал пистолет у первого поверженного охранника и сам тоже спрятался в канаве, откуда застрелил еще пару охранников, явившихся узнать, что тут за шум.

— Алеут побежал к бамбуковому забору, — снова берет слово Ворон, — хлипкий был заборчик. Предполагалось, что за ним минное поле, но он его перебежал без труда. Или ему повезло, или же мин, если таковые имелись, было немного и располагались они далеко друг от друга.

— Они не позаботились организовать жесткую охрану периметра, — говорит Хиро, — потому что Япония — остров. Даже если узники сбегут, куда им податься?

— А ведь алеут мог сбежать, — возражает Ворон. — Он мог бы добраться до ближайшего побережья и там смастерить себе каяк. В этом каяке он мог бы подняться вдоль побережья Японии, а потом перебираться на волне с одного острова на другой до самых Алеутских островов.

— Верно, — соглашается Хиро, — вот этого-то в отцовской истории я никак не мог понять. Пока не увидел тебя в открытом море, не увидел, как ты на каяке обгоняешь скоростной катер.

Тогда все сошлось. Твой отец не сошел с ума. У него был совершенно здравый план.

— Да. Но твой отец его не понял.

— Мой отец побежал по следам твоего отца через минное поле. Они обрели свободу — в Японии. Твой отец начал спускаться с нагорья к океану. Мой отец предлагал двигаться в глубь страны, в горы, решив, что они могли бы затаиться в глухом местечке до конца войны.

— Дурацкая идея, — говорит Ворон. — Япония перенаселена. Там нет места, где они могли бы остаться незамеченными.

— Мой отец не знал даже, что такое каяк.

— Невежество не может быть извинением, — отвечает Ворон.

— Их спор, такой же спор, как мы ведем сейчас, их и погубил. Японцы нагнали их у самого Нагасаки. У охранников не было при себе даже наручников, потому они просто связали им руки за спиной шнурками от ботинок и заставили встать на колени лицом к лицу в дорожной пыли. Потом лейтенант достал из ножен меч. Это был древний меч. Лейтенант происходил из гордого рода самураев, и в этом наряде труд-фронта он оказался лишь по той причине, что в начале войны ему по бедро оторвало снарядом ногу. Он занес меч над головой твоего отца.

— Меч просвистел в воздухе, — говорит Ворон, — и от этого свиста у моего отца заболели уши.

— Но он так и не опустился.

— Мой отец увидел стоящий перед ним на коленях скелет твоего отца. Это последнее, что он видел в жизни.

— Мой отец стоял спиной к Нагасаки, — говорит Хиро. — Вспышка временно ослепила его. Упав ничком, он вжался лицом в землю, чтобы погасить в глазах этот ужасный свет. А потом все стало как раньше.

— Вот только мой отец ослеп, — говорит Ворон. — Он мог только слушать, как твой отец дерется с лейтенантом.

— Это был наполовину слепой, одноногий самурай с катаной против здорового мужчины со связанными за спиной руками, — объясняет Хиро. — Довольно любопытный бой. Сравнительно честный. Мой отец победил. Это был конец войны. Пару недель спустя пришли оккупационные войска. Мой отец вернулся домой, перебирался с базы на базу, и наконец в семидесятых у него родился сын. И у твоего тоже.

— Амчитка, семьдесят второй, — говорит Ворон. — Вы, сволочи, дважды сбросили на моего отца ядерную бомбу.

— Я понимаю, каково тебе сейчас, — говорит Хиро. — Но может, ты уже достаточно отомстил?

— Нет такого слова «достаточно», — отрезает Ворон.

Хиро погоняет мотоцикл, надвигается на Ворона, занося катану. Но Ворон выбрасывает руку назад — все это время он наблюдал в зеркальце заднего вида — и блокирует удар; в руке у него длинный нож. Тут Ворон сбрасывает скорость почти до нуля и ныряет меж двух опор монорельса. Хиро пролетает мимо, слишком сильно сбрасывает скорость и краем глаза успевает увидеть, как Ворон уносится от него по другую сторону монорельса. К тому времени, когда Хиро вновь разгоняется и проскальзывает меж опор, Ворон уже снова ушел на другую сторону.

Так тянется этот слалом. Они пролетают зигзагом весь Стрит. Игра довольно проста. Ворону нужно только заставить Хиро въехать в опору. Тогда Хиро на мгновение остановится. А за это мгновение Ворон уже исчезнет из виду. А тогда Хиро его уже не выследить.

Для Ворона игра легче, чем для Хиро. Но Хиро лучше Ворона умеет играть в эти игры. Поэтому в целом они на равных. Они зигзагом несутся вдоль монорельса со скоростью от шестидесяти до шестидесяти тысяч миль в час. Вокруг них расползаются во тьму гигантские коммерческие центры, лаборатории высоких технологий и парки развлечений. Перед ними открывается Центр, высокий и яркий, точно северное сияние, встающее над черной водой Берингова пролива.

67

Первый пун шлепает по днищу вертолета, когда тот низко летит над Долиной. И. В. скорее чувствует, чем слышит удар. Она так хорошо знает это сладкое ощущение, что способна уловить его, точно сверхчувствительный сейсмограф, выискивающий землетрясения в противоположном полушарии. Потом стаккато: это один за другим о днище ударяются еще с пяток пунов, и ей стоит огромных трудов сдержаться и не выглянуть в окно. Ну конечно. Ведь днище вертолета — единый лист массивной советской брони. Пуны он держит как клей. Вот бы вертолет так и остался на этой высоте, где его можно запунить! Впрочем, иного выхода у Райфа нет, иначе вертолет засекут радары мафии.

Она слышит, как впереди потрескивает радио.

— Поднимись повыше, Саша, на тебя сели паразиты.

И. В. выглядывает в окно. Параллельным курсом, но чуть выше летит еще один вертолет, небольшая алюминиевая корпоративная машинка, и все в нем сидящие смотрят из окон вниз, наблюдая за трассой. Все, кроме Ворона. Ворон все так же подключен в Метавселенную.

Черт. Пилот вытягивает вертолет на большую высоту.

— Так держать, Саша. Ты их скинул, — трещит радио. — Но на твоем днище еще висит пара пунов, потому постарайся ни за что ими не зацепиться. Тросы у них прочнее стали.

Большего И. В. и не нужно. Распахнув дверь, она выпрыгивает из вертолета.

Так, во всяком случае, кажется сидящим внутри. На самом деле, падая, она хватает ручку двери и в результате повисает на качающейся двери лицом к днищу вертолета. А за него держатся два пуна, в тридцати футах под ними на конце тросов болтаются рукояти, покачиваясь в воздушном потоке. Заглянув в открытую дверь, она не слышит Райфа, но его видит: сидя рядом с пилотом, он жестом приказывает ему опустить вертолет.

Именно на это она и рассчитывала. Взятие заложников — как обоюдоострый меч: мертвая, она Райфу ни к чему, напротив, нужна целая и невредимая.

Вертолет снова начинает терять высоту, направляясь к двойной полоске логло, размечающей авеню под ними. И. В. еще немного раскачивается на двери, пока этот маятник не относит ее достаточно далеко, и ей ногой удается зацепить трос гарпуна.

Вот сейчас будет чертовски больно. Но крепкая ткань комбинезона помешает ей лишиться слишком уж большого куска кожи — теоретически. К тому же вид Тони, ныряющего к самой

дверце, чтобы схватить ее за рукав, усиливает ее естественную склонность не раздумывать слишком долго. Отпустив дверную ручку, она хватает трос, пару раз наматывает его на руку в перчатке, потом разжимает другую руку — и летит вниз.

Она была права. Боль адская. Когда трос уносит ее под днище вертолета подальше от Тони, что-то трещит у нее в руке, наверное, какая-то мелкая косточка. Но она оборачивает трос вокруг тела в точности так, как это делал Ворон, когда на веревке спускался с ней с корабля, и спускается по тросу. Пусть больно, но все под контролем.

Иными словами, спускается до рукояти. И. В. закрепляет рукоять на пояс, чтобы случайно ее не отпустить, а потом несколько минут бьется в воздухе, высвобождаясь из тросовых петлей: рукоять становится центром вращения, а она бесконтрольно вертится вокруг этой оси между вертолетом и мостовой. Потом берет рукоять в обе руки и отцепляет от пояса: теперь она снова висит на руках, чего, собственно, этими гимнастическими упражнениями и добивалась. Поворачиваясь, она видит у себя над головой и чуть наискосок второй вертолет, замечает уставившиеся на нее лица; она знает, что по радио все передают Райфу.

И точно. Вертолет вполовину снижает скорость и сбрасывает высоту.

Нажав на кнопку, она выпускает трос на всю длину, совершая — в одно-единственное сногсшибательное мгновение — падение на двадцать футов. Теперь она летит следом за вертолетом в десяти или пятнадцати футах над трассой, со скоростью, наверное, сорок пять миль в час. Мимо метеорами проносятся вывески и логотипы. Если не считать роя курьеров, трасса почти пуста.

Ухая, вертолетик «НИИ НТР» подлетает к ней на опасно близкое расстояние, и, подняв на мгновение глаза, И. В. видит, что на нее из окна смотрит Ворон. Гоглы он на мгновенье сдвинул на лоб. На лице у него какое-то странное выражение, и тут И. В. понимает, что он на нее вовсе не сердится. Он ее любит.

Отпустив рукоять, И. В. уходит в свободное падение.

И одновременно она дергает за шнурок на воротнике комбинезона и переходит в полный режим «человек-мишлен», когда в нескольких стратегических местах ее тела взрываются крохотные газовые детонаторы. Самый большой взрыв, прямо-таки М-80, приходится на основание черепа, отчего воротник комбинезона разворачивается в цилиндрический баллон, который, рывком распрямившись, охватывает всю ее голову. Другие баллоны надуваются вокруг ее туловища и таза, с

особыми прокладками по пояснице. Колени, локти и плечи у нее и так уже защищены бронегелем.

Впрочем, все это не спасает ее от адской боли при приземлении. Разумеется, из-за баллона на голове она ничего не видит. Но чувствует, как по меньшей мере десяток раз отскакивает от асфальта. С полмили она скользит по трассе, очевидно, карамболя при этом от нескольких машин — ей слышно, как при торможении визжат шины. Наконец она задом пробивает чье-то лобовое стекло и падает на переднее сиденье. Машина врезается в бетонное заграждение. Как только все останавливается, баллон сдувается, и И. В. соскребает его с лица.

В ушах у нее звенит. Она ровным счетом ничего не слышит. Может, когда надулись баллоны, у нее разорвались барабанные перепонки?

Впрочем, поблизости оглушительно воет огромный вертолет. И. В. выползает на капот тачки, чувствуя, как осколки стекла под ней процарапывают дорожки в лаке машины.

Огромный советский вертолет Райфа завис в двадцати футах над авеню и уже обзавелся еще двадцатью пунами. Проследив взглядом тросы, И. В. видит повисших на своих рукоятях курьеров: в этот раз они не намерены его отпускать.

Райф, похоже, что-то заподозрил, и вертолет набирает высоту, поднимая курьеров с их досок. Но проезжающий мимо полуприцеп стряхивает небольшую армию курьеров — за несчастную таратайку зацепилось, наверное, человек сто. И уже через несколько секунд все их «Магнапуны» взмывают в воздух, и по меньшей мере половина приклеивается к броне с первой попытки. Вертолет рывком опускается, и все курьеры встают на свои доски обеими ногами. Еще пара десятков курьеров подлетает и пунит вертолет; те, кто не успел, хватаются за чьи-нибудь рукояти, добавляя и свой вес. Вертолет еще несколько раз пытается подняться, но уже, считай, привязан к асфальту.

Машина начинает снижаться. Курьеры разлетаются в стороны, и, приземлившись, вертолет оказывается в кольце тянущихся во все стороны тросов.

В открытую дверь вылезает глава службы безопасности Тони, движется он медленно и высоко поднимает ноги, переступая через тросы, но каким-то образом сохраняет и равновесие, и достоинство. Он отходит от вертолета, пока не оказывается за пределами вращающихся лопастей, а потом вытаскивает из-под ветровки «узи» и выпускает короткую очередь в воздух.

— Валите, мать вашу, от моего вертолета! — кричит он. Курьеры, в общем, так и поступают. Они не дураки. И. В. теперь благополучно вернулась на трассу, миссия выполнена. Код

завершен, нет больше причин донимать этих мужиков. Отсоединив пуны от днища вертолета, они втягивают тросы. Оглянувшись по сторонам, Тони видит идущую прямо к вертолету И. В. Все тело у нее болит, мышцы растянуты, поэтому двигается она неуклюже.

— Полезай в вертолет, сучка везучая! — приказывает он.

Наклонившись, И. В. поднимает с земли свободную рукоять пуна, которую еще никто не потрудился втянуть. Потом нажимает на кнопку, выключающую электромагнит, и магнит отскакивает от брони вертолета. И. В. втягивает трос настолько, что между рукоятью и головкой остается фута четыре слабины.

— Как-то я читала об одном типе по имени Ахав, — говорит она, раскручивая над головой пун. — Он запутался тросом за штуку, которую хотел запунить. Большая ошибка.

Она отпускает пун, который пролетает между лопастей у самого центра. И. В. видно, как сверхпрочный трос начинает наматываться на хрупкую ось несущего винта, будто гаррота на шею балерины. За лобовым стеклом отчаянно суетится Саша: нажимает какие-то кнопки и переключатели и переводит рычаги из стороны в сторону. Губы у него двигаются, очевидно, изо рта вырывается длинная очередь русского мата. Рукоять пуна вырывается у И. В. из рук и, как в черную дыру, падает под винт.

— Думаю, он просто не знал, когда нужно остановиться, — говорит она. — Как некоторые мои знакомые.

А потом поворачивается и идет прочь от вертолета. За спиной у И. В. во все стороны летят куски металла, с огромной скоростью наталкиваясь друг на друга.

Райф уже давно обо всем догадался и бежит по середине трассы, размахивая автоматом и высматривая машину, какую он мог бы реквизировать. Над головой завис, наблюдая, вертолетик «НИИ НТР». Подняв голову, Райф машет ему рукой и, указывая вперед, кричит:

— В ЛАКС! Двигайте в ЛАКС!

Вертолетик совершает последний круг над местом крушения, наблюдая за тем, как Саша глушит моторы поверженного боевого вертолета; как разъяренные курьеры наваливаются на Тони, Фрэнка и президента и их разоружают; как Райф, стоя посреди трассы, останавливает машину «Пиццы Коза Ностра» и выбрасывает из нее водителя. Но Ворону ни до чего нет дела. Он смотрит на И. В. И когда наконец вертолетик, поднырнув, набирает высоту и уносится в ночь, он улыбается ей и поднимает вверх оба больших пальца. Прикусив губу, И. В. показывает ему вытянутый средний. Иными словами, их роману конец, будем надеяться, навсегда.

Одолжив доску у преисполненного благоговения скейтера, И. В., отталкиваясь от асфальта ногой, катит через улицу к ближайшей «Купи и Кати» и начинает дозваниваться маме, чтобы та подвезла ее домой.

68

Хиро теряет Ворона в нескольких милях от Центра, но к тому времени это уже не имеет значения. Направившись прямиком на площадь, он на большой скорости объезжает амфитеатр по ободу — этакий пикет из одного человека. Несколько секунд спустя появляется и Ворон. Сорвавшись со своей орбиты, Хиро гонит, и они сшибаются, как пара поединщиков на средневековом турнире. Хиро теряет левую руку, у Ворона отваливается нога. Отрубленные конечности падают наземь. Отбросив катану, Хиро оставшейся рукой достает свой одноручный меч, впрочем, тот вообще лучше соответствует длинному ножу Ворона. Он подрезает Ворона как раз в тот момент, когда тот собирается ринуться вниз в амфитеатр, и отталкивает его в сторону. Сила инерции проносит Ворона еще полмили. Хиро гонится за ним, следуя ряду логичных догадок, ведь эта территория ему знакома, как Ворону — течения Алеутских островов. И вот они уже несутся по узким улочкам финансового квартала Метавселенной, нанося удары друг другу и их парируя, разрубая случайно попавшиеся им под руку аватары на кусочки и дольки.

Но, похоже, они ни разу не попадают друг по другу. Скорости слишком велики, мишени слишком малы. Хиро пока везло: он заманил Ворона в силок состязания, заставил его жаждать боя. Но Ворону это не нужно. Он без труда может добраться до амфитеатра, не отвлекаясь на убийство Хиро.

И наконец до него это доходит. Убрав в ножны нож, Ворон ныряет в проулок между небоскребами. Хиро следует за ним, но к тому времени, когда он заворачивает за угол, Ворон уже исчез.

По проходу амфитеатра Хиро слетает на скорости сто миль в час и парит в свободном падении над головами четверти миллиона бешено аплодирующих хакеров.

Хиро знают все. Он — малый с мечами. Он — друг Да5ида. И в качестве личного вклада в благотворительный концерт он, по всей видимости, решил поставить бой на мечах с каким-то могучим демоном на мотоцикле жуткого вида. Оставайтесь в сети, шоу предстоит незабываемое.

Приземлившись на сцене, Хиро спрыгивает с мотоцикла. Байк еще работает, но здесь, внизу от него уже нет пользы. В десяти метрах от него ухмыляется Ворон.

— Бомбы на стол, — говорит Ворон. И, достав одной рукой из боковой коляски своего байка гигантский светящийся леденец, бросает его в самый центр амфитеатра. Леденец разбивается как яичная скорлупа, и из него бьет сноп света. Этот сноп начинает

расти и приобретать форму.

Толпа неистовствует.

Хиро бежит к леденцу, но дорогу ему заступает Ворон. Двигаться на ногах он больше не может, поскольку одну потерял, но все еще способен контролировать байк. Длинный нож Ворон уже обнажил — и два клинка скрещиваются над яйцом, которое теперь превратилось в вихревую воронку ослепительного и оглушительного света и звука. Разноцветные фигуры, ужатые невероятной скоростью вращения, выстреливают из центра и занимают свои места у них над головами, создавая трехмерное изображение.

Хакеры неистовствуют. Хиро знает, что в этот момент Квадрант Хакеров в «Черном Солнце» стремительно пустеет. Запрудив дверь, все выбегают на Стрит, спешат на площадь, спешат увидеть фантастическое шоу света, звука, мечей и магии, которое поставил Хиро.

Ворон наваливается, пытается пересилить Хиро. В Реальности это бы сработало, поскольку там он обладает неимоверной силой. Но сила всех аватар равна, если только не взломать их особым способом. Поэтому Ворон давит изо всех сил, а потом отводит клинок, чтобы снести противнику голову, когда тот отлетит. Но Хиро вовсе не летит прочь. Он ждет своего момента, а потом отрубает Ворону рабочую руку с ножом. А потом на всякий случай и вторую. Толпа вопит от восторга.

— Как мне это остановить? — спрашивает Хиро.

— Понятия не имею. Я их просто доставляю, — отвечает Ворон.

— Ты хотя бы понимаешь, что ты только что натворил?

— Ага. Осуществил давнюю мечту. — По лицу Ворона разливается довольная улыбка. — Сбросил ядерную бомбу на Америку.

Хиро отрубает ему голову. Толпа обреченных хакеров вскакивает на ноги и визжит.

А потом замолкает, когда Хиро внезапно исчезает. Он переключился на свою маленькую, невидимую аватару. А та зависает в воздухе над разбитыми остатками яйца, и сила тяготения засасывает ее в самый центр. Падая, Хиро бормочет себе под нос: «Сноускэн». Это программа, которую он написал, убивая время на спасательном плоту. Та, которая выискивает «Сноукрэш».

Когда Хиро Протагонист, кажется, сходит со сцены, взгляды хакеров снова возвращаются к гигантской конструкции, поднимающейся из яйца. Вся эта чушь с боем на мечах была, наверное, просто дурацким вступлением, типичной для Хиро

нетрадиционной уловкой, чтобы привлечь их внимание. Главный аттракцион — звуковое и световое шоу. Амфитеатр быстро заполняется: со всех концов Метавселенной сюда стремительно стекаются хакеры. Бегут по Стриту из «Черного Солнца», потоком льются из офисов в небоскребах, приютивших штаб-квартиры крупных корпораций; через гоглы подключаются к Метавселенной со всевозможных терминалов в Реальности, когда слух о феерии со скоростью света распространяется по оптоволоконной сети сплетен.

Световое шоу как будто поставлено с учетом опоздавших. Одна ложная кульминация сменяет другую, будто дорогое шоу фейерверков, и каждая следующая зрелищнее предыдущей. Шоу такое сложное и огромное, что никто не видит больше десяти его процентов. Можно раз за разом смотреть его целый год и всякий раз открывать для себя что-то новое.

Это конструкция в милю высотой, складывающаяся из движущихся двух — и трехмерных изображений, переплетенных в пространстве и времени. Фильмы Лени Рифеншталь. Скульптуры Микеланджело и обретшие реальность фантастические изобретения Леонардо да Винчи. В центре то надвигаются, то уплывают бои истребителей времен Второй мировой, самолетики налетают на зрителей, плюются очередями, взрываются. Сцены из тысяч классических фильмов текут и сливаются в единую безбрежную и сложную историю.

Но наконец все начинает упрощаться, сходиться к единственной колонне яркого света. К тому времени роль носителя сюжета переняла музыка: грохочущий ритм бас-гитар и низкий, грозный остинато, который говорит всем и каждому: не отвлекайтесь, самое лучшее впереди. И хакеры смотрят. В почти религиозном благоговении.

Колонна света расплывается и складывается в человеческую фигуру. На самом деле фигур тут четыре: обнаженные женщины стоят плечом к плечу и смотрят на четыре стороны света, точно кариатиды. И каждая держит в руках что-то длинное и тонкое — пару трубок.

Треть миллиона хакеров, не отрываясь, смотрят на высящихся над сценой женщин, а те поднимают над головами руки и разворачивают четыре свитка, которые превращаются в плоские телевизионные экраны размером с футбольное поле. Сидящим на ступенях амфитеатра кажется, будто экраны застилают собою небо; кроме них, ничего больше не видно.

Сперва экраны пусты, но наконец на всех четырех разом появляется одно и то же изображение. Это текстовое окно, а в нем написано:

БУДЬ ЭТО ВИРУС, ВЫ БЫЛИ БЫ МЕРТВЫ.

ПО СЧАСТЬЮ, ЭТО НЕ ВИРУС.

МЕТАВСЕЛЕННАЯ — ОПАСНОЕ МЕСТО; КАК У ВАС С БЕЗОПАСНОСТЬЮ?

ЗВОНИТЕ В «ХИРО ПРОТАГОНИСТ СЕКЬЮРИТИ АССОШИЭЙТЕД» И ПОЛУЧИТЕ ПЕРВУЮ ИНСТАЛЛЯЦИЮ БЕСПЛАТНО.

69

— Это именно та высокотехнологичная ерунда, которая во Вьетнаме никогда не срабатывала, сколько бы раз мы ни пытались ее использовать, — говорит Дядюшка Энцо.

— Мы принимаем ваши доводы, но технологии с тех пор проделали большой путь, — говорит Ки, специалист по электронному наблюдению из «Нг Секьюрити Индастриз». Ки разговаривает с Дядюшкой Энцо по радио; его напичканный электронным оборудованием фургон затаился в тени под прикрытием пакгауза ЛАКСа. — Я прослушиваю весь аэропорт, все подходы у меня на трехмерном экране Метавселенной. К примеру, мне известно, что ваши номерные знаки, которые вы обычно носите на шее, отсутствуют. Мне также известно, что в левом кармане у вас один конгдоллар и пять конгпенсов мелочью. Мне известно, что в другом кармане у вас опасная бритва. Кстати, неплохо выглядит.

— Никогда не надо недооценивать важность хорошего бритья, — говорит Дядюшка Энцо.

— Но я не понимаю, зачем при вас скейт.

— Это замена той доски, которой И. В. лишилась в ИОГКО, — отвечает Дядюшка Энцо. — Долгая история.

— Сэр, мы получили сообщение из одного из наших представительств, — говорит юный лейтенант в ветровке мафии, с рацией в руках прибежавший по площадке перед ангаром. На самом деле он не лейтенант, мафия не слишком жалует военные ранги. Но по каким-то причинам Дядюшка Энцо называет его про себя лейтенантом. — Второй вертолет приземлился на стоянке универсама в десяти милях отсюда, встретил там пиццамобиль, взял на борт Райфа, а затем снова поднялся в воздух. Сейчас они на пути сюда.

— Пошлите кого-нибудь забрать брошенный пиццамобиль. И дайте водителю отгул, — приказывает Дядюшка Энцо.

Лейтенант захвачен врасплох тем, что Дядюшка Энцо беспокоится из-за такой мелочи. Словно дон катается взад-вперед по трассам, подбирая мусор или еще что. Но он только почтительно кивает, узнав кое-что важное: к мелочам нужно относиться серьезно. Отвернувшись, он начинает тараторить в микрофон рации. У Дядюшки Энцо сильные сомнения насчет этого парня. Этот малый в спортивной куртке как рыба в воде чувствует себя в мелкой бюрократии франшизы «Новой Сицилии», но ему не хватает гибкости, какая имеется, скажем, у И. В. Классический пример того, что в сегодняшней мафии не так.

Лейтенант здесь по той единственной причине, что ситуация развивается слишком уж быстро, и, конечно, потому, что все лучшие люди погибли на «Каулуне».

Ки снова выходит на связь.

— И. В. только что связалась с матерью и попросила подвезти ее домой, — говорит он. — Хотите услышать их разговор?

— Только в том случае, если он имеет тактическое значение, — энергично бросает Дядюшка Энцо. Еще один пункт в его списке, который можно вычеркнуть. Он беспокоился из-за отношений И. В. с матерью и собирался поговорить об этом с девочкой.

Реактивный самолет Райфа стоит на площадке перед ангаром — только и ждет, чтобы выехать на взлетную полосу. В рубке пилот и второй пилот. Еще час назад они были лояльными служащими Л. Боба Райфа. А потом сидели и смотрели через ветровое стекло, как десяткам сотрудников службы безопасности Райфа, одному за другим, простреливают головы, перерезают горло, или же эти сотрудники просто бросают оружие и, упав на колени, сдаются. Теперь оба пилота принесли пожизненные клятвы верности организации Дядюшки Энцо. Дядюшка Энцо мог бы просто приказать вытащить их и заменить собственными пилотами, но так лучше. Если Райф каким-то образом все же доберется до самолета, он, узнав своих пилотов, решит, будто все в порядке. А тот факт, что пилоты сидят в кабине одни, без какого-либо прямого надзора со стороны мафии, только подчеркивает великое доверие, которым почтил их Дядюшка Энцо, и скрепляет принесенную ими клятву. Если уж на то пошло, это только усилит их чувство долга. И подчеркнет неудовольствие Дядюшки Энцо, если они эту клятву нарушат. Дядюшка Энцо ничуть не сомневается в пилотах.

Его меньше удовлетворяет состояние дел здесь, на месте, поскольку все меры были приняты в спешке. Проблема, как обычно, в непредсказуемой И. В. Он не ожидал, что она выпрыгнет из летящего вертолета и сама освободится из лап Л. Боба Райфа. Иначе говоря, он рассчитывал, что через пару часов возникнет ситуация, когда придется вести разговоры о возвращении заложников, — после того как Райф отвезет И. В. в свою штаб-квартиру в Хьюстоне.

Но ситуации с заложником больше не существует, поэтому Дядюшке Энцо кажется важным остановить Райфа сейчас, прежде чем он вернется домой в Хьюстон. Он велел передислоцировать силы мафии, и уже десятки вертолетов и тактических подразделений спешно меняют свои маршруты, с максимальной скоростью стягиваясь к ЛАКСу. Но в настоящее время при Энцо

только небольшое подразделение его личных телохранителей и присланный Нг специалист по электронному наблюдению.

Аэропорт они закрыли. Сделать это было нетрудно: для начала вывели на все взлетные полосы лимузины, потом поднялись на диспетчерскую вышку и объявили, что через пару минут начинают войну. Теперь в ЛАКСе, наверное, тише, чем было когда-либо со дня постройки аэропорта. Дядюшка Энцо и в самом деле слышит шорох разбивающегося о песок прибоя на побережье в полумиле отсюда. Тут почти приятно. Погода как раз для того, чтобы жарить на гриле венские колбаски.

Дядюшка Энцо сотрудничает с мистером Ли, что означает работу рука об руку с Нг, а последний, хоть и крайне компетентен, питает пристрастие к технологическим штучкам, которым Дядюшка Энцо не доверяет. Десятку примочек Нг и переносных радарных модулей он предпочел бы одного хорошего солдата в начищенных ботинках, вооруженного пистолетом девятого калибра.

Дядюшка Энцо ожидал, что столкновение произойдет на открытом пространстве. Вместо этого оказалось, что плацдарм загромождён объектами. На площадке перед ангаром ждут вылета несколько десятков корпоративных реактивников и вертолетов. Сбоку тянется череда частных ангаров, возле каждого — собственная огороженная забором стоянка с несколькими машинами и фургонами на легковом шасси. И совсем рядом — нагромождение гигантских цистерн, где хранятся запасы топлива аэропорта. А это означает, что тут целый лабиринт заправочных агрегатов, труб и гидравлических приспособлений, стальной порослью вырастающих из асфальта. В тактическом отношении эта зона больше напоминает джунгли, чем пустыню. Площадка перед ангарами и сама взлетная полоса, разумеется, похожи на пустыню, хотя и там пролегают сточные желоба, широкие настолько, что в них можно спрятать целый взвод. Потому лучшей аналогией была бы прибрежная боевая зона во Вьетнаме: открытое пространство, внезапно переходящее в джунгли. Не самое любимое место Дядюшки Энцо.

— Вертолет приближается к периметру аэропорта, — сообщает Ки.

Дядюшка Энцо поворачивается к своему лейтенанту.

— Все на местах?

— Да, сэр.

— Откуда вы знаете?

— Пару минут назад все отметились.

— Это решительно ничего не значит. А как насчет пиццамобиля?

— Ну, я думал, что займусь этим позже, сэр…

— Вам следует уметь делать более одного дела за раз.

Пристыженный и преисполненный благоговения лейтенант отворачивается.

— Ки, — вызывает по радио Дядюшка Энцо, — что-нибудь интересное у нас на периметре?

— Вообще ничего, — отвечает Нг.

— Что-нибудь неинтересное?

— Несколько человек обслуживающего персонала, как обычно.

— Откуда вам известно, что это обслуживающий персонал, а не переодетые солдаты Райфа? Вы проверили их удостоверения личности?

— Солдаты имеют при себе оружие. Или хотя бы ножи. Согласно радару, у этих людей ничего такого нет. Совсем ничего.

— Все еще пытаюсь связаться с нашими, — говорит лейтенант. — Наверное, незначительные радиопомехи.

Дядюшка Энцо обнимает лейтенанта за плечи.

— Позволь мне рассказать тебе одну историю, сынок. Как только я тебя увидел, ты мне показался знакомым. А потом я сообразил, что ты мне напоминаешь человека, которого я знал когда-то: лейтенанта, который одно время недолго командовал моим взводом во Вьетнаме.

— Правда? — Лейтенант вне себя от счастья.

— Да. Он был молод, умен, честолюбив, хорошо образован. И хотел все сделать как лучше. Но у него были некоторые недостатки. А именно упрямая неспособность усвоить основные факторы нашей тамошней ситуации. Психологический блок, если хочешь, который повергал нас, служивших под его началом, в глубочайшее разочарование. Рискованная ситуация, сынок, смертельно опасная, я не боюсь этого слова.

— И как она разрешилась, Дядюшка Энцо?

— Нормально все разрешилось. Видишь ли, однажды я взял на себя смелость выстрелить ему в затылок.

Глаза у лейтенанта, кажется, вот-вот вылезут из орбит, а лицо застывает, словно парализованное. Дядюшке Энцо нисколько его не жалко: если он сейчас подведет, могут погибнуть люди.

Из наушников рации лейтенанта доносится какой-то обрывок радиопереговоров.

— Дядюшка Энцо? — очень тихо и неохотно говорит он.

— Да?

— Вы спрашивали о пиццамобиле.

— Да?

— Его нет на месте.

— Нет на месте?

— По всей видимости, когда они сели, чтобы подобрать Райфа, из вертолета вышел человек, сел в машину и уехал.

— И куда он уехал?

— Мы не знаем, сэр, в том районе у нас был только один оперативник, а он следил за Райфом.

— Снимай наушники, — говорит Дядюшка Энцо. — И отключи рацию. Тебе понадобятся уши.

— Уши?

Пригнувшись, Дядюшка Энцо быстро пересекает стоянку перед ангарами, пока не оказывается между двух небольших реактивных самолетов. Он тихонько ставит скейт на асфальт, потом, развязав шнурки, снимает ботинки. Носки он тоже снимает и запихивает их в ботинки. Из кармана он достает опасную бритву и, открыв ее, разрезает обе штанины по шву от низа до самого паха, потом собирает ткань и обрезает все разом. В противном случае она будет тереться о его волосатые ноги и издавать шорох при ходьбе.

— Господи боже! — слышен из-за пары самолетов голос лейтенанта. — Эла ранили. Господи боже, он мертв!

70

Пиджак Дядюшка Энцо пока не снимает: во-первых, он темный, а во-вторых, подкладка у него атласная, поэтому не слишком шуршит. Потом он забирается на крыло одного из самолетов, так чтобы его ноги не увидел бы враг, присев на корточки. Скорчившись на крыле, Дядюшка Энцо открывает рот, чтобы лучше слышать, и слушает.

Поначалу он слышит только стук неравномерной капели, точно из неплотно прикрученного крана на голый асфальт падает вода. Звук, кажется, исходит от соседнего самолета. Дядюшка Энцо боится, что это из бака реактивника вытекает горючее — первая стадия плана: взорвать на воздух всю секцию аэропорта и разом покончить с оппозицией. Он беззвучно спрыгивает на землю и осторожно огибает пару припаркованных бок о бок самолетов, останавливаясь каждые несколько футов послушать, и наконец видит: один из его солдат пригвожден к алюминиевому фюзеляжу «лира» длинным деревянным шестом. Кровь, вытекая из раны, сбегает по штанине и капает с ботинок, а капли затем ударяются об асфальт.

За спиной у Дядюшки Энцо раздается краткий вскрик, который вдруг превращается в резкий свист, с каким вырываются газы. Такое он уже раньше слышал. Это кому-то острым ножом перерезали горло. Без сомнения, лейтенанту.

Теперь у него есть несколько секунд, в которые он может двигаться свободно. Он даже не знает, кто или что его враги, а ему нужно это знать. Поэтому он бежит на крик, быстро перемещаясь от прикрытия к прикрытию и все время пригибаясь.

И видит шагающие за фюзеляжем ноги. Дядюшка Энцо стоит у самого острия крыла. Опершись обеими руками, он всем весом наваливается на него, а потом резко отпускает.

Сработало: самолетик на подвеске кренится в его сторону. Убийца думает, будто Дядюшка Энцо только что вскочил на крыло, поэтому сам вскарабкивается на противоположное и ждет, стоя спиной к фюзеляжу, готовится напасть на Дядюшку Энцо, когда тот будет перебираться на его сторону.

Но Энцо все еще на земле. Босиком он беззвучно проскальзывает под самолетом и выскакивает на той стороне, занося опасную бритву. Убийца — а это Ворон — в точности там, где и ожидал Энцо.

Но Ворон уже что-то заподозрил. Привстав, он заглядывает поверх фюзеляжа, и таким образом его горло оказывается вне досягаемости. Перед Энцо только его ноги.

Лучше быть консервативным и брать то, что можешь, чем ставить на карту все и все проиграть, поэтому в тот самый момент, когда Ворон опускает взгляд вниз, Дядюшка Энцо наносит удар — перерезает ахиллово сухожилие на левой ноге Ворона.

И когда Энцо отворачивается, чтобы защитить себя, что-то с большой силой ударяет ему в грудь. Опустив взгляд, Дядюшка Энцо пораженно смотрит на прозрачный предмет, засевший в правой части его грудной клетки. Потом поднимает глаза и в трех дюймах от себя видит лицо Ворона.

Дядюшка Энцо отступает на шаг от крыла. Ворон надеялся упасть на него сверху, но вместо этого обваливается на землю. Сделав шаг вперед, Энцо снова заносит бритву, но Ворон, сев на асфальте, уже достает второй нож. Метя во внутреннюю сторону бедра Энцо, он наносит удар и, соответственно, урон. Энцо отступает в сторону от клинка, его собственный удар приходится мимо, и в результате он только наносит короткую, но глубокую резаную рану в плечо Ворону. Ворон отбивает его руку в сторону прежде, чем Энцо может снова дотянуться до его горла.

Дядюшка Энцо ранен, Ворон тоже. Но Ворон не может больше от него убежать. Настало время для новой разведки. Энцо бежит прочь от Ворона, хотя при каждом движении волна ужасной боли прокатывается по всей правой половине его тела. Тут что-то ударяется ему в спину; он чувствует острую боль над почкой, но и то лишь на мгновение. Оглянувшись, он видит, как разбиваются об асфальт осколки окровавленного стекла. Похоже, Ворон бросил ему в спину нож. Но, по-видимому, сил у Ворона не так много, поэтому нож не смог прорезать пуленепробиваемую ткань, только проткнул ее и упал.

Стеклянные ножи. Ничего удивительно, что Ки не смог засечь Ворона на миллиметровой волне.

К тому времени, когда Дядюшка Энцо ныряет в укрытие за еще одним самолетом, он начинает понемногу глохнуть от шума подлетающего вертолета.

В каких-то ста метрах от укрытия приземляется вертолет Райфа. Гром винтов и порыв ветра словно пронзают мозг Дядюшки Энцо. Закрыв глаза от ветра, он совершенно теряет равновесие, понятия не имеет, где он, пока не валится ничком на асфальт. Асфальт под ним скользкий и теплый, и Дядюшка Энцо вдруг понимает, что стремительно теряет кровь.

Глядя на площадку, он видит, как, страшно хромая, Ворон пробирается к вертолету, одна нога у него практически обездвижена. Наконец он перестает на нее опираться и просто прыгает на одной.

Райф уже выбрался из вертолета, о чем-то разговаривает с Вороном, Ворон при этом жестами указывает в сторону Энцо. Потом Райф одобрительно кивает, и Ворон поворачивается, открывая в оскале ярко-белые зубы. Он не столько гримасничает, сколько с предвкушением улыбается. И начинает прыгать в сторону Дядюшки Энцо, доставая из куртки новый стеклянный нож. У гада, наверное, их миллионы.

Ворон идет за его скальпом, а Дядюшка Энцо не может даже встать, не теряя при этом сознания.

Оглянувшись по сторонам, он видит в двадцати футах от себя скейт и пару дорогих ботинок с носками. Встать он не может, но способен ползти по-пластунски, поэтому начинает подтягиваться на локтях, а Ворон тем временем прыгает к нему на одной ноге.

Они встречаются в открытом проходе между двумя реактивными самолетами. Энцо полулежит на доске. Ворон стоит, одной рукой опираясь на крыло самолета, в другой его руке поблескивает стеклянный нож. Весь мир видится Энцо теперь в тусклых черных и белых тонах, точно он вышел в Метавселенную с дешевого терминала. Вот как описывали мужики во Вьетнаме свое состояние, а потом истекали кровью.

— Надеюсь, ты получил отпущение грехов, — говорит Ворон, — потому что звать священника уже нет времени.

— Мне он и не нужен, — отвечает Дядюшка Энцо и нажимает на доске кнопку с надписью «Узконаправленный Проектор Ударной Волны РадиКС».

Ударная волна едва не отрывает ему голову. Если он выживет, Дядюшка Энцо никогда уже не будет хорошо слышать. Но это его немного встряхивает, заставляет очнуться. Подняв голову с доски, он видит перед собой пораженного Ворона: руки его пусты, а с куртки стекают потоки крохотных осколков битого стекла.

Перевернувшись на спину, Дядюшка Энцо грозит ему опасной бритвой.

— Сам-то я предпочитаю сталь, — говорит он. — Хочешь, побрею?

71

Райф все видит и все понимает. Ему бы очень хотелось остаться и посмотреть, чем все закончится, но в настоящее время он очень занят. Надо убираться отсюда до того, как мафия, Нг и мистер Ли и прочие сволочи обрушат на него ракеты с тепловой системой самонаведения. Нет времени и ждать, пока допрыгает назад покалеченный Ворон. Подняв большой палец, он подает знак пилоту и начинает подниматься по трапу личного реактивного самолета.

День в самом разгаре. От гигантских хранилищ горючего в миле отсюда поднимается стена оранжевого пламени, будто раскрывается хризантема в ускоренной съемке. Ее расцвет так зрелищен, что Райф останавливается посреди трапа посмотреть.

Через это пламя движется нечто быстрое и мощное, оставляя за собой линейный след, точно космический луч, пропущенный через камеру Вильсона. В обе стороны от него расходится звуковая волна, ясно видная в пламени — яркий конус, в сто раз больше темной точки на своей вершине. Что-то черное, похожее на пулю и четвероногое несется так быстро, что не уловить взглядом. Оно настолько маленькое и быстрое, что Л. Боб Райф вообще бы его не увидел, если бы оно не неслось прямо на него.

Оно проскакивает под лабиринтом заправочных агрегатов и шлангов, перепрыгивает через одни препятствия, вонзает стальные когти в другие, поджигая их содержимое искрами, которые летят во все стороны всякий раз, когда когти касаются асфальта. Подобрав под себя ноги, оно отталкивается и, перепрыгнув стометровый отрезок, приземляется на крышу выступающей над землей цистерны, использует ее как трамплин для нового прыжка через забор, отделяющий заправочный комплекс от самого аэропорта, а затем мощной ровной рысью бежит, ускоряясь на геометрической плоскости взлетной полосы, а за ним несется длинный язык огня, лениво вылезшего из сердца пожарища и кольцами завивающегося в воздушных потоках в кильватере Крысопса.

Интуиция подсказывает Л. Бобу Райфу, что надо убраться подальше от самолета, в который только что залили топливо. Повернувшись, он неуклюже то ли прыгает, то ли падает с трапа, ведь он смотрит на Крысопса, а не себе под ноги.

А Крысопес, который кажется маленьким темным созданием, стелется по земле и видим лишь благодаря тени на фоне пламени и цепи белых искр в тех местах, где его когти царапают асфальт, совершает крохотную поправку к курсу.

Он направляется не к самолету, он направляется к Райфу. Передумав, Райф бежит вверх по трапу, перескакивая по три ступеньки за раз. Под его весом трап прогибается и распрямляется, напоминая магнату о хрупкости самолетика.

Пилот тоже заметил Крысопса и, не дожидаясь, пока втянется трап, отпускает тормоза и выводит самолетик на взлетную полосу, поворачивая его нос прочь от темного существа. Он так спешит, щелкая тумблерами, что, резко выходя на новый курс, самолетик едва не переворачивается. Пилот хочет взлетать, только-только завидев направляющую на взлетной полосе. Теперь пилотам видно все, что впереди них и сбоку. Но что за ними гонится, они не видят.

И. В. — единственная, кто видит все. Благодаря пропуску курьера она без труда миновала секьюрити аэропорта и выехала на площадку перед ангарами возле грузового терминала. Оттуда ей открывается великолепный обзор полумили взлетной полосы и прекрасно видно все происходящее: самолетик отрывается от земли, дверь задвигается уже в полете, из сопл вырывается голубое пламя, самолет явно пытается набрать скорость для подъема, — а Фидо несется за ним, точно пес за толстым почтальоном, совершает последний невероятный прыжок в воздух и, превратившись в ракету «сайдуиндер», носом таранит левую турбину.

Самолетик взрывается в десяти футах над землей, и яркое стерилизующее пламя пожирает и Фидо, и Л. Боба Райфа, и его вирус.

Ух ты!!!

Она остается еще ненадолго, чтобы посмотреть на последствия: прилетают вертолеты мафии, из которых выпрыгивают доктора с чемоданчиками, капельницами, носилками и прочим, между корпоративными самолетами снуют солдаты мафии, очевидно, кого-то разыскивают. С визгом тормозов с парковки срывается пиццамобиль, и в погоню за ним устремляется лимузин.

Но через некоторое время ей становится скучно, поэтому, отталкиваясь от земли, она своим ходом катит к главному выходу, впрочем, ненадолго ей удается запунить заправщик.

Мама ждет ее в дурацкой маленькой консервной банке под названием миниван. Та стоит под вывеской «Юнайтед багаж», как они и договорились по телефону. Открыв дверь, И. В. забрасывает доску на заднее сиденье, а сама садится вперед.

— Домой? — спрашивает мама.

— Ага. Поехали, пожалуй, домой.

notes

Примечания

1

Protagonist — 1) протагонист, главный герой, главное действующее лицо; 2) актер, играющий главную роль; 3) борец; поборник; защитник; сторонник, приверженец (идеи). *(Новый большой англо-русский словарь)*